

2 | 2008

DIEDUT

Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках

Модель социальной структуры

Sámi allaskuvla
Sámi University College

norden

Čujuhus/Адрес/Adresse: Bredbuktnesv. 50 A, NO- 9520 Guovdageaidnu

Telefuvdna/Телефон/Telefon: +47 78 44 84 00

E-poasta/ Электронная почта /e-post: postmottak@samiskhs.no

Ruovttusiidu/ Домашняя страница /Hjemmeside: www.samiskhs.no

DIEÐUT lea mánggadiedalaš čálaráidu mas dutkanbohtosat leat almmuhuvvon 1974 rájes. Diedut-ráiddus leat monografijat ja artihkalčoakkáldagat servodatdutkanis, gielladutkanis ja láhkadiehtagis. Almmuheamit leat sáme-, dáro, ruoŋa, suoma-, engelas- ja ruoššagillii. Diedut-čálaráidu ásahuvvui Sámi Instituhta dutkanbohtosiid almmuheami várás. Sámi Instituhta laktojuvvui Sámi allaskuvlii 2005:s. Sámi allaskuvla vuodduuvvui 1989:s, ja dat lea oahpahus- ja dutkanásahus man ulbmil lea seailuhit ja ovddidit sámi giela, kultuvrra ja servodateallima buot-sámi perspektiivvas. Sámi dutkaninstituhta joatká ovddeš Sámi Instituhta doaimmaid.

DIEÐUT является научной серией, в которой результаты научных исследований публикуются с 1974 года. В серии публикуются как сборники статей, так и монографии по разным отраслям обществоведения, языкознания и юриспруденции. Серия включает публикации на саамском, норвежском, шведском, финском, английском и русском языках. Серия была изначально создана для публикаций исследований Саамского Института (Кауток-ейно). В 2005 г. Саамский Институт был объединен с Высшей Саамской Школой, которая была основана в 1989 г. Ее задачей является укрепление и развитие саамского языка, культуры и общества посредством высшего образования и науки, во всесаамской перспективе. Саамский научно-исследовательский институт является преемником бывшего Саамского Института.

DIEÐUT is a multi-disciplinary research series, in which research findings have been published since 1974. The series publishes collections of articles and monographs in the social sciences, linguistics and law. Diedut publishes in Sámi, Norwegian, Swedish, Finnish, English and Russian languages. Diedut research series was established in order to publish research findings of the Nordic Sámi Institute (NSI). NSI was affiliated with Sámi allaskuvla in 2005. Sámi allaskuvla (Sámi University College, SA) was established in 1989. SA is an institution of high education and research. SA's purpose is to strengthen and develop the Sámi language, society and culture. Sámi dutkaninstituhta (Sámi Research Institute) is a successor of the Nordic Sámi Institute.

Diedut 2/2008

Čállli/Автор/Author: M. Г. Кучинский.

Namma/Название/Title: Саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв. Модель социальной структуры.

Bordin/Макет/Layout: Sámi allaskuvla / Саамская Высшая Школа.

Olggoža hábmen / Дизайн обложки / Omslagsdesign: natdesign

Deaddileapmi/Печать/Print: Bjørkmanns, Alta.

ISBN: 978-82-7367-017-5

ISSN 0332-7779

© Sámi allaskuvla / Саамская Высшая Школа

Diedūt 2/2008

**Саами Кольского уезда
в XVI–XVIII вв.**

Модель социальной структуры

М. Г. Кучинский

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*жителям и исследователям Кольского
Севера, чьи судьбы были перемолоты
государственной политикой*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	11
Историография	12
Цели и задачи	20
Методологическая основа исследования	23
Терминологический аппарат	26
Благодарности	27
ГЛАВА 1 ИСТОЧНИКИ	29
Состояние источников	29
Типология источников	34
Характеристика источников	35
Блоки информации	35
Естественные массивы информации	39
Картографические материалы	61
ГЛАВА 2 МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРЫ	65
Методы	65
Методы моделирования	65
Методы работы с информацией источников	69
Процедуры	74
Идентификация людей	75
Идентификация топонимов	82
Идентификация объединений	88
ГЛАВА 3 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА	91
1 ВВЕДЕНИЕ	91
2 СИЙИТ	93
Введение	93
Модель	99
«Кончанская лопь»	100
«Терская лопь»	113
«Лешая лопь»	129
Общая характеристика	134
Выводы	137
3 ПАТРИЛИНИЯ	138
Введение	138
Модель	138
Принцип выделения	138

Общая статистика	141
Миграции	142
Социальное значение	145
Выводы	146
4 СЕМЕЙНАЯ ЕДИНИЦА	146
Введение	146
Модель	147
Общая характеристика	147
Внутренняя структура	163
Интерпретация результатов анализа	173
Выводы	175
5 ВЕЖА	175
Введение	175
Модель	176
Статистическая характеристика	176
Динамика состава веж	178
Интерпретация результатов анализа	182
Выводы	183
6 ИТОГИ	183
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 188
 ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ	 197
Текстовые документы	197
Опубликованные материалы	197
Архивные материалы	199
Картографические материалы	229
Современная картография	229
Историческая картография	229
 ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	 231
 ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	 257
 SUMMARY	 259
 ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение I	Устойчивые патронимы саами Кольского уезда, упоминаемые в документах XVII–XVIII вв.
Приложение II	Картография
Карта 1.	Нотозерский сиййт

- Карта 2. Кольский уезд во второй половине XVI в.
 Карта 3. Административная система на Кольском полуострове в XVI – н. XVII вв.
 Карта 4. Динамика численности саами за период 1678–1709 гг.
 Карта 5. Динамика численности саами за период 1709–1744 гг.
 Карта 6. Динамика численности саами за период 1744–1763 гг.
 Карта 7. Динамика численности населения сийитов по переписям 1678–1763 гг.
 Карта 8. Тенденции к размерам семейных единиц в сийитах по переписям 1607–1719 гг.
 Карта 9. Стабильность состава веж в сийитах по переписям 1678–1719 гг.

Приложение III Внутренняя динамика сийитов

- Схема I Нявдемский сийит
 Схема II Пазрецкий сийит
 Схема III Печенгский сийит
 Схема IV Мотовский сийит
 Схема V Соньяльский сийит
 Схема VI Нотозерский сийит
 Схема VII Масельгский сийит
 Схема VIII Йокостровский сийит
 Схема IX Бабенский сийит
 Схема X Муномащский / Кильдинский сийит
 Схема XI Вороненский сийит
 Схема XII Ловозерский сийит
 Схема XIII Семиостровский сийит
 Схема XIV Йоканьгский сийит
 Схема XV Пурнацкий сийит
 Схема XVI Лундалский сийит
 Схема XVII Тулванский сийит
 Схема XVIII Каменский сийит
 Схема XIX Сийит Тикшеозеро
 Схема XX Пяозерский сийит
 Схема XXI Орезерский сийит
 Стабильность состава веж

Приложение IV Генеалогии

- Кобелевы
 Башмаковы
 Сорвановы

Таблицы

Таблица 1а.	Фрагмент ревизской сказки Ревизии 1744 г.	42
Таблица 1б.	Фрагмент ревизской сказки Ревизии 1763 г.	43
Таблица 2.	Численность мужчин в сийтах по переписям	98
Таблица 3.	Количество патрилиний в сийтах	142
Таблица 4.	Количество семейных единиц в сийтах	148
Таблица 6.	Среднее число взрослых мужчин в домохозяйствах	157
Таблица 7.	Долевое распределение всех взрослых мужчин, по семейным единицам различного размера	158
Таблица 8.	Доля мужчин, состоявших в семейных единицах разных размеров и среднее число мужчин числившихся в СЕ	160
Таблица 9.	Размеры семейных единиц по Переписи 1710 г.	161
Таблица 10.	Количество женатых и вдовых мужчин в семейной единице по переписям 1709 и 1710 гг.	165
Таблица 11.	Семейный состав домохозяйств, зафиксированных в переписях 1709 и 1710 гг.	167
Таблица 12.	Количество веж в сийтах	177
Таблица 13.	Среднее количество семейных единиц и взрослых мужчин в вежах в 1574–1719 гг.	180
Таблица 14.	Число веж, состоящих из членов одной патрилинии.	181

Диаграммы

Диаграмма 1.	Общая динамика численности всех мужчин, зафиксированных в сийтах Кольского уезда	99
Диаграмма 2.	Динамика численности мужчин Нявдемского сийта	101
Диаграмма 3.	Динамика численности мужчин Пазрецкого сийта	102
Диаграмма 4.	Динамика численности мужчин Печенгского сийта	103
Диаграмма 5.	Динамика численности мужчин Мотовского сийта	105
Диаграмма 6.	Динамика численности мужчин Муномашского/Кильдинского сийта	107
Диаграмма 7.	Динамика численности мужчин Масельгского сийта	108

Диаграмма 8. Динамика численности мужчин Соньяльского сиййта	109
Диаграмма 9. Динамика численности мужчин Нотозерского сиййта	111
Диаграмма 10. Динамика численности мужчин Бабенского сиййта	112
Диаграмма 11. Динамика численности мужчин Йокостровского сиййта	113
Диаграмма 12. Динамика численности мужчин Ловозерского сиййта	115
Диаграмма 13. Динамика численности мужчин Вороненского сиййта	118
Диаграмма 14. Динамика численности мужчин Норецкого/Семиостровского сиййта	121
Диаграмма 15. Динамика численности мужчин Йоканьгского сиййта	123
Диаграмма 16. Динамика численности мужчин Пурнацкого сиййта	125
Диаграмма 17. Динамика численности мужчин Каменского сиййта	126
Диаграмма 18. Динамика численности мужчин Лундалского сиййта	127
Диаграмма 19. Динамика численности мужчин Тулванского сиййта	128
Диаграмма 20. Динамика численности мужчин Пяозерского сиййта	131
Диаграмма 21. Динамика численности мужчин Орезерского сиййта	132
Диаграмма 22. Динамика численности мужчин сиййта Тикшеозеро	133

ВВЕДЕНИЕ

Последние три десятилетия ознаменовались подъемом движения саами на севере Фенноскандии и Кольском полуострове. Это движение нацелено на возрождение коренного народа Севера Европы и защиту его прав. Неотъемлемой частью этих прав является использование своего языка, традиционных знаний, сохранение специфических форм социальной организации. Если во многих других регионах России национальные движения могут использовать (и реально используют) результаты накопленных научных знаний, то в случае с саами, особенно Российского Севера, такие возможности существенно ограничены. Причиной ограничений является, в числе прочего, недостаток соответствующей информации, и, как следствие, невозможность обращения к историческому опыту. Такая ситуация определяется как слабой проработанностью источников, так и незначительным числом этнографических работ, посвященных этой теме. Сходные проблемы стоят и перед самим научным сообществом. Как была устроена социальная жизнь предков сегодняшних саами, являющихся гражданами России, Финляндии, Норвегии, в XVI–XVIII столетиях? На какие вызовы государства/государств и как именно приходилось отвечать обществу саами в то время? Как этнолог / социальный антрополог должен работать с историческими источниками, если он собирается реконструировать социальную структуру народов Севера в столь отдаленный от нас исторический период? Проведенное нами исследование является актуальным как с научной с точки зрения, так и с точки зрения возможного практического применения его результатов в реалиях постсоветского времени.

Период XVI–XVIII вв. был важным этапом в истории саами. Все авторы, занимающиеся историей данного народа, связывают именно это время с резким увеличением числа пришельцев из более южных регионов. Рыболовецкие и охотничьи угодья саами стали переходить во владение к пришлому населению, которое начало основывать новые сезонные и постоянные поселения – деревни, рыбацкие стойбища, солеварни, торговые и религиозные центры. В XVI в. Дания и Россия основали на Баренцевом море административные центры – Вардё и Колу. В этот период произошла и христианизация саами, осуществлявшаяся представителями разных христианских конфессий. Большинство авторов, занимающихся историей саами, именно к этому периоду относят развитие стадного

оленоводства, сменившего предшествовавшее ему транспортное оленеводство.

Как показывает анализ источников, указанные изменения привели к тому, что саами оказались вовлеченными в новую систему отношений. Для саами Кольского уезда эта система означала следующее:

1. постоянную включенность в рыночные отношения;
2. усиливающийся административный и фискальный контроль;
3. возрастающее влияние церкви.

Такие вызовы потребовали от саами адаптации к новым условиям, в том числе путем изменения экономических стратегий. Все это не могло не сказаться на трансформациях социальных институтов кольских аборигенов в XVI–XVIII вв. Этот период стал переломным этапом для общества саами. В результате именно в это время в основном сложились те черты жизненного уклада, которые исследовались этнографами в конце XIX – начале XX вв. как традиционные. Этот фактор послужил определению хронологических рамок исследования.

Исследование социальной структуры и социальных процессов у саами Кольского уезда в указанное время может не только пролить свет на ход исторических событий, но и позволит ответить на некоторые теоретические вопросы.

Историография

Первыми публикациями, содержащими сведения по истории саами в России, явились работы, посвященные монастырской колонизации Севера (например: Амвросий 1816; Шестаков 1863).

Реконструкция истории саами была предпринята в монографии Н.Н. Харузина (Харузин 1890). Введенные им в научный оборот документы позволили автору реконструировать демографические процессы в *сиййтах* в XVI–XIX вв. (подробно о терминологии будет сказано ниже в особом разделе введения). Н.Н. Харузин первым начал описывать и исследовать характер семьи саами Кольского полуострова, а также владений и взаимоотношений между сиййтами. Демографическая ситуация описывалась им без предварительного критического анализа источников и без учета социальных процессов. Она осуществлялась лишь методом сопоставления численности мужского населения погостов XIX и XVII вв., имевших одинаковые

названия. (Харузин 1890: 98–134) При этом он опирался на полевые исследования и статистические данные второй половины XIX в., а также на сочинения иностранных путешественников о северной Скандинавии конца XVII–XIX вв. Собственные же наблюдения русского этнографа в основном касаются саами западной части Кольского уезда, где проходила его экспедиция. Хотя опубликованная им большая часть писцовой книги Алая Михалкова до сих пор является одним из важнейших введенных в научный оборот источников по саами начала XVII в., сам Н.Н. Харузин этот документ почти не анализировал. Исключением является лишь привлечение демографических данных, содержащихся в писцовой книге.

В 1920-е гг. было организовано несколько этнографических и археографических экспедиций на Кольский полуостров. На основе фольклорных и архивных материалов этнографы изучали исторические связи и происхождение различных сийитов (например, Золотарев 1927, 1928).¹ Археографы Н.И. Ульянов и А.И. Андреев собрали архивные материалы в Мурманской области, часть которых была опубликована. (Сборник 1930). По итогам работы экспедиций был издан Географический словарь Кольского полуострова, в котором содержатся данные по топонимии саами, рассматривается этимология топонимов, а также дана реконструкция истории отдельных групп саами. (Географический 1939, 1941). Однако во второй половине 1930-х годов изучение саами в СССР прервалось, большинство исследователей были репрессированы. Многие из авторов словаря так и не увидели своего труда.

Изучение истории исследуемого нами региона чаще всего сводилось к изучению истории международных отношений или колонизации. В 1950–60-е годы возобновилось изучение "народной колонизации" Севера с характерной для этого времени тенденцией описания колонизационных процессов, как "освоения" и "укрепления рубежей", где аборигенное население упоминается, как союзник в борьбе со всякого рода "иноземными захватчиками" (Пятовский 1958; Шаскольский 1945, 1952 и др.). Эта традиция в советской историографии восходит к дореволюционному времени и особенно отчетливо прослеживается в некоторых работах начала 20-х гг. (см., например: Платонов 1923).

К этой же традиции, в частности, относятся труды И.Ф. Ушакова, которым было написано большое количество краеведческих

¹ Примечательны также пометки на полях издания (Тиандер 1906) из библиотеки В.В. Чарнолуского, хранящегося в Государственной Публичной исторической библиотеке России.

работ по Мурманской области и учебников для местных школ. В его научно-популярных изданиях ряд архивных материалов впервые вводятся в научный оборот, но, к сожалению, в них часто отсутствуют ссылки на источники (например: Ушаков, Дашинский 1982, 1988). И.Ф. Ушаков предложил собственную гипотетическую модель социальных трансформаций, происходивших в жизни саами. Модель была построена в соответствии с марксистской теорией, распространенной в то время. Автор писал, что саами эксплуатировались государством и монастырями, но, несмотря на это, контакты с русскими «принесли с собой сравнительно высокую материальную и духовную культуру... Соседство и постоянное общение с русским населением оказывали прогрессивное влияние на развитие саамского общества. У саамов исчезают из употребления костяные и каменные орудия труда».² И.Ф. Ушаков подчеркивает, что благодаря замене старых орудий труда новыми, прогрессивными, хозяйство стало более продуктивным. Это привело к появлению излишков. Контакты с русским населением и появление возможности накопления богатства приводят к «разложению родового строя». Рассматривая социальную структуру саами, И.Ф. Ушаков говорит о «родовом строе» и «племенных группах». Эта модель социальных трансформаций заимствована автором из доминировавшей в то время марксистской схемы исторического развития, и фактически не основана ни на письменных источниках, ни на археологических материалах. Автор без какой-либо критики использует в качестве иллюстраций своей модели упоминания отдельных событий или черт жизни саами. Часто это использование строится И.Ф. Ушаковым на предвзятой интерпретации сведений, приводимых в различных источниках, часто касающихся других регионов.³

Изучение кольских саами было возобновлено в 1960–70-х годах Т.В. Лукьянченко. В ходе полевых исследований она детально изучила традиционную материальную культуру кольских саами. Ею же было уточнено географическое расположение всех зимних поселений саами XVI–XVII вв. В статье Т.В. Лукьянченко, специально посвященной истории саами, говорится о том, что «материалы, которыми мы располагаем, не позволяют с достаточной полнотой дать этнографическую характеристику <...> саами периода XV–XVII вв. Основываясь на сообщениях авторов XVII–XVIII вв., на старинных графических материалах, а также, исходя из анализа

² Здесь и далее цитаты из: Ушаков 1997: 41–45, 103–122.

³ Сегодня традиция рассмотрения саами лишь как одной из специфических черт региональной истории продолжается. См: Федоров 2004.

традиционной культуры саами конца XIX – начала XX в., мы можем лишь в самых общих чертах охарактеризовать эти группы» (Лукьянченко 1990: 210) Автор исследовала демографические процессы у саами и ввела в научный оборот архивные материалы, касающиеся различных семей саами (Лукьянченко 1994). Исследовательница опубликовала также ряд статей, обобщающих результаты дискуссий по вопросам, связанным с историей саами (Лукьянченко 1971, 1979, 1980, 1990а).

В этнографической литературе в начале 1960-х гг. появилось несколько публикаций Г.И. Анохина о социальных трансформациях, происходящих в обществе саами (Анохин 1962, 1962а, 1963, 1967). Они относятся к числу тех немногих работ, которые проливают свет на структуру семьи у исследуемых нами групп саами.

Во второй половине 1980-х гг. М.С. Куропятник исследовала социальную структуру кольских саами конца XIX – начала XX вв. В диссертационной работе и в ряде статей автора были приведены данные об ареалах погостов, показана специфика их владений, форм семьи и межобщинных отношений. Это было сделано с учетом языкового, матримониального и религиозного факторов, а также демографических процессов (Куропятник 1989, 1994, 1995, 1997, Polla, Kuropatnik 2004). Работы М.С. Куропятник касаются многих интересующих нас проблем, затрагивают реалии второй половины XIX – начала XX вв. Материалы автора были использованы в данном исследовании для интерпретации полученных нами результатов.

Исследование социальной истории саами Кольского уезда в столь удаленное от нас время было продолжено автором данного исследования. Мной были проанализированы формы собственности и формы семьи у кольских саами, предпринята попытка реконструкции истории происхождения одной из их групп, затронуты некоторые вопросы, связанные с христианизацией саами, введены в научный оборот отдельные архивные документы. (Кучинский 1998, 1998а, 1999, 1999а).

В это же время появились публикации Е.С. Порсангер (Е.С. Сергеевой). Ее исследования связаны с историей кольских (восточных) саами, их традиционными верованиями, спецификой диалектов. Важным для нашего исследования материалом являются созданные ею перечни топонимов и названий сиййтов, приведенные на нескольких языках и на нескольких диалектах саами с параллельным использованием латинской и кириллической транскрипций (Sergejeva 2000; Porsanger 2007).

Прошлое саами Кольского полуострова сравнительно слабо изучено археологами. Большинство археологических исследований в

регионе касаются эпохи мезолита и раннего металла. Интерпретация части археологических материалов Кольского полуострова как ранних этапов истории саами была предложена Н.Н. Гуриной (Гурина 1982, 1997). Эту же тему развил В.Я. Шумкин (Шумкин 1984, 1986, 1990, 1991, 2006). Эпоха же позднего средневековья, по признанию самих археологов, остается самым слабо изученным периодом в истории региона. Памятники рассматриваемого нами времени на Кольском полуострове начинают исследоваться только сейчас. Знакомство с их результатами нам еще предстоит.

Весьма интересными, как в отношении использованного материала, так и по научным подходам, являются публикации зарубежных исследователей. Концепция К. Карпелана рассматривает историю формирования общности саами и последующее расщепление этой общности на три диалектные группы (Карпелан 1979, 1982). М. Линкола описывает формирование этноэкологических групп саами, связывая этот процесс с развитием оленеводства, которое он относит к XVI–XVII вв. (Линкола 1982). С его точки зрения, саами Кольского полуострова вместе с группами саами, проживавшими на территории современных Финляндии и Карелии, составляли единую этноэкологическую группу. С нашей точки зрения, ландшафтное разнообразие Кольского полуострова предполагает разнообразие хозяйственной специализации его аборигенов. Так, при первом же взгляде становится очевидно, что жители морского побережья, жители тундр, жители берегов богатых ценной рыбой рек, жители побережья больших озер лесо-тундровой зоны и жители лесов имеют различную хозяйственную специализацию и являют собой различные этноэкологические группы. А это, в свою очередь, должно повлиять и на специфику их социальной организации, следовательно, и на формы адаптации к новым условиям.

Согласно гипотезе, предложенной О. Ворреном, трансформация социальной структуры саами произошла под влиянием развития стадного оленеводства. Согласно этому автору большие стада оленей потребовали больших пастбищ.⁴ Поскольку территория общины не позволяла этого, общество саами начало раскалываться изнутри. Кроме того, по его мнению, прежняя общинная солидарность была подорвана христианизацией, переходом к экономике, базирующейся на денежных отношениях, а также проникновением государственных правовых органов в традиционную систему управления.

⁴ Цит. по: Odner 1992: 7, 85–87.

О. Воррен преувеличивает влияние церковных деятелей на саами. Это видно из отчета кольского священника, посетившего саами Кольского уезда зимой 1681–1682. В отчете фиксируется фактическое отсутствие значительного влияния церкви на жизнь и религию уже «крещеных» саами.⁵ На включение в денежную экономику повлияла не христианизация, а колонизация, осуществлявшаяся рыбаками, охотниками на морского зверя и торговцами, даже если они действовали от имени монастырей.

Модель влияния оленеводства на трансформацию социальной структуры, предложенная О. Ворреном, к сожалению, пока не возможно проверить, поскольку нет точной информации о том, когда и как развивалось стадное оленеводство у кольских саами. Можно лишь говорить о том, что процесс перехода саами к денежной экономике и вхождения в рынок не просто произошел ранее развития стадного оленеводства, но и стимулировал последнее. Прямое проникновение государственных органов в традиционную систему управления у кольских саами произошло лишь с созданием советских органов власти.

Французский исследователь К. Мариот в своей работе подробно показал изменения, произошедшие в общине саами (Mariot 1980). Его книга, специально посвященная обществу саами, претендует на реконструкцию трансформаций этого общества, начиная с XV века вплоть до современности. Однако его модели, построенные на материалах, охватывающих лишь последние два столетия. Более ранняя история саами, на которую он переносит свои полевые материалы, представлена историей международных отношений и христианизации в этом регионе. Материалы по саами Кольского полуострова фактически отсутствуют в этой работе. Еще одна модель, объясняющая изменения в сийите, была предложена Б. Ульсеном (Olsen 1984, 1987, 1988). Этот автор полагает, что основной причиной расслоения общин саами было противоречие между индивидуальным престижем накопления и эгалитаризмом, характерным для традиционных обществ. Основываясь на археологическом материале, он сравнил развитие двух общин саами-скольтов Варангер-фиорда в XVI в., находившихся на границе влияния России и Дании. Норвежский археолог ставит их различия в прямую связь с влиянием разных церквей – православной и лютеранской. Б. Ульсен полагает, что, благодаря влиянию православной церкви, у саами сохранялась большая власть старейшин. В частности, с этим связано то, что в

⁵ Подробнее об этом см: Кучинский 1998.

отличие от православной церкви, лютеранская запретила саами пользоваться их старыми местами захоронений и заставляла хоронить только на новых христианских кладбищах. Старейшины являлись носителями традиционного знания, идущего от предков и, таким образом, – связующим мостом между живыми и мертвыми. Поскольку православные саами продолжали сохранять свои традиционные места захоронений, у них не утрачивалась власть старшего поколения. Кроме того, по мнению Б. Ульсена, в православной церкви идейно содержится поддержка этой власти. С его точки зрения, это подтверждается тем, что у Пазрецких саами в 1920-х гг. совет старейшин назывался словом *sobbar*, происходящим от «церковного», по мнению автора, термина «собор».

Интерпретация археологического материала посредством экстраполяции идеологических установок другой эпохи представляется нам не вполне удачной. Модель Б. Ульсена претендует на универсальную применимость ко всем саами и на объяснение двух принципиально отличных схем трансформации общества саами. Опустим не вполне корректные представления о православии и рассмотрим его концепцию применительно к конкретному материалу. Во-первых, эта гипотеза не объясняет отличия в изменениях у разных общностей саами Кольского уезда. Так, в XVI–XVII вв. в одних сиййтах происходила приватизация коллективных угодий, в то же время члены других сиййтов сопротивлялись этому процессу. Во-вторых, действительно, можно говорить о том, что исследованные Б. Ульсеном Нявдемский и Пазрецкий сиййты испытывали на себе влияние Печенгского монастыря. Однако политика этого монастыря в то время состояла в приобретении угодий в свое распоряжение, а значит в поощрении их предварительной приватизации. В-третьих, любой орган власти (к примеру, совет старейшин) должен быть так или иначе санкционирован коллективом. В модели, предложенной Б. Ульсеном, в качестве таких коллективов рассматриваются податные единицы. На протяжении нашего исследования будет показано, что значимость этих объединений серьезно возросла в течение рассматриваемого времени. На наш взгляд, такой институт как совет старейшин сиййта не трансформировался под влиянием разных церквей, а сложился у саами Кольского уезда позже. Его появление было связано не с ролью церкви, а с влиянием государственной политики, повысившей значимость сиййтов-«погостов».

Книга археолога К. Однера о саами Варангер-фьорда весьма близка к рассматриваемой нами теме (Odner 1992). В своей реконструкции социальных отношений, в том числе семьи саами, К. Однер опирался на археологические источники и полевые материалы

XIX–XX вв. Исследователь пришел к выводу о том, что в хозяйстве общины Варангер-фиорда оленеводство стало играть серьезную роль не раньше второй половины XVII в. Переход к стадному оленеводству предполагает социальные трансформации. Мы постараемся проверить гипотезу этого исследователя с помощью косвенных данных, демонстрирующих специфику социальных структур саами в рассматриваемое время.

А.Р. Ниельссен исследовал завещания приморских саами Норвежской области Финмарк конца XVII – начала XVIII вв. (Nielssen 1986) Эти документы проливают свет на различные виды деятельности, поскольку их авторы перечисляют и оценивают различные предметы собственности: охотничий инвентарь, рыбацкое оборудование, ремесленное оборудование, а также домашний скот. Автор проанализировал различия в хозяйственной деятельности разных сообществ саами. Это позволяет взглянуть на социально-экономические процессы у разных групп саами, бывших до начала XVII в. подданными разных государств, в том числе и России. К вопросу об использовании завещаний как источников мы вернемся позже.

Другой историк – Л.И. Хансен занимается исследованиями общества саами в том числе и рассматриваемого нами периода. Эта проблематика затрагивается в ряде его работ (Hansen 1985, 1986, 1990, 1990a, 2005, 2006, 2007). Внимание автора посвящено анализу взаимодействия саами и колониальных институтов, а также влиянию последних. Он подробно рассматривает различные теоретические модели этого взаимодействия и трансформации общества саами, сложившиеся в литературе (Hansen 1996). На основе анализа различных датско-норвежских, шведских и русских письменных источников Л.И. Хансен моделирует особенности социальной структуры и экономической специализации различных групп саами. Важным аспектом исследований историка для нас является критический анализ терминологии самих источников. Этот подход ориентирован на рассмотрение взглядов авторов источников отдельно от реконструируемой реальности саами. Эти подходы и проблематика работ Л.И. Хансена близки нам. Мы еще вернемся к некоторым его положениям в соответствующих местах нашей работы.

М. Полла изучает структуру семьи в дореволюционной России. Основным интерес автора связан с карелами современной северной Карелии: с историей иммиграции и социальной структурой (Polla 1997, 2001, 2003, 2004). Часть из них являются потомками ассимилированных саами. Автор проанализировал начальные этапы процесса расселения карелов среди саами в течение XVII–XVIII в. и

последовавшего позже смешения населения саами и карелов. Большая часть этого исследования касается более позднего периода – XIX в. Еще одна работа М. Полла была написана совместно с М.С. Куропятник. (Polla, Kuropatnik 2004). В ней исследуется структура семьи и домохозяйства двух сообществ кольских саами – Йокостровского и Бабенского сийтов в XIX в. Данные исследования являют собой микроструктурный анализ. Основной единицей исследования в них является домохозяйство. Методика количественного исследования, основанного на микроструктурном анализе близка нашей методике.⁶ Ниже мы вернемся к этим работам.

Как видно из данного обзора, специальные исследования общества саами Кольского уезда охватывают лишь период конца XIX – начала XX вв. Реконструкция социальных институтов и социальных процессов обычно осуществлялась методом теоретического моделирования, основанного на экстраполяции материалов более позднего периода или касающихся иных регионов. Иногда это делалось путем синтеза полевых этнографических материалов и результатов археологических раскопок. Использование письменных и картографических источников XVI–XVIII вв. ограничивалось исследованием демографических процессов или условной, гипотетической локализацией отдельных поселений и ареалов саами. Событийная информация источников, посвященных интересуемому нас сообществу, изучалась в основном лишь как часть русской истории и фактически не сопровождалась обобщенными выводами и анализом. К числу главных недостатков литературы, посвященной этой проблематике, следует отнести и чрезвычайно слабую изученность русских письменных источников, а также отсутствие методики их обработки. Отсутствие исследований по социальной истории саами Кольского уезда рассматриваемого времени породило схематическое распространение гипотетических построений на весь исследуемый регион без учета локальной исторической специфики.

Цели и задачи

Целью нашего исследования является реконструкция социальной структуры саами Кольского уезда XVI–XVIII вв. Само исследование является эмпирическим. Методом исследования, который мы здесь

⁶ Наблюдение об этой схожести нам было любезно высказано М.С.Куропятник.

применяем, является моделирование. Строго говоря, любая историческая реконструкция является созданием модели действительности. Таким образом, заявленную цель можно конкретизировать как построение модели. При построении модели был использован системный подход. Это отразилось на принципиальных чертах модели.

Общество всегда претерпевает трансформацию, но исследуемое общество в рассматриваемый момент вынуждено было адаптироваться к новым условиям. Поэтому наша модель является динамической.

С самого начала работы модель будет выполнять следующие функции: концептуализация, построение и описание исследования; организация исследуемого материала и управление им; формулирование результатов исследования.

Очертим круг тех реальностей, которые задаются поставленной целью.

1. Саами Кольского уезда XVI–XVIII вв. Эта реальность непостижима для нас, но она составляет предмет нашего исследования. Она подобна угасшим звездам, которые нам известны по все еще доходящему от них свету.
2. Видение предыдущей реальности людьми, которые ее описывают, представляет собой структурирование этой реальности. В силу небезызвестных физических обстоятельств мы можем стать лишь "заочными наблюдателями". Однако наши амбиции состоят в выяснении этого видения и способности его понять и оценить, т.е. фактически в пополнении рядов таких экспертов.
3. Отражение второй реальности, ее артикуляция и фиксация. Это та самая информация, которую мы видим в источнике, это и есть наш основной эмпирический материал. Свои слитки мы будем отливать, добывая и перерабатывая именно эту руду.
4. Способ оформления, хранения и презентации предыдущей реальности. Это и есть исторические источники, – объект нашего исследования. Если предыдущая реальность абстрактна и отстранена от нас, то эта реальность – уже часть нашей жизни и вовлечена в наши практики. Это – мостик между нами и интересующим нас временем.
5. Уже существующие теории, модели и легенды, описывающие элементы всех предыдущих реальностей

реальности. Это историография как рассматриваемой темы, так и всех смежных тем. Она может представлять для нас и помощь, и помеху.

6. Реальности, производимые нашим исследованием. Собственно, этим реальностям и посвящена данная книга, которая сама является одной из них.⁷

В процессе построения модели мы будем решать следующие задачи:

1. Выявление и исследование источников по интересующей нас теме. Для решения этой задачи необходимо: исследовать состояние источниковой базы; выявить все опубликованные ранее источники; провести архивные исследования для поиска новых источников; провести источниковедческий, а при необходимости и текстологический анализ собранных документов; оценить источники с точки зрения информационной ценности для нашей модели.
2. Разработка когнитивной модели. Этот этап включает разработку методов анализа информации, а также процедур преобразования когнитивной модели в содержательную. Для решения этой задачи необходимо: представить информацию, содержащуюся в источниках в виде массивов,⁸ для чего использовать источники, уже содержащие массивы, а при необходимости сгруппировать источники и содержащуюся в них информацию в массивы; формализовать, унифицировать и агрегировать содержащуюся в источниках информацию; создать базу данных для управления полученной информацией; связать информацию разных массивов, для чего идентифицировать упоминающихся в разных массивах людей, географические объекты, а также объединения людей.
3. Создание содержательной модели. Для решения этой задачи необходимо: проанализировать имеющуюся

⁷ Перечисленные реальности можно рассматривать также и как элементы системы исследования, т.е., в конечном счете, как одну и реальностей последнего пункта.

⁸ Под массивом информации в данном случае подразумевается такой набор информации, который может быть представлен в виде таблицы со многими записями. Подробнее об этом см. в Гл 2.

информацию, выделить все возможные свидетельства о социальных институтах саами; проанализировать динамику трансформации социальных институтов, учитывая при этом взаимозависимость их различных типов; проанализировать значимость этих институтов для общества саами рассматриваемого периода.

4. Оценка эвристичности модели. Для решения этой задачи необходимо апробировать созданную модель. Критерием эвристичности будут: способность модели отвечать на вопросы, внележащие по отношению к ее историческим источникам; возможность построения гипотетических интерпретаций полученных результатов моделирования.

Методологическая основа исследования

Представленное исследование в своей основе содержит системный подход и является междисциплинарным. Заявленная цель исследования является этнологической, и она определяет тот круг вопросов, на который источник должен дать ответ. Источники же являются историческими, часто – массовыми материалами. Таким образом, методы работы с источниками более близки количественным методам социальной истории и исторической демографии. Для того, чтобы правильно понять «ответы источников» и обработать их, нами также применялись методы источниковедения и исторической антропологии. Работа с пространственным отражением модели основывалась на методах исторической географии. «Ответы источников», полученные в итоге, при необходимости интерпретировались с помощью этнологических и социологических методов. Общим же методом всего этого исследования является моделирование.

Российская наука имеет очень богатую традицию разработки начиная с 1950-х гг., отечественные ученые участвовали в международных теоретических конференциях. В СССР публиковались как отечественные, так и зарубежные работы по методологии системного подхода. За полвека этих лет принципиальных вопросов их участники не задавали, а вариации решений, чем к окончательным результатам. Системный подход занял прочное место в методологии многих наук. Для нашего исследования использование этого подхода как инструмента, а не решение спорных вопросов гносеологии. На котором основывалась данная работа,

проводился с учетом трудов Л. фон Берталанфи, А.И.Умова, Ю.А.Урманцева, Н. Лумана, Ф. Капра и других, а также сборников, посвященных дискуссиям по этой проблематике (Акоф 1966; Берталанфи 1969; Тюхтин 1978; Урманцев 1978; Умов 1978, 1988; Философско-методологические 1983; Винограй 1993; Луман М. 1993; Карташев 1995; Капра 2003 и др.). При моделировании использовались подходы, предложенные В.А. Штоффом, А.И. Умовым, И.Д. Ковальченко, В.И. Даниловым-Данильяном, А.В. Левичем (Штофф 1966, 1978; Умов 1971; Ковальченко 1979; Данилов-Данильян, Рывкин 1982; Левич 1996) и другими авторами.

Особое внимание в нашем исследовании уделено изучению источников. В процессе обработки источников и при выработке методов источниковедческой критики мы опирались на подходы А.С. Лаппо-Данилевского (Лаппо-Данилевский 1923), а также на работы А.П. Пронштейна и И.Н.Данилевского (Пронштейн 1976; Данилевский, Кабанов, Медушевская, Румянцева 2004).

При анализе общего состояния и значения рассмотренных нами российских переписей были использованы исследования этих источников, проведенные под руководством В.М. Кабузана (Бескровный, Водарский, Кабузан 1972). Их работа вносит вклад в изучение демографической истории России, в том числе интересующего нас периода.

Немаловажную роль в раскрытии темы сыграла работа Б.О. Долгих, посвященная локализации ареалов расселения и реконструкции демографических процессов у народов Сибири в XVII в. (Долгих 1960) Она повлияла на формирование проблематики исследования, а также на применение «персонального» подхода в социальных реконструкциях, основанных на архивных материалах. Подходы к обработке источников, которые были использованы в нашем исследовании, схожи с теми, которые применял Б.О. Долгих. Он исследовал материалы переписных книг 1678–1650 гг. разных народов Сибири и на основе этих исследований анализировал их социальную структуру (Долгих 1974). Наша методика сходна с методикой Б.О. Долгих еще и в том, что в обоих случаях различные коллективы идентифицировались именно на основе материалов переписей. Они же послужили Б.О.Долгих основой для определения степени их стабильности и реконструкции миграционных процессов (Долгих 1982).

Во время обработки информации нами был учтен огромный опыт применения количественных методов, накопившийся в отечественной исторической науке. В частности были приняты во внимание работы И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородкина, И.М. Гарсковой

и других (в частности: Ковальченко 1979, 1984, 1987; Математические 1977, 1981, 1985, 1989a, 1989b; Бородин 1986; Гарскова 1994; История 1993, 1995, 1998, 2007a, 2007b.) Работы по квантитативной истории и исторической информатике помогли нам организовать информацию исследованных источников и построить реляционную базу данных.

В российской науке историками и этнографами накоплен значительный опыт работы с большими массивами статистических материалов. Помимо анализа работ по исследуемому региону, наше исследование опирается на традиции отечественной этнографии в изучении численности и расселения народов Сибири. Кроме упоминавшихся выше публикаций, следует назвать исследования З.П. Соколовой (Соколова 1961, 1970, 1983), В.В. Пименова (Пименов 1989), Л.Т. Шаргородского (Шаргородский 1994), С.В. Соколовского (Соколовский 1996), С.Н. Корусенко, Н.А. Томилова и Н.В. Кулешовой (Корусенко, Кулешова 1989; Корусенко, Томилов 1993), Е.А. Пивневой (Пивнева 1999), Д.А. Функа (Функ 1993, 2000) и многих других. Образцами, наглядно демонстрирующими применяемые в отечественной науке методы и подходы, а также важными источниками накопленных учеными этнографических и исторических материалов о народах Севера и Сибири, являются сборники статей (Общественный 1970 и др.) и коллективные монографии, опубликованные в серии «Народы и культуры». (Народы 2005; Тюркские 2006).

Российская историческая наука имеет давнюю и богатую традицию работы с картографическими материалами. Среди этих работ теоретически значимы труды К.А. Неволлина (Неволин 1853), А.М. Андрияшева (Андрияшев 1913), С.Б. Веселовского (Веселовский 1945), А.И. Копанева (Копанев 1951), В.К. Яцунского (Яцунский 1955), Б.К. Галковича (Галкович 1974), и многих других, необходимо также указать ряд сборников и продолжающуюся серию «Проблемы исторической географии России» (см. Исторический 1997; Историческая 2004; Проблемы 1983a, 1983b, 2007 и др.).

Весьма близок данной работе пространственный взгляд на социальную историю, предложенный М.В. Витовым (Витов 1956, 1962; Витов, Власова 1974). В своих работах он использовал методику локализации объектов, упоминаемых в исторических источниках. Кроме того, картирование этих пунктов было им использовано как основа для анализа социальной структуры и ее динамики. Данный подход фактически был использован в нашем исследовании.

Если предыдущие авторы в основном концентрировали свое внимание на локализации населенных пунктов, то С.З. Чернов

предложил пространственное рассмотрение микроистории на основе локализации и картирования различных географических объектов, упоминающихся в исторических источниках (Чернов 1989, 1989а, 1994). В работе с картами мы фактически использовали схожую методику.

Разработки, связанные с использованием GIS-технологий в исторических исследованиях, также близки нам. Среди них следует упомянуть работы, П. Доорна (Доорн 1993), Н.В. Пиотуха (Пиотух 1993, 1996, 2004) и В.Н. Владимирова (Владимиров 2005).

При анализе социальной структуры, определении круга вопросов, адресованных источнику, а также при интерпретации полученных результатов значительную помощь оказало знакомство с работами О.Ю. Артемовой, посвященными обществам охотников и собирателей (Артемова 1987, 2004).

Терминологический аппарат

Приведенный перечень направлений, легших в основу методологии, показывает междисциплинарную широту исследования. Кроме очевидного положительного эффекта эта ситуация порождает и проблему совмещения подходов. Одни и те же проблемы порой рассматриваются с точки зрения разных подходов, а одни и те же явления обозначаются разными терминами. Это не раз ставило нас перед проблемой выбора инструментальной терминологии.⁹

Кроме того, сам контекст исследования является мультилингвистическим: он включает диалекты языка саами в кириллической и в латинской транскрипции, языки источников, языки современной науки. К этому следует также добавить и то, что исследуемая социальная реальность разнообразна и динамична. А следовательно, и значения обозначающих ее терминов трансформируются. Порой приходилось выбирать именения, и написания. При этом автор попадал на перекрестки значений используемых терминов. В некоторых ситуациях приходилось сталкиваться с тем, что любые термины, которые были бы выбраны для обозначения каких-то элементов создаваемой модели, являлись одновременно и изобретением, и навязыванием внешних смыслов. Эта проблема была частично решена тем, что я предпочел заранее считать условными

⁹ О специфике терминологии абстракции и самоабстракции системы см.: Луман 1993: 197, 198.

термины, принятые мной для обозначения разных элементов предложенной модели.

Использование терминов, выбранных для обозначения элементов модели, будет объясняться в своем месте. Однако уже во введении необходимо пояснить термин, обозначающий объединения саами различных типов. Кольские саами, в зависимости от диалекта, называют его *сиййт/сыййт/сейт*. В книге был использован именно этот термин в форме *сиййт*, характерной для кильдинского диалекта языка саами.

Написание большинства топонимов и соционимов заимствовано из сравнительных терминологических перечней, составленных Е. Порсангер (Porsanger 2007: 410–424).

Следует отметить, что данное исследование является эмпирическим и не ставит своей целью проверку или доказательство какой-либо абстрактной теории. Однако в ходе исследования были затронуты темы, являвшиеся предметом нескольких дискуссий. Поскольку участие в этих дискуссиях не являлось целью данного исследования, мы не будем специально акцентировать внимание на этих моментах.

Благодарности

Данная работа не была бы осуществлена без помощи многих людей, содействовавших исследованиям и описанию их результатов. Эта помощь была оказана на разных этапах и в разных, порой сложно сочетаемых вариантах. Иногда оказанная людям помощь кажется естественной мелочью, порой такие «мелочи» являлись серьезным подспорьем в моей работе, определившим ее результаты. Благодарность за это хочется выразить С.Н. Абашину, И.Л. Андрееву, О.Ю. Артемовой, О.В. Горшуновой, И.Н. Данилевскому, Р.Ш. Джарылгасиновой, Т.В. Егоровой, А.Ю. Карпухину, К.Н. Кобякову, Д.Б. Кольцову, В.А. Лихачеву, Т.В. Лукьянченко, А.В. Марковскому, Е.В. Миськовой, М. Ояле, Е.Я. Пация, М.Ю. Плецу, И.А. Разумовой, С.В. Соколовскому, Н.В. Ссороину-Чайкову, О. Таммилехто, Д.А. Функу, Т. Хакулинен, Ю. Хаверинену, Л.И. Хансену, Э. Хейккиля.

Отдельную признательность хотелось бы высказать Е.С. Порсангер, чье настойчивое участие содействовало тому, что результаты проведенных мной исследований увидели свет.

Особую благодарность за помощь и поддержку хочу выразить своей жене Наталье и родителям Геннадию Михайловичу и Татьяне

Георгиевне Кучинским, а также сестре Альбине Трусиловой и теще Надежде Николаевне Повышевой.

Данная книга является итогом исследований, проводившихся в 1998–2007 гг. Эти исследования получили следующую финансовую поддержку:

2001–2003 гг. – индивидуальный грант Комиссии по работе с молодежью Президиума РАН на исследовательский проект «Социальная история Кольских саами в XVI–XVIII вв.», руководитель – Т.В. Лукьянченко;

2001 г. – грант Исследовательского Совета Норвегии на стажировку в Университете Тромсё, руководитель – Л.И. Хансен;

2006–2007 гг. – в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований на проект Института этнологии и антропологии РАН «Этническая демография народов Севера и Сибири: создание компьютерной информационной системы для этнологических исследований», руководитель – Д.А. Функ;

2007 г. – индивидуальный исследовательский проект «Социальная история саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв.» в Саамском исследовательском институте при финансовой поддержке Совета министров Северных стран, руководитель – Е.С. Порсангер.

ГЛАВА 1

ИСТОЧНИКИ

Как было сказано, целью исследования является построение модели общества саами на основе эмпирического материала. В наших условиях таким материалом является информация, содержащаяся в исторических источниках. Поэтому начнем моделирование с рассмотрения источниковой базы. Вопросы о состоянии и характере источников, их пригодности для достижения цели исследования заслуживают особого внимания. Им и посвящена первая глава.

Состояние источников

Общее описание источников по истории Кольского полуострова было осуществлено И.Ф. Ушаковым (Ушаков 1998: 413–440). Мы же специально остановимся на источниках, необходимых для нашего исследования.

Большинство актов, касающихся социальной истории саами рассматриваемого времени, хранится в Российском государственном архиве древних актов, в ряде фондов (Фонд 521, Кольская воеводская канцелярия; Фонд 667, Нотозерская земская изба). Значительная часть интересующих нас материалов разбросана по разным фондам.¹⁰ В 1920–30 гг. фонды многих архивов Севера были перевезены в Москву и Ленинград. Кроме РГАДА, эти материалы попали в Древлехранилище Государственного исторического музея и Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Андреев 1930; Ульянов 1930). Все это – небольшие собрания документов, и единого фонда в этом архиве, где были бы собраны документы Кольского уезда, не существует. Кроме того, в фондах Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН хранятся микрофильмы, которые представляют сделанные в 1950-х гг. копии актов из скандинавских архивов, касающихся международных отношений (Козинцева 1970; Некрасов 1972; Возгрин 1986). Документы,

¹⁰ Первым подробным описанием состояния этих источников можно считать статью А.И. Андреева (Андреев 1920).

связанные с жизнью Кольского уезда XVIII – начала XX вв., хранятся в Государственном архиве Архангельской области (Ушаков 1997, 1998). Некоторые акты, имеющие отношение к нашей теме, содержатся также в Архиве Карельского научного центра РАН (Лукьянченко 1979). Небольшая коллекция документов XVII–XVIII вв. хранится в Национальном Архиве Финляндии. О ее истории будет рассказано ниже.

Источники по истории саами Кольского полуострова впервые были опубликованы в качестве цитат из житий Св. Трифона Печенгского и Феодорита Кольского (Амвросий 1816; Шестаков 1863). Первые публикации документов по исследуемой теме, подготовленные археографами, были осуществлены в рамках сборников «Акты Исторические» и «Дополнения к актам историческим» (например: АИ 4; ДАИ 11 и другие).

Во второй половине XIX в. появились публикации документов, напрямую связанных с этнографией и историей саами. Так, несколько из них встречается среди публикаций документов, осуществленных историком, археографом и фольклористом Е.В. Барсовым (ЧОИДР 1883, 1887). Этнограф А.Я. Ефименко, которая исследовала обычное право народов Европейского Севера России, сопровождала издание материалов своих полевых исследований публикацией нескольких актов XVI–XVIII вв. (Ефименко 1878. Приложения I–VIII). Дипломат Ю.Н. Щербачев подготовил к публикации материалы по истории взаимоотношений России и Дании, среди которых саами упоминаются как предмет спора между этими державами (Щербачев 1897). Н.Н. Харузин при издании этнографической работы о саами также снабдил ее публикацией нескольких актов XVII–XVIII вв. (Харузин 1890: Приложения I, II). Эти работы практически не содержат какого-либо источниковедческого анализа. В них часто обнаруживаются неточности в прочтении топонимов. Усилиями А. Попова два документа были опубликованы Архангельским обществом изучения Русского Севера (Попов 1915).

В 1923 г. в Норвегии была опубликована монография О.А. Йунсена по истории Финмарка, часть территории которого в рассматриваемое время входила в состав Кольского уезда (Johnsen 1923). В своем исследовании автор использовал ряд архивных документов, касающихся кольских саами. Однако, к сожалению, он их не опубликовал, а лишь процитировал. В «Приложениях» он поместил ряд документов на норвежском языке из сборника Ю.Н. Щербачева. Кроме того, туда же он включил карту Скандинавии Симона ван Салингена 1601 г. и карту территории приграничных сийтов П.Шнитлера 1745 г.

Работа с документами, касающимися Севера европейской части России, была продолжена в 1920-е гг., когда были опубликованы некоторые документы Коллегии экономии, в том числе связанные с историей Двинского и Кольского уездов XVI – первой половины XVIII вв. (СГКЭ 1, 2) В них содержатся фрагменты различных писцовых книг и ревизских сказок, а также экономические документы, проливающие свет на жизнь саами и взаимоотношения их с русскими.

Во второй половине 1920-х гг. началось комплексное изучение Кольского полуострова. В рамках общей программы была предпринята археографическая экспедиция. Под руководством А.И. Андреева и Н.И. Ульянова были разобраны архивы Троицкого Печенгского, Рождественского Кандалажского, Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Антониева Сийского, Крестного, Воскресенского Истринского и других монастырей, имевших владения на Кольском полуострове, а также материалы по истории Кольского полуострова, находившиеся в Московском древлехранилище. По итогам этих работ был подготовлен сборник (СМИКП), который представляется очень важным для нашего исследования. На сегодняшний день данное издание является самой крупной публикацией на интересующую нас тему. Этот сборник содержит источниковедческие статьи, посвященные анализу материалов фондов. Археографы представили историю, описание и исследовательскую ценность указанных фондов.

В 1929 г. была начата публикация протоколов майора Петера Шнитлера по установлению границ между Данией, Швецией и Россией в 1742–1745 гг. (Schnitler 1).

Финский историк Й.Й. Миккола в 1941 году опубликовал сборник актов XVI–XVIII вв., посвященных саами-скольтам. (Mikkola 1941).¹¹ Основу сборника составляют акты из архива Соньяльского и Нотозерского сийитов. Судя по всему, подобные архивы существовали у нескольких сийитов.¹² Во второй половине XVIII в. эти документы были затребованы Кольской воеводской канцелярией, на что саами Соньяльского сийита отдали два не самых значительных из них, сохранив у себя большую часть архива. Во время поездки Н.Н. Харузина в Колу ему была предоставлена копия одного из

¹¹ В 1970-е гг. эта книга была переведена на русский язык с грифом «Для служебного пользования». Один из экземпляров перевода хранится в Музее-архиве истории освоения Севера (г. Апатиты). Обратный перевод текста самих документов не представляется пригодным для научного использования.

¹² Например, упоминание о хранении документов XVI в. у терских саами РГАДА. Ф. 248. Д. 786. Лл. 223–223 об.

документов архива и рассказано романтическое предание о таинственном хранении оригинала документа. Николай Николаевич опубликовал этот документ в приложении к своей книге (Харузин 1890: Приложение I 395–408). В 1918 г. Финляндия получила независимость, и по Тартускому мирному договору к ней отошла в том числе и большая часть территории Соньяльского сиййта.¹³ Саами этого сиййта стали гражданами Финляндии, и у них сохранился архив сиййта с документами XVII–XVIII вв.

Во время Зимней войны 1939–1940 гг. этот архив находился под угрозой уничтожения. Майор финской армии Матти Тиитоло, лично руководивший спасением архива, рассказал этот эпизод в специальном рапорте.¹⁴ По его словам, документы были обнаружены финскими военными в декабре 1939 г. при отступлении во время боевых действий в районе Соньяльского сиййта (*Suonikylä* в финно-язычном варианте написания). Короб с документами был передан в штаб армии с условием его возвращения старосте Суоникюля после войны, если Печенгский район (*Petsamo*) будет еще финским. Это изложение событий значительно отличается от версии, представленной в предисловии к упоминавшейся выше публикации. Там говорится, что документы были доставлены в Финляндию в 1920 г. бежавшими туда саами, и в 1931 году архив был передан ими в Хельсинки. Возможно, эта версия была придумана для того, чтобы избежать гипотетических претензий СССР в вопросе о вывозе исторических ценностей.

Как явствует из предисловия к публикации Й.Й. Микколы, указанные акты были разобраны бывшим доцентом Санкт-Петербургского университета Б. Сильверстовым.¹⁵ Кроме того, в сборник включены три царские грамоты из Копенгагенского архива, ранее опубликованные Ю.Н. Щербачевым (см. выше). К сожалению, это издание вышло лишь на финском языке, и акты этого собрания долго оставались не введенными в научный оборот в России. Одновременно с этим изданием в Советском Союзе был опубликован сборник материалов по истории Карелии (МИК).

В 1940-х годах в Норвегии были опубликованы материалы по истории, географии и биологии Финмарка, составленные в конце

¹³ Кроме того, к Финляндии отошла часть территории Пазрецкого сиййта и вся территория Печенгского сиййта.

¹⁴ Kansallisarkisto Helsinki, Kolttakylän arkisto, Rulla PR-44. Р. 3–5. Перевод рапорта специально для нашего исследования был любезно сделан Т. Хакулинен.

¹⁵ Кроме него никто до нас не работал с этими материалами, поэтому именно ему принадлежит авторство пометок, которые местами можно увидеть на полях оригиналов.

XVII в. губернатором этой провинции Х. Лилиеншельдом (Lilienskiold 2, 3). Значительную часть сборника составляют документы, касающиеся международных отношений на Севере Европы, и документы, аргументирующие притязания Дании на различные группы саами в конце XVII в. Среди опубликованных материалов встречаются российские документы, хранившиеся в то время в Дании. Наиболее ценными из них для нас являются грамоты Василия III, одна из которых была руководством по сбору дани, а другая касалась подданства и прав саами.

После войны продолжились публикации архивных материалов по истории Карелии (Карелия 1948). Эти публикации включают ряд актов, касающихся саами, которые жили на севере Карелии, где в XVII в. проходил процесс их ассимиляции карелами. В этом сборнике фактически нет материалов о саами, непосредственно проживавших в Кольском уезде.

Норвежские исследователи О. Брох и К.С. Станг опубликовали три русских акта первой трети XVII века с переводом на норвежский язык и комментариями, дополняющими перевод (Broch, Stang 1961). Сюда вошли уже изданные в России документы из разных сборников, в основном это акты, связанные с российско-датскими отношениями на Севере Европы. Только два из них касаются аборигенов Лапландии, и то в контексте оспаривания суверенитета России и Дании над сиййтами саами.

В 1960-е – 1980-е гг. норвежские исследователи продолжали работу над публикацией протоколов майора Петера Шнитлера по установлению границ между Данией, Швецией и Россией, в 1742–1745 гг. (Schnitler 2,3). Опубликованные источники содержат полезную информацию, в частности, содержат перечисления сиййтов в разное время.

Некоторые документы, связанные с историей саами и в основном датируемые XV–XVI вв., вошли в сборник «Акты Соловецкого монастыря» (АСМ 1, 2). Среди них встречаются ранние описания и хозяйственные документы побережья Белого моря. Эти источники представляют для нас интерес, поскольку помогают реконструировать динамику этнических процессов в рассматриваемое время.

В 1990-е гг. появились публикации актов, связанные с историей кольских саами. Несколько актов были подготовлены И.Ф. Ушаковым в «Хрестоматии по истории Кольского полуострова» (Ушаков 1997). Это издание содержит в себе как репринт материалов, уже введенных в научный оборот, так и несколько неопубликованных

ранее документов. К сожалению, в этом учебном издании оригинальные документы представлены в сокращенном виде.

В 1998 г. была посмертно издана статья И.П. Шаскольского, подготовленная им к публикации совместно с В.Е. Возгриным и Т.А. Шрадером (Возгрин, Шаскольский, Шрадер 1998), в которой приводятся перевод грамот Василия III (см. выше) и комментарии к ней. Авторы статьи определяют эти документы как "наказные памяти". Публикаторы предложили гипотетические варианты идентификации упоминающихся в грамотах топонимов и антропонимов. Эти гипотезы мы рассмотрим в Главе 3.

В том же году мною был опубликован отчет священника А. Симонова об инспекционной поездке по сийтам в 1681–1682 гг. (Кучинский 1998). Публикация затрагивает широкий круг документов, непосредственно касающихся данного события и раскрывающих его смысл.

Продолжением работы по публикации источников является статья А.Ю. Жукова (Жуков 2004), в приложении к которой был повторно (но не полностью) приведен отчет А. Симонова, а также «Книга сбора стрелецких денег Кольского уезда за 1700 г.».

Кроме опубликованных источников, мы использовали архивные материалы, выявленные в Российском государственном архиве древних актов (Москва), Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург), Государственном архиве Мурманской области (Мурманск), Музее-Архиве освоения Севера (Апатиты), Государственном архиве Финляндии (Хельсинки).

Типология источников

Для решения поставленных задач, мы рассматриваем информацию, содержащуюся в источнике, как потенциальный объект формализации, т.е. как набор элементов информации, необходимой для данного конкретного исследования. Специальная классификация источников не входит в круг задач представленного обзора,¹⁶ но мы можем типологизировать источники с точки зрения информационной ценности и методов обработки информации для нашего исследования. Условно разделим источники на два основных типа. К первому типу относятся те, которые уже содержат в себе хотя бы один ряд симметричных элементов информации – массив. В их число входят

¹⁶ Обзор разных подходов к классификации источников см. Каштанов 1990: 8–18.

любые перечни.¹⁷ Такой тип источников мы будем называть «естественными массивами информации». К другим относятся источники, не содержащие подобных рядов. Они включают блоки уникальной информации, и их можно объединять для создания массива. Этот тип источников, соответственно, будем называть "блоками информации". Специфика работы с массивами информации будет рассмотрена в следующей главе.

Характеристика источников

Блоки информации

Частные акты

В рассматриваемый период на Кольском полуострове происходило вытеснение саами с их традиционных угодий пришлым населением, в основном русскими. Это привело к появлению разнообразных актов, в которых нашли отражение кредитные отношения, переход угодий в иное владение и т.д. Эту функцию выполняли *купчие, кабальные, дарственные, данные, закладные грамоты*. В большинстве своем они фиксируют локальные события (например, заем или аренду).

Изучение комплексов источников по определенным местностям позволяет проследить динамику изменения владений угодьями. Такой подход позволяет одновременно исследовать несколько проблем. Во-первых, можно проследить, как в разных сийтах развивался (или не развивался) процесс приватизации коллективных ресурсов и складывался рынок и оборот угодий. Во-вторых, можно реконструировать хронологию и последовательность перехода владений из рук саами в руки русских промысловиков и монастырей. В-третьих, такая реконструкция позволяет понять логику этих процессов, сводившихся затем к накоплению различных типов прав на угодья в руках

¹⁷ Любой ряд (перечень) уже содержит, как минимум, три элемента информации: набор уникальных данных, критерий включения этих данных и способ упорядочивания данных. Мы, разумеется, используем лишь ряды, пригодные для нашего исследования. Например, источник может перечислять воевод уезда, стрелецкое жалование, инвентарь церкви, пивные вари кружечного двора и т.д. Такие ряды нас не интересуют, поскольку они не являются информацией, ценной для данного исследования в данный момент.

монастырей, к борьбе между разными монастырями за доминирование в регионе, сопровождавшейся постепенным переходом сийитов под их юрисдикцию. В-четвертых, реконструкция этих процессов позволяет увидеть то, как разные группы саами решали вопрос о формах интеграции в навязываемую им экономическую и политическую систему. Наконец, рассматривая динамику отношений по поводу природных ресурсов, можно увидеть изменение значимости того или иного вида ресурса.

Другим видом частных актов являются различные договоры – *полюбовные и деловые записи*. Как правило, такие акты являются оформлением завершенного конфликта и примирением конфликтующих сторон. В ходе тяжбы стороны прибегали к заявлениям в адрес властей – *челобитьям*. Когда приходил ответ в пользу одной из сторон, другая безоговорочно признавала это решение, что оформлялось *полюбовной записью*. В этом документе проигравшая сторона обязалась удовлетворить все иски и более не прибегать к тяжбе. На самом деле, после составления такого документа тяжба могла возобновиться, и через некоторое время стороны могли поменяться местами. Например, такая ситуация сложилась в споре, который вели между собой Печенгский монастырь, с одной стороны, и Нотозерский и Соньельский сийиты – с другой. Эта тяжба о владении угодьями длилась целый век. Договоры и контракты между разными сторонами именовались *деловыми записями*. Подобные источники содержат материал о взаимоотношениях между сийитами и русскими контрагентами. Они дают представление о предметах споров и способах их улаживания.

Еще одним видом частных актов является *духовное завещание*. В таком документе человек описывает предметы, находящиеся в его собственности, и угодья в его владении. В этом акте также указывается, каким образом (способы) нужно распорядиться этими предметами после кончины владельца. Человек, таким образом, демонстрирует круг своих наиболее значимых предметов имущества и ресурсов, а также свое понимание практик распоряжения ими. Если у саами Финмарка подобные документы были нормой, и поэтому они встречаются довольно часто, у саами Кольского уезда ситуация была иной. Во всяком случае, мне известны только два таких документа.¹⁸

¹⁸ РГАДА. Ф. 1455. Оп. 5. Д. 1607. Л.1, Духовное завещание крещеной лопарки Нотозерского погоста жены Никиты Осипова Прасковьи Денисовой дочери; Rulla RP-44. №5. Вкладная память Нотозерского погоста лопина Ивана Василева сына Катеринина.

Челобитные, следственные дела

Руководствуясь задачами исследования, к нарративным источникам мы отнесем челобитные грамоты и показания свидетелей, данные во время проведения следствия. Эти, казалось бы, разные типы источников объединены в одну группу в силу схожих приемов их обработки в нашем исследовании. И те, и другие источники ставят перед собой задачу донести прямую, неформализованную речь, но поскольку эта речь произносится во вполне официальном контексте, она являет собой официальный документ и искажается формуляром. Вдобавок, в силу исторической специфики делопроизводства, любой свидетель, независимо от своего участия в деле, принимал на себя роль несправедливо обиженного, чьи права ущемлены, что явно сближает его с челобитчиком. Наконец, если челобитная являлась иском, решение вопроса в пользу просителя часто вызывало встречную жалобу противоположной стороны. Следственное дело наряду с *очными ставками* и *допросными листами* включало в себя *челобитные*: как прошлые, так и вновь подаваемые разными сторонами. В такой ситуации вообще фактически невозможно отделить челобитные от допросных листов. Все это сближает показания на следствии с челобитными грамотами, по крайней мере, в контексте нашего исследования.

Как любой авторский текст, содержащий персональную оценку, и челобитная, и свидетельские показания требуют более пристального и критического рассмотрения. Особенно это касается документов следствия, смысл которого и заключается в оценке разных высказываний. Тем не менее, аргументация этой оценки сегодня может выглядеть иначе. Автор должен был акцентировать значимость своей просьбы, поэтому жанр челобитной сам по себе предполагал преувеличение своих заслуг или негативного влияния на свои дела со стороны. Если челобитчики просили об устранении какого-либо негативного экономического фактора – о снижении дани, снятии повинности или возвращении угодий – то обязательно указывали, что без этого они «обнищают», и заверяли, что «голодной смертью помрут, разбредутся врознь» и пр. Эти выражения стереотипны, поэтому можно с уверенностью утверждать, что они были оборотами формуляра того времени. Естественно, к таким высказываниям не следует относиться буквально.

Показания, данные под присягой, подтвержденные третьими лицами (в том числе, официальными) и заверенные подписями и клеймами, не обязательно отражают действительность. Известны несколько случаев последующего отказа от них или их опровержения.

Тем не менее, их необходимо учитывать, и они представляют интерес как с косвенные свидетельства некоторых фактов.

Государственные акты

Другим типом документов являются *царские грамоты и указы*. С их помощью артикулировалась и оформлялась государственная политика, прямо или косвенно затрагивавшая жизнь кольских аборигенов. Это – внешнеполитические акты, указы о разрешении споров по владениям угодьями, указы о миссионерской деятельности, указы об изменении фискального статуса. Как правило, они составлялись в Новгородском приказе от имени царя и адресовались кольскому воеводе или настоятелям монастырей, имевшим свои интересы в Кольском уезде. Реальными авторами большинства из них были приказные чиновники. Подавляющее число этих документов – «за приписью» какого-нибудь дьяка. Не все дошли до нас в оригинале: с некоторыми из них мы знакомимся по черновикам или спискам, оставшимся в приказе, о других узнаем по ссылкам на них, которые содержатся в иных актах. В документах такого типа, как правило, излагается история вопроса, послужившего причиной для их составления. Для делопроизводства XVI–XVII вв. было характерно, что в ответе на такой документ содержался и текст запроса. В делах, связанных с тяжбой или расследованием, помещались в сокращенном виде тексты всех документов. Фактически любая царская жалованная грамота была также ответом на челобитную грамоту, которая в ней почти полностью цитировалась. В связи с этим государственные акты, как правило, являются сложными источниками, включающими в себя также и содержание источников иного типа. Это позволяет иногда реконструировать последние.

Еще одним типом актов являются *отписи*. Это – квитанции о получении денег или какого-то имущества, чаще всего в уплату дани. Каждый из этих документов по отдельности почти не представляет интереса для нашего исследования. Их информация становится ценной, когда объединяется массив. Анализ массива показывает динамику роста налогообложения и частоту посещения сийтов сборщиками дани. Благодаря такому массиву можно составить представление о том, что дань не выплачивалась полностью, и, как правило, имелись должники. Эта ситуация вела к новым визитам сборщиков. Массив также позволяет увидеть, кто именно представлял тот или иной сийт перед властями, судить о степени значимости или номинальности должности старосты. Иными словами, исследование массива этих документов дает возможность приблизительно оценить

происходившие процессы. Вместе с тем практически невозможно собрать всю документацию такого типа хотя бы по какому-либо отдельно взятому сиййту за определенный период времени,¹⁹ поэтому мы не можем в точности реконструировать эти процессы.

Другим видом отписей являются документы о выплатах, осуществлявшихся между частными лицами и их коллективами. Как правило, это оформление платы за выполнение каких-нибудь работ. Подобные отписи показывают специфику договоров и работ, а также их оценку вовлеченными субъектами.

Естественные массивы информации

Оформление русского подданства изучаемых территорий требовало составления фискальных документов, описывающих, прежде всего, характер подданства (количество людей, типы и размеры угодий, способы налогообложения). Такими документами являются *писцовые и переписные книги, ревизские сказки*, а также их фрагменты, касающиеся отдельных податных единиц или их владельцев – *сотные и выписи*. Этот тип источников далее мы будем называть «переписями».

В данном случае этот термин понимается в широком смысле и подразумевает одну из административных практик, включающую сбор, систематизацию, анализ и фиксацию информации государства/владельца о своих подданных. Таким образом, речь не идет об узком смысле термина – в значении современной практики. Ревизские сказки прямо назывались «переписями», а переписи конца XVII – начала XVIII в. назывались «переписными книгами». Термин «перепись» одновременно обозначал и процедуру сбора и обработки информации, и саму зафиксированную информацию, и документ, содержащий эту информацию. Нам важно сохранить такую многозначность понятия «перепись». Это представляется целесообразным по двум причинам. Во-первых, такой подход поможет более продуктивному анализу источников и содержащейся в них информации. Во-вторых, использование этого термина даст возмож-

¹⁹ Фонд 667 Нотозерской земской избы в основном состоит из подобных документов Нотозерского и Соньяльского сиййтов. Но даже его материалов не достаточно для подобного исследования. Надо признать, что специальный сбор по разным архивам этих крошек даже в виде россыпей требует выдержки от исследователя. Призрачность надежды на достижение осязаемого результата не содействует подобным дерзаниям.

ность более адекватно излагать материал, избегая усложнения текста большим количеством различных терминов.

Эти источники ценны тем, что при агрегировании их информации появляется возможность не только проследить динамику экономических процессов, но и определить тенденции социальных трансформаций. Преимущество заключается и в том, что они предоставляют возможность увидеть срез ситуации по всему Кольскому уезду.

Большинство материалов переписей состоит из нескольких документов («книги» или «скаска»), зачастую созданных разными людьми. Составители обычно руководствовались общими задачами, определенными им для работы в соответствии с фискальными интересами государства. В зависимости от актуальной налоговой политики от них требовалось фиксировать те или иные стороны жизни. Однако чаще всего у составителей этих документов были индивидуальные подходы к отражению информации, не значительной для общих задач. В результате мы получаем из источника различную «дополнительную» информацию. Кроме того, составители этих документов подчас использовали свои индивидуальные термины и понятия. Поэтому документы, входящие в одну и ту же перепись, могут существенно различаться по своей информативной ценности, что затрудняет их агрегирование, а значит и решение некоторых исследовательских задач.

Следует также заметить, что синхронность переписей относительна. Для документов 1573–1576 гг., 1607–1611 гг. это понятие составляет временной отрезок в несколько лет.²⁰ Однако сколько бы ни длился труд по составлению переписи, и на какое бы число документов она ни распадалась, в последующих переписях она упоминалась как единый свод документов, например, «Переписные книги Льва Секирина», «Ревизские скаски 1747 г.», «предыдущая перепись». Для решения поставленных в данном исследовании задач комплексы документов, составляющих синхронные переписные материалы, представлены как единые источники и обозначены термином перепись.

Каждая перепись содержит итоговую статистическую справку, которая суммирует всю содержащуюся в ней информацию. Как показывает анализ, для большинства переписей характерно наличие статистических неточностей, поэтому в дальнейшем мы будем опираться не на итоговую статистику, а на ту информацию микро-

²⁰ Описание работы с этими диахронными источниками см.: Кучинский 1999.

данных, которая содержится в основном тексте переписей. Тем не менее, важно отметить, что сами принципы деления населения на разные категории, примененные в переписях, имеют значение для понимания социальных статусов описываемого населения. Для всех переписей, в которых фиксировался возраст, общим принципом составления структуры документа было перечисление людей с одинаковым статусом по убыванию возраста.

Все переписи фиксировали саами по сийтам («погостам»). Структура дальнейшего описания (организации информации) позволяет разделить эти документы на два типа. Первый тип был присущ всем переписям до 1-й ревизии включительно. Он характеризуется тем, что описание людей происходило по жилищам – вежам. Описание каждой вежи начиналось со слов «В веже...». Мужчины каждой вежи сгруппированы с помощью описания патрилинейных родственных связей.²¹ Такое описание представляет собой единый, ритмически разбитый текст. Переписи с такой структурой мы условно будем называть «писцовой».

Второй тип присущ ревизским сказкам, начиная со 2-й ревизии 1744г. Для него характерно отсутствие принципа описания людей по вежам. В заглавиях ревизских сказок утверждается, что люди в них описаны «по семействам», родственные связи, зафиксированные в этих документах, касаются только ближайших родственников – мужчин. Кроме того, эта информация отрывочна и не позволяет восстановить полностью все связи. К этому вопросу мы вернемся в Главе 3 «Социальная структура». Подобное описание представлено в виде таблиц, составленных по специальным формам, утвержденным правительством. В эти таблицы заносились имена людей, как зафиксированных предыдущей ревизией, так и «наличных». Сквозные нумерации учитывали людей, упомянутых в предыдущей ревизии и имеющих в наличии на данную ревизию соответственно. В специальной колонке помечалась причина, а иногда и дата, «убытия» людей.

Перепись воспроизводила данные предыдущей о «наличных» людях, причем в той же последовательности. Эта последовательность поддерживалась сквозной нумерацией. К предыдущим сведениям лишь добавлялась информация о родившихся и опускалась о тех, кто уже ранее был отмечен как «убывший». Информация о новых людях, фиксировавшихся впервые, как бы встраивалась в ткань предыдущей. Например, см. Таблицы 1а и 1б.

²¹ Об описании этих групп подробнее см. в Главе 3 «Социальная структура».

Таким образом, ревизии, с одной стороны, совершенно не фиксировали структуру семейных единиц. С другой стороны, данный способ описания, жестко связывает человека с порядковым номером, полученным им в предыдущей переписи. Это существенно облегчает задачи идентификации людей и отслеживания их родственных связей. Подобную структуру организации информации мы условно будем называть «ревизской».²²

Источники, содержащие естественные массивы информации, уникальны и поэтому заслуживают особого внимания. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Первым описанием хозяйства сиййтов саами были *Книги письма Никиты Карпова сына Сорокопенина с товарищи*, составленные между 1517 и 1556 (или 1574) г. Верхний предел этой датировки основан на первом упоминании документа в цитируемом источнике (вариант см. ниже). Нижний предел основан на дате наказной памяти, определявшей иное, не луковое обложение. Единственные сведения об этом документе содержатся в челобитной игумена Печенгского монастыря и повторяются в других источниках того же происхождения.²³

Таблица 1а. Фрагмент ревизской сказки Ревизии 1744 г. (РГАДА. Ф. 350. Оп.2. Д. 1478. Лл. 48 об. – 49).

	Написанные в прежней переписи	лет
424	Василей Семенов	49
	У него братья	
425	Игнатей	44
426	Филип	43
427	Петр	39
	У них дети , рожденные после переписи	
428	У Василья сын Иван	8
429	У Игнатья сын Василей	19
	У Филипа дети	
430	Андрей	11
431	Данило	6

²² Следует также добавить, что сама по себе система учета населения, введенная Петром I, предполагала периодические общегосударственные переписи, между которыми должны были происходить их проверки – ревизии. Но в литературу сами эти переписи вошли под названием Ревизий.

²³ СГКЭ 2. №136.

Таблица 16. Фрагмент ревизской сказки Ревизии 1763 г. (РГАДА. Ф. 350. Оп.2. Д. 1479. Лл. 28– 28 об.).

		Лет по прежней переписи		Лет	
424	Василей Семенов	49	Умре в 748		
	жена ево Матрена			56	Взята в том же погосте
425	брат ево Игнатей	44	Умре		
	жена ево Парасковья			72	Взята в Нотозерском погосте
426	брат ево ево Филип	43		60	
	жена ево Наталья			42	Взята в Нотозерском погосте
427	брат ево Петр	39	Умре		
	дочь ево Акулина			17	
428	у Василья сын Иван	8		25	
	жена ево Матрена			32	Взята в том же погосте
	дочери: Евдокия			1	
	сестра ево Татьяна			18	
429	У Игнатя сын Василей	19		36	
	жена Ефимья			36	Взята в Мотовском погосте
	сын Андрей			11	
	Констатнин			5	
430	у Филипа сыновья: Андрей	11		28	
431	Данило	6		23	
	Петр			12	
	Дочери: Агафья			12	
	Ирина			10	
	Андреева жена Марья			26	Взята в Нотозерском погосте
	сыновья их: Егор			5	
	Андрей			1	

Сам документ не известен до сих пор даже фрагментарно. А.И. Андреев высказал сомнения в его существовании на основании того, что грамота, в которой он упоминается, была признана им поддельной (Андреев 1920: 151). При этом сам археограф признавал

существование жалованной грамоты Ивана Грозного Печенгскому монастырю, лишь отрицая подлинность документа, дошедшего до нас под видом списка с этой грамоты.²⁴ Можно допустить, что печенгские старцы преувеличили значения Книг Никиты Сорокопенина. Элементом фальсификации могло быть удревнение этого документа.²⁵ Однако, в отличие от некоторых других пунктов сфальсифицированной грамоты, нет прямых доводов в пользу вымышленности этого документа. Упомянувшимся указом 1517 г. на Кольском полуострове была создана система дани. Дань собиралась с коллективов, а ее размеры ничем не мотивировались. По более поздним переписям мы знаем о существовании иного способа обложения – луковой дани. Луковая дань собиралась с угодий. Для организации подобного обложения необходимо было провести инвентаризацию объектов налогообложения – описать угодья. Имеющиеся фрагменты более поздних переписей упоминают о луковом обложении как об уже сложившейся системе. Таким образом, можно предположить, что рассматриваемый документ и являлся первым описанием угодий, институционализировавшим луковую дань. Поскольку первая перепись сама состоялась в 1574 г., нижнюю хронологическую границу составления этого памятника следует определить не позже этой даты.

Кем были авторы рассматриваемого документа, пока остается неизвестным. Из приведенных монахами сведений можно заключить, что в документе содержалась информация об угодьях и размерах дани, выплачиваемой разными плательщиками Кольского полуострова. Содержал ли этот документ перепись жителей уезда, неизвестно, поэтому данный источник отнесен к переписям условно.

Самой ранней известной нам переписью административных единиц Кольского полуострова являются *Писцовые книги описи Якима Романова да Никиты Пятутина 1563 г.*²⁶ К сожалению, мы не располагаем полным текстом этой переписи. В нашем распоряжении только его фрагмент – сотная на волость Кереть с этих книг. Структура данного документа соответствует писцовому типу.

В XVI в., еще до образования Кольского уезда, делались переписи административных единиц, расположенных на северном и

²⁴ «У Печенгского монастыря, несомненно, существовали жалованные грамоты, данные еще Грозным. Целый ряд указаний на них сохранился в памятниках XVI–XVII вв.» (Андреев 1920: 138–139).

²⁵ Как показал А.И.Андреев, таким образом в фальсификате были удревнены акты получения угодий монастырем.

²⁶ СГКЭ 2. №137.

западном побережье Белого моря. Позднее некоторые из них вошли в состав Кольского уезда (волости Кандалакша, Порья губа, Ковда, Кереть), другие соседние с ними (волости Варзуга, Умба, Кемь) административно были отнесены к Двинскому уезду. Указанная перепись является ценным источником также и по исследуемой территории. На этот документ ссылается составитель следующей писцовой книги.

Имеющийся фрагмент переписи позволяет реконструировать территорию волости Кереть в то время. Кроме того, в этом фрагменте зафиксировано начало появления сийита Тикшеозеро.

Первой известной переписью всего Кольского уезда были *Писцовые книги письма и дозору Василия Агалина*, составленные в 1573–1574 и 1575–1576. (Далее – П1573–1576). Полного текста этой переписи пока не обнаружено.²⁷ В нашем распоряжении имеется два фрагмента, описывающих саами – описание взрослых мужчин Норецкого сийита²⁸ и сийита Тикшеозеро.²⁹ Структура описания населения соответствует писцовому типу.

П1573–1576, как и все писцовые книги, выполняла задачу фиксации всех сторон жизни населения, представляющих интерес для администрации. Прежде всего, это касалось объектов налогообложения и их оборота. В указанных фрагментах приводятся размер владений и объем налогов, лежащих на членах сийита. Весьма ценным во втором упоминаемом фрагменте является описание угодий, которыми владели жители волости. Это позволяет определить территорию волости. Второй упомянутый фрагмент фактически фиксирует оформление сийита Тикшеозеро.

Разные фрагменты этой переписи встречаются также в виде цитат, приведенных в других документах. Официальная значимость указанной переписи сохранялась вплоть до начала XVIII в.: ссылка на этот документ была обязательным условием для составления многих актов. Такая фрагментарная информация порой дает представление обо всем комплексе угодий владельца, даже если сам документ касается его малой части, небольшого участка.

Второй переписью Кольского полуострова были *Книги письма и дозору Алая Михалкова*, составленные в течение 1607–1608, 1608–1609 и 1610–1611 гг. (далее – П1607–1611). В РГАДА хранятся два списка этого документа – 2-й половины XVII в. (далее – П1607–

²⁷ По предположению А.И. Андреева, подлинник этого документа сгорел в московском пожаре в 1626 г. (Андреев 1930: 139).

²⁸ СМПКП. №5.

²⁹ СГКЭ 2. №138. Ст. 460.

1611/1)³⁰ и 1-й половины XVIII в. (далее – П1607–1611/2).³¹ Документ был опубликован Н.Н. Харузиным (Харузин 1890: Приложение II). К сожалению, ценность этой публикации снижается тем, что документ был приведен не полностью, и, судя по всему, не были исправлены ошибки, допущенные в его гранках.

Писцовая книга Алая Михалкова является наиболее полным из известных нам описаний саами того времени. Этот источник содержит поименный перечень взрослых мужчин всех сийитов Кольского уезда. Структура описания – писцовая.

В описание сийитов входит перечень принадлежащих каждому из них угодий, а также указание размеров владений его членов. Это позволяет анализировать социальные связи и реконструировать некоторые особенности структуры домохозяйств, семей и системы собственности, а также характер связей между сийитами.

Для сравнения публикации и архивных списков нами был проведен дословный сравнительный текстологический анализ архивных списков и публикации Н.Н. Харузина. Особое внимание уделялось написанию онимов. Их изучение показывает незначительные расхождения в данных, содержащихся в П1607–1611/1 и П1607–1611/2, которые позволяют по-разному прочесть и интерпретировать информацию. Топонимы, антропонимы и соционимы (названия групп саами) зафиксированы фактически одинаково. Написание ряда топонимов и соционимов отличается от их написания в других документах. Это дает основание предположить, что списки восходят к одному протографу, который не был оригиналом писцовой книги. Публикация Н.Н. Харузина основана на синтезе обоих этих списков.³² К искажению онимов, допущенных самими составителями списков, публикатор, к сожалению, добавил некоторые ошибки прочтения скорописи.³³

Следует также отметить, что при составлении этой переписи определенное значение имел субъективный фактор. Известно, что Алай Михалков, приехав из Москвы в дальний уезд, занимался вымогательством, пытаясь получить мзду от владельцев угодий под угрозой исказить размеры их владений и налогообложения, что

³⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208.

³¹ Там же. Д. 900.

³² Н.Н. Харузин вообще не упоминает П1607–1611/2. Однако некоторые места в его публикации дают основание полагать, что он попеременно использовал оба списка.

³³ А.И. Андреев так оценил публикацию Н.Н. Харузина: «Печатное издание писцовой книги 1607 г. крайне несправно» (Андреев 1920: 140).

вызвало недовольство у жителей уезда. После того, как возмущенные жители обратились в соответствующие инстанции со своими челобитными, он был отозван в Москву, где составление книги “довершил не до конца”.³⁴ Результаты работы Алая Михалкова так и не были использованы – книги не были присланы в Кольский острог, а власти и население продолжали пользоваться П1573–1576.

В связи с этим документом возникали конфликтные ситуации. Приведем пример одной из них. В течение почти всего XVII в. длилось судебное разбирательство между Печенгским монастырем и нотозерскими и соньяльскими саами по поводу притязаний конфликтующих сторон на рыбные угодья на р. Тулома. Во время разбирательства выяснилось, что некоторые частные акты о добровольной передаче угодий Печенскому монастырю (купчие, закладные, вкладные и пр.), описанные в рассматриваемом документе, являются фальсификацией. Подобные факты заставляют относиться с большой осторожностью к П1607–1611 как к источнику для проведения научного исследования по динамике оборота угодий. Тем не менее, в общих чертах он может быть использован для реконструкции социальной структуры и системы владения, особенно в тех случаях, когда данные подтверждаются другими источниками. При локализации упоминаемых в нем топонимов были учтены различные варианты их прочтения. При цитировании этого документа мы в основном будем ссылаться на список П1607–1611/1.

Следующая перепись в Кольском уезде была проведена в 1646–1647 гг. Она не была завершена, поэтому получила название *Черные переписные книги Кольского уезда переписки головы стрелецкого Леонтия Озарева да Колския съезжие избы подьячего Василья Звягина* (далее – П1646). Упоминания об этом источнике встречаются в следующей полной переписи (см. ниже), где также дается сравнение данных этих двух переписей.³⁵ Оригинал его пока найти не удалось.

Из самого названия источника видно, что эти книги так и не получили статус официального документа. Судя по всему, эта попытка была предпринята в рамках переписи, организованной по всей стране в 1646–1650 гг. (Бескровный, Водарский, Кабузан 1972: 3). Можно предположить, что причины, по которым перепись не была закончена, состояли в осложнениях, возникших во время переговоров между Россией и Данией по поводу границ на Севере. Из содержания ссылок следует, что книги описывали фактически только русские волости уезда. Исключением было описание Мотовского и Печенгского

³⁴ HRA. Rulla PR-44. №13; Харузин 1890: 402–403; СМИКП: 157–158.

³⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Лл. 1. и др.

сиййтов. Данный источник содержал сведения только о численности взрослых мужчин. Какова структура описания информации документа – не ясно, однако из текста ссылок видно, что книги не располагали данными о численности веж в описанных двух сиййтах, и сведения о количестве дворов (в сиййтах – веж) зафиксированы в них не по каждой волости. Об остальных сиййтах в ссылках постоянно говорится, что сведений о них «не сыскано». Тем не менее, находка даже такой фрагментарной переписи помогла бы, по крайней мере, гипотетически воссоздать связь между поколениями двух, а то и трех переписей XVII вв., двух сиййтов.

Частной переписью является *Переписная роспись Печенгского монастыря 1658 г.* (Далее – РПМ1658).³⁶ Документ не имеет конца, поэтому не ясно кем он был составлен. В росписи описывается все монастырское имущество. Среди описаний важное место занимает перечень угодий, принадлежащих монастырю, со ссылками на акты (продажи, пожертвования, завещания и т.д.), обосновывающие эти владения. Отдельным пунктом документа является перепись двух «монастырских» сиййтов – Печенгского и Мотовского.

В перечне описываются взрослые мужчины двух сиййтов. Структура информации документа не соответствует писцовой. Список людей представлен без разделения их на вежи, однако иногда упоминаются их патрилинейные родственные связи.

Кроме списков членов двух сиййтов, важным является также упоминание других отдельных сиййтов, продавших или заложивших свои угодья монастырю. Хотя этот документ и не представляет срез всего Кольского уезда, он также может быть использован для выяснения как генеалогической, так и экономической информации других источников.

Третья перепись всего Кольского уезда была проведена в 1678–1679 гг. по указу воеводы Льва Борисовича Секирина. В последующих документах этот источник именуется как *Переписные книги Льва Секирина* (далее – П1678). Список этих книг хранится в РГАДА.³⁷ Данная перепись была частью общероссийской подворной переписи, организованной правительством в 1678–1681 гг. (Бескровный, Водарский, Кабузан 1972: 3.)³⁸

³⁶ СМПКП. №58.

³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Согласно данным М. Поллы, еще один список этой переписи хранится в Архиве СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 529. (Polla 2003: 180)

³⁸ Анализ аналогичных материалов той же переписи, касающихся Сибири, см.: Долгих 1974.

По указу воеводы были составлены три книги, описывавшие население: 1) «в Колском остроге на посаде, и в Колском уезде в волостях и в монастырских вотчинах, и в лопских погостех»³⁹; 2) «в Колском уезде в Терской лопи и в вотчине Святейшаго патриарха», составленная стрелецким сотником Богданом Щериным;⁴⁰ 3) «в Колском уезде в Корелских Ребалских волостях», составленная стрелецким головой Иваном Власовым сыном Стариковым.⁴¹ (Далее – соответственно П1678/1, П1678/2 и П1678/3).

Переписные книги Льва Секирина содержат лишь перечень населения, составленный по писцовой структуре. В отличие от предыдущих переписей, данный документ описывает все мужское население, включая «недорослей» с указанием их возраста. Кроме того, в П1678/1 содержится упоминание о происхождении мужчин, пришедших из другого сиййта. Это описание включает указания на сроки переселения в этот сиййт, иногда – на мотивы этого переселения и информацию о дальнейших судьбах угодий, принадлежавших этим переселившимся. В П1678/2 при описании некоторых сиййтов ушедшие из них люди перечисляются отдельно. Сравнение сведений о происхождении пришедших в сиййты и ушедших из них показывает, что эти данные не всегда совпадают. Это дает основание полагать, что П1678/2 составлялась ранее.

При подсчете мужского населения составители П1678 делили его на три категории: «лопари», «их братия, недоросли, племянники, соседи» и «недоросли». Видимо, такое разделение имело фискальные цели. Старший возраст недорослей – 15 лет. При описании категорий населения патриарших сиййтов в П1678/2 применяются термины «сосед» и «подсоседник». Анализ этих описаний показывает, что принцип деления мужского населения на разные категории отличался от описания остальных сиййтов. Это приводит к выводу о том, что при описании патриарших сиййтов Богдан Щерин пользовался уже имевшимися патриаршими сотными, которые, к сожалению, нам не известны.

Зимой 1709–1710 гг. по царскому указу Кольский воевода Петр Власьевич Матюшкин организовал составление *Переписных книг Кольского уезда* (далее – П1709). Материалы переписи хранятся в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН.⁴²

³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 76 об.

⁴¹ Там же. Л. 97.

⁴² Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21.

Перепись состояла из трех частей, которые включают: 1) население г. Кола, большинство волостей уезда и большинство сийитов. В заголовке указано, что «переписал» людей сам воевода;⁴³ 2) «Кольского острога в уезде в лешелопских погостех лопские вежи и в вновь дворы и в них же людей», что «переписал» стрелецкий капитан Кольского острога Иван Еремеев;⁴⁴ 3) «Кольского острога капитан Семен Разборников писал в Колском уезде Воскресенского монастыря в вотчине в селе Поное и в Терской лопи дворы и лопские вежи и в них людей».⁴⁵ Состав частей соответствует аналогичным частям предыдущей переписи.

П1709 содержит перечень всех мужчин, составленный по писцовой структуре. В отличие от предыдущих переписей, в П1709 учитывалось семейное положение мужчин. В статистических итогах мужчины делятся на «женатых», «старых и вдовцов», «холостых» и «малолетних». В этой переписи впервые был указан возраст фактически всех мужчин, и она является первой из рассматриваемых нами переписей, в которой возраст совершеннолетия уменьшился на год, а недорослями считались дети до 14 лет включительно.

Составители переписи сравнивали ее результаты с материалами предыдущей переписи. Это сравнение показывает, что численность саами и их веж значительно сократилась за истекшие три десятилетия. Поскольку вежа стала важным объектом налогообложения, в каждом сийите жители и свидетели из числа соседей объясняли такое сокращение несколькими «моровыми годами», прошедшими на рубеже XVII – XVIII вв. При этом свидетели рассказывали об умерших или ушедших из сийита.

Следующей зимой 1710–1711 года по царскому указу воеводой Афанасием Власьевичем Матюшкиным была составлена *Переписная книга Кольского уезда 1710–1713 гг.*⁴⁶ (1713 г. – дата поступления результатов переписи в правительство. Мы этот источник будем именовать П1710). Документ хранится в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН.⁴⁷ «Выпись» из нее, описывающая

⁴³ Там же. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Л. 57 об.

⁴⁵ Там же. Л. 61.

⁴⁶ Скорее всего, П1710 была подворной переписью 1710 г., а П1709 – ее подготовкой. См: Бескровный, Водарский, Кабузан 1972: 9.

⁴⁷ Архив СПб Института истории РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д.20.

владения Соловецкого монастыря в Керецкой волости, в том числе «погост Тикшеозеро», была опубликована в СГКЭ.⁴⁸

Перепись состоит из нескольких частей: 1) снова «сам воевода» людей «переписал в Кольском остроге на посаде и в Кольском уезде в государевых волостях и в селех и в лопских погостех»⁴⁹; 2) стрелецкий капитан Иван Еремеев «переписал Кольского острога в уезде в лешелопских погостех лопские вежи и в новоприбылых деревнях»⁵⁰; 3) «капитан стрелецкой Никита Рекунов переписал в Кольском уезде великого государя лопские погосты»⁵¹ (в эту часть попали только два сиййта); 4) «Никита Рекунов переписал ... в селе Поное ... дворы, а в Терской лопи погосты...»⁵². К сожалению, последняя часть плохо сохранилась, и сведения о большинстве сиййтов утрачены.

Структура информации П1710 остается писцовой. В части сравнений с П1679 эта перепись совпадает с предыдущей. Серьезным отличием является включение в перечень не только мужчин, но и женщин. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с первой переписью, в которой было зафиксировано все население Кольского уезда. Это позволяет реконструировать демографию общества саами начала XVIII в. Кроме того, благодаря П1710, мы можем прояснить ряд вопросов, которые возникают при работе с другими переписями. В описании населения сохраняется логика предыдущих документов, по которой основу описания составляют мужчины и их родственные связи. Матрилинейные связи указываются лишь в редких случаях.

Статистические итоги П1710 делят население на четыре возрастные категории. В переписи перечислены лица «мужескаго и женскаго полу от сущих младенцов до пятнатцети лет, а от пятнатцети лет до дватцети пяти лет, а от дватцети пяти лет до шестидести лет, а от шестидести лет до самой старости».⁵³ Таким образом, это – первая перепись, описавшая всех саами Кольского уезда.

Зимой 1715–1716 гг. были составлены *Книги переписные около Мурманского и Белого морей 1716 г.*⁵⁴ (далее П1716). Эта перепись

⁴⁸ СГКЭ 2. № 172. К сожалению, список с которым работали публикаторы сборника, в месте, касающемся сиййта Тикшеозеро, был худшей сохранности, чем документ, хранящийся в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН.

⁴⁹ Архив СПб Института истории РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д.20. Л. 2.

⁵⁰ Там же. Л. 151 об.

⁵¹ Там же. Л. 159 об.

⁵² Там же. Л. 165.

⁵³ Там же. Л. 1 об.

⁵⁴ РГАДА. Ф.248. Кн. 78. № 29. Лл. 186–435.

была проведена по царскому указу теми же двумя капитанами – Никитой Игнатьевым сыном Рекуновым и Иваном Петровым сыном Еремеевым. Здесь мы имеем дело с так называемой «ландратской» подворной переписью, организованной правительством в 1715–1717 гг. (Бескровный, Водарский, Кабузан 1972: 9). Она также делится на три части: 1) проведена самими капитанами и охватывает Поморские волости уезда и сийиты «Кончанской лопи»;⁵⁵ 2) по наказной памяти капитанов перепись «лешелопских гопостов лопские вежи» составлял «Кольского острога посадской человек Семен Русак».⁵⁶ Эта часть составлена небрежно: в описании Пяозерского сийита два раза повторяются имена одних и тех же людей, причем статистические итоги показывают это удвоенное число; 3) по наказной памяти капитанов «сержант Григорей Лоушкин переписал в Кольском уезде лопские погосты: Муномашской, Воронежской, Ловозерской, Семиостровской, Еконской, Лунданской, Тулванской, Каменской, Пурнацкой и село Поной».⁵⁷

П1716 представляет собой перечень всего мужского населения «волостей и погостов Кольского уезда» за исключением г. Колы и посада, а так же Печенгского монастыря. К счастью, в нем даются сведения обо всех сийитах. Структура П1716 является писцовой. Указан возраст всех мужчин. Статистические итоги по каждому из описанных коллективов никак не делят население. В общей итоговой таблице население разделено на возрастные группы с шагом в пять лет до 55 лет, и от 55 «до самой старости». При этом русские и саами подсчитаны отдельно.

Перепись в погостах Терских саами показывает, что после эпидемии начала века люди стали возвращаться в свои сийиты.

*Книга 1-й ревизии Кольского уезда 1719 г.*⁵⁸ (Далее – Р1719). Это – первая ревизия, организованная Петром I. Составлялась она принципиально иным способом. Теперь не переписчики ездили по сийитам, а выборные люди сами привозили «скаска» о численности населения своих сийитов. Каждая скаска предварялась следующим образом: «староста ... и все того погоста лопари сказали по Святей Непорочной Евангельской заповеди еже ей-ей вправду под опасением смертной казни в том, что мы, лопари промеж собою друг у друга вежи и в них людей промеж себя переписали. А сколько веж и в них мужеского полу от самой престарелости и до сущаго младенца, о том

⁵⁵ РГАДА. Ф.248. Кн. 78. № 29. Л. 187 об.

⁵⁶ Там же. Л. 208 об.

⁵⁷ Там же. Л. 212 об.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476

значит ниже». Завершались они словами: «А ежели мы, лопари, что в сей скаске ложно сказали, в вежах или в душах утаили, а про то сыщетца допряма, и за такую нашу ложную скаску и за утайку указал бы нам великий государь учинить смертную казнь. Да сверх того за всякую утаенную душу взять бы у нас лутчего человека в салдаты не в зачет». Перечни населения ряда сийитов сопровождаются клеймами выборных посыльщиков. Судя по датам, скаски в основном привозились в Колу в апреле–июне 1719 г.

Структура Р1719 остается писцовой. В документе описано все мужское население с указанием возраста. Итоговая статистика делит население на 8 возрастных групп: «от самой престарелости» до 80, от 80 до 60 лет, от 60 до 50 лет, от 50 до 25 лет, от 25 до 15 лет, от 15 до 10 лет, от 10 до 5 лет, от 5 лет, «до сущих младенцев».

Сведения о «погосте» («деревне») Тикшеозеро содержатся в Ревизских сказках вотчины Соловецкого монастыря Керецкой волости 1719 г. и по окладу 1723 г., описанных по ревизской структуре.⁵⁹

Следующим документом, продолжающим традицию переписи населения, но уже составленным с учетом иных административных требований, является *Книга переписная мужеска полу душ Архангелогородской губернии и правинцыи города Колы и Колского уезда*, которая была «учинена ис поданных сказок 1745 году».⁶⁰ Это – материалы 2-й Ревизии. Данный источник являет собой не собственно материалы переписи – скаски, а их ревизию. Кроме того, в колонке, содержащей сведения о выбытии людей, зафиксированы случаи переселения до 1747 г. включительно. В следующей переписи она значится как «ревизия 1747 г.». Тем не менее, мы будем исходить из того, что эта перепись была проведена зимой 1744–1745 гг. и в основном описывает реальность именно того времени, поэтому далее она будет именоваться Р1744.

Р1744 перечисляет людей, упоминавшихся в предыдущей переписи, но уже выбывших, в тех случаях, когда необходимо идентифицировать их детей, присутствующих в данной переписи. Эти сведения

⁵⁹ РГАДА. Ф. 350 Оп. 2. Д. 688. Лл. 141 об. 143

⁶⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1478. Описание населения, находящегося в юрисдикции Крестного и Воскресенского Истринского монастырей, было опубликовано в СГКЭ 2. № 175. Публикация абсолютно идентична используемому нами источнику. Сведения о погосте (деревне) Тикшеозеро содержатся в Ревизских сказках вотчины Соловецкого монастыря Керецкой волости 1719 г. и по окладу 1723 г. (РГАДА. Ф. 350 Оп. 2. Д. 688. Лл. 141 об. 143), описанных по ревизской структуре.

представлены в переписи следующим образом: «Умершего [имярека имярекова сына], написанного в прежнюю перепись, сын [имярек]». Самый старший возраст «рожденных после прежней переписи» – 24 года. Этот же рубеж – самый младший возраст людей, «написанных в прежнюю перепись».

Не все жители, «написанные в прежнюю перепись», внесены в перечни Р1719. Ревизские сказки вотчин Соловецкого монастыря ссылаются на Генеральное свидетельство 1722 г., в котором были зафиксированы «прописные души» – люди, скрывшиеся от переписи 1719 г. Это объясняет отсутствие в ревизии П1719 некоторых «написанных в прежнюю перепись» людей из Р1744.

Вопрос о датировке Р1744 не прост, как кажется на первый взгляд. Мы имеем точную датировку Р1763 – все скаски поданы в апреле – июне 1763 г. Самый младший возраст людей, зафиксированных в предыдущей переписи – 17 лет. Таким образом, предыдущая перепись должна датироваться 1746 г. В Р1744 указано, что она сделана на основе сказок, поданных в 1745 г. Самый младший возраст, людей, зафиксированных в Р1744, о которых сказано, что они «написаны в прежнюю перепись» – 24 года. Если скаски были поданы в 1745 г., а перепись проводилась в конце 1744 г., то этот возраст фактически совпадает с предыдущей переписью – 1719 г.

Итак, в Р1763 указывается, что ее результаты сравниваются «с ревизией 1747 г.», а в Р1744 сказано, что она сделана «на основе сказок, поданных в 1745 г.». Таким образом, в данном случае имеет место расхождение в данных, которое составляет примерно 2 года. Когда же составлялась Р1744 – в 1744–1745 гг. или в 1747 г.? Есть два возможных варианта ответа на этот вопрос.

Вариант первый. «Прежней ревизией», на которую ссылается Р1744, была не П1719, а какая-то промежуточная перепись начала 1720-х гг. В этом случае, возраст людей, указанный в скасках 1745г., был увеличен писцами на три года. Имеющиеся в нашем распоряжении «Ревизские сказки вотчины Соловецкого монастыря Керецкой волости 1719г. и по окладу 1723 г.» имеют ревизскую структуру. В них приведены все результаты переписи 1719 г. и данные о скрывавшихся от нее, но найденных «по окладу 1722 г.» Возраст всех «наличных» людей строго увеличен на 25 лет, возраст скрывавшихся – на 23 года. Итоговый возраст людей из «Соловецких сказок 1745 г.» совпадает с возрастом, указанным в общей Р1744. Это означает, что никакого увеличения возраста не происходило. Таким образом, этот вариант ответа не соответствует действительности.

Вариант второй. Поскольку Р1744 была подана в правительство в 1747 г., в официальную номенклатуру она вошла под названием

«Ревизии 1747 г.». В связи с этим чиновники механически увеличили возраст всех людей на 17 лет, отделявший их от 1747 г., тем самым «омолодив» всех взрослых мужчин на 2 года. Этот вариант объяснения представляется более обоснованным.

В Р1744 описывается все взрослое мужское население, указан возраст «наличных» людей. Структура организации материала – ревизская. Итоговая статистика делит население на тех, кто остался «из прежней переписи» и «рожденных после переписи».

Самой поздней переписью из использованных нами к настоящему времени является 3-я ревизия Кольского уезда.⁶¹ Источник включает скаски каждого сийита и волости уезда. Скаски предварены заголовками такого рода: «Скаска 1763 года против опубликованного в нынешнем 1763 году февраля 13 дня Ея императорского величества высочайшего о ревизии указа, сколько по последней 1747 году ревизии в подушном окладе мужеска полу душ состояло.... По силе опубликованного в 1761 году указа по приложенным тогда формам и о женском поле, по семействам...[такого-то] погоста нижеподписавшиеся выборные лопари дали свою скаску и показали истинну без всякой утайки. Буде впредь изобличены будем, то повинны положенного по указом тяжчайшего штрафования». Скаски о сийитах, находившихся в юрисдикции монастырей, составлялись представителями последних. Все скаски были поданы осенью 1763 г. Эту перепись далее мы будем называть Р1763.

Структура организации информации в Р1763 – ревизская. Главным отличием 3-й Ревизии от предыдущих двух было описание не только мужского, но и женского населения.⁶² Важной информацией, содержащейся в ней, является указание на происхождение большинства замужних женщин.⁶³ Это дает нам возможность проследить матримониальные связи сийитов. К сожалению, полной реконструкции родственных связей препятствует, как и в других переписях, описание в Р1763 только патрилинейных связей.

Наличие нумерации людей из предыдущей ревизии позволяет точно идентифицировать тех из них, кто был внесен в описание Р1763. Большинство сказок о населении сийитов заканчиваются клей-

⁶¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1479.

⁶² Это стало постоянной чертой всех переписей России, только начиная с 5-й Ревизии 1796 г. См.: Бескровный, Водарский, Кабузан 1972: 17.

⁶³ В скасках о вотчинах Соловецкого монастыря указаны даже те женщины, которые уже вышли замуж и ушли в другие семьи. К сожалению, по интересующему нас материалу это касается только «деревни» (бывшего «погоста») Тикшеозеро.

мами официальных представителей сийитов – мирских посыльщиков. Итоговая статистика дает представление о динамике «рожденных после прежней переписи».

Таким образом, в нашем распоряжении имеются фактически все русские переписи Кольского уезда почти за два века. Исключением являются П1573–1576, П1646, промежуточная ревизия начала 1720-х гг. («оклад 1723 г.»), а также часть П1710, утраченная из-за плохого состояния документа. Кроме того, в силу специфики административной системы того времени, не все переписи вотчин Соловецкого, Кийостровского и Воскресенского Новоиерусалимского монастырей вошли в число использованных нами документов.

Близки к переписям разного рода *финансовые справки*, «*ростиси*», *отчеты* и прочие документы, содержащие список сийитов.

К подобным документам относится *Наказная память Василия Ивановича III 1517 гг.* (далее – Г1517). Этот документ не дошел до нас в оригинале, но дошли два ее перевода на стародатский язык. Один перевод хранится в Дании в Копенгагенской королевской библиотеке, а другой – в Норвегии в архиве г. Тромсё. Документ, хранящийся в Копенгагене, был включен в собрание Лилиеншельда и опубликован вместе с другими документами этого собрания (Lilienskold 3: 185–189). Перевод на русский язык был осуществлен В.Е. Возгриным и опубликован в упоминавшейся уже статье (Возгрин, Шаскольский, Шрадер 1998: 129–135). При цитировании написания названий мы будем опираться на копенгагенский документ, а вариант написания по документу из Тромсё будем указывать в скобках.

Грамота являет собой руководство для сборщиков дани, а также посвящена «пожалованию» сийитам их собственных земель. В ней четко расписаны маршруты данщиков по Кольскому полуострову. В грамоте перечисляются сийиты. Фактически этот документ – самый первый перечень коллективов Кольских саами. Ценность его усиливается тем, что в нем представлены несколько вариантов датской транскрипции названий сийитов. Видимо, эта грамота была выпущена для урегулирования системы и определения ареала сбора дани после подписания в 1515 г. мирного договора между московским великим князем и датским королем. Значимость этого документа не раз подчеркивалась датскими дипломатами в переговорах. Однако остается не ясным, почему эта память не упоминается в российских источниках. Во вводной части документа говорится, что он написан по просьбе представителей трех коллективов, выступавших от имени всех саами. Таким образом, перед нами – самое раннее упоминание коллективной политической акции кольских аборигенов.

Естественный массив информации содержит также *Роспись лопарским погостам*, составленная в 1624–25 г. (далее – *Роспись 1624*).⁶⁴ Она включает перечень всех некогда подданных России сиййтов, чьи угодья простирались на запад вплоть до Тромсё. Источник составлялся на основе показаний кольских стрельцов и некоторых финансовых документов. Эти сведения включают информацию о расстоянии между зимними поселениями, численности населения (очевидно, взрослого мужского), размерах и характере обложения разных погостов как «государевой», так и «королевской» данями. *Роспись* составлялась на фоне возникших в то время русско-датских противоречий в вопросе о подданстве аборигенов Севера. По этой причине подробные сведения в данном документе касаются лишь сиййтов, находившихся в тот момент под контролем Колы. Об остальных даются лишь краткие сведения.

В этом же ряду документов стоит *Отчет священника Алексея Симонова* о его миссионерской поездке по сиййтам. Оригинал отчета содержится в РГАДА⁶⁵, полная публикация и анализ документа осуществлены нами (Кучинский 1998а).⁶⁶ В своей поездке Священник посетил все сиййты Кольского уезда, кроме тех, которые находились под юрисдикцией Печенгского монастыря и Патриаршего дома. Кильдинский сиййт выпал из поля его зрения, возможно, в связи с тем, что его члены числились прихожанами в Коле. Остается непонятным, по каким причинам о. Алексей не объехал сиййты Лешей лопи. Для нашего исследования этот документ важен тем, что в нем перечисляется взрослое мужское население разных сиййтов, описанное через 3 года после составления П1678.

Схожим типом источника являются *Книги прихода и расхода Кольского уезда*.⁶⁷ Эти книги ежегодно составлялись сначала в Новго-

⁶⁴ СМПКП. №27. До сих пор это было единственным введенным в научный оборот перечнем саамских погостов, Севера Норвегии плативших дань в Москву. Еще два перечня этих погостов содержатся в Фонде Датских дел бывшего Архива Иноземного приказа. (РГАДА. Ф.53. Оп. 1. 1614–1616 гг. №2. Лл. 13–16; Там же. Оп. 1. 1621 г. №1. Л. 11.) К сожалению, эти описания лишь перечисляют «погосты» и сообщают размеры дани, выплачиваемой ими.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 114.

⁶⁶ Частичная публикация документа: Жуков 2004.

⁶⁷ Например: РГАДА. Ф. 53. 1621. №1. Отписка Кольского воеводы.; Лл. 11–17; РГАДА. Ф. 53. 19.11.1614 – 27.02.1616. №2. Переписка Кольского воеводы с Варгавским державцем. Лл. 10–11, 13–18; РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 28. Записные приходные книги Новгородской четверти; РГАДА. Ф.137. Оп.1. Д.16. №2. Лл. 674–706об. Сметные списки и окладная роспись денежных и хлебных доходов и расходов Колы и Кольского у. 136 г.; Там же. Лл. 706об.–715. Сметные списки и

родском приказе, а потом в Архенгелогородской губернской канцелярии. В них фиксировались сведения о государственных финансовых потоках, проходивших через Колу. В книгах расписывались итоги уездного казенного бюджета за предыдущий год: сколько средств и по каким статьям поступило, сколько и на какие нужды было потрачено. Исходя из итогов предыдущего года, планировались поступления на текущий финансовый год. По этим документам можно составить представление о размерах дани, получаемой с каждого погоста и волости, где и как эта дань выплачивалась,⁶⁸ сколько дани и с какого податного коллектива не было собрано. Там же имеется список податных коллективов. К сожалению, в нашем распоряжении пока найдено немного таких документов.

Весьма ценным источником являются *таможенные книги*.⁶⁹ Это официальные документы, составлявшиеся выборным чиновником – *таможенным целовальником*. В книгах фиксировались все казенные неокладные доходы, то есть поступления от всех выплат 10-процентной пошлины, которой облагалась промысловая деятельность («Десятая» рыба, бочка сала, нить жемчуга могла собираться с промысловиков натурой, а могла выплачиваться по государственным тарифам.). Таким образом, здесь можно почерпнуть информацию о размерах официально заявленных уловов каждого из промысловиков, их доходах.

В книге указаны все поступления от такой же пошлины, выплачиваемой с каждой сделки. Таким образом, можно получить представление об экономической специализации разных сийитов, их предпочтениях в покупках, характере и предметах торговли между различными контрагентами – саами, русскими, иностранцами, как в Кольском уезде, так и за его пределами, куда его жители ездили торговать – в Двинский уезд и за границу. К сожалению, торговцы, покупавшие у саами различные товары для дальнейшей перепродажи – олени кожи, различную рыбу, тресковое сало – не всегда сообщали точные сведения о том, в каком именно сийите они закупают товар, а

окладная роспись денежных и хлебных доходов и расходов Колы и Кольского у. 137 г.; *Там же*. Оп. 1. Д. 4. Сметный список и окладная роспись денежных доходов и расходов Кольского острога и Кольского уезда; Архив СПб Института истории РАН. К. 10. Д. 362. Приходная книга Кольского острога с посаду и с уезду всяким зборам 1711 г.

⁶⁸ К примеру, указывалось, что саами некоторых сийитов «платят на Москве сами».

⁶⁹ К примеру, Архив СПб Института истории РАН. К. 10. Оп. 3. Д. 71. Таможенные книги Кольского уезда 1710 г.; РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 908. Таможенные книги Кольского уезда 1719 г.

ограничивались обобщением «уездные лопские покупки». В таможенных книгах также фиксировались размеры пошлины, собиравшейся с каждого морского судна. Это позволяет составить представление о том, кто, где, каким способом и с каким размахом занимался промыслами. Документ свидетельствует и о том, как проходит промысловая и торговая и жизнь уезда в течение года. К сожалению, пока удалось найти немного таких книг, и сами книги относятся к первой четверти XVIII в.

Особую категорию источников составляют документы, составленные иностранцами. Их можно разделить по тому же принципу, что и российские источники. Наибольший интерес для нас представляют *датские естественные массивы информации*, касающиеся изучаемых саами. Датская традиция учета не предусматривала фиксацию занятий населения в исследуемое время. Не проводилось и переписей среди саами Кольского уезда. Фискальные документы Дании XVI–XVII вв. являлись перечнями плательщиков (взрослых мужчин) личных налогов. Эти списки разделялись по естественным группам плательщиков, сиййтам и по своей структуре несколько напоминают ясачные книги Сибири. Более поздние перечни представляли собой ежегодные списки владельцев определенных угодий.

На данный момент из этих документов доступен только *Register* (Johnsen 1923: 44), составленный датскими сборщиками дани на Кольском полуострове в 1593 г. (далее – R1593). В нем приведены неполные сведения, содержащиеся в оригинале. Автор перечисляет *by* («погосты») саами и указывает численность их плательщиков – взрослого мужского населения. Он сравнивает данные, описанные по принципу, лежащему в основе другой административной системы. Сравнение с П1573–1576 и П1607–1611 показывает, что этот регистр учитывает взрослое мужское население. Общий перечень зимних поселений и численность их взрослого мужского населения фактически совпадают с данными российских источников того времени. Можно предположить, что схожесть описания русскими и датчанами податных коллективов саами была продиктована в том числе и тем, что к концу XVI в. державы сознательно старались консервативно поддерживать эту симметричность. Это не могло не способствовать консервации самих этих коллективов.

Еще одной разновидностью массивов являются словари. Искключительную ценность для нас представляет *Географический словарь Кольского полуострова* (далее – ГСКП), который является обобщением результатов работы географов, биологов, геологов, этнографов, археографов, археологов 1920–30-х гг.

В 1939 г. вышел первый том Географического словаря Кольского полуострова под редакцией В.П. Вошниина (ГСКП 1). Как указано в предисловии, «...это не только инвентарная опись всего того, что учтено на Кольском полуострове. Здесь, наряду с первичной географической характеристикой различных объектов, дается еще предельно возможный перевод их названий с языка, главным образом коренных обитателей края – саами... Особенно интересна топонимическая часть работы, проливающая некоторый свет на не вскрытую до сих пор историю быта и материальной культуры саами».⁷⁰ Это издание включает в себя перечни географических терминов поморов и саами и словарь наиболее частых формантов саами с их переводом и разделением по диалектам. ГСКП 1 помогает идентифицировать топонимы XVI–XVII вв. (некоторые его статьи содержат историческую справку).

Второй том словаря был подготовлен к печати в 1941 г. (ГСКП 2). Однако почти весь его тираж уничтожен, и он так и не вышел в свет. Сохранились единицы экземпляров этого издания.⁷¹ Том сосредоточен на географических характеристиках различных объектов. Особенно ценным для нашего исследования является то, что он содержит карты Кольского полуострова, которые отражают состояние ландшафтов и топонимику накануне преобразований. Это значительно помогает идентификации топонимов. В отличие от первого тома, во втором в большем объеме представлена информация о горных системах полуострова. Кроме того, том содержит много статей, аналитического и обобщающего характера, в том числе глава «Первобытный человек» в общей статье, посвященной Кольскому полуострову.⁷² К сожалению, эта глава фактически не затрагивает период, который охватывает наше исследование.

В обоих томах упоминаемые географические объекты рассматриваются в связи с действительностью и продуктами человеческой деятельности того времени. Так, например, в описании объектов гидросети приводятся данные об их соотношении с бассейнами и с публикацией их координат.

Авторы ГСКП 1 осуществили часть работы по идентификации топонимов. В некоторых статьях изложены гипотезы, связанные с историей саами. К сожалению, словарь является фактически единственной публикацией этих гипотез. К нашему прискорбию,

⁷⁰ Там же. С. 5.

⁷¹ К примеру, личный экземпляр Г.Д. Рихтера хранится в Музее-архиве истории изучения Севера (г. Апатиты).

⁷² ГСКП 2: 130–133.

большинство авторов-гуманитариев были репрессированы и не увидели плоды своего труда.⁷³

Картографические материалы

Иным типом использованных нами источников, рассматриваемых нами как информационные массивы, являются картографические материалы. Они отличаются тем, что информация, которая нас интересует, зафиксирована в них графически. В данном случае графика несет информацию о географических объектах и их состоянии, а также о других явлениях, представленных как географические объекты. Графика карты символизирует не только географические объекты, их характеристики и состояние, но и иную информацию, которую авторы ассоциируют с этими географическими объектами, – границы, символы, различный окрас и т.д. Кроме того, топонимия, которая встречается в письменных источниках, здесь не только графически представляет расположение объектов, но и воспроизводится в различных вариантах транскрипции.

Карты, как и письменные источники, можно разделить на те, которые содержат массивы, и те, которые являются просто блоками интересующей нас информации. Специфичность карт как источника состоит в том, что они генерализированы. Это значит, что карты, бедные сведениями (условно относимые нами к блокам информации) чаще всего содержат одну и ту же информацию, которая постоянно воспроизводится из издания в издание. Такие карты не представляют особенного интереса, и мы их не рассматриваем.

Рассмотрение методологии картографии не входит в наши задачи, поэтому ограничимся оценкой этого типа источника с точки зрения использования для целей данного исследования. Исходя из хронологического соотнесения информации, мы очень условно разделим карты на современные и исторические.

Современные карты отражают представление настоящего времени о состоянии территории и принятые сегодня способы отражения этого состояния. В нашей работе мы будем придерживаться тех же принципов графической фиксации географических сведений,

⁷³ В предисловии к первому тому эта трагедия отражена такими словами: “бухаринско-троцкистские последыши – агенты фашизма – и здесь пытались приложить свои грязные руки – запутать и омертвить результаты исследований”. (ГСКП 1: 3–4.)

которая принята и отражена на «современных» топографических картах. В этом условно и состоит отличие этих типов карт.

Нами были использованы различные топографические карты. При выборе мы придерживались тех, которые содержат наибольшее количество информации – и графической и топонимической. Следует обратить внимание на то, что расхождение в написании топонимов характерно не только для древних текстов. В различных российских изданиях топографических карт и сегодня встречается вариативность написания топонимов. Особенно это касается иностранной топонимии. В качестве базовой карты нами были выбраны комплекты карт *Мурманской области 1:100000*, *Республики Карелия 1:100000*. Кроме того, для идентификации географических объектов, находящихся сегодня на территории Норвегии и Финляндии, были использованы карты *Norge–Norway 1:50000* и *Finlan.: Atlas. 1:200000*. Иноязычные картографические материалы предоставляют вариативность прочтения топонимов. Указанные карты Норвегии ценны еще и тем, что в них помещены топонимы как норвежские, так и саами.

Исторические карты были созданы до того, как началась значительное изменение ландшафта и топонимии. Некоторые из них содержат информацию, современную исследуемому периоду.

Исторические карты изображают ситуацию так, как их составители ее видели и представляли себе. Карты, как правило, фактически являлись политическими декларациями. В условиях постоянных территориальных споров между государствами и двоеданности саами на исторических картах мы можем увидеть различную информацию о принадлежности территорий. Полная источниковедческая критика этих картографических материалов потребовала бы анализа развития картографии и географических знаний о Севере Европы. Это не входит в наши задачи, поэтому укажем лишь на то, насколько эти материалы служат источником для данного исследования и ограничимся самой необходимой информацией. Топонимия, содержащаяся в картографических материалах, позволяет датировать существование тех или иных сиййтов и вариантов их названий.

Не останавливаясь на анализе всех картографических материалов, приведем пример нескольких наиболее ценных. Наилучшим из ранних таких источников является *Utsnit av Simon v. Salingen kart over det nordligste Europa. 1601* (Jonsen 1923: Kart 1). Карта Симона ван Салингена 1601 г. (далее – K1601) на первый взгляд может показаться репрезентацией мифологических представлений. Такое впечатление особенно производит стиль графики и изображение береговой линии. Если же посмотреть внимательно на всю расположенную на карте мелкую информацию, становится понятно, что по

Кольскому полуострову, в отличие от других частей Лапландии, она была собрана и зафиксирована очень основательно и ответственно. На карте отображены почти все сиййты Кольского уезда, существовавшие в то время. Интересна транскрипция их названий, зафиксированных на голландском языке. Некоторые названия отражают редкие варианты написания. Несмотря на ряд серьезных ошибок в изображении гидросети, расположение поселений на Кольском полуострове указано довольно правильно. Описание этой карты в русской литературе было осуществлено К.Н. Вальдманом (Вальдман 1984). Этот автор предложил ряд гипотетических вариантов идентификации топонимов, встречающихся на этой карте. К сожалению, большинство из них в настоящее время не удовлетворяют.

Очень ценным для нас источником является карта, составленная майором Петером Шнитлером для протоколирования переговоров о размежевании границ Дании, Швеции и Норвегии – *Utsnit av major Peter Schnitlers geografiske kart over Vardøhus amt til forstaelse av 5te examinationsprotokol 1744–1745* (Johnsen 1923: Kart 4). На карте изображены три пограничных сиййта – Нявдемский, Пазрецкий и Печенгский с прилегающими территориями. Схематично, но весьма подробно показан рельеф этой местности, особенно те его объекты, которые связаны с границами сиййтов. Здесь уже важна не только топонимия, но и локализация географических объектов.

Если сравнивать эту карту с картой, сделанной в течение 1720-х и 1730-х гг. и опубликованной то же время в России (*Российская Лапландия. Императорская Академия Наук, СПб. 1745*), то последняя явно уступает по точности. Казалось бы, для нас она должна быть лучшим источником, поскольку охватывает весь Кольский полуостров, однако никакой новой информации она не содержит и изобилует искажениями как географической информации, так и топонимии.

Из картографических материалов, изданных до революции, наиболее содержательным, с нашей точки зрения, является *Географический атлас Российской империи* (Маркс 1890). На карте Кольского уезда этого атласа полно отражены топонимия и ландшафт в том виде, в каком они были до изменений, произошедших в XX в.

Самыми лучшими картографическими материалами, отражающими и географическую реальность до изменения ландшафта и топонимии саами, являются карты второго тома Географического словаря Кольского полуострова (ГСКП 2). На них можно увидеть ряд локальных объектов, микротопонимы, которые упоминаются в письменных источниках XVI–XVII вв. Впоследствии некоторые из объектов были затоплены и на современных картах отсутствуют. К сожалению, на этих картах отражена территория Мурманской

области в границах 1939 г. В имевшемся у нас экземпляре этого издания отсутствовала карта Кольской губы.

Приведенный обзор источников позволяет с уверенностью утверждать, что мы располагаем обширной базой эмпирического материала для исследования. Имеющиеся материалы дают возможность реализовать замысел создания модели социальной организации саами в рассматриваемое время. Исторические источники требуют внимательного и бережного отношения к себе и скрупулезности при извлечении и обработке имеющейся в них информации. Как это осуществлялось, рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА 2

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРЫ

Методы

Методы моделирования

Итак, наша историческая реконструкция осуществляется с помощью моделирования, основанного на обработке эмпирического материала.

Перед тем как приступить к созданию модели, следует сказать о фокусе исследовательского «окуляра», через который мы будем рассматривать исследуемый материал. Особенность работы состоит в том, что одновременно воссоздается и изучается как историческая реальность жизни конкретных людей, так и абстрагированная реальность обобщенных построений. Таким образом, мы решаем две задачи, попеременно меняя фокус.⁷⁴

Приступим к описанию принципов создания модели. Сначала на основе предварительного знакомства с эмпирическим материалом мы создаем когнитивную модель – предварительную идеальную схему модели. Затем определим методы, с помощью которых в ходе исследований мы будем корректировать и развивать модель, наполняя ее эмпирическим материалом источников. Таким образом, мы создадим содержательную модель. Для пояснения когнитивной модели сразу будем использовать терминологию, взятую из эмпирического материала.

⁷⁴ Такое изменение окуляра является одним из принципов системного подхода, который предполагает рассмотрение элементов системы различного уровня. Это сродни идее Ф. Броделя о множественности времен (Бродель Ф. 2000). Результатом исторических исследований в рамках нашего исследования явилось, к примеру, создание генеалогических схем всех саами Кольского уезда 1678–1763 гг., включая происхождение большинства сегодняшних фамилий кольских саами.

Общие принципы построения модели

В основе исследования лежит системный подход. Не составляет труда представить общество саами Кольского уезда сложной открытой динамичной системой, а его социальные структуры – подсистемами. Специфика динамических систем состоит в определении фазовых пространств и движения точек между ними. В качестве точек могут рассматриваться любые элементы системы, а в качестве фазового пространства – положение точек в любой момент замера. В нашей ситуации системными элементами являются люди и их объединения, а фазовыми пространствами – любой из массивов информации, сообщающий об этих элементах. Само использование термина «система» по отношению к историческим социальным организмам уже связано с определенным направлением в науке. Речь идет о построениях «мир-системы» (например: Валлерстайн 1998, 2001; Коротаев, Малков, Халтурина 2004, 2007). Сторонники этого направления оперируют *a priori* имеющимися моделями для создания систем более высокого уровня. Данное же исследование преследует совершенно иные задачи. Мы оперируем эмпирическим материалом и хотим создать локальную (историческую) модель, поэтому по возможности будем воздерживаться от использования в описании термина «система».

Квантитативные модели, разумеется, являются математическими. Как известно, в основе математического описания любой системы лежит множество. Фактически это иной угол зрения на тот же феномен системы. Строительный материал нашей модели – информация, которая обрабатывается с помощью той же математической логики. Представим исследуемое общество как *динамическое множество*, обладающее внутренней структурой.⁷⁵ Собственно, эта внутренняя структура и есть исследуемые нами социальные институты саами. Чтобы избежать путаницы, будем называть конкретные, исторически уникальные объединения людей (сиййты, вежи, патрилинии и прочие) *социальными единицами*, а типы этих объединений – *динамическими подмножествами*.

⁷⁵ «Теоретико-множественные основания математики, по-видимому, недостаточны для формализации метаболического объекта: нужен аппарат для описания универсумов с вновь появляющимися и исчезающими элементами... Хорошим имплицитным примером “динамического множества” может служить “метапопуляция” организмов, включающая в себя не только существующие ныне особи, но и всех их предков и потенциальных потомков.» (Левич 1996: 243).

Динамика множества может быть сведена к двум типам изменений. К первым относятся естественно-демографические и миграционные изменения, которые представляют собой изменение суммы всех жителей/членов сийитов (т.е. изменение самого множества) и являются внешними по отношению к нему. Вторые – структурные изменения, которые являются изменением подмножеств. С точки зрения всего множества такие изменения являются внутренними. В данном исследовании мы сосредоточимся, прежде всего, на внутренней динамике.

Необходимо различать два уровня этой динамики. Первый уровень – это динамика социальных единиц в их конкретной истории. Любые социальные процессы складываются из изменений, связанных с личными судьбами, семейными историями, спецификой личного выбора людей, проявлениями их личной свободы. Поэтому в нашем исследовании особое внимание будет уделено исследованиям истории социальных единиц.

Второй уровень – динамика подмножеств. Общество отличается наличием специфических черт, которые являются общими для его членов и подмножеств со всеми их индивидуальными чертами.⁷⁶ Эти общие черты могут, в свою очередь, различаться специфическими особенностями, характерными для разных групп общества. Тем не менее, даже такая специфика относится уже не просто к семейной истории, а является социальной тенденцией.⁷⁷ Динамику изменений черт на уровне подмножества мы расцениваем как структурную динамику множества.

Развитие когнитивной модели

Динамику социального множества можно исследовать с помощью лонгитюдного исследования или с помощью мониторинга – нескольких кратковременных исследований, разделенных временем. В первом случае динамическая система исследовательской модели задается с непрерывным временем, а во втором – с дискретным. Мы имеем дело с историческим материалом, поэтому остается только второй путь. Кроме того, забегаая вперед, укажем, что за редким исключением, мы можем рассчитывать лишь на статические срезы,

⁷⁶ К примеру, размеры семей и механизмы формирования их состава.

⁷⁷ Например, в следующей главе будет рассматриваться стабильность состава одной из веж на фоне нестабильности составов остальных веж одного и того же сийита.

фактически не содержащие ретроспективной экспликации. Каждый из таких срезов в нашей модели представляет собой статическое множество. Агрегирование серии статических множеств позволяет смоделировать динамическое множество на протяжении временного отрезка, ограниченного хронологией срезов. Поскольку наша модель – пока что когнитивная (идеальная) конструкция, то и описанные срезы являются идеальными.

Как только мы приступаем к анализу эмпирического материала, модель обретает дополнительные качества. Мониторинг реальности всегда осуществляется в определенном историческом контексте. Он организуется конкретными инстанциями, для конкретных целей и выполняется конкретными индивидуумами, эта практика изначально обусловлена субъективными факторами. Это приводит к тому, что, во-первых, сам мониторинг структурирует реальность, а во-вторых, он фиксирует лишь какую-то из ее сторон. Такая фиксация превращает само описываемое множество в объект. Конфликт между целями субъекта и объекта этой деятельности приводит к появлению расхождений в «эмпирическом» и «идеальном» срезах.⁷⁸ Таким образом, возникает вторая реальность нашей модели и производится третья реальность.

Все срезы в рассматриваемый период составлялись в фискальных интересах, прямо противоречивших интересам самих описываемых в них людей (того самого динамического множества). Сопротивление людей выражалось, в частности, в форме уклонения от фиксации. Часто бывает трудно понять реальную причину исчезновения из данных мониторингов сведений о тех или иных людях: было ли это результатом действительно имевшего место сокращения численности саами, или это связано с фактами укрытия от фиксации? Поэтому необходимо принять во внимание, что при сравнении «эмпирических» множеств их внешние изменения отличались от подобных изменений «идеальных» множеств. Сгладить эти расхождения позволяет диахронный и массовый характер привлеченной информации. Благодаря этому можно проверить противоречивую информацию и понять, насколько те или иные расхождения существенны, а значит, принципиальны для нашего исследования. Проверка информации с помощью наших источников дает возможность уверенно говорить о незначительности этих расхождений, которые, таким образом, непринципиальны для нашего исследования.

⁷⁸ Здесь речь не идет ни о различии в понимании описываемой реальности, ни о задачах описания. Это противоречие неизбежно возникает даже в такой гипотетической ситуации, при которой множество будет референтно самому себе.

Методы работы с информацией источников

Отличительная особенность документа, который мы готовы рассматривать как «срез», состоит в том, что его составители претендовали на полное описание той или иной стороны реальности, касающейся всего сообщества. Таким образом, срез является разновидностью массива информации, поскольку он уже содержит несколько рядов однотипной информации. Среди различных источников, имеющихся в нашем распоряжении, именно переписи являются теми массивами, которые могут быть рассмотрены как готовые статические срезы, позволяющие реконструировать динамическое множество.⁷⁹

В ходе исследования нами обрабатывались также и источники других типов, в том числе содержащие ретроспективную, цитируемую и прочую информацию. Извлеченная из них информация иногда объединялась нами в массивы. Анализ массива сходной, но разновременной информации также позволяет реконструировать определенные черты динамического множества.⁸⁰ Но эти массивы не являются столь же масштабными, как переписи, поэтому именно последние мы рассматриваем в качестве основного «каркаса» нашей модели, а остальные массивы используем для «наращивания тканей» на этот каркас.

Наши источники не являются нарративными, что определяет специфику работы с ними. Так, зачастую содержащаяся в источниках информация для нас представляется весьма важной, а для составителя, напротив, не являлась «основной».⁸¹ Это – своего рода «избыточная» информация, сбор которой не входил в задачи ее получателя. Источник как бы «проговаривается». Иногда, напротив,

⁷⁹ «Таможенные книги», фиксировавшие все торговые операции в уезде в течение года, также могли бы быть использованы для того, чтобы реконструировать динамику экономической активности. К сожалению, малое число подобных документов, имеющихся в нашем распоряжении, не позволяет нам использовать их для продолжительных временных отрезков.

⁸⁰ Так, в частности были реконструированы отношения, связанные с собственностью, брачные ареалы и ареалы миграций мужчин. Эти реконструкции выходят за рамки данной работы, поэтому их результаты в нее не вошли.

⁸¹ «Цели, которые преследовали создатели ... источников и задачи, которые ставят исследователи, обращаясь к ним, естественно, не совпадают. При этом, разрыв между тем, что интересовало современников, выявлявших информацию, и тем, что интересует историков, использующих ее, по мере развития науки увеличивается. Это и выдвигает задачу поиска путей и методов повышения информативной отдачи источников, извлечения из них дополнительной, ... так сказать «скрытой» информации.» (Ковальченко 1979: 8). В дальнейшем мы будем неоднократно обращаться к информации такого рода.

само отсутствие сведений говорит исследователю о многом.⁸² В ходе своего исследования мы постарались извлечь из этих источников максимум информации, включая оставшуюся вне поля зрения их авторов.

Именно представленные в виде массива источники разных типов позволяют анализировать то, о чем авторы говорят не прямо, а лишь проговариваются, или о чем умалчивают – отдельные черты коллективного бытия и коллективного сознания. Ряд вопросов, стоящих перед исследователем, можно решить только таким образом. В частности, такой подход позволяет понять значение некоторых специфических терминов, бытовавших в течение исследуемого времени. Некоторые интересные нас проблемы: стабильность структурных единиц, роль родственных связей, значимость соседских связей и другие, – источники не освещают специально. Их можно рассмотреть только с помощью анализа массива информации.

Чтобы реконструировать динамическое множество, необходимо объединить статические множества, которые зафиксированы в переписях. Поэтому используемые статические множества должны быть симметричны. Для анализа даже сходных по задачам и структуре «эмпирических» срезов необходимо формализовать, унифицировать и агрегировать информацию, зафиксированную в разных источниках. Решение этой проблемы – ответственная задача, требующая кропотливой и основательной работы с источниками. Уникальная информация, содержащаяся лишь в одной из переписей, требует интерпретации. В результате такой работы представленная в уникальном виде информация может быть переформулирована и затем агрегирована.

Разумеется, подобная обработка источников приводит к деперсонализации информации. Поскольку сийиты представляли собой довольно малочисленные сообщества, значимость любых связей в них была весьма высокой. Уточнение информации об этих связях существенно влияет на реконструкцию социальной структуры, что, в свою очередь, несколько облегчает задачу создания массива из

⁸² К примеру, в Приходно-расходных книгах Кольского острога и уезда 1628–29 и 1629–30 гг. подробно расписываются все податные коллективы, включая те, которые должны платить не в Колу, а непосредственно в Москву. Там упоминаются все казенные расходы до последней *бабки* (малого бочонка) пива. При этом вообще не упоминаются два крупнейших приграничных сийита – Нотозерский и Соньяльский. И это в условиях двоеданничества сийитов и спора с Данией о сборе дани с них! Такое умалчивание говорит о том, что в эти годы с указанных сийитов дань вообще не собиралась. Естественно, этому предшествовали какие-то политические шаги и административные решения.

отдельных источников.⁸³ Тем не менее, очень важно за этим массивом не упустить из виду уникальность события, нюансы межличностных связей, судьбы людей, характеры.⁸⁴ Только так мы можем заново «склеить» из сухих осколков плоской информации живую, многомерную реальность. Приемы, использованные нами для решения этих проблем, будут раскрыты в соответствующих разделах третьей главы.

Переписи являются для нас первичными источниками. Итогом предварительной обработки содержащейся в них информации стало появление нового источника. На основе формализованной информации всех переписей была создана реляционная проблемно-ориентированная база данных «Саами Кольского уезда».⁸⁵ На способах использования цифровых технологий обработки информации в ходе исследования сказались состояние современного программного обеспечения и специфика гуманитарного образования автора. Так, ряд многоходовых аналитических операций нам было проще осуществить самостоятельно («вручную»), чем создавать для этого специальные макросы (скрипты), а затем тестировать их работоспособность.

Сначала база данных содержала 6627 записей с персональными данными, включенными в основную таблицу, а также во вспомогательные таблицы: 53 записи об административных единицах, 9 записей о переписях.⁸⁶ Если первичный источник можно было бы назвать памятником, вторичный – заготовкой на основе копии памятника.⁸⁷ В отличие от первичного источника, вторичный является

⁸³ Так, к примеру, в П1607–1611 все терские саами не разделялись и обозначались как «понойские и еконские лопари». Благодаря анализу родства групп людей, фигурировавших в ряде документов конца XVI – первой половины XVII в., удалось выделить, по крайней мере, три группы этих саами, официальное описание которых как самостоятельных «погостов» начинается только с П1678. Подробнее об этом см. ниже.

⁸⁴ «Неповторимость людей и свобода их воли не только не отрицается тем, что они всегда были включены в те или иные группы, но лишь через это их социальное бытие и могут быть поняты...» (Уваров 1994: 216.)

⁸⁵ Для работы с архивными источниками нами была создана база данных «Архив».

⁸⁶ «Опубликованные или хранящиеся в архивах документы используются исследователем, как в своем первичном виде, так и для создания вторичных, производных источников, интегрирующих исходные сведения во вновь создаваемых каталогах, таблицах и т.п. Таким образом, историк в своей профессиональной деятельности выступает и как потребитель, и как создатель информации». (Гарскова 1994: 84).

⁸⁷ В данном случае, уместно вспомнить опыты Пикассо с реконструкцией реальности картин Веласкеса (серия «Менины»).

«живым» для исследователя (естественно, до тех пор, пока находится во власти исследователя). Содержащуюся в нем информацию, полученную из первичного источника можно при необходимости перегруппировывать в любых комбинациях. Эти группировки позволяют получить новую информацию, которая дополняет предыдущую и добавляется к ней. Так, для анализа материала были созданы специальные таблицы, в которых данные сгруппированы по различным критериям. К примеру, такая работа была проделана по разным типам подмножеств – вежам и семейным единицам. Они группировались по атрибутам входящих в них людей. В расчет принимались различные характеристики людей – их семейное положение, возраст, родственные связи с другими членами подмножества и т.д. В результате этой аналитической работы с помощью базы данных было составлено 112 таблиц, включая перекрестные.⁸⁸ Таким образом, модель продолжала развиваться. Это позволило проверить некоторые гипотезы, возникшие уже в процессе обработки информации. Результат подобных группировок мы увидим в следующей главе.

Завершающим этапом работы была интерпретация результатов анализа. Гипотезы, существовавшие до начала исследования и возникавшие во время него, во многом определяли комбинации перегруппировки информации и развитие вторичного источника. Полученные результаты наполнили нашу идеальную модель эмпирическим материалом. При изложении полученных результатов будет видно, как это происходило, и как предложенная модель конкретизировалась и развивалась.

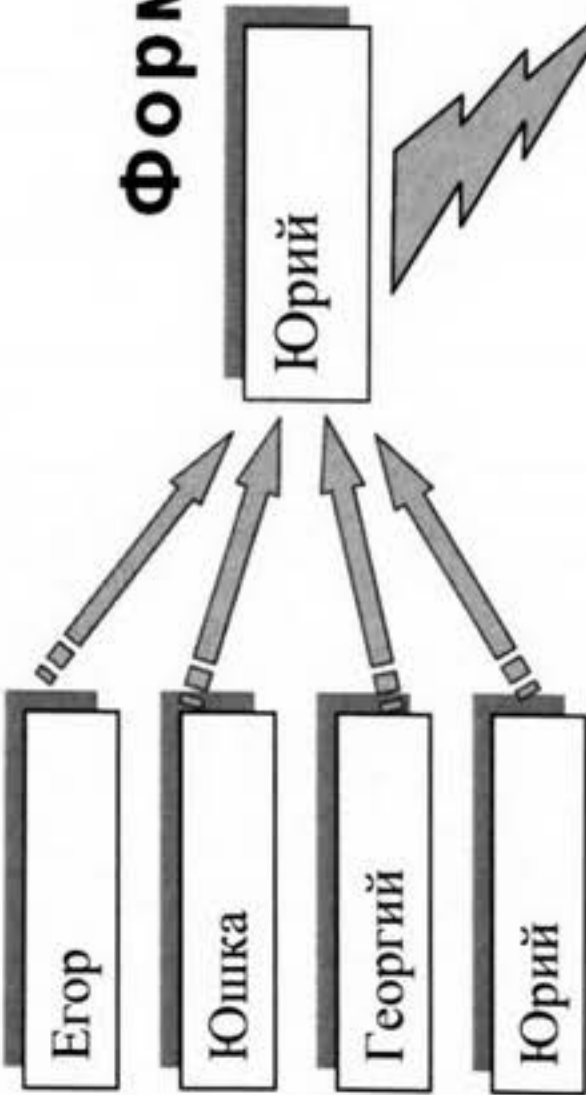
В целом, модель призвана восстановить ту реальность, на которой внимание источников не было сосредоточено, то есть наша задача состоит в том, чтобы частично реструктурировать реальность, отраженную в информации источников. Надо сказать, что творческая свобода реконструкции ограничивается степенью информированности источников и логикой их создания. С учетом этих сложностей мы попытаемся решить стоящие перед нами задачи.⁸⁹ В целом методика обработки информации изображена на Схеме 1.

⁸⁸ Разумеется, как любой источник, база данных сохраняет такую «гибкость» лишь на авторском рабочем столе.

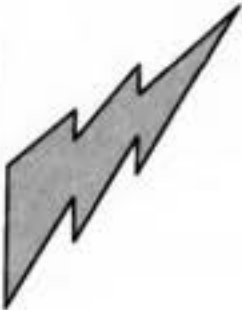
⁸⁹ «Не структуры данных или их размытый, нечеткий характер доказывают уникальность работы историка, а то, что анализ источников – это еще не анализ собственно исторической реальности. Даже традиционный (бумажный) источник отчужден от реальности, т.к. включает интерпретации этой реальности, которые привносятся его создателем.» (Гарскова 2007: 64)

Схема 1. Методика обработки информации.

Унификация

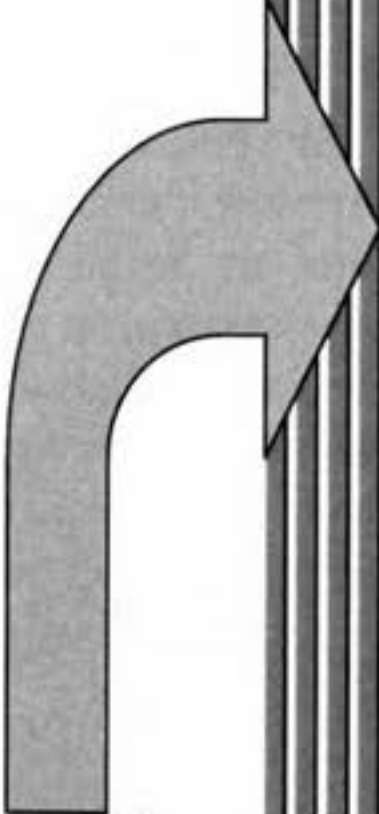

Формализация

код	903
-----	-----

Агрегирование

код	линия	перепись	сийт	вежа	1	2	3	4	5	имя	отчество	прозвище	вс
903	109	1709	Мотовский	4	1	2	1			Юрий	Семенов	Малого	

Процедуры

Динамическая система предполагает существование временных скоплений точек – фазовых пространств, между которыми перемещаются точки. В наших условиях этими фазовыми пространствами являются переписи. Ключевым пунктом построения модели является создание связей между составляющими ее массивами информации. Создание этих связей между массивами информации переписей является, по сути, моделированием движения точек между фазовыми пространствами. Содержание процедуры состоит в объединении информации из различных источников в модель. Это предполагает идентификацию информации об объектах/феноменах, содержащейся в различных массивах. Именно эта процедура является технологическим стержнем всего исследования.⁹⁰ Первичная информация была предварительно формализована, унифицирована и агрегирована в единой базе данных.

В отношении каждого объекта/феномена мы обладаем набором характеризующих его уникальных полей. Назовем этот набор комплексом элементов информации (далее – КЭИ). Разные типы КЭИ содержат специфический набор элементов, который не является строго определенным, но сочетание ряда элементов информации маркирует КЭИ как относящийся к тому или иному типу.⁹¹ Для установления того, касаются ли записи, содержащиеся в разных массивах, одного и того же феномена, необходимо осуществить две операции: 1) сравнить составы комплексов на предмет схожести содержащихся в них элементов информации; 2) выделить группу комплексов, сходных по составу. Эти две операции и составляют процедуру идентификации.

⁹⁰ Изложение проблемы связывания «образов», решаемую количественной историей не входит в круг задач данного исследования. (См., например: Бородкин 1986.) Здесь можно заметить, что по опыту нашей работы, любая аналитическая база данных является лишь инструментом, помогающим исследователю. Во время принятия решения при идентификации, выбор всегда за самим исследователем.

⁹¹ К примеру, если в П1678 написано: «В веже... [далее утрачен небольшой фрагмент]... трех лет». Можно установить, что речь идет о двух КЭИ, которые являются мужчинами саами, относящимися в это время к этому сиййту. Первый из них является главой группы родственников, второй является младшим родственником первого, недорослем. А если в перечне угодий говорится «да за ними ... [небольшой пропуск]...Отворотная», речь идет о луковом уголье, принадлежавшем этим владельцам, и, скорее всего, это рыболовецкая тоня.

Поскольку мы имеем дело с динамическим множеством, элементы информации одного и того же объекта, разумеется, могут различаться. Это, конечно, затрудняет процедуру идентификации, но не делает ее невозможной. Наоборот, изменения элементов информации нас особенно интересует, поскольку сам факт изменений уже говорит о динамике.

В данной главе одновременно описываются и методы исследования и то, каким образом они применялись. Для определения этой работы более подходит термин *процедура*. Рассмотрим, как проводились процедуры идентификации.

Идентификация людей

В нашей модели базовым является такой комплекс элементов информации (КЭИ), в который входят следующие атрибуты: имя, отчество, прозвище, пол, родственные связи, возраст, сиййт, семейное положение, дополнительная ретроспективная (т.е. биографическая) информация. Поскольку нас интересует состояние этого комплекса в различных срезах, его можно считать динамическим подмножеством. Модель динамического множества во многом основывается на вариабельности информации, связанной именно с этим подмножеством. Из этих изменений складывается динамика других подмножеств, поэтому данное подмножество можно считать базовым.

В процедуре дегуманизации материала мы дошли до уровня элементарной информации и с этого уровня расщепления информации начинаем ее сборку заново.⁹² Чтобы в дальнейшем расположенная таким образом информация не вызывала у читателя отторжения, забегаая вперед, отметим, что смысл и положение этих подмножеств интерпретировать не нужно, поэтому мы сразу будем называть их «людьми».

Как уже было сказано, в нашем распоряжении находятся фактически все переписи Кольского уезда интересующего нас периода. В течение второго десятилетия XVIII в. правительство Петра I пыталось решить проблему создания эффективного механизма для учета населения страны. Естественной реакцией на усиление налогового гнета и введение системы рекрутских наборов было стремление подданных уйти от официальной регистрации. Это, разумеется, создавало значительные сложности для государства.

⁹² Ответственность исследователя при осуществлении этой работы заключается в том, чтобы из его лаборатории не вышел Франкенштейн.

Как бы ни относились люди того времени к переписям, эти источники сегодня представляют огромный интерес. Наши современники часто могут узнать о жизненном укладе и судьбах предков только в том случае, если те фиксировались в переписях. Для урегулирования налоговой системы в Кольском уезде, как и по всей стране, в течение одного десятилетия было проведено 4 переписи (П1709, П1710, П1716 и Р1719). Фактически четыре раза описывались одни и те же люди. Можно себе представить, сколь негативную реакцию у людей вызывала частая регистрация. Однако именно благодаря этим переписям нам удалось реконструировать структуру общества саами и динамику ее трансформаций. Соединение данных П1678 и Р1744 и Р1763 позволяет нам проследить эту динамику на протяжении 85 лет.⁹³

Для идентификации людей и их родственных связей была создана вспомогательная база данных, объединившая материалы семи анализируемых переписей.⁹⁴

Проблема идентификации людей, упомянутых в 3-й ревизии, фактически отсутствует. Она уже решена самими составителями переписи, присваивавшими людям номера, под которыми те фигурировали в следующей ревизии. Сложнее обстоит дело с переписями, в которых информация организована в писцовую структуру. Простое совпадение имени и отчества для идентификации недостаточно, поскольку встречаются полные тезки. В этом случае на помощь приходит дополнительная информация, зафиксированная в переписях. Поскольку ее фиксация не входила в задачи переписей, составители могли ее фиксировать по-разному. Переписчики опирались, скорее, на традицию, чем на инструкцию, и потому в основном эта информация фиксировалась стереотипно и не идентично.

Люди в сиййтах фиксировались по группам – вежам. В веже они объединялись в группы, внутри которых были связаны родством.⁹⁵ В результате мы имеем дело с уникальными

⁹³ Временной отрезок между П1607–1611 и П1678 слишком велик, чтобы воссоздать преемственность связей. Нам удалось это сделать лишь некоторых случаях.

⁹⁴ База создана на основе MS Access. На основе всех переписей создана сводная таблица. Общее число КЭИ «люди» составляет 5734 записи персональной информации. Из них в 4502 записях – зафиксированы мужчины.

⁹⁵ Выглядело это, например, так: «В веже Максим Созонов сын Башмаков, староста, з женою, у него два сына: Василей тритцети пяти лет з женою, у Василя пасынок Иван Федоров сын Сорванов пяти лет; другой сын Максимов – Алексей дватцети шести лет, холост. В той же веже Федор Матфеев сын Юлин з

композициями имен, отчеств, прозвищ, возраста, сиййта и родственных связей. Сравнительная устойчивость таких композиций, позволяет идентифицировать не одного человека, а целую группу. Динамика групп – их разделение и воссоединение – осложняет идентификацию. В то же время, она дает новую информацию о родственных связях, расширяя возможности для их общей реконструкции. Задача идентификации решалась бы проще, если бы в переписях не фигурировало большое количество мужчин – «одинок», чьи родственные связи не зафиксированы.⁹⁶ При их идентификации учитывалось несколько факторов, о которых будет сказано далее.

Проще всего идентифицировать людей, если у них полностью совпадают имя и отчество. Во всех рассматриваемых переписях зафиксировано 147 типов мужских имен, то есть разновидностей элементов информации «имя». Таким образом, все записи о мужчинах собираются в 147 групп. Если добавить к ним отчества, то групп уже получится 1277, а значит, в каждой группе будет меньшее количество записей (то есть возможность нахождения идентичных комплексов элементов информации возрастает). Хотя полных тезок встречается не очень много, эти случаи имеют место, и их не следует совсем сбрасывать со счетов. По этой причине для точной идентификации людей нами использовались и другие приемы.

Еще одним элементом информации, помогающей идентифицировать людей, являются данные о возрасте. Казалось бы, при каждой последующей переписи возраст каждого человека должен увеличиться на одинаковое количество лет, соответствующее периоду, прошедшему со времени предыдущей переписи. На практике же оказывается, что более или менее точно в источниках фиксировался только возраст недорослей. Возраст взрослых определялся весьма приблизительно. В разных переписях возраст точно идентифицированных людей, как правило, колеблется в пределах 5–15 лет. Чем человек старше, тем больше сложностей вызывает определение его возраста. Если у людей среднего возраста эти колебания могут происходить как в сторону «старения», так и в сторону «омоложения», то

женою, у него сын Стефан тринадцати лет. В той же веже Иван Созонов сын Башмаков, стар, 3 женою».

⁹⁶ На примере П1710 и Р1763, описывающих женское население, и П1709, описывающей семейное состояние, мы видим, что у «одинок» мужчин чаще всего были жены и дочери, иногда – матери и даже тещи. В большинстве переписей записывалось лишь мужское население без указания семейного положения мужчин, поэтому такие мужчины воспринимаются одинокими.

возраст пожилых людей, как правило, колеблется в сторону – «омоложения».⁹⁷ С введением ревизской структуры описания информации, составители переписей начали механически увеличивать возраст, зафиксированный в предыдущей переписи, на равное количество лет.⁹⁸ Это положение не позволяет строго проследить демографическую динамику. Тем не менее, при идентификации людей мы можем хотя бы приблизительно ориентироваться на их возраст. Особенно большое значение возраст имеет при идентификации недорослей.⁹⁹

Другим важным фактором идентификации людей является наличие прозвищ (зарождающихся фамилий). Прозвища могли быть устойчивыми и постоянно использоваться. Некоторые прозвища могли не попасть в следующую перепись и затем появиться вновь, спустя несколько переписей. Прозвища могли образовываться в силу определенных жизненных обстоятельств или личных качеств человека (Шар – Шарша – Шаршин, Стокан – Стоканов, Куин – Куимов, Пьяной – Пьяного – Пьяных и др.), его происхождения (Колданцов, Семиостровец – Семиостровцов, Ландалец, Турьялец и др.), образовывались от имени предка.

В П1710 и Р1763, где перечислены также и женщины, прозвища фиксировались только у мужчин. Однако происхождение прозвищ от имени предка могло быть и матрилинейным. Об этом свидетельствует наличие прозвищ, возникших от женских имен (Матрехины, Феклины/Феклицыны, Настенькины/Насткины/Налкины, и т.д.). Есть пример того, как человек перенял прозвище деда по материнской линии.

⁹⁷ Любопытно, что это происходит, несмотря на тот факт, что итоговая статистика всех переписей, начиная с П1710, подразделяет людей именно по возрастам.

⁹⁸ О казусе, возникшем в связи с этим, см. в Главе «Источники», где описывалась датировка материалов 2-й ревизии.

⁹⁹ Возможно, исследование последующих ревизий позволит оценить такие показатели, как естественная динамика численности населения, продолжительность жизни, детская смертность и т.д. В качестве иллюстрации можно отметить, что только один человек упоминается во всех семи переписях – Иван Яковлев сын, живший в Масельгском сийите. Его идентификация на основе всех переписей не вызывает совершенно никаких сомнений. Впервые в 1678/1679 г. он упомянут шестилетним мальчиком. В 1709 его возраст составлял 43 года, в 1710 г. – 50 лет, в 1716 г. – 42 года, в 1719 г. – 48 лет, в 1745 – 75 лет, в 1763 – 92 года. Поскольку возраст недорослей фиксировался более точно, чем остальных, можно предположить, что он, скорее всего, родился около 1673 г., а это значит, в 1763 г. ему было около 90 лет.

Использование имени деда в качестве прозвища заметно учащается с Р1744 г. Идентификация людей на протяжении нескольких поколений обнаруживает случаи появления прозвищ, которые были образованы от имени предка, отстоявшего более чем на три поколения от носителя прозвища. Тем не менее, большинство прозвищ, образованных от имени предка, четко идентифицируются с именем деда по отцу, и не передается следующему поколению. Этот элемент информации не является обязательным, но облегчает идентификацию людей и установление их связи с предыдущим поколением.¹⁰⁰

Как мы увидим, стабильность состава сийитов весьма велика. Об этом свидетельствуют данные о миграциях, большинство из которых фиксировалось в переписях. В силу этого обстоятельства круг КЭИ – потенциальных объектов идентификации – сужается до сийита. То есть принадлежность к определенному сийиту является дополнительным параметром идентификации, содействующим фактором. При добавлении элемента информации «сийит», число идентифицированных КЭИ увеличивается до 2063, то есть мы видим, что большинство из совпадающих вариантов имен и отчеств остаются в тех же сийитах, а это значит, что в подавляющем большинстве они принадлежат одним и тем же людям.

Еще одним приемом идентификации является идентификация по «остаточному принципу». После того, как использованы выше-описанные приемы, как правило, остаются «одиночки». Круг их не широк, поэтому легче всего их идентифицировать по имени и отчеству.

Дополнительным фактором, затруднявшим идентификацию, были различия в способах фиксации одной и той же информации, – в случаях, когда человек в разных источниках фиксировался по-разному. Самый простой пример, иллюстрирующий подобную ситуацию – это различные варианты написания одного и того же имени. Так, один и тот же человек мог зваться Юрием, Егором или Георгием; Львом, Леоном и Леонтием; Фефилом и Феофилом; Ярасимом, Ерасимом или Герасимом и т.д. Отчество одного и того же человека могло быть записано по-разному: например, он мог быть зафиксирован и как Харлов, и как Харлампиев. Особой проблемой была идентификация людей, упомянутых в П1678, с теми, кто упомянут в остальных переписях. Дело в том, что по традициям

¹⁰⁰ Таким образом, результатом нашего исследования явилось установление происхождения большинства современных фамилий кольских саами. Перечень прозвищ-протофамилий саами, встречающихся в исследованных нами источниках см. в Приложении I.

допетровской России имена простых людей записывались в уменьшительно-уничижительной форме, которая также могла иметь различные варианты. Благодаря идентификации, удалось определить, что, например, Яшка, Якушко и Якунка были вариантами фиксации одного и того же имени – Яков. Некоторые имена удалось определить благодаря идентификации людей. Например, Потанка – Потап, Пронка – Прокофей, Ярашка – Герасим (Ярасим/Ерасим).

Разница в наименовании человека могла появиться и из-за допущенных писцами ошибок.¹⁰¹ Удалось зафиксировать случай, когда отец семейства в разных переписях был записан под разными именами. Нами было выявлено 11 примеров того, как у одного человека в разных переписях сын (судя по совпадению в возрасте, один и тот же) был записан под разными именами¹⁰². Притом возраст этого сына такой, что он должен был быть записанным в предыдущих переписях. Эти отцы, очевидно, скрывали своих сыновей от переписей. Можно также предположить, что родитель либо скрывал одного из сыновей-близнецов от предыдущих переписей, либо записал одного и того же сына в новой переписи под другим именем.¹⁰³ Чтобы избежать ошибки в подобной ситуации будем считать этих сыновей разными людьми.

Другим типом «подмены» информации было написание прозвища вместо отчества. При этом порой даже прибавлялось слово «сын», как после отчества.¹⁰⁴ Р1763 содержит 3 случая перестановки местами отчества и прозвища. Любая подмена информации, разумеется, затрудняет идентификацию и может быть выявлена только при условии установления личности человека по другим элементам информации.¹⁰⁵

¹⁰¹ Ошибки иногда признавали сами составители переписи. Например, в Р1744 записан Федор, который «в прежнюю перепись по ошибке написан Федотом». Парадоксально, но именно Федотом он был записан не только в предыдущую П1719, но и в П1716, и в последующую Р1763.

¹⁰² Как уже говорилось, возраст недорослей фиксировался достаточно точно.

¹⁰³ Конечно, мы можем допустить, что смена имени могла быть вызвана определенными жизненными обстоятельствами, но поскольку таких случаев крайне мало, нет оснований полагать, что это явление было правилом, и делать на нем акцент.

¹⁰⁴ Попытка проследить употребление этой прибавки не принесла положительных результатов. В большинстве случаев слово «сын» писалось после отчества. Отсутствие этой прибавки еще не означает, что мы имеем дело не с отчеством. Наоборот, есть случаи использования этой «приставки» после прозвища, указанного вместо имени.

¹⁰⁵ Сравнение перечней людей из РПМ1658 и П1678 дает пример такой заведомой фальсификации. Временной отрезок, разделяющий эти две переписи – не более

При идентификации родственных связей во время реконструкции патрилиний иногда приходилось сталкиваться со специфическими сложностями. Одна из них возникает из-за неоднозначности перевода терминологии родства с русского языка исследуемого времени на современный русский язык. Так, удалось проследить несколько случаев, когда термин «брат» обозначал не только сиблинга, но и кузена. Иногда в источнике для уточнения указано «родной брат» (т.е. сиблинг), но такие случаи единичны. В подавляющем большинстве случаев нам удалось проследить реальное значение употребленного термина «брат», который почти всегда означает сиблинга. Проблема осложняется, когда человек, не упоминавшийся в предыдущих переписях, вдруг появляется и оказывается обозначенным как чей-то брат.¹⁰⁶

Сходная проблема возникает при употреблении термина «племянник» (буквально – сын сиблинга). Как показывает анализ, в нескольких случаях этот термин употреблялся также для обозначения и внука сиблинга, и сына кузена. Подобные проблемы разрешимы, если эти родственники связаны строго патрилинейными узами, которые можно проследить. Ситуация осложняется, когда мы не уверены в том, был ли у отца этого человека такой брат.

В подобных случаях появляются сомнения относительно того, не попадаем ли мы в скрытую от нас сферу матрилинейных связей. Иногда и такие связи можно проследить по другим переписям. Например, когда «племянник» ранее фиксировался как сын зятя, или когда благодаря П1710 мы знаем, что он – сын сестры. Подобные случаи единичны, но они дают почву для сомнений при идентификации связей, нечетко определенных источником.

С помощью описанных приемов, в зависимости от сиййта и переписи, нам удалось идентифицировать 80–90% мужчин, упомянутых в переписи. Таким образом, в результате кропотливой работы по идентификации из 4502 записей о мужчинах сиййтов,

одного поколения. Значительная часть мужчин, упомянутых в РПМ1658, должна быть зафиксирована в П1678. В противном случае мы имеем дело с демографическим коллапсом. Почти 41% мужчин Печенгского сиййта, зафиксированных в РПМ1658, встречается в П1678. При этом только 21% мужчин Мотовского сиййта из РПМ1658 идентифицируются с людьми, зафиксированными в П1678. Еще 14% упоминающихся мужчин могли бы идентифицироваться, если посчитать, что их отчества в этих переписях записаны по-разному. Но, это несет черты явной фальсификации.

¹⁰⁶ Разумеется, мы можем предположить, что речь идет не о родном брате, а о примерах филиации/побратимства при адопции посторонних людей в сиййт. Поскольку этих случаев немного, мы просто фиксируем их братьями.

зафиксированных в переписях за период с 1678 г. по 1763 г., были выявлены 2133 группы КЭИ мужчины.

Идентификация людей, упоминаемых в частных актах, помогает реконструировать некоторые процессы и те социальные структуры, с которыми они связаны. Интерпретация происходила сходным образом. Имевшие место различия были обусловлены тем, что частные акты (и ссылки на них) содержат меньшее количество информации. Примерами массивов, составленных из актовых материалов, в которых также проводилась идентификация людей, являются списки Понойского сиййта в связи с постепенной продажей Сосновского и Пулонгского берегов, списки членов Муномашского сиййта, в связи с описанием владений и актами продажи ими угодий в Кольской губе и других частях территории.

Идентификация топонимов

История вообще, а социальная история особенно, связана с географическим пространством. Современный человек привык представлять пространство графически. Мы также постараемся изобразить все реконструируемые процессы в картографическом формате.

Моделирование динамики изменения ареалов пространственного размещения разных социальных единиц – тема отдельного исследования, выходящая за рамки данной модели. Здесь показана методика пространственного отображения и измерения создаваемой модели. Созданная к настоящему времени карта отображает реконструированную реальность в состоянии на середину XVI в. Поскольку идентификация топонимов является вспомогательной задачей исследования, историография связанной с ней проблематики помещается здесь, в специальном разделе.

До середины XIX в. история Севера не увязывалась с географическими реалиями. Первая попытка локализации топонимов Севера, упоминаемых в русских источниках XVI–XVII вв., была предпринята Е.К. Огородниковым (Огородников 1869). Кольский полуостров оставался неизученным географами вплоть до конца 20-х годов XX в. К середине XIX в. было небольшое число картографических материалов и географических публикаций, описывавших Кольский Север.¹⁰⁷ Основным историческим источником по географии России

¹⁰⁷ Е.К. Огородников использовал в своей работе карты, изданные Опперманом, Пядышевым и Центральным Статистическим Комитетом, а Литке 1828; Рейнке 1850.

был единственный тогда известный список «Книги большому чертежу». Е.К. Огородников привлек все опубликованные к тому времени документы XV–XVII вв., упоминавшие те же топонимы и топонимы, и предпринял первую попытку локализации различных групп саами в пространстве. Обширные этнографические материалы по саами начали публиковаться позже, поэтому эта локализация оставалась верной лишь в самых общих чертах.

Затем этнографическое изучение саами в СССР прервалось. Причиной этому послужили общественно-политические процессы в советском обществе. О Географическом словаре Кольского полуострова и судьбе его составителей мы уже упоминали. ГСКП содержит собранные данные по топонимике, интерпретацию и локализацию топонимов.

Дальнейшее изучение топонимов Кольского полуострова проводили лингвисты. А.И. Казаков первым в отечественной науке начал исследовать их семантику (Казаков 1949, 1952). В конце 40-х – начале 50-х гг. он начал создавать семантическую классификацию топонимов и отображать ее на картах. Классификация проводилась по повторяющемуся обозначению крупных географических объектов (Хибины, Имандра, Лахта) и по форманту, обозначающему поселения различного характера (*кент*, *кинд*, *кинтуш*, *сийт*, *ланнь* и др.). А.И. Казаковым были установлены места концентрации топонимов, что дало ему возможность гипотетически восстановить локализацию постоянных территорий сезонных поселений саами. Автор выявил различные рельефные топонимы и биотопонимы, локализовал ареалы распространения топонимов не только саами, но и русских, финских, карельских и коми. К сожалению, слабое знание языка саами привело этого автора к ряду значительных заблуждений.

Изучение топонимии саами продолжили лингвисты В.В. Сенкевич-Гудкова (Сенкевич-Гудкова 1964, 1967) и Г.М. Керт (Керт 1982). Исследования В.В. Сенкевич-Гудковой сводятся, скорее, к проблемам структурной лингвистики, работы Г.М. Керта – почти только к истории языка саами. Г.М. Керт, в отличие от А.И. Казакова, не претендовал на выход к событийному уровню в лингвистике. Однако и он призывал к фиксации и картографированию микро-топонимов, и ему удалось инициировать это в 1975–76 гг.

Локализация всех сийитов XVI–XVII вв. в советской литературе была проведена только Т.В. Лукьянченко (Лукьянченко 1979: 15–17). Ее публикация содержит лишь локализацию сезонных поселений без угодий, принадлежавших сийитам. Автор впервые локализовала поселения саами XVI в. на территории Карелии. Локализация кольских и “карельских” сийитов была основана на изучении разных

писцовых книг, хронологически отстоявших друг от друга на полвека, что и обозначено изображением сийитов разными символами. Составленная исследовательницей карта демонстрирует примерные места сезонных (скорее всего, зимних) поселений.

Интересной работой по топонимике Кольского полуострова является исследование А.А. Минкина (Минкин 1979). Автор проанализировал этимологию и историю ряда топонимов региона.

Близкой нам по тематике является статья Л.Г. Швецовой (Швецова 1982), которая использовала в качестве источника второй том СГКЭ. На основе данных 29 документов, касающихся Кольского полуострова и содержащихся в этом томе, она составила каталог топонимов региона, бытовавших в указанный период. В этой статье были опубликованы и результаты математического анализа каталога. Л.Г. Швецову интересовало процентное соотношение русских, субстратных, «спаянных» и «полуспаянных» топонимов. В итоге она пришла к выводу, «что в XVI–XVIII вв. в Кольском уезде в результате взаимодействия русской топонимии с топонимией местного населения сложилась система, в которой русские топонимы занимают большое место, особенно велик удельный вес русских суффиксальных образований». В этой работе, к сожалению, без внимания остались коннотация топонимов, а также возможная вариативность и билингвизм. В ней игнорируется и нерепрезентативность выборки. Проанализированные документы более подробно описывают территории проживания русских, для которых была характерна бóльшая плотность (оседлого) населения, а потому была важнее фиксация микротопонимов в фискальных целях. Иными словами, на этих территориях было зафиксировано гораздо бóльшее число топонимов, чем на территориях сийитов. Разумеется, среди этих топонимов явно преобладали созданные новыми пользователями.

Способы локализации или «нанесения на карту» исторических и социальных процессов были неоднократно описаны в отечественной литературе.¹⁰⁸ Рассмотрим их с точки зрения используемых нами подходов и методов.

Попытаемся вначале идентифицировать географические объекты, упоминаемые в анализируемых нами письменных источниках, а затем отобразить их графически. Для этого необходимо сгруппировать КЭИ еще одного типа. В эти комплексы элементов информации входят: топоним, который мог состоять из разных

¹⁰⁸ Например: Неволин 1853; Андрияшев 1913; Копанев 1951, 1970; Яцунский 1955; Витов 1955; Витов, Власова 1974; Галкович 1974; Очерки 2001; Селин 2003.

формантов; значение этих формантов на разных языках; тип географического объекта;¹⁰⁹ контекст упоминания; очередь в порядке перечисления;¹¹⁰ возможно, владелец или группа владельцев; дополнительная информация. Примем *a priori*, что данный тип комплексов информации – географические объекты, поэтому для упрощения дальнейшего изложения будем далее называть их «объектами». Специфика этой идентификации заключается в группировке КЭИ не только текстового, но и графического характера. В данном случае графика содержит информацию о географических объектах и их состоянии, а также о других явлениях, представленных как географические объекты.¹¹¹ Нашей задачей является изменение формата хранения и способов представления информации, которая наличествует в письменных источниках. Речь идет о графической фиксации этой информации. В данном случае она будет отображена в картографическом формате.¹¹²

Для решения этой задачи в качестве источников нами были использованы не только тексты, но и картографические материалы. В результате идентификации объектов была создана база данных, которая представлена графически. Это преобразование текста было осуществлено с помощью GIS.¹¹³

При идентификации объектов, прежде всего, обращалось внимание на само название. Зафиксированная топонимия содержит не только письменную информацию. Топоним – это, в первую очередь,

¹⁰⁹ В разных культурах существуют различные способы выделения элементов окружающего мира и номинации этих элементов, поэтому топонимическая терминология не обязательно может буквально переводиться. К этому вопросу мы еще вернемся.

¹¹⁰ Например, существует такое описание: «Из моря в Кольскую губу едучи по правую руку...». Далее следует перечисление объектов. Описание расположения объектов содержится также и в ГСКП-1.

¹¹¹ Символическая графика карты отображает не только географические объекты, но и иную реальность, которая ассоциируется с этими географическими объектами. Например, различные цвета символов обозначают различные способы группировки географических объектов.

¹¹² Векторные карты Кольского полуострова и прилегающих территорий масштаба 1:1000000 и 1:200000, которыми мы пользовались, для нас представляют собой, скорее, инструмент, чем источник. Можно сказать, что это – заготовка, которую мы использовали в своей работе.

¹¹³ GIS (*Geographic Information Systems*) является разновидностью систем управления базами данных (СУБД). Одно из их отличий состоит в возможности графического представления и обработки данных. Специфика GIS заключается в работе именно с географическими данными, привязанными к координатной сетке.

носитель звуковой информации. Фактически, прочтение топонима становится воспроизведением набора звуков, которые в сочетании обретают смысловое значение, придаваемое когда-то определенному географическому объекту. Соответственно, точность воспроизведения смысла зависит и от записи, и от передачи, и от использования информации. Мы постоянно сталкиваемся с искажениями, поэтому от нашего внимания и умения зависит точность воспроизведения заложенной в источнике информации об объекте. Написание топонимов, которое мы видим в источниках, совпадает с современным написанием только в случае, когда мы имеем дело с макротопонимами.¹¹⁴

Топонимы изменялись в течение столетий. Делопроизводство изучаемого периода не было обременено жесткими нормами в отношении написания онимов. Различия часто встречаются в написании одних и тех же онимов: антропонимов, топонимов и топо-соционимов. Особенно вариативна была транскрипция нерусских онимов. Если документы, исходящие из кольской приказной избы, могли различаться в написании топонимов, знакомых местным авторам, то что говорить об актах, составлявшихся на Двине, в Москве или Санкт-Петербурге. Поскольку большинство документов дошли до нас в списках и цитатах, составленных писцами, далекими от кольских реалий, вариативность транскрипции порой трансформирует онимы до полной неузнаваемости. Для опубликованных документов эта ситуация может усугубляться незнанием публикаторами онимии саами. В некоторых случаях искажения географических названий явно были допущены публикаторами (например, неверное прочтение надстрочных букв, прочтение буквы «к» как «сс» или даже разделение топонима знаком препинания).

Наличие нескольких списков одного и того же текста позволяет преодолеть указанные сложности. При составлении аналогичных перечней («рописей») чиновники придерживались одних и тех же принципов, описывали объекты в одной и той же последовательности. Это добавляет еще один элемент информации, способствующий идентификации. Использование массивов информации дает возможность выбора для идентификации варианта транскрипции.

Иногда автохтонное название географического объекта со временем заменялось русской (полной или частичной) калькой или коннотацией.¹¹⁵ Кроме того, современное написание топонимов

¹¹⁴ Например, Умбозеро, Ловозеро, Поной.

¹¹⁵ К примеру, саами название р. Пяста/Писта было заменено в современных картах на русскую кальку Березовая, а название мыса Гяркитекам превратилось в Еретик и даже обросло соответствующими легендами.

может быть различным.¹¹⁶ Вообще, объект может получить совершенно иное название, никак не связанное с предыдущим. В таком случае его остается опознавать лишь по контексту.

Однако встречаются объекты, названия которых контекстно связаны с различными комплексами информации. Примерами таких объектов являются реки, находящиеся во владении нескольких сиййтов, но не примыкающие непосредственно к остальным их владениям.¹¹⁷ К счастью, проблем с идентификацией этих объектов фактически не возникает.¹¹⁸ Это вопрос, касающийся реконструкции социальной системы, допускающей подобные явления. Он будет рассматриваться в следующей главе. Еще одна проблема идентификации объектов состоит в том, что на территории проживания саами встречаются одинаковые топонимы и даже группы топонимов.¹¹⁹

Современные картографические материалы являются наиболее обширными массивами информации, однако часть имеющейся в них информации отличается от той, которая фиксировалась в исследуемое нами время. Так, за прошедшие столетия ландшафт изменился. Некоторые упоминаемые в письменных источниках объекты исчезли – были затоплены, застроены и т.д. Появились новые объекты – города, водохранилища и т.д. Использование старых карт и карт ГСКП 2 позволило нам частично восстановить утраченный ландшафт. Для выяснения топонимической информации использовались различные карты, включая те, что были составлены в Финляндии и Норвегии. В Норвегии проводится политика, направленная на возвращение объектам прежних топонимов саами и обязательную их фиксацию на картах. Это облегчает идентификацию объектов, ранее находившихся на территории Кольского уезда.

Серьезной проблемой идентификации объектов является отсутствие на карте того или иного топонима или вообще объекта. В этом случае объект идентифицировался путем соотнесения его с объектами иного характера, но обозначенными аналогичными топонимами и расположенными поблизости от него. При этом предпочтение отдавалось ландшафтным и небольшим объектам («избам», «баракам», «урочищам» и т.п.).

¹¹⁶ Например, на разных современных картах можно встретить написание реки Еконьга, Ёконга, Йоконга, Иоканьга.

¹¹⁷ К примеру, реки. Варзина, Дроздовка, Рында.

¹¹⁸ Единственным исключением является р. Кулай.

¹¹⁹ К примеру, реки Пулоньга / Кулоньга в географических границах Кольского уезда рассматриваемого времени встречаются 4 раза, озеро Сейтъяввр – 9 раз, не говоря уже про такие топонимы, как озеро Круглое, ручей Глубокий и т.д.

Некоторые из топонимов, упоминавшихся в источниках рассматриваемого времени, со временем были полностью заменены на другие, поэтому в письменных источниках встречаются объекты, которые не зафиксированы ни на одной карте, или, наоборот, на картах и в ГСКП присутствуют объекты, топонимы которых должны бы упоминаться в письменных источниках, но они там отсутствуют. Из этого можно сделать вывод о полном переименовании объекта.¹²⁰

В результате проведенной процедуры идентификации графически были представлено 327 объектов.¹²¹

Идентификация объединений

Поскольку объектом нашего исследования является социальная организация, информация об объединениях саами представляет для нас особый интерес. Подобные комплексы элементов информации встречаются в различных массивах и включают следующие элементы: название объединения саами, его географическое положение, коллектив входящих в него людей. В дальнейшем будем называть их просто «объединениями».

Группировки данных в разных контекстах объединяли и людей, и географические объекты. В результате этого их онимы выполняли несколько функций и потому встречаются в различных массивах информации. Идентификация упрощается тем, что названия большинства этих объединений, бытовавших в XVI, сохранились до начала XX в. Н.Н. Харузин первым предпринял их идентификацию. Он не смог установить ряд названий, измененных со временем,¹²² хотя основная часть соционимов в процессе их сопоставления друг с другом была им вполне точно определена.

В русских источниках постоянно упоминается одна из разновидностей объединений – «погост». Объяснению значения этого термина посвящен следующий раздел главы, здесь же рассмотрим, как эти объединения идентифицировались в нашем исследовании. Способ идентификации этого КЭИ довольно прост. За основу был взят список сиййтов, упоминавшихся в П1607–1611, и сопоставлен с

¹²⁰ Например, «речка Кулай» (русский перевод – *рыбный ручей*), упоминаемая в источниках, скорее всего, соответствует реке Черной современной топонимии этой местности.

¹²¹ Результат этой идентификации см. в Приложении II.

¹²² Так, он не идентифицировал Норецкий и Семиостровский, Муномашский и Кильдинский, Масельский и Пулозерский сиййты. (Харузин 1890: 76–77.)

сийитами, упоминавшимися в других массивах. Из 21 сийита, упомянутых в этой переписи, в следующей переписи упоминается 16, и помимо них появились еще четыре новых. Наименование одного из сийитов дается иначе, чем раньше. Это изменение комментируется в других источниках.¹²³ Таким образом, можно сказать, что $\frac{3}{4}$ сийитов сохранились, иногда меняя название. В последующий период, охватывающий почти столетие, во всех переписях фиксировались одни и те же сийиты. К зафиксированным в 1678 г. сийитам в течение остального периода исследуемого времени добавился только один.

Географические объекты в указанных источниках всегда упоминаются в связи с принадлежностью к определенному коллективу. П1607–1611 специально описывает комплексы угодий в связи с современной данному источнику или бывшей принадлежностью этих объектов. Идентификация географических объектов и графическое отображение этой информации позволяет пространственно воспринимать расположение территорий этих коллективов, что добавляет новый элемент информации для идентификации. Он важен при перечислении этих КЭИ и позволяет представить их последовательность. Благодаря этому мы можем также установить принадлежность групп саами, иногда единично встречающихся в источниках.

Исследуя изменяющуюся реальность, мы старались отслеживать различные трансформации, связанные с объединениями саами. П1607–1611 содержит ретроспективную информацию, в том числе касающуюся предыдущих объединений и их динамики, приведшей к положению, зафиксированному в этой переписи. На изменение соционима иногда указывается и в других массивах.¹²⁴

Эта информация дает возможность определить вновь появившиеся объединения. Сложнее обстоит дело, когда параллельно с информацией, постоянно встречающейся в массивах, в других источниках мы находим совершенно иные данные. Так, в П1607–1611 упоминается объединение саами «Понойский и Еконский погост». При этом одновременно «Понойским погостом» там же называется русское поселение в устье р. Поной. Позднее в переписях Понойским погостом/селом стало называться только это поселение, а вместо «Понойского погоста» было зафиксировано уже четыре других. В то же время в остальных официальных документах XVII–XVIII вв. продолжают писаться все те же «Еконский и Понойский погосты

¹²³ ДАИ 11. №3

¹²⁴ К примеру, изменение названия погоста Муномашский на Кильдинский, Норецкий на Семиостровкский.

Терской лопи». Специально этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе.

Идентификация объединений возможна также по прозвищам, которые получали выходцы из этих коллективов, переселившиеся в другое место.¹²⁵ Подобные социо-антропонимы показывает, что современники признавали значимость данного объединения настолько, что ее идентичность становилась уникальным маркером для человека.

Важным для нас представляется также идентифицировать объединения, упоминающиеся не только в русских, но и в датских источниках. Здесь большое значение имеет перевод оригинальных названий этих объединений. Конкретные примеры этого мы рассмотрим в дальнейшем.

В результате проведенной работы нами были идентифицированы практически все упоминавшиеся в источниках объединения саами XVI–XVIII вв. Поскольку эти объединения в источниках связывались с определенными географическими объектами, нам удалось картировать их ареалы. Результат этой работы см. в Приложении II.

Мы рассмотрели методы создания когнитивной модели на основе обработки информации источников. Важным этапом в развитии модели было создание связей между различными массивами информации. Таким образом, созданная модель стала динамической. Это позволяет не только рассматривать социальную динамику общества, но и реконструировать историю конкретных людей.

¹²⁵ К примеру, Ландалец, Семиостровец, Колданец и, соответственно, их дети – Семиостровцевы, Колданцевы и т.д.

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

1 ВВЕДЕНИЕ

В предыдущей главе была создана когнитивная модель и подготовлены условия для преобразования ее в содержательную модель на основе анализа источников. Перед нами стояла задача – извлечь из них всю информацию, касающуюся социальных институтов. Информация представлена в количественных категориях. Теперь с помощью базы данных проанализируем ее математически.

Выявление и анализ подмножеств является развитием нашей модели. Как уже было сказано, «строительным материалом» для модели служит информация источников, объединенная в комплексы, описывающие объекты. Комплекс элементов информации «человек» был определен в предыдущей главе как один из базовых КЭИ. Элементы информации, составляющие этот комплекс (атрибуты), в том числе касаются принадлежности человека к различным типам объединений. Среди этих элементов информации принадлежность к сиййту, проживание в веже, родственные связи, семейные положение и статус и т.д.

Любые социальные единицы по определению являются объединением людей. Применительно к нашей модели это означает, что они являются ассоциациями КЭИ «человек». При анализе таких ассоциаций, некоторая информация начинает обретать иное значение. К примеру, возьмем описание людей в переписи: "Иван да Матвей Петровы дети, а у Ивана дети: Яков да Сидор, у Матвея сын Федор...". С одной стороны, оно включает характеристику отношений между людьми (в данном случае это отношения родства по мужской линии), с другой стороны, эти родственные связи формируют объединение людей. И они же определяют положение человека в объединении – его семейное положение и статус. Так, родственные связи, которые являются одним из элементов информации КЭИ "человек", начинают играть структурообразующую роль для КЭИ данной социальной единицы.

Таким образом, социальные единицы сами могут рассматриваться как комплексы элементов информации. Это означает, что КЭИ может включать в себя ассоциации ассоциаций КЭИ и может быть

исследован, в частности, с учетом анализа входящих в него комплексов. Однако характеристики различных элементов системы не сводятся к характеристикам входящих в них элементов, а сама система – к сумме всех элементов. В этом проявляется один из признаков системы – эмерджентность.

Рассмотрим, какие динамические подмножества содержит информация наших источников. При этом мы не ставим перед собой задачу поиска объединений, уже известных и описанных по материалам других регионов, а исследуем источники на предмет наличия в них информации о любых объединениях, имевшихся именно в данном обществе в данное время.

В тех переписях, где структура информации организована по писцовому типу, упоминаются два подмножества – разновидность сиййта («погост») и «вежа». Помимо них мы выявили еще два подмножества, информацию о которых содержат источники – патрилиния и семейная единица. В круг наших интересов входит исследование содержания всех этих понятий.

Мы не можем заранее определить социальную роль этих объединений. Содержания источника обусловлено установками и взглядами автора. Чтобы не допустить искажения содержания, будем придерживаться положения, что предварительная характеристика выявленных объединений может быть только описанием, а не определением.

При создании содержательной модели перед нами встанет задача проверки ее эвристичности. Критерием эвристичности в данном случае является возможность давать ответы на вопросы, вне лежащие по отношению к источникам. Ответы должны основываться исключительно на данных модели, выведенных из обработки эмпирических материалов. Общим тестом для модели будет оценка стабильности и динамики каждого из выявленных динамических подмножеств – институтов общества саами.

В предыдущей главе говорилось о двух уровнях рассмотрения динамики – индивидуальном и структурном. Анализ структурной динамики подмножеств мы будем осуществлять путем исследования атрибутов подмножества и их трансформации. Анализ динамики социальных единиц (т.е. истории конкретных сиййтов, веж и пр.) будет проводиться путем исследования преемственности их состава.

По результатам, полученным в ходе анализа, мы оценим значимость этих социальных институтов и на основе этой оценки предложим гипотетические интерпретации.

Исследуемые источники фиксируют людей как членов одновременно нескольких объединений. Среди этих объединений

встречаются и широкие (например, «сиййт»), и более узкие (например, «семейная единица»). Эти объединения Подмножества находятся между собой в отношениях взаимозависимости и взаимного влияния. Поэтому анализ объединений будет осуществляться с учетом этих отношений.

Взаимозависимость подмножеств дает возможность проанализировать широкие объединения на основе анализа более узких. Нельзя сказать, что рассматриваемые подмножества иерархически соподчинены, просто при их описании удобнее сначала рассмотреть «внешние» черты. Исходя из этого, в данной главе мы будем придерживаться последовательности изложения от более широких объединений к более узким.

2 СИЙИТ

Введение

Первым подмножеством нашей модели, который мы рассмотрим, является сиййт. Критерием выделения этого подмножества в источниках является присвоение ему какого-то названия – *номинация*. Соционимия саами в подавляющем большинстве случаев восходит к топонимии. В силу этого просто номинация жителей какой-то местности фактически оформляет статус коллективного субъекта. Коллективная номинация, (даже локальная), дает основание для формирования соответствующей идентичности. Подобные (номинированные) объединения саами в русских источниках выделяются с помощью определения атрибута людей, происходящего от топонима или от соционима. Например: «лицкие [саами]» или «Ловозерского погоста [саами]». Номинация может быть сложной и учитывать иерархическую соподчиненность разных уровней локальной идентичности: как по нисходящей значимости объединения («Понойского погоста Пурнацкие [саами]»), так и по восходящей («Каменского погоста понояне»).

Особый интерес вызывают различные признаки объединения нескольких сийитов, упоминаемые в источниках. На анализе подобной информации мы остановимся особенно внимательно.

По этнографическим данным нам известно, что жизнь саами в течение года зависела от сезонных передвижений, которые были ограничены пределами определенной территории. Летом большинство из них расходились по своим угодьям, расположенным в разных

местах, а зимой собирались вместе в сезонное поселение. И определенная территория, и поселение в русских источниках называлось «погост». Разумеется, термин сиййт в обществе саами употреблялся не только по отношению к «погостам», но большинство объединений, упоминаемых в источниках, относились к ним. Это и отразилось в нашей модели.

Прежде всего, рассмотрим значение этого русского термина. В словаре В.И. Даля «погост» определяется как сельский приход; несколько деревень под одним управлением; волость; комплекс церковных зданий; кладбище; «арх.: лопарское поселение.» (Даль 1990. III: 156–157) В мурманском региональном словаре погост определяется как «небольшое саамское поселение». (Меркурьев 1997: 106)

Термин «погост» имел хождение не только в Кольском уезде. Использование его было весьма распространено в административной системе Новгородской земли. Сегодня он часто встречается в топонимике территорий, входивших некогда в состав земель Новгорода Великого, простиравшихся от Мурманской до Вологодской области. Среди специалистов по истории Великого Новгорода нет единого мнения относительно исконного значения этого термина, и вопрос до сих пор остается дискуссионным. (Неволин 1853; Сергей 1905; Карамзин 1989. I. прим. 377; Ефименко 1910; Ключевский 1904. I: 148; Соловьев 1851: 125; Пресняков 1909; Харлашов 1990; Селин 2003: 40–43). Так, в дискуссии, возникшей по поводу формирования административной системы Новгородской земли, рассматривался механизм складывания различных типов административных единиц – погоста, волости, пятины, сотни. Подробному анализу этих дебатов посвящена специальная статья Н.И. Платоновой (Платонова 1984), потому мы не будем на нем останавливаться. Отметим лишь, что участники дискуссии интерпретируют термин с разных точек зрения. Некоторые из них рассматривают «погост» как пункт сбора дани, т.е. акцентируют административное, податное значение понятия. Другие ученые вкладывают в него иное значение, рассматривая «погост» как определенную территорию с ее населением. Такой точки зрения придерживается большинство ученых, участвовавших в дискуссии. Исторические условия формирования центра округа и его функциональное значение рассматривались авторами как критерий для выделения такой административной единицы среди прочих. Историки оспаривали специфическую роль социальной, экономической или религиозной функции для идентификации центра округа.

Н.И. Платонова также исследовала вопрос о соотношении таких административных понятий Новгородской земли как «погост», «волость», «пятина». Отличие ее подхода от аналогичных попыток других авторов состоит в том, что она провела сравнительный анализ упоминаемых в письменных источниках типов административных единиц и поселений, известных по археологическим материалам. На основе этого анализа она сделала вывод о том, что погосты существовали до появления пятин и сотен,¹²⁶ но стали формироваться позже волостей, которые «в XI–XIV вв. вырастают на основе древнейшего территориального деления, изначально обусловленного географическими факторами». Автор также заключает, что волости и погосты возникли на основе социальной и территориальной организации населения, а пятины и сотни были организованы «сверху», подчас без учета границ погостов и волостей. Продолжая эту мысль, она пишет: «Причиной сосуществования в Новгородской земле двух ассиметричных административных систем следует искать в различии их функциональных характеристик» (Платонова 1984:178).

Как и другие исследователи, Н.И. Платонова дает определение термину «погост» на материале областей новгородской земли, расположенных южнее, чем интересующий нас регион. Кроме того, исследуемые ею процессы становления новгородской административной системы проходили раньше рассматриваемого нами периода времени. Однако выводы указанных выше исследователей относительно особенностей использования термина в других социальных и административных условиях позволяют нам увидеть эту систему в новом преломлении.

В норвежской литературе встречается интерпретация русского термина «погост» как зимнего поселения, которая была введена в научный оборот О.А.Йунсеном на основании определения, данного в «Словаре областного архангельского наречия» А.О. Подвысоцкого (Johnsen 1923; Подвысоцкий 1885).

Раннее упоминание термина «погост» в русских письменных источниках мы находим в «Повести временных лет под» 6455 (947) г. Оно связано с деятельностью княгини Ольги по упорядочиванию сбора дани. (ПСРЛ 1926, 1950)¹²⁷

Такие ранние государственные образования, как Русь десятого века, представляли собой насильственно созданные объединения ряда

¹²⁶ «В конце XV в. сформировалась система погостов, сплошной сеткой покрывавшая всю новгородскую землю». (Платонова 1984:178).

¹²⁷ Лаврентьевская летопись. // ПСРЛ. Т. 1. М., 1926–1928. Новгородская первая летопись младшего извода. // ПСРЛ. Т.3. М., 1950.

самоуправляющихся общностей. Эти общности занимали определенную территорию и имели свою специфическую внутреннюю структуру. Часто эта структура пространственно делилась на один или несколько центров и округу. Центр(ы) мог быть религиозным(и), политическим(и), хозяйственным(и) и/или торговым(и). Эти центры и территории могли по-разному соотноситься между собой. Совершенно не обязательно это было соотношение иерархически соподчиненных или социально равноудаленных единиц. Однако государству было удобно рассматривать одновременно и общность, и ее членов, и территорию, ресурсами которой они пользуются, как податную единицу,¹²⁸ а сами подати собирать в общественно значимом центре этой общности, независимо от того, какую роль этот центр играл, и был ли он для общности единственным. Очевидно также, что в разных сообществах центры формировались по-разному, и государство в определении места сбора податей руководствовалось не социологической или политологической классификацией общественно важных центров, а фискальной и политической эффективностью использования их в своих целях.

Используя этот термин, мы должны учитывать и принимать во внимание различные его значения.

С точки зрения государства, погостом называется: 1) место сбора дани; 2) коллектив подданных; 3) персональная административная идентификация (учет/регистрация) подданных; 4) комплекс податных территорий.

С точки зрения подданных, погостом является: 1) общественно значимый центр; 2) общность людей, объединенных родственными, культурными, религиозными, хозяйственными и историческими связями; 3) самоидентификация; 4) местность, исторически являющаяся природным комплексом (в том числе и религиозным), с которым может быть связана жизнь многих поколений членов одной общности.¹²⁹

Эти разные реальности сосуществовали и перемешивались в сознании людей, а значит, и влияли на трансформацию друг друга. На протяжении столетий происходила трансформация и самих

¹²⁸ Для того времени было характерно единство названия этнической общности (этнонима) и местности, на которой эта общность проживала (топонима) – явление, именуемое среди специалистов «этникон» (Подольская 1988:153).

¹²⁹ В данном случае гипотетическое структурирование взглядов на явление как бы навязано сторонам и выстроено симметрично. В этом, разумеется, можно проследить авторский произвол. Ведь сами «стороны» и состав их представителей – носителей этих взглядов – симметричными не являются.

общностей, и государства в целом. Специальное исследование исторических вариаций этих процессов, которые на протяжении истории меняли направление своего развития, выходит за рамки данной работы. Остановимся лишь на объединениях, которые по документам нам известны как «лопские погосты» Кольского уезда. Именно они в нашей модели являются основной разновидностью сиййтов.

Л.И. Хансен в нескольких своих работах затронул проблему фиксации коллективов саами в административных документах разных государств (Hansen 1986, 2005, 2007). Исследователь прослеживает динамику датско-норвежской административной терминологии, описывающей поселения и коллективы саами. В качестве основных ранних терминов он рассматривает понятия *fleck* и *by*. Историк приводит переводы термина *fleck* со старого немецкого (*village, small township*), норвежского и датского (*spot, place*).¹³⁰ Автор полагает этот термин наиболее эквивалентным русскому «погост».¹³¹ Термин *by* является общим термином, характерным для северной Скандинавии и означает деревню и округ. (Hansen 2005:54)

В Таблице 2 и Диаграмме 1 отображена численность мужчин в сиййтах в указанное время. На Карте 3 отображена административная реальность, существовавшая на Кольском полуострове.

¹³⁰ Видимо, в русском языке аналогичным может быть семантический ряд из терминов «место, урочище, территория, поселение, деревня, городище».

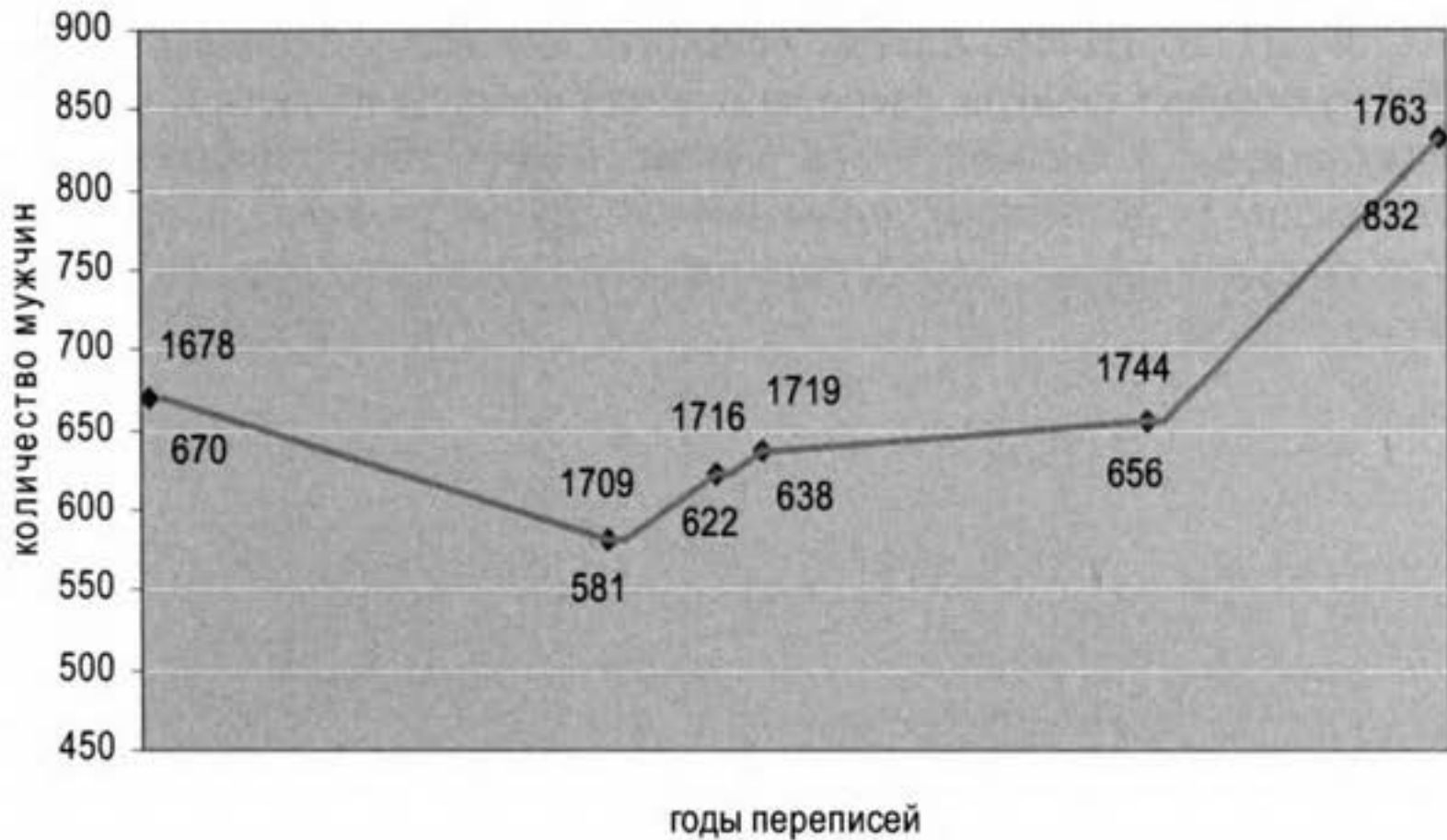
¹³¹ Интересно, что Симон Ван Салинген употребил этот термин во множественном числе *vlesken*, отмечая на карте наличие шести объединений терских саами.

Таблица 2. Численность мужчин в сийтах по переписям.

Сийиты	Годы переписей																							
	1574	1608	1679			1709			1710			1716			1719			1744			1763			
	2	2	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	
Нявдемский		13	28	16	12	28	20	8	29	20	9	22	13	9	21	18	3	12	11	1	13	9	4	
Пазрецкий		8	34	16	13	50	30	20	49	35	14	48	38	10	41	32	9	32	25	7	33	21	12	
Печенгский		21	29	22	7	50	37	13	43	30	13	38	29	9	28	20	8	22	17	5	24	15	9	
Мотовский		23	32	17	15	34	22	12	31	22	9	34	23	11	32	24	8	16	12	4	23	12	11	
Соньяльский	21	27	47	31	16	60	39	21	62	44	18	48	39	9	52	38	14	48	31	17	65	35	30	
Нотозерский	28	34	44	26	18	55	33	22	57	36	21	59	39	20	59	38	21	67	43	24	64	40	24	
Масельгский		13	20	14	6	25	16	9	28	19	9	30	19	11	28	17	11	29	20	9	34	22	12	
Йокостровский		10	36	23	13	28	18	10	27	17	10	28	18	10	23	18	5	22	18	4	37	17	20	
Бабенский		16	58	28	30	36	28	8	36	26	10	42	26	16	43	31	12	57	32	25	64	43	21	
Муномашский/ Кильдинский		42	32	24	8	33	20	13	29	18	11	28	19	9	29	18	11	32	18	14	32	19	13	
Вороненский		17	37	21	16	28	17	11	26	15	11	33	23	10	34	19	15	44	24	20	48	32	16	
Ловозерский		15	47	26	21	48	27	21	49	29	20	42	31	11	40	26	14	39	29	10	51	29	22	
Семиостровский/ Норецкий	48	43	50	31	19	36	24	12				39	20	19	48	28	20	65	43	22	92	47	45	
Колданский		5																						
Чуроозеро		3																						
Йоканьгский			42	33	9	23	20	3				25	20	5	24	18	6	18	10	8	25	13	12	
Пурнацкий			27	22	5	6	3	3				7	3	4	9	3	6	6	3	3	7	4	3	
Лундалский			23	15	8	8	5	3				10	5	5	14	7	7	9	7	2	8	7	1	
Тулванский			29	22	7							25	16	9	22	16	6	30	18	12	40	24	16	
Каменский			18	17	1	8	5	3				23	15	8	25	20	5	47	26	21	71	40	31	
Терские саами всего		92	109																					
Пяозерский			23	23		10	9	1	17	13	4	24	20	4	30	19	11	30	17	13	51	26	25	
Орезерский			14	9	3	10	9	1	13	9	4	17	8	9	21	13	8	12	9	3	22	13	9	
Тикшеозеро						5	4	1	7	6	1				15	7	8	19	14	5	28	13	15	
Итого			670	436	227	581	386	195	503	339	164	622	424	198	638	430	208	656	427	229	832	481	351	

Значение колонок: 1 – общая численность мужчин; 2 – численность взрослых мужчин; 3 – численность недорослей.

Диаграмма 1. Общая динамика численности всех мужчин, зафиксированных в сийтах Кольского уезда

Модель

Среди идентифицированных нами комплексов элементов информации был назван сийт. Социальных единиц этого типа сравнительно немного. В самосознании современных саами важную роль играет персональная связь людей с историей этих коллективов, поэтому мы специально рассмотрим историю всех сийтов, упоминающихся в наших источниках.

В течение большей части исследуемого периода русская администрация объединяла всех саами Кольского уезда в три группы — Кончанская лопь, Терская лопь и Лешая лопь. При изложении материала в этой части будем руководствоваться той же схемой. В литературе порой можно встретить мнение, что эти группы — следы каких-то предыдущих объединений (племенных, этно-территориальных и т.д.). Мы внимательно рассмотрим любые явления, которые могли бы свидетельствовать об объединении сийтов между собой.

«Кончанская лопь»

Этот термин упоминается в П1607–1611, Росписи 1623/24 г., П1678, П1709, П1710, П1716., а также во многих актовых материалах XVII в. Так назывались сиййты, располагавшиеся в западной части Кольского полуострова и дальше – на севере современных Финляндии и Норвегии. В источниках упоминается другое название территории Кончанской лопи, – Верхняя земля.¹³² Происхождение обоих названий неясно. В литературе принято интерпретировать название «Кончанская» как обозначение направления – «в Мурманский/Немецкий конец», т.е. на запад. Кроме того, что эти названия созвучны, никаких других аргументов в пользу данной версии нет. Опровергнуть это предположение также невозможно. Единственным сомнительным аргументом против этой версии является тот факт, что противоположное направление называлось «в Русский конец», то есть для противоположного направления пространства использовался тот же термин. Термин «Верхний» употреблялся также при обозначении озера Инари – «Верхняя Имандра». Значение этого понятия остается неясным.

Никаких признаков, которые позволили бы выделить все эти сиййты как общность, нам обнаружить не удалось. Потомки их представителей говорят на нескольких диалектах.

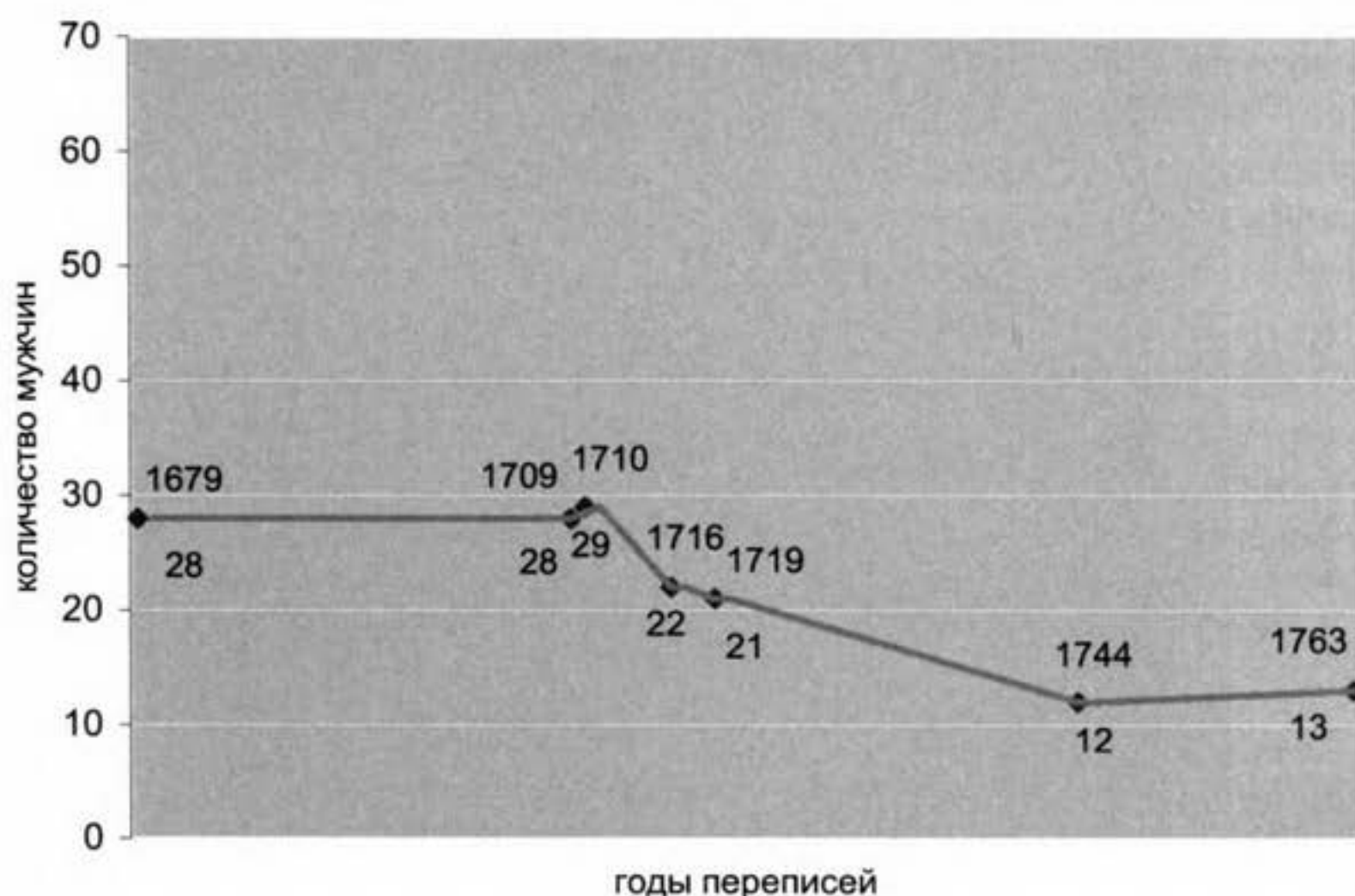
Нявдемский сиййт. Название происходит от гидронима (р. Нявдема). Рус. *Нявдема*, норв. *Neiden*, скольт. (латинская транскрипция) *Njauddâm*, скольт. (кириллическая транскрипция): *Няуддам*. Впервые это название упоминается в Г1517, затем мы встречаем его во всех последующих переписях, имеющихся в нашем распоряжении.¹³³ Члены сиййта продали основные береговые рыболовецкие угодья Печенгскому монастырю во 2-й пол. XVI в. До сих пор в поселке Нейден сохранилась православная часовня Св. Георгия Победоносца, построенная, по преданию, в XVI в. самим Св. Трифоном Печенгским. Однако она не упоминается ни в Писцовой книге Алая Михалкова в 1608–1611 г., ни в отчете священника Алексея Симонова 1691 г. В 1826 г. территория сиййта вместе с его

¹³² См., например: СМИКП. №27.

¹³³ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 180–181; *Там же*. Д. 15056. Лл. 70 об.–72; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 20 – 20 об.; *Там же*. Д. 20. Лл. 78 об.–80; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Л. 202; *Там же*. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 26–26 об.; *Там же*. Д. 1478. Лл. 46 об.–48; *Там же*. Д. 1479. Лл. 26–27 об.

членами отошла к Норвегии. Потомки его членов в основном проживают в коммуне *Sør-Varanger* (Норвегия) и говорят на скольт-диалекте языка саами.

Диаграмма 2. Динамика численности мужчин Нявдемского сиййта

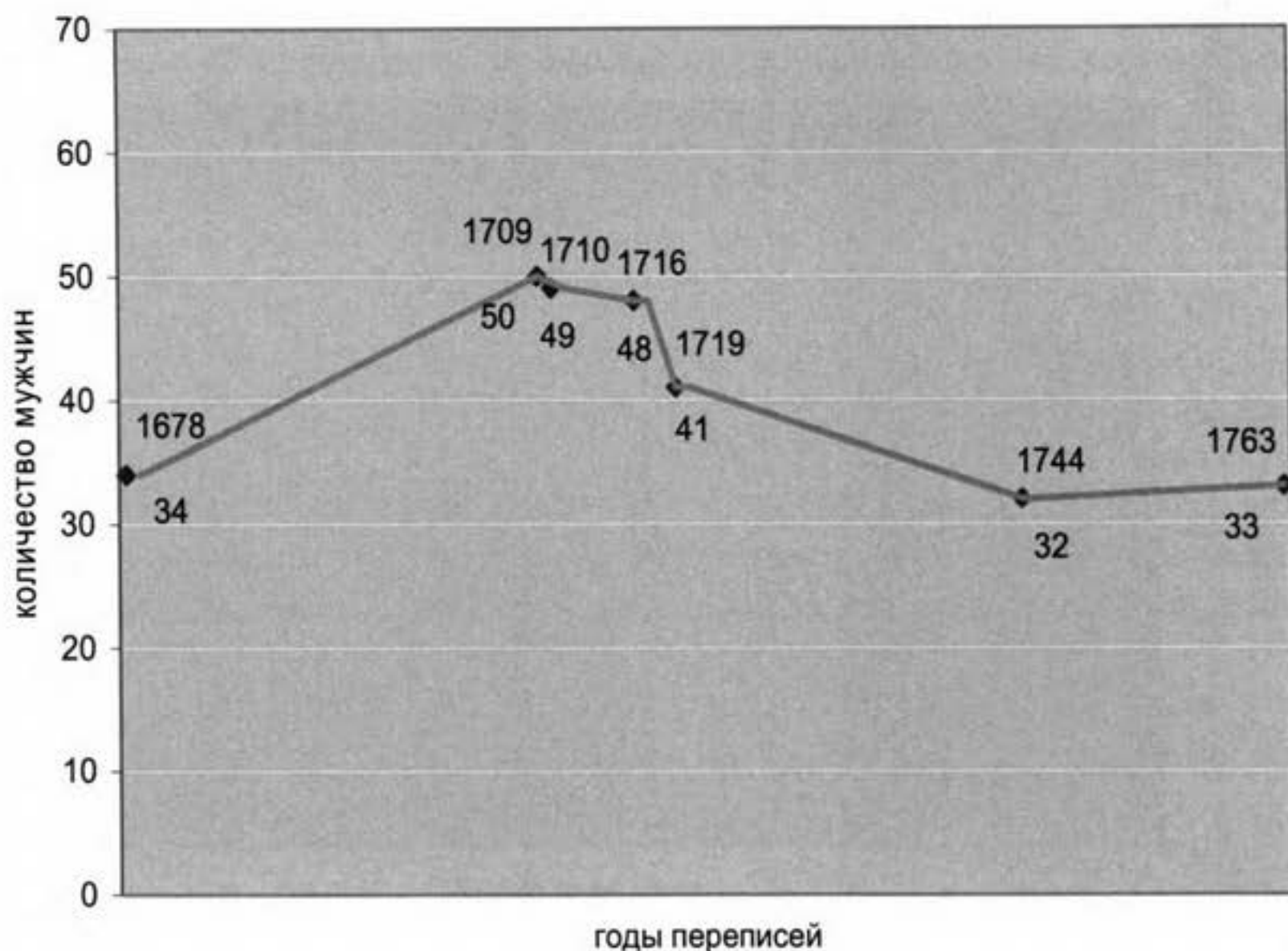

Пазрецкий сиййт. Название происходит от гидронима (р. Пазрека). Рус. *Пазрека*, норв. *Pasvig*, скольт. (латинская транскрипция) *Raaččjokk*, скольт. (кириллическая транскрипция) *Пааччйок-сиййт*. Впервые это название упоминается в Г1517, затем оно встречается во всех переписях, имеющихся в нашем распоряжении.¹³⁴ Во 2-й пол. XVI в. члены этого коллектива передали Печенгскому монастырю все свои береговые рыболовецкие угодья. На территории сиййта была построена церковь Св. Бориса и Глеба. В 1826 г. большая часть его территории отошла к Норвегии вместе с населением. Потомки этих

¹³⁴ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 178 об.–179 об.; *Там же*. Д. 15056. Лл. 69 об.–70 об.; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 18 об.–19 об.; *Там же*. Д. 20. Лл. 76 об.–78; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Л. 201–201 об.; *Там же*. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 24–25; *Там же*. Д. 1478. Лл. 43–46; *Там же*. Д. 1479. Лл. 24–25 об.

людей сегодня в основном проживают в коммуне *Sør-Varanger* (Норвегия) и говорят на скольт-диалекте языка саами.

Диаграмма 3. Динамика численности мужчин Пазрецкого сиййта

Печенгский сиййт. Название происходит от гидронима (р. Печенга). Рус. *Печенга*, норв. *Pesand (Peisen)*, фин. *Petsamo*, скольт. (латинская транскрипция) *Peäccam*, скольт. (кириллическая транскрипция) *Пеяццам*. Объединение впервые упоминается в П1574. В середине XVI в. оно было передано под юрисдикцию Печенгского монастыря.¹³⁵ Затем название встречается во всех исследованных нами переписях более позднего времени.¹³⁶ По мнению А.И. Андреева, «погост Печенгский образовался здесь значительно позднее, в

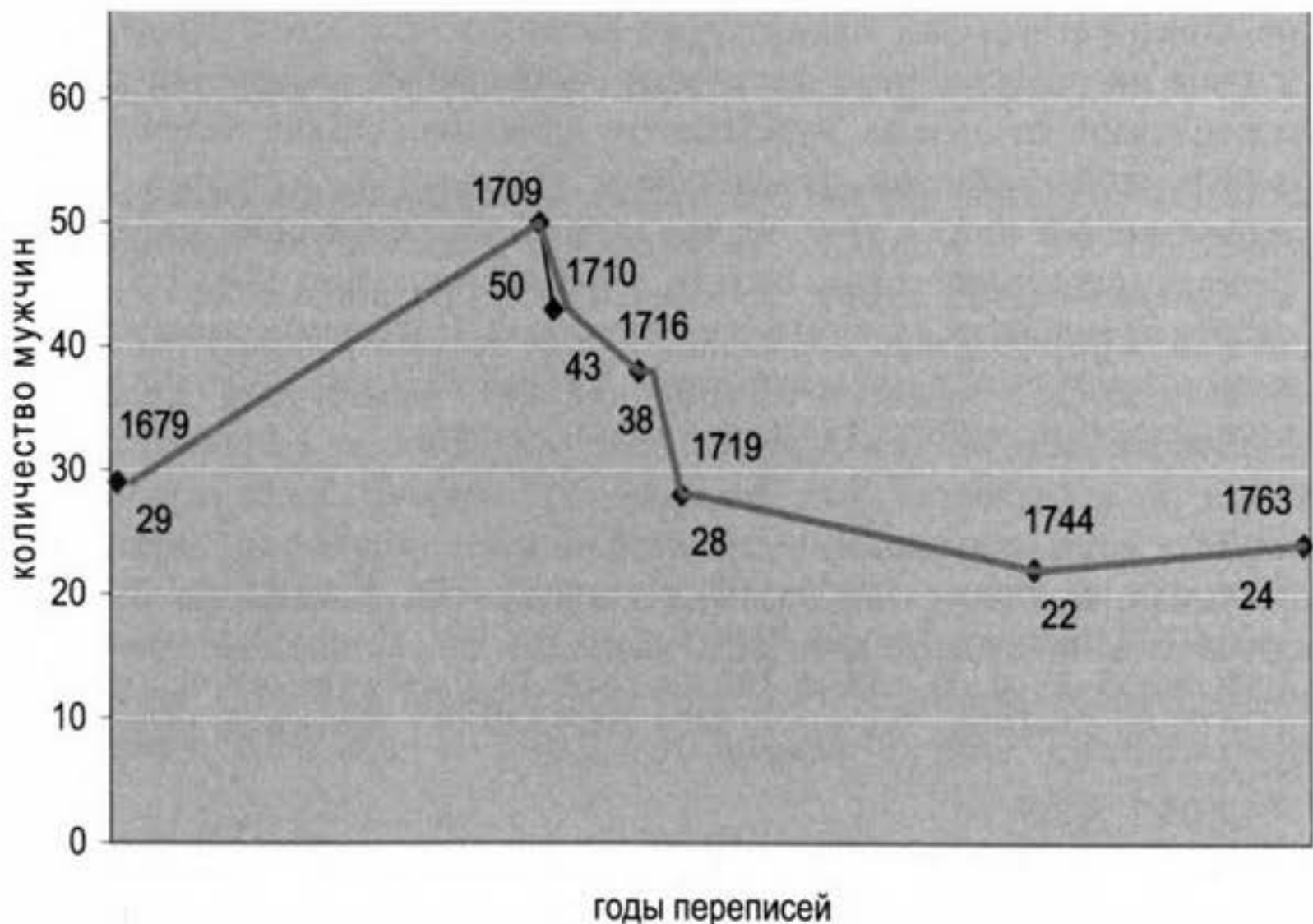
¹³⁵ СКГЭ 2. №136.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 94–95 об.; Там же. Д. 15056. Лл. 22 об.–23; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. лл. 17 об.–18 об.; Там же. Д. 20. Лл. 74–76; РГАДА. Ф.248. Кн. 78. № 29. Л. 200 об.; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 23–23 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 94–96 об.; Там же. Д. 1479. Лл. 67–68 об.

результате колониальной деятельности монастыря» (Андреев 1930: 151). В качестве аргумента историк привел тот факт, что реки Печенга и Ворьема на момент их продажи во второй половине XVI в. принадлежали членам Мотовского и Соньяльского сиййтов. Действительно, в перечнях людей продавших или пожертвовавших свои угодья монастырю, не упоминаются члены Печенгского сиййта, в то время как у них собственных угодий нет. Косвенным подтверждением гипотезы А.И. Андреева может служить и отсутствие Печенгского сиййта в Г1517. Тем не менее в П1607–1611 упоминается такой погост и его межи с Мотовским и с Пазрецким погостами. На карте П. Шнитлера обозначена территория сиййта, фактически совпадающая с той, которая описывается в упомянутой переписи.

На этой территории был основан Печенгский монастырь. В 1920 г. территория сиййта вместе с населением отошла к Финляндии. В 1944 г. она была возвращена России, но члены сиййта предпочли остаться в Финляндии. Их потомки сегодня компактно проживают в Nellim (Финляндия) и говорят на скольт-диалекте.

Диаграмма 4. Динамика численности мужчин Печенгского сиййта

Мотовский сиййт. Другие варианты названия – Мототский, Мотоцкий, Мотка. Название происходит от топонима, обозначающего

полуостров – скольт. *МуэтЪкк*, рус. *Мотка*, датск. *Bomteni*. Впервые этот коллектив упоминается в грамоте 1517 г. Упоминается он также во всех использованных нами переписях.¹³⁷ В 1556 г. сийт был передан в юрисдикцию Печенгского монастыря. В Грамоте об этой передаче не говорится про группы саами, а просто указано: «лопари...в Мотовской ... губе».¹³⁸ В датском налоговом списке R1593 этот сийт обозначается как группа сийтов: *Bomteni* (датское название Мотки), *Leidtz* (Лица), *Orre* (Ура), *Mannemis*. Муномашским назвался другой сийт. Здесь, видимо, по каким-то причинам произошло наложение названий. На карте *Septentrionalium Terrarum descriptio* 1595 г. отмечен населенный пункт *Motka*, а на карте Симона ван Салингена 1601 г. обозначено поселение *Liza* (Лица), *Bomtenes* названа Мотовская губа, а *Oura fiort* – Ура-губа.

В П1607–1611 сийт упоминается как «погост Мотовский и Китовский», так же он называется и в Росписи 1623/24 г.¹³⁹ В дальнейшем эти группы окончательно слились. Процесс их объединения начался во 2-й пол. XVI в. Мотовский сийт вобрал в себя отдельно существовавшие до того Урский и Лицкий сийты, упоминающиеся в R1593 г. Их названия происходят от названий рек, впадающих в Мотовскую губу. Судя по всему, в П1573–1576 также описывались эти отдельные сийты, поскольку следующая перепись П1607–1611 не содержит ссылки на описание единого «погоста». Кроме того, купчие на угодья в этой местности составлялись между указанными переписями от имени «урских» и «лицких» саами. Члены этого сийта также владели половиной р. Печенги.¹⁴⁰ Основные водные угодья во 2-й пол. XVI в. члены названных ранее сийтов продали Печенгскому монастырю, однако в первой половине XVIII в. члены сийта арендовали их у того же монастыря. Поселение с таким названием изображается на ряде карт XVII–XVIII вв. Родным языком потомков этого сийта является скольт-диалект.

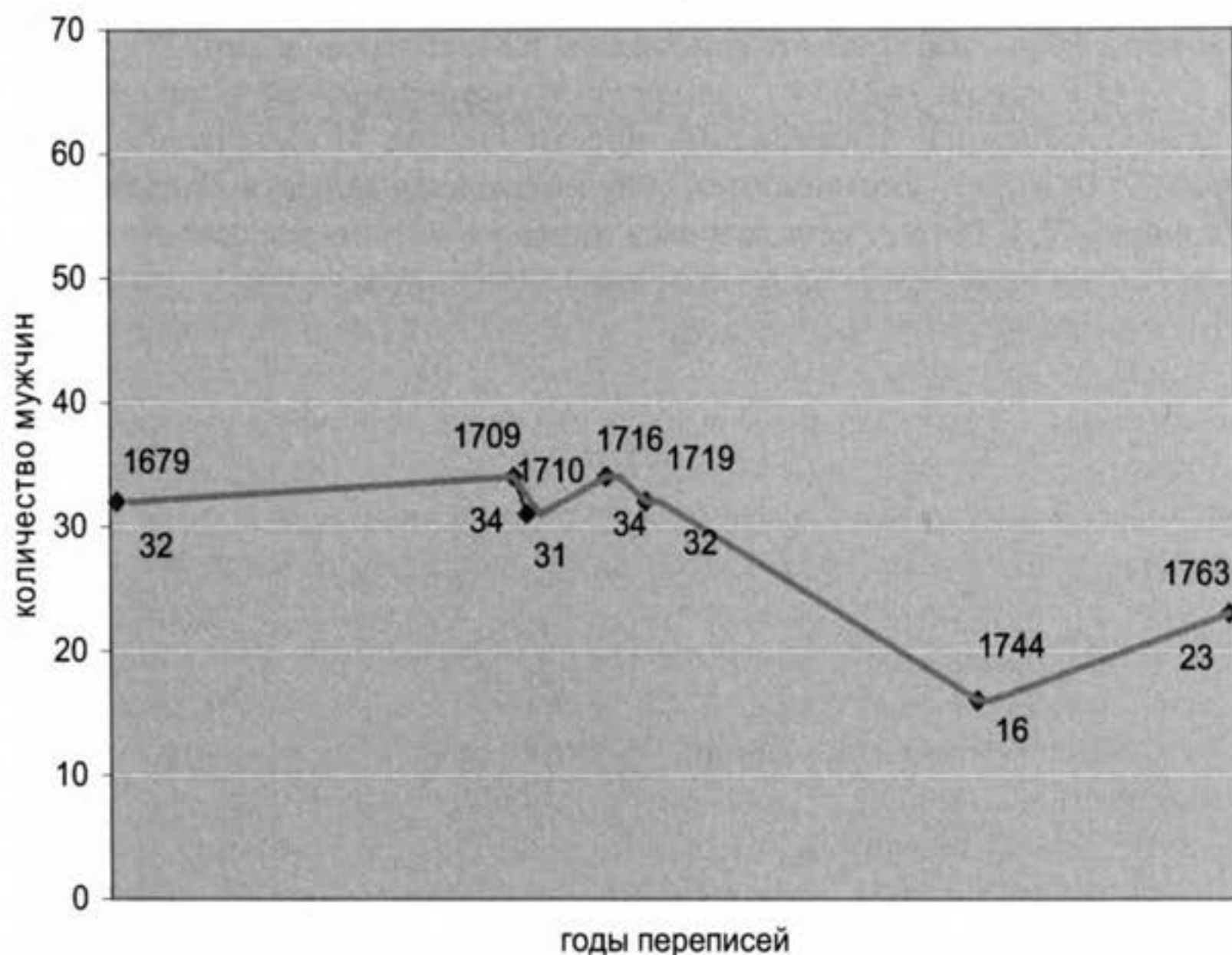
¹³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 108–115 об.; Там же. Д. 15056. Лл. 23–24 об.; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 17–17 об.; Там же. Д. 20. Лл. 73–73 об.; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Л. 200; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 21–22 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 92–93 об.; Там же. Д. 1479. Лл. 65–66 об.

¹³⁸ СКГЭ 2. №136.

¹³⁹ СМПКП. №27. С. 56.

¹⁴⁰ «Половина» угодья означает долевое право на узуфрукт. Подобное разделение узуфрукта могло быть как диахронным, так и синхронным. В первом случае предполагалось использование реки раз в два года, во втором – присвоение половины улова или дохода от сдачи реки в аренду.

Диаграмма 5. Динамика численности мужчин Мотовского сиййта

Муномашский/Кильдинский сиййт. Другие варианты его названия – Муномаш, Муномош, Муномажский. Начиная с R1719, сиййт пишется как Килдинский, Кильдинский: кильд. *Kilmt-сиййт*, дат. *Mannemis*. Происхождение первого названия неясно, второе обычно связывают с островом Кильдин. Общее название сиййта (Киллт-сиййт), несмотря на неоднократные изменения места зимнего поселения, сохраняется. Первое упоминание его встречается в Г1517 (Monomas), он фигурирует и во всех исследованных переписях более позднего времени.¹⁴¹ Почему-то в датских материалах R1593 г. это название объединено с Мотовским, Лицким и Урским сиййтами, при этом Кола (Malmis) упоминается отдельно. Статистические данные позволяют говорить о том, что первая группа соответствует

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 80 об.–86 об.; Там же. Д. 15056. Лл. 73–75; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 72 об.–73 об.; Там же. Д. 20. Лл. 160–161 об.; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Л. 213; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 39–40; Там же. Д. 1478. Лл. 78 об.–81 об.; Там же. Д. 1479. Лл. 51–54.

Мотовскому сиййту (см. выше). Можно предположить, что одна из групп Муномашского сиййта (левобережье Кольской губы) или вообще весь сиййт раньше относились к Мотовским саами.¹⁴²

В Росписи 1623/24 г. наряду с Муномашским погостом как податной единицей упоминается просто группа «Кильдинские лопа-ри».¹⁴³ В 1650 г. упоминаются «Муномажского погоста Кильдинские лопа-ри»¹⁴⁴, в 1696 г. используется название «Муномажский Кильдинский погост».¹⁴⁵ В том же документе говорится о «зимнем Кильдинском погосте». Судя по описанию, это поселение находилось в глубине материка. Там же упоминаются договоренности 1649–50 г. с «Кильдинскими лопарями». Из всего этого можно сделать предположение, что сначала Кильдинскими саами называлась группа Муномашского сиййта, позже отдельное существование этой группы закончилось. Кроме того, в летнем поселении на о. Кильдин, скорее всего, проживали члены Вороненского и Семиостровского сиййтов. Какое-то время идентичности «Муномашский» и «Кильдинский» существовали параллельно.

Помимо этих идентичностей упоминаются также «Тириберские лопа-ри».¹⁴⁶ Группы родственников из числа членов сиййта, являвшиеся одновременно владельцами комплексов угодий, получали прозвища, которые одновременно были обозначением их владений и прото-фамилией.¹⁴⁷ В течение 2-й половины XVI – начала XVII в. члены этого объединения распродали значительную часть своих угодий, располагавшихся по берегам Кольской губы и побережью Баренцева моря. На территории сиййта образовалась волость Кола.

¹⁴² Для проверки этой гипотезы необходимо изучить оригинал источника и удостовериться в том, что в нем нет ошибки. Исследование иных ранних источников помогло бы проверить эти версии. Указанной гипотезе явно противоречит тот факт, что потомки членов этого сиййта говорят на кильдинском диалекте, а Мотовского – на скольтосаамском диалекте.

¹⁴³ «От Кольского острогу ...до Кильдина острова 60 верст. А живут на том острове Кильдинские лопа-ри летом для рыбного промыслу трески и палтуса...» СМПКП. № 27. С.64.

¹⁴⁴ СМПКП. № 51.

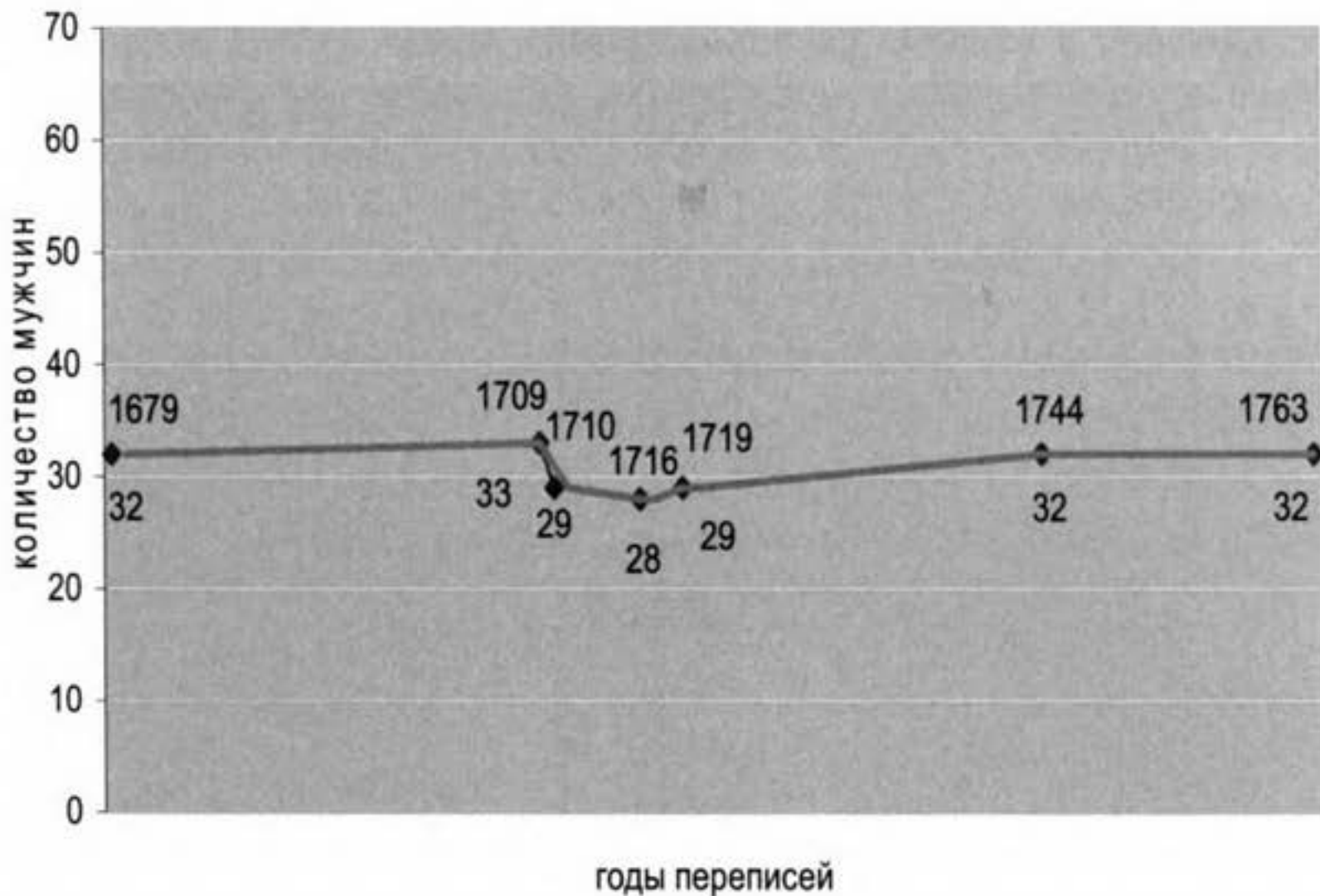
¹⁴⁵ Там же. №72.

¹⁴⁶ Там же. №7. В этом же документе упоминается «пялесмозерский лопарь», который продает долю своего дяди между «тириберскими лопарями». Пелесмозеро – одно из угодий Масельгского сиййта. События происходят в 1577–1578 г. Если бы в нашем распоряжении был полный текст Писцовой книги Василия Агалина 1573–1576 г., мы смогли бы проверить, к каким сиййтам относились эти люди.

¹⁴⁷ Речь идет о Пахоцких (от слова пахта) и Корожного (от слова корга).

Потомки этих саами сегодня в основном проживают в с. Ловозеро, их родным языком является кильдинский диалект языка саами.

Диаграмма 6. Динамика численности мужчин Муномашского/Кильдинского сиййта

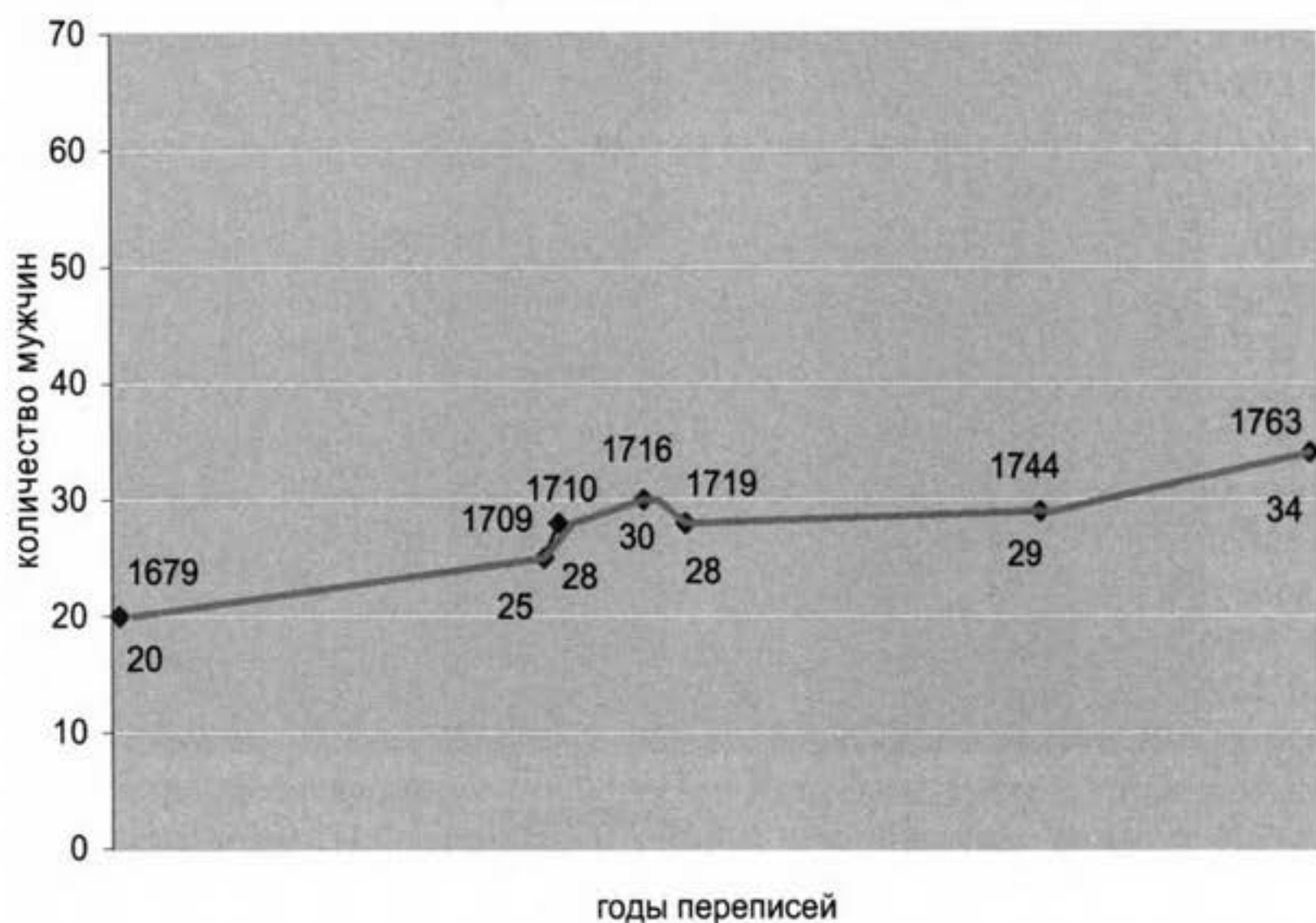
Масельгский сиййт. Другие варианты его названия – Масельга, Маселгский, Масельский. В XIX в. он уже известен как Пулозерский. Название происходит от обозначения горной гряды: кильд. *Мāзиелльк*; дат. *Perisiyaaur*. Первое упоминание сиййта встречается в грамоте 1517 г. – *Vadoser*. Далее он фигурирует под названием Масельский во всех исследованных переписях.¹⁴⁸ В П1607–1611 со ссылкой на П1573–1576 упоминаются также «Колозерские лопари», продавшие Печенгскому монастырю свои угодья. Возможно, это более раннее название сиййта, хотя оно могло быть и названием

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 127–127 об.; Там же. Д. 15056. Лл. 72–73; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 24–25; Там же. Д. 20. Лл. 86–87 об.; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Л. 197 об.; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 31–32 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 62–64 об.; Там же. Д. 1479. Лл. 36–38 об.

одной из групп данного объединения. Потомки членов этого сиййта сегодня компактно проживают в с. Ловозеро и д. Лопарская, родным для них является кильдинский диалект языка саами.

Члены последних двух сиййтов в рассматриваемое время довольно активно пользовались угодьями на территориях друг друга.

Диаграмма 7. Динамика численности мужчин Масельгского сиййта

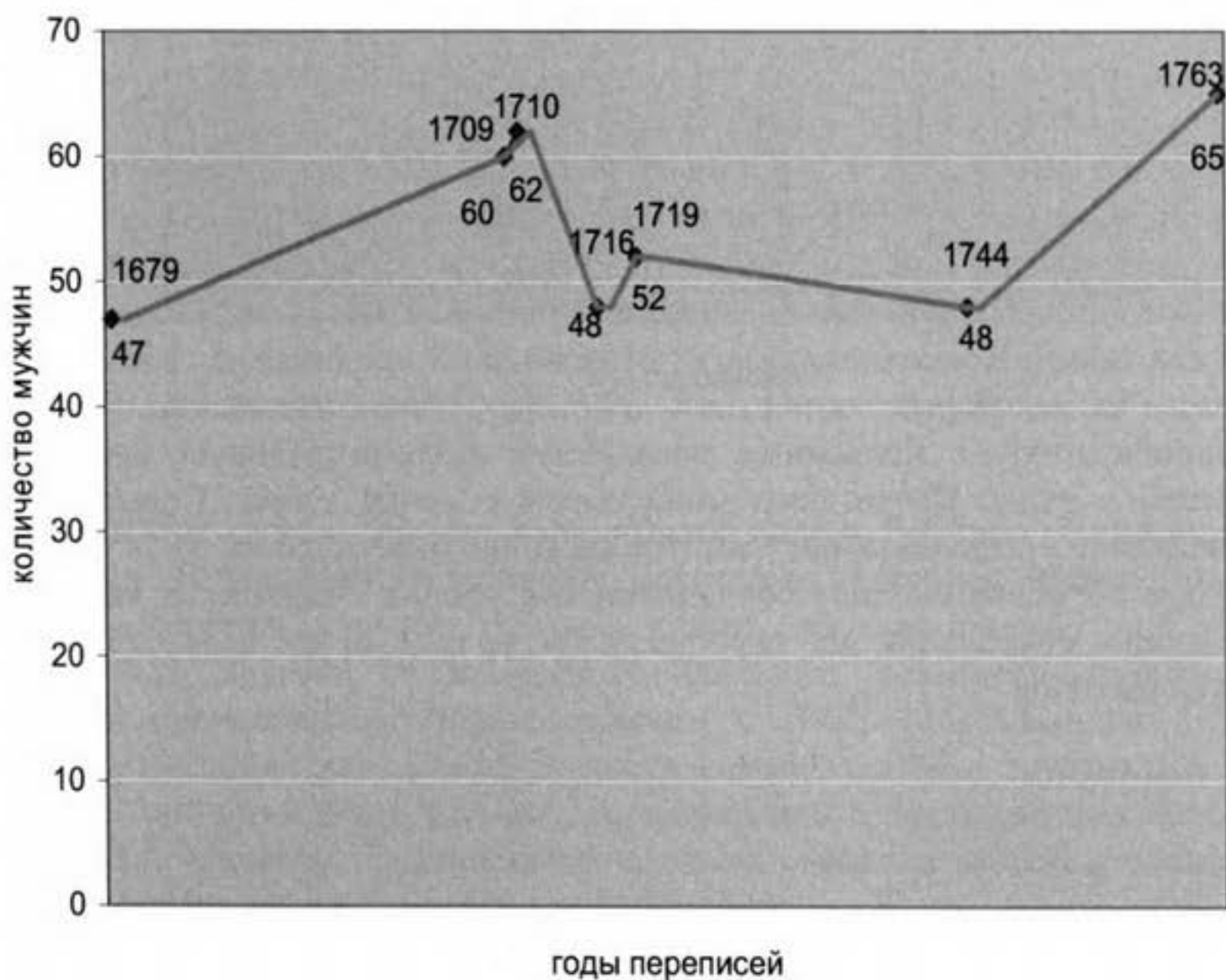

Соньяльский сиййт. Другие варианты названия: Соняльский, Сонельский, Сонгельский, Соняла, Сонгела. Происхождение названия не выяснено. Скольт. (латинская транскрипция) – *Suõ'nn'jel*; скольт. (кириллическая транскрипция) *Суонньель*; датск. *Songjeld*, *Søndergiæld*; фин. *Suonikylä*. Русское название в источниках пишется по-разному. Поскольку по грамматическим нормам XVI – 1-й половины XVIII в. мягкий знак мог не писаться, установить правильное написание названия сложно.¹⁴⁹ Впервые название упоминается в Г1517. После этого оно фигурирует во всех переписях более позднего

¹⁴⁹ К примеру, название уезда – Кольский – до середины XVIII в. писалось без мягкого знака.

времени.¹⁵⁰ В первой половине XVI в. члены сиййта владели, помимо угодий своей территории, половиной р. Печенги, которую затем продали Печенгскому монастырю. Во второй половине XVI – первой половине XVII вв. часть членов сиййта потеряли права на свои угодья, но уже в начале XVIII века они стали выкупать обратно утраченные угодья.¹⁵¹ В 1920 г. большая часть территории сиййта вместе с его членами отошла к Финляндии. После возвращения территории России члены сиййта предпочли остаться в Финляндии. Большинство их потомков проживают сегодня в Советтияври (Финляндия) и говорят на скольт-диалекте.

Диаграмма 8. Динамика численности мужчин Соньяльского сиййта

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 176 об. – 178 об.; Там же. Д. 15056. Лл. 67 об.–69 об.; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 21–22; Там же. Д. 20. Лл. 80 об.–83; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Лл. 202 об.–203; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 27–28 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 48 об.–53 об.; Там же. Д. 1479. Лл. 28–31 об.

¹⁵¹ См, например: РГАДА Ф. 1455. Оп. 5. Д. 1603.

Нотозерский сиййт. Другой вариант названия: Нотозеро. Название происходит от гидронима (оз. Ното): скольт. *Нюэхьттjяуррь*, рус. *Нотозеро*, дат. *Nottiaur*. Впервые название сиййта встречается в 11573–1576, затем оно упоминается во всех использованных нами переписях последующих лет.¹⁵² Потомки членов этого сиййта сегодня в основном проживают в поселке городского типа Верхнетуломском, их родным является скольт-диалект.

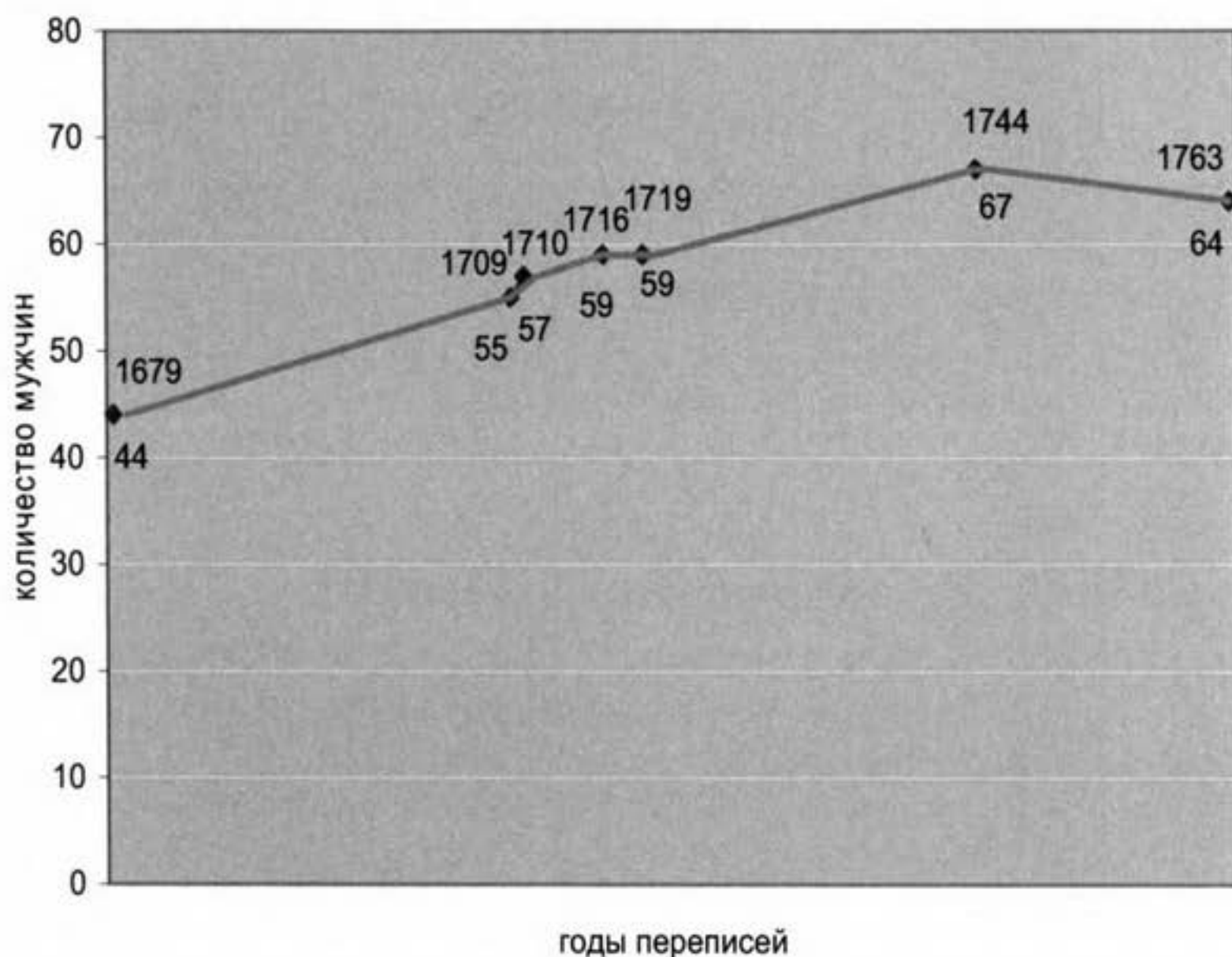
Последние два сиййта постоянно упоминаются в источниках вместе. В XVI–XVIII вв. члены их совместно владели угодьями и промышляли на р. Туломе. Совместное владение угодьями было не только на уровне сиййтов, но и на уровне отдельных их членов. В течение всего XVII в. саами обоих объединений спорили с жителями Колы по поводу размежевания и судились с Печенгским монастырем из-за рыболовецких угодий на реках Туломе и Улите.¹⁵³ Во всех торговых и политических акциях эти группы выступали вместе. В приходно-расходных книгах Новгородского приказа конца 1620-х гг. они по неизвестным причинам не упоминаются. На протяжении второй половины XVII в. эти коллективы нанимали для выполнения за себя ямской гоньбы членов Йокостровского и Бабенского сиййтов.

Все это приводит к мысли о единстве сонъяльских и нотозерских саами. Консолидация этих объединений проявлялась, в частности, в их некоторых совместных действиях. Таковыми можно считать подписанную с Кольскими посадскими людьми деловую запись о меже и суд с Печенгским монастырем о речке Улите. Совместное владение угодьями обоих сиййтов было на двух уровнях. Речь может идти об общественном совладении (на уровне сиййтов), а также о личном совладении на персональном уровне представителей этих коллективов.

¹⁵² РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 170–176 об.; Там же. Д. 15056. Лл. 65 об.–67; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 22–24; Там же. Д. 20. Лл. 83–85 об.; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Лл. 203 об.–204 об.; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 29–30 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 54–61 об.; Там же. Д. 1479. Лл. 32–35 об.

¹⁵³ RAF. Rulla PR-44. № 9, 13; АИ. Т. IV. № 254.

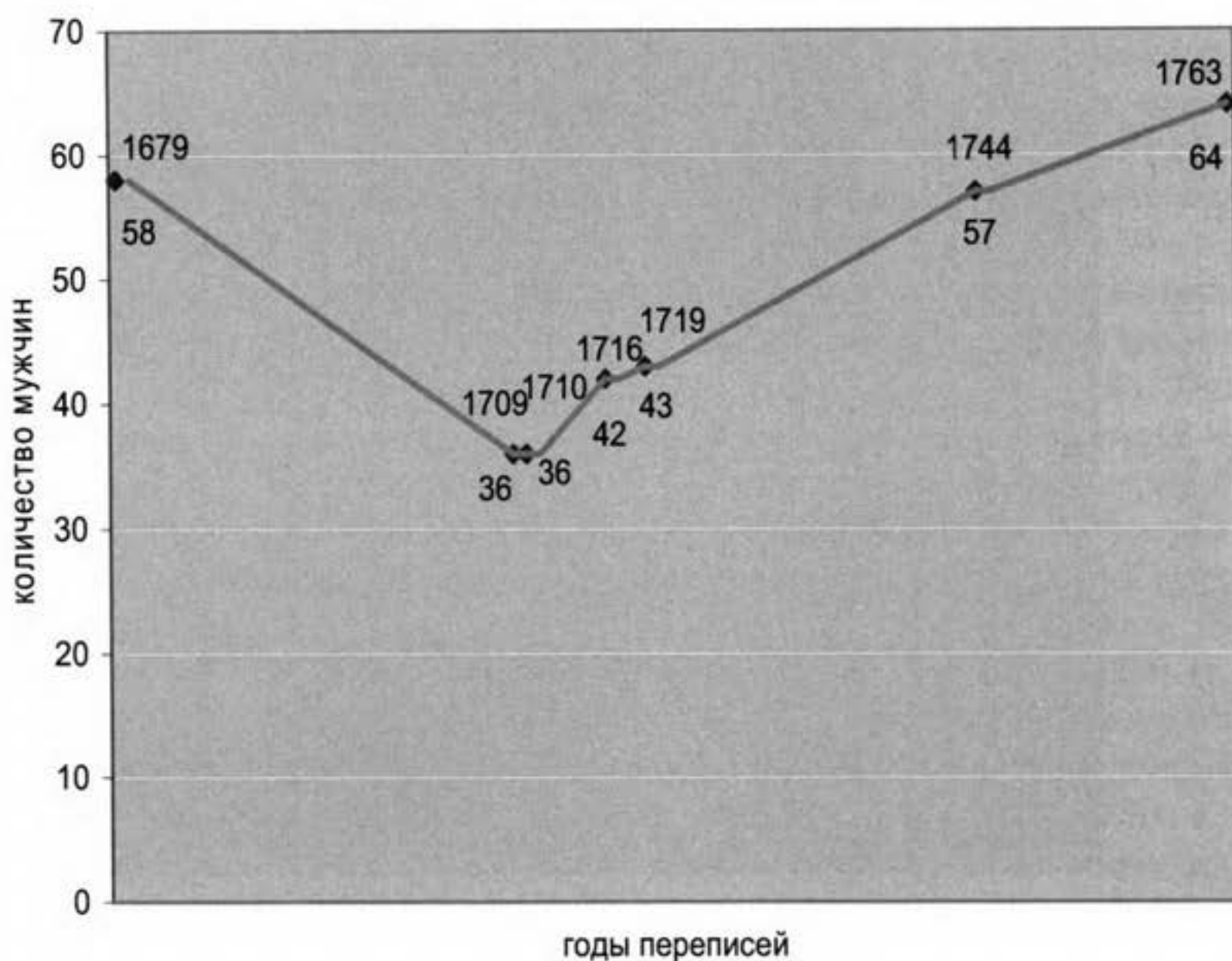
Диаграмма 9. Динамика численности мужчин Нотозерского сиййта

Бабенский сиййт. Другие варианты названия: Бабинец, Бабиничи, Бабенск, Бабенгский. Название происходит от агионима. Русское название является калькой с языка саами, обозначающего одно из основных божеств их языческого пантеона. Возможно, название сиййта происходит от гидроагионима – оз. Бабенская Имандра: баб. *Ахьккель-сиййт*, дат. *Achild*. Впервые название сиййта встречается в Г1517, оно упоминается во всех используемых нами переписях более позднего времени.¹⁵⁴ Диалект на котором говорили потомки членов этого сиййта принято писать как Бабинский.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 168–169 об.; Там же. Д. 15056. Лл. 63–65 об.; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 26 об.–28 об.; Там же. Д. 20. Лл. 93 об.–96; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Л. 198 об.; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 37–38; Там же. Д. 1478. Лл. 72 об.–78; Там же. Д. 1479. Лл. 47–50 об.

Диаграмма 10. Динамика численности мужчин Бабенского сиййта

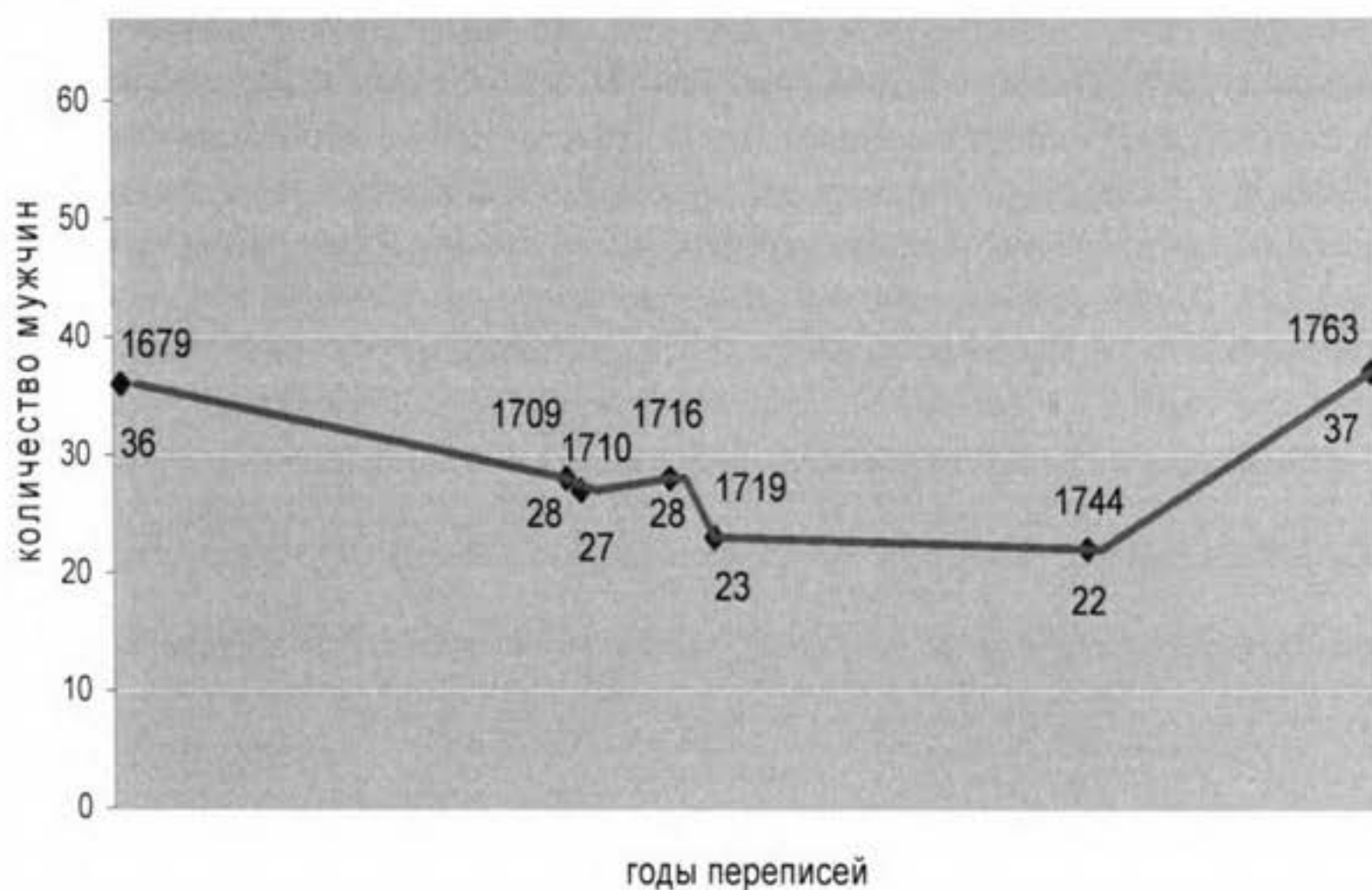
Йокостровский сиййт. Название происходит от названия острова Йокострова на оз. Имандра в Екостровском проливе: баб. *Чухькксӯллу-сиййт*; рус. *Йокостров, Экостров, Екостров*. Первое упоминание сиййта встречается в П1573–1576, он описывается и во всех последующих переписях.¹⁵⁵ В конце XIX в. данный сиййт перестал существовать как единое поселение.

В деловых и экономических документах Бабенский и Йокостровский сиййты часто упоминаются вместе. В Писцовой книге Василия Агалина 1573–1576 гг. указано также, что на оз. Имандра они вместе ловят рыбу. Можно предположить, что отсутствие Йокостровского сиййта в Г1517 связано с тем, что оба они выступали в то время как одна податная единица. Потомки членов этих сиййтов

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 167–168; *Там же*. Д. 15056. Лл. 61 об.–62 об.; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 25 об.–26 об.; *Там же*. Д. 20. Лл. 91–93 об.; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Л. 198; *Там же*. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 35–36; *Там же*. Д. 1478. Лл. 69 об.–72; *Там же*. Д. 1479. Лл. 43–46.

сегодня проживают в п. Ёна, их родным является бабинский диалект (Керт 1967: 11) языка саами.

Диаграмма 11. Динамика численности мужчин Йокостровского сиййта

«Терская лопь»

Термин *Терь*, *Тре*, *Trinnes* встречается в различных документах, касающихся данной территории, начиная с XIII в. Страна Турья упоминается в Калевале. Такой формант содержится в топонимах, распространенных на Кольском полуострове, в Карелии и Финляндии. Подробное рассмотрение вопроса об этимологии этого термина выходит за рамки нашего исследования, ограничимся анализом информации, содержащейся в наших источниках.¹⁵⁶ В рассматриваемое время официально под таким названием фиксировались несколько «погостов». В том составе, как мы его описываем сейчас, это объединение фигурировало в П1607–1611 и П1678, а также в актовом материале всего XVII в. Уже в П1709 и П1710 происходила путаница с включением в состав этого объединения тех или иных сиййтов. В П1716 упоминаются Кончанская и Лешая лопи, но термин

¹⁵⁶ Более подробно об этом: Кучинский 1998а.

«Терская лопь» опускается, позже он встречается лишь как обозначение только части этих сийитов (см. ниже). Рассматриваемый материал вызывает сомнение, что все сийиты, называвшиеся так в документах XVII – начала XVIII вв., на самом деле представляли собой одно объединение.

Ловозерский сийит. Другие варианты названия: *Ловозеро*, кильд. *Луяввьр*, дат. *Lujager*. Название происходит от гидронима (оз. Ловозеро). Первое упоминание этого названия мы находим в Г1517,¹⁵⁷ сийит описывается во всех исследованных переписях более позднего времени.¹⁵⁸ Некоторые ловозерцы имели владения в Вороненском, Масельском¹⁵⁹ и Нотозерском¹⁶⁰ сийитах. Это единственное поселение саами исследуемого времени, которое сохранилось до сегодняшнего дня. Потомки членов этого сийита проживают сегодня в с. Ловозеро, их родным является кильдинский диалект языка саами.

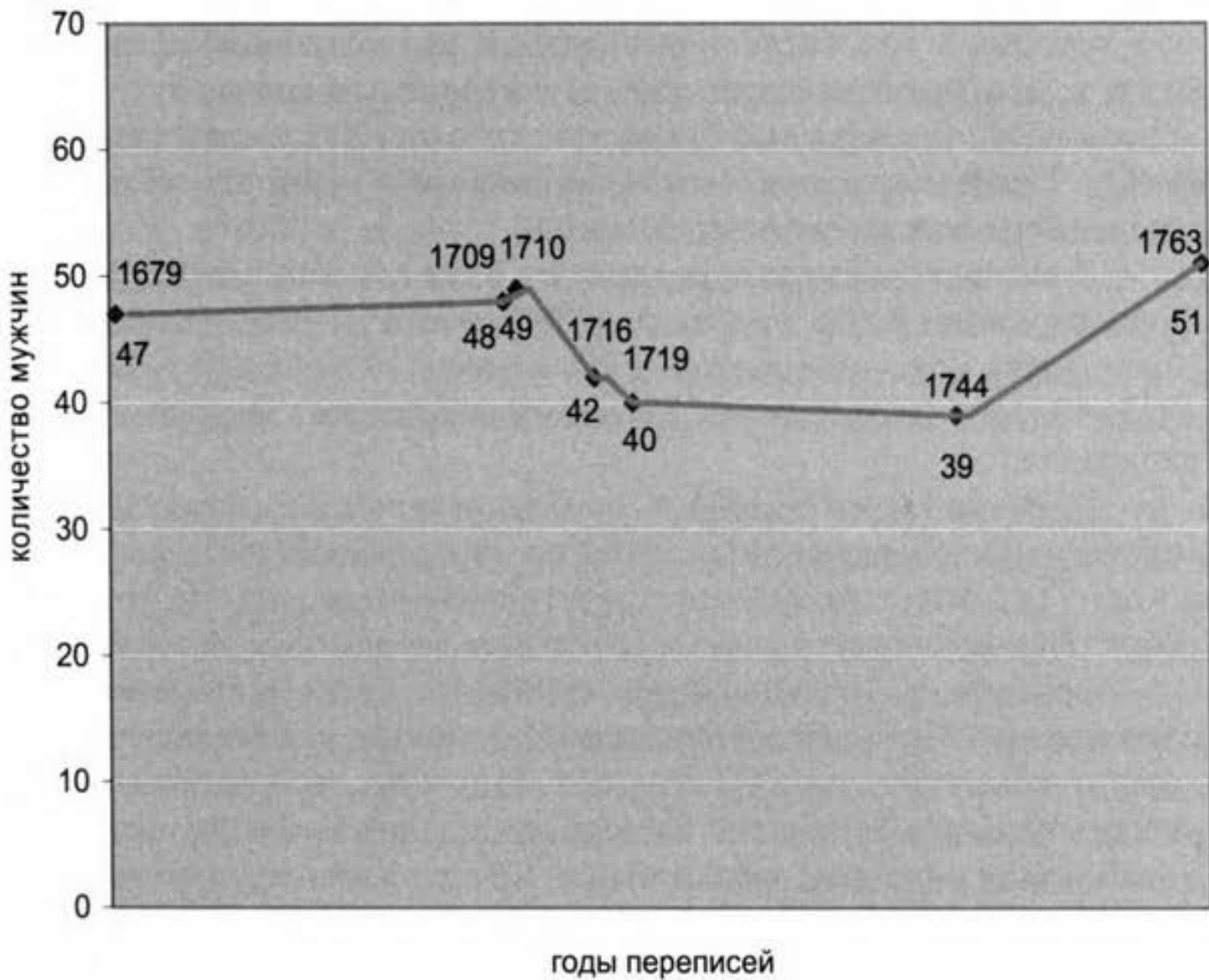
¹⁵⁷ Сегодня официально считается, что впервые он упоминается в 1574 г., в Писцовой книге Василия Агалина, точнее в цитате из нее, содержащейся в Писцовой книге Алая Михалкова 1607–1611 гг. Благодаря упоминанию в этой царской грамоте, с. Ловозеро «удревняется» почти на 60 лет. Несомненно, этот сийит появился гораздо раньше.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д. 208. Лл. 160–162; *Там же*. Д. 15056. Лл. 90–93; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 69 об.–70 об.; *Там же*. Д. 20. Лл. 88–91; РГАДА. Ф.248. Кн. 78. № 29. Лл. 214–214 об.; *Там же*. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 33–34; *Там же*. Д. 1478. Лл. 65–69; *Там же*. Д. 1479. Лл. 39–42 об.

¹⁵⁹ Харузин 1890. II: 454.

¹⁶⁰ СМПКП. С. 97.

Диаграмма 12. Динамика численности мужчин Ловозерского сиййта

Колданский сиййт.¹⁶¹ Название, как и его происхождение, саами неизвестны. Н.Н. Харузин, опубликовавший Писцовую книгу Алая Михалкова, использовал транскрипцию «Кондола». В другом месте того же документа он употребил иной вариант названия — «Колдолские лопари».¹⁶² На наш взгляд, при публикации произошла ошибка, на самом же деле сиййт назывался Колдонский / Колданский / Колдана.

В данном случае сказалось неверное прочтение Н.Н. Харузиным первоисточника. Как известно, надстрочные «л» и «н» в скорописи писались одинаково или почти одинаково, поэтому их можно легко спутать. Обе буквы в этом слове в оригинале были написаны именно надстрочно. Видимо, писец не знал настоящего топонима и написал так, чтобы снять с себя ответственность за

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Лл. 162–163.

¹⁶² Харузин. 1890. II.: 453, 448.

возможную ошибку. К этому же «методу» прибегали и другие писцы. Например, в деле 1734 г. приводятся цитаты из грамот 1585 г. и 1605 г., в которых в том числе упоминается и рассматриваемый сиййт.¹⁶³ Хотя в это время писали уже не скорописью, но и тут писцы использовали надстрочные буквы, поскольку не знали, как правильно писать. Такое написание выглядело необычно для того времени и потому обращало на себя внимание.¹⁶⁴

В датских налоговых материалах 1593 г. упоминается *Quelden*. По информации А.О. Йунсена, в оригинале документа, хранящемся в Копенгагене, над надписью *Koldal* написано *Koldanskoy* (Johnsen 1923: 80. Not. 167). Историк же предпочел выбрать первый вариант написания.

В царской грамоте 1585 г., опубликованной Е.В. Барсовым, при перечислении «терских лопских погостов» упоминается Колдонский погост.¹⁶⁵ Ниже список тех же групп повторяется еще два раза, и в обоих повторениях этот соционим опубликован как «Колдолский».

Локализация расположения сиййта во многом проясняет эти разночтения. Мы идентифицировали топонимы, упоминающиеся в связи с этим сиййтом в П1607–1611. Результат этой работы можно увидеть на Карте 2. На карте Симона ван Салингена 1601 г. примерно в том месте, где мы локализовали Колдонский сийт, обозначено поселение *Inglsiyauer*. На этой карте ряд топонимов имеет формант *-uaur*, *-jauer*, *-yauer*, передающий формант языка саами, обозначающий «озеро». Иными словами, название поселения, обозначенное на карте Ван Салингена, соответствует оз. Ингозеро. Этот водоем согласно П1607–1611, входил в перечень угодий рассматриваемого сиййта.

Географическое положение позволяет идентифицировать этот сиййт с *Koldai*, фигурирующим в Г1517. Такая локализация вполне соответствует маршруту сборщика дани (см. карту 3). А.О. Йунсен, а вслед за ним В.Е. Возгрин, И.П. Шаскольский и Т.А. Шрадер предположили, что это название обозначает «Кольскую долину» (Возгрин, Шаскольский, Шрадер 1989: 133). Во-первых, было бы странным, если бы данщик из Ловозерского сиййта ездил на Колу, а оттуда, минуя остальных плательщиков, – в Умбу. К тому же на Колу и без

¹⁶³ См. РГАДА. Ф.248. Д.786. Л.232. В грамотах перечисляются «Терские погосты».

¹⁶⁴ Необходимо заметить, что в списке XVIII в., П1607–1611/2 название сиййта дано именно так, как у Н.Н. Харузина (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 900. Л. 107.), что и объясняет его выбор написания названия.

¹⁶⁵ ЧОИДР 1883: 6–7.

того ездил другой сборщик дани. Во-вторых, выражение «Кольская долина» не встречается не только в исторических, но и в современных географических документах.

Есть еще один аргумент в пользу нашей версии. Во всех последующих переписях встречается фамилия Колданцевы. Ее носители – родственники по мужской линии, восходящие к одному предку, жившему в 1660-х годах – Ивану. Они зафиксированы как члены Вороненского, Ловозерского и Семиостровского сийитов, то есть тех самых сообществ, где члены Колданского сийита занимались промыслами. Сама грамматическая форма фамилии явно говорит о ее происхождении от названия местности или общины, откуда пришел ее носитель.

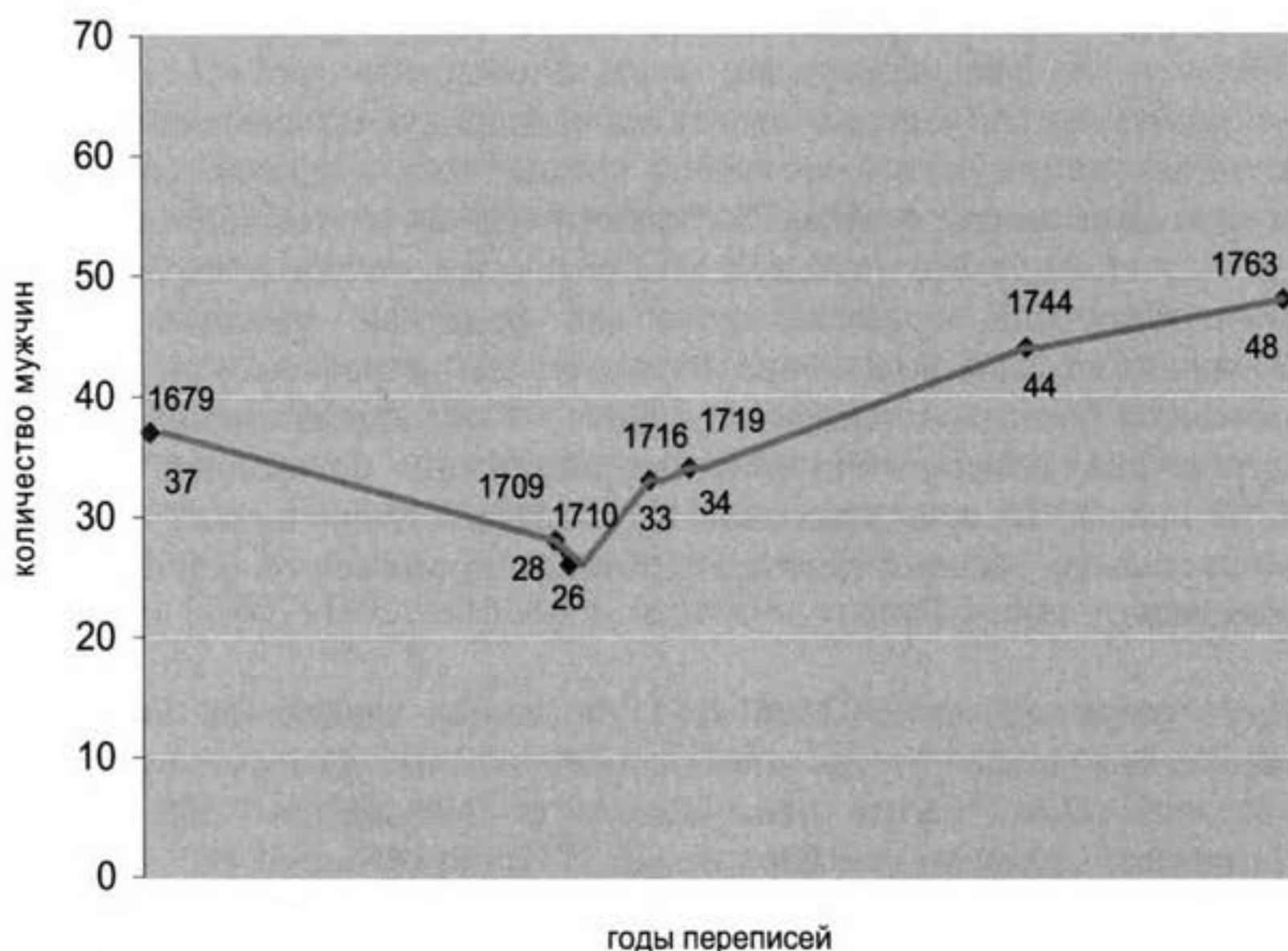
Подведем итог сказанному. Впервые сийит упоминается в Г1517, затем он был отмечен в П1573–1576, царских грамотах 1585 и 1605 гг. В Писцовой книге Алая Михалкова 1607–1611 гг. он упоминается как совсем маленькая единица, «погостишко», члены которого к тому же занимаются промыслами в других сийитах и платят дань вместе с ними. В Росписи 1623–24 г. этот коллектив уже не упоминается. Это позволяет говорить о том, что он прекратил свое самостоятельное существование как податная единица во 2-м десятилетии XVII в. С конца 1670-х гг. мы встречаем в источниках потомков бывшего члена этого сийита – Колданцевых, вошедших по другим объединениям. Эта фамилия встречается по крайней мере до 1763 г. В XVIII в. из трех ветвей Колданцевых две начали писаться Юшковыми и Мелентьевыми. Их потомки проживают в основном в с. Ловозеро.

Чуро озеро. Согласно П1607–1611, в данном поселении проживает одна семья саами. Других упоминаний о нем нет. В документе указано, что семья платит дань вместе с Ловозерским сийитом. В источнике написано «на Юре озере».¹⁶⁶ В окрестностях оз. Ловозеро встречается схожий топоним – Чурозеро. Потеря писцом заглавной буквы «Ч» – не является чем-то необычным. Похожие «упущения» наблюдаются и в других источниках. Чередование у/ю после «ч» встречается часто. Таким образом, интерпретация сийита как Чуроозеро вполне допустима. Видимо, после 1611 года эта семья либо прекратила существование вообще, либо перестала учитываться отдельно от ловозерцев.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Л. 163. Там же. Д. 900. Л. 105 об.

Вороненский сиййт. Другие варианты названия: Воронежский, Воронежский, Вороний, Воронья. Название происходит от гидронима (р. Воронья). Русское название – калька с кильд. *Коардэгк-сиййт*. Начиная с Писцовой книги Василия Агалина 1573–1576 гг., это объединение описывается во всех исследованных нами переписях.¹⁶⁷ Угодьями этого сийита пользовались и представители Норецкого и Колданского сийитов. Сами же члены Вороненского сийита промышляли и среди ловозерцев, и среди семиостровцев. Потомки членов этого сийита сегодня компактно проживают в с. Ловозеро, их родным является кильдинский диалект языка саами.

Диаграмма 13. Динамика численности мужчин Вороненского сийита

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Лл. 143 об.–146 об.; Там же. Д. 15056. Лл. 93–96; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 71–72 об.; Там же. Д. 20. Лл. 162–164 об.; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Л. 213 об.; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 41–41 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 82–86; Там же. Д. 1479. Лл. 55–58 об.

Норецкий/Семиостровский сиййт. Другие варианты написания: Норенский; кильд. *Нуррьт-сиййт*; дат. *Norres*. На языке саами это означает Восточный сиййт. Впервые он упоминается в Писцовой книге Василия Агалина 1573–1576 гг. Так же этот коллектив значится и в П1607–1611. Затем, во всех исследованных нами переписях он фигурирует как Семиостровский.¹⁶⁸ На шведской карте Лапландии 1595 г. (*Septentrionalium Terrarum descriptio*) примерно на месте расположения этого сиййта обозначен объект “*Semost. Pogost*”. В Росписи 1623–24 г. этот коллектив уже записан как «Семиостровский погост».¹⁶⁹ Под таким названием он фигурирует во всех исследованных нами переписях как одно из самых больших объединений саами. Это название происходит от группы островов в Баренцевом море. В начале 1680-х гг. его члены так объясняли историю сиййта: «А Семиостровского погоста в писцовых книгах не написано потому, что Семиостровские лопари поселились, из тех же погостов переходя после писцовых книг [Алая Михалкова 1607–1611 гг.]».¹⁷⁰ «Семиостровский лопин», Парфен Есимов, упоминается уже в 1580–81 г.¹⁷¹ Очевидно, он же за несколько лет до этого упоминается в П1573–1576 как член Норецкого погоста.¹⁷² В 1651 г. – «Харловские лопари» нанимаются на рыбную ловлю возле одного из Семи островов.¹⁷³ Ранее р. Харловка входила в состав угодий Норецкого погоста, поэтому можно предположить, что это – одна из групп, имеющих отношение к данному сиййту.

В 1670-х гг. разгорелся конфликт между этим сиййтом и Понойскими и Йоканьгскими саами. Конфликт произошел по поводу порядка пользования реками и прилегающей территорией, находившимися в совместном владении нескольких групп саами. Конфликтующие стороны по очереди сдавали в аренду реки Воскресенскому монастырю. При этом Йоканьгские и Понойские саами уже находились под монастырской юрисдикцией. В итоге в 1692 г. по просьбе саами Семиостровского сиййта они были переведены под ту же

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Лл. 146 об.–149 об.; Там же. Д. 15056. Лл. 86 об.–90; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 68 об.–69 об.; Там же. Д. 20. Лл. 168 об.–171; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Л. 215–215 об.; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 49–50; Там же. Д. 1478. Лл. 141 об.–144, 152 об.–156; Там же. Д. 1479. Лл. 131–135 об.

¹⁶⁹ СМПКП. № 27.

¹⁷⁰ ДАИ 11: 6.

¹⁷¹ СГКЭ 2. № 140.

¹⁷² СМПКП. № 5.

¹⁷³ СМПКП. С. 89.

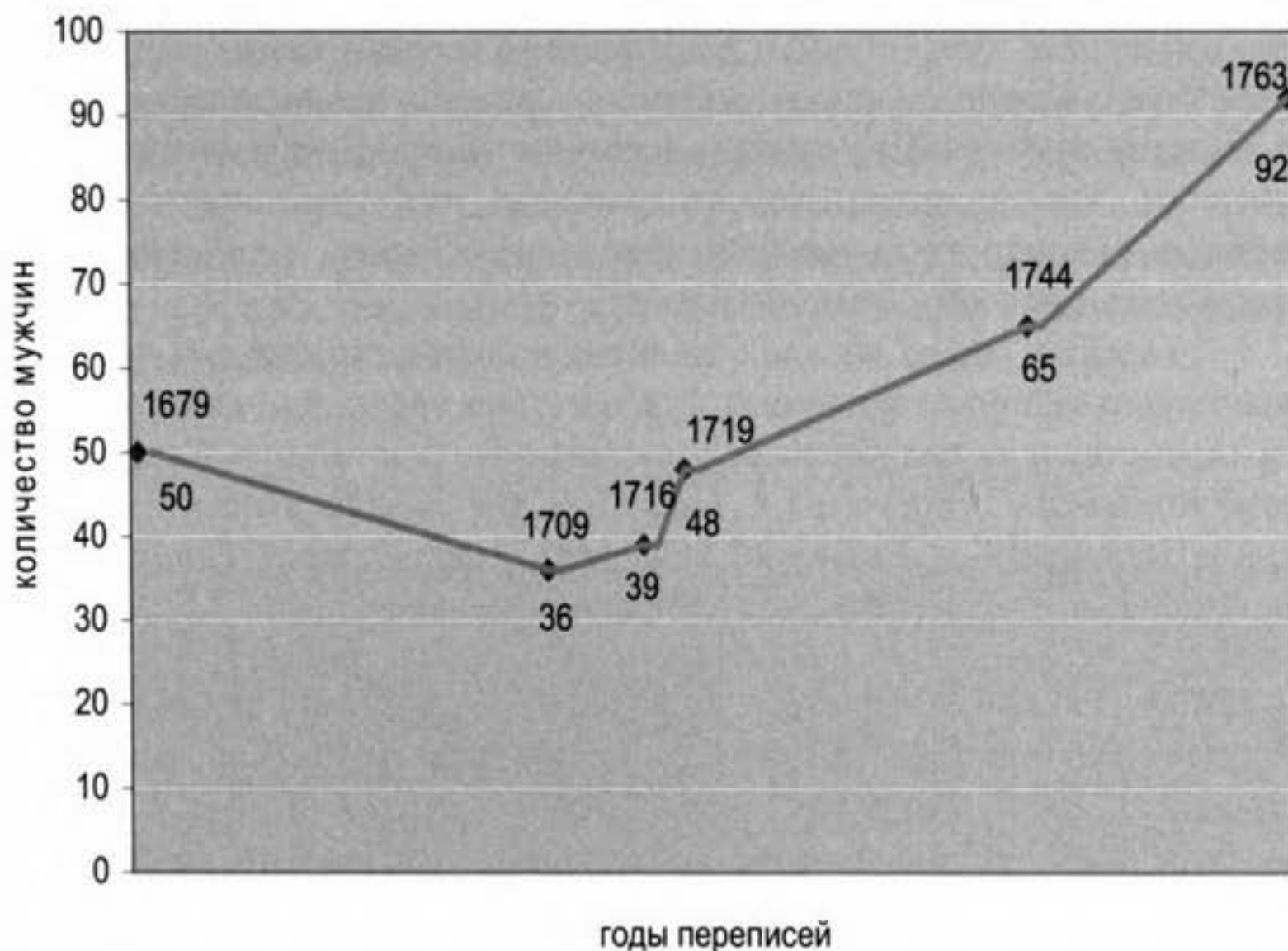
юрисдикцию.¹⁷⁴ По Диаграмме 14 видим, что во второй трети XVIII в. в сийите происходил демографический взрыв. И к 1763 г. общая численность членов погоста достигло 169 человек. Это создало предпосылки к тому, что к середине XIX в. сийит официально разделился на две части – Лявозерский (кильд. *Лейяввьр-сийит*) и Варзинский (кильд. *Арсъёгк-сийит*). Потомки членов этого сийита сегодня компактно проживают в с. Ловозеро. Их родным является кильдинский диалект языка саами.

На протяжении всего рассматриваемого периода Норецкий/Семиостровский и Ловозерский сийиты владели тремя четвертями рек Варзина, Дроздовка и Кульйок, то есть они пользовались этими реками три года из четырех. На практике это означало период, в течение которого они сдавали реки в аренду. В 1680 г. Семиостровский, Ловозерский и Норецкий сийиты сообща обратились с просьбой о снижении «королевской дани», собиравшейся в Москву, а не в Данию с начала XVII в.¹⁷⁵ Кроме того, именно в Вороненском, Ловозерском и Семиостровском сийитах в 1681 г. было зафиксировано язычество (Кучинский 1998). Это дает основание предположить, что отсутствие Норецкого и Вороненского сийитов в Г1517 свидетельствует о том, что вместе с Ловозерским они считались единым податным коллективом.

¹⁷⁴ Для этого специально в Москву отправляли «мирских полылщиков», чему предшествовала челобитная самого монастыря. (ДАИ 11. №2. II–IV; СГКЭ 2. № 158, 174, 175). Неизвестно, когда Воскресенские старцы подавали свою челобитную, однако, по свидетельству Кольского соборного священника Алексея Симона, Семиостровские саами совершали языческие обряды еще за два года до «царского» решения о передаче этого сийита старцам. (См.: Кучинский 1998а).

¹⁷⁵ ДАИ 11. №2.1.

Диаграмма 14. Динамика численности мужчин Норецкого/Семиостровского сиййта

Понойский сиййт (йок. *Пыэннэ-сиййт*). Название происходит от гидронима (р. Поной). В Г1517 упоминается *Trinne* – «Терский погост». В П1573–1576 эти саами называются Турья, и отделяются от Норецких и Вороненских саами.¹⁷⁶ На карте Симона ван Салингена 1601 г. обозначена группа поселений под названием «*Trene sex vlesken*». Учитывая приведенное выше значение термина *vlesken*, данное выражение можно перевести как «6 поселений терской лопи». В датских налоговых материалах R1593 упоминается *Thrinnnes*. Численность членов сиййта и его место в порядке перечисления дают основание утверждать, что это объединение соответствует коллективу, который в П1607–1611 обозначен как «Погост Понойской», в котором «... живут лопари Понойские и Еконские».¹⁷⁷ Описание этих саами в П1678 озаглавлено следующим образом: «в Терской лопи ... в

¹⁷⁶ «межа им [Норецким] с Воронескими лопарями вместе в Мурманской конец морским берегом в гору прямо по Териберский наволоку а в другую сторону межа им от Турьи лесным ручьем в Тундру прямо» (СМИКП. №5).

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Лл. 150–155 об.

Понойском и Еконском погостех».¹⁷⁸ Однако, начиная со времени составления этой переписи, данные саами официально разделялись на 5 сийитов (см. ниже). В Р1763 эти сийиты упоминаются обособленно от остальных под общим названием «Терская лопь». Для этой переписи указанные саами составили общую ревизскую сказку по всем пяти сийитам. При указании данных о происхождении замужних женщин, эти группы редко упоминались по отдельности. Вместо названий конкретных коллективов, чаще всего писалась общая формулировка – «из Терской лопи».

Терские саами во всех политико-административных вопросах выступали «единым фронтом»: коллективно управляли своими ресурсами, составляли челобитные, отказывались участвовать в строительстве Кольского острога и т.д. При этом эти сийиты всегда значились как «Понойский и Еконский погосты», или «погост Понойский и Еконский»,¹⁷⁹ то есть так, как это было зафиксировано в П1607–1611. Мы провели анализ состава этого сийита, зафиксированного в данной переписи, и состава групп, продававших через несколько лет свои угодья. В результате анализа стало очевидным, что переписанные единым списком Терские саами на самом деле уже в начале XVII в. делились, по крайней мере, на три группы – йоканьские, пурнацкие и лундалские саами (см. ниже).

В П1607–1611 все угодья этих сийитов перечислены вместе. В П1678 указаны только места зимних поселений. В связи с этим определить их территории в отдельности можно лишь весьма условно. С начала XVII в. основные угодья этого объединения арендовали то один, то другой монастыри. С 1626 г. монастырь-арендатор сам платил за них дань Москве, а саами ограждались от сборщиков дани и торговцев алкоголем.¹⁸⁰ В начале XX в. потомки членов этих сийитов имели самоназвание – *тарьялай*.¹⁸¹ Потомки являлись носителями сканьгского диалекта языка саами. В литературе они называются терскими саами. Будем и мы называть их так.

Йоканьгский сийит. Другие варианты названия: Еконский, Еканский, Иоконгский. Йок. *Йофкый-сийит*. Название происходит от гидронима (р. Йоканьга). Впервые он упоминается в П1607–1611 как

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Л. 76 об.

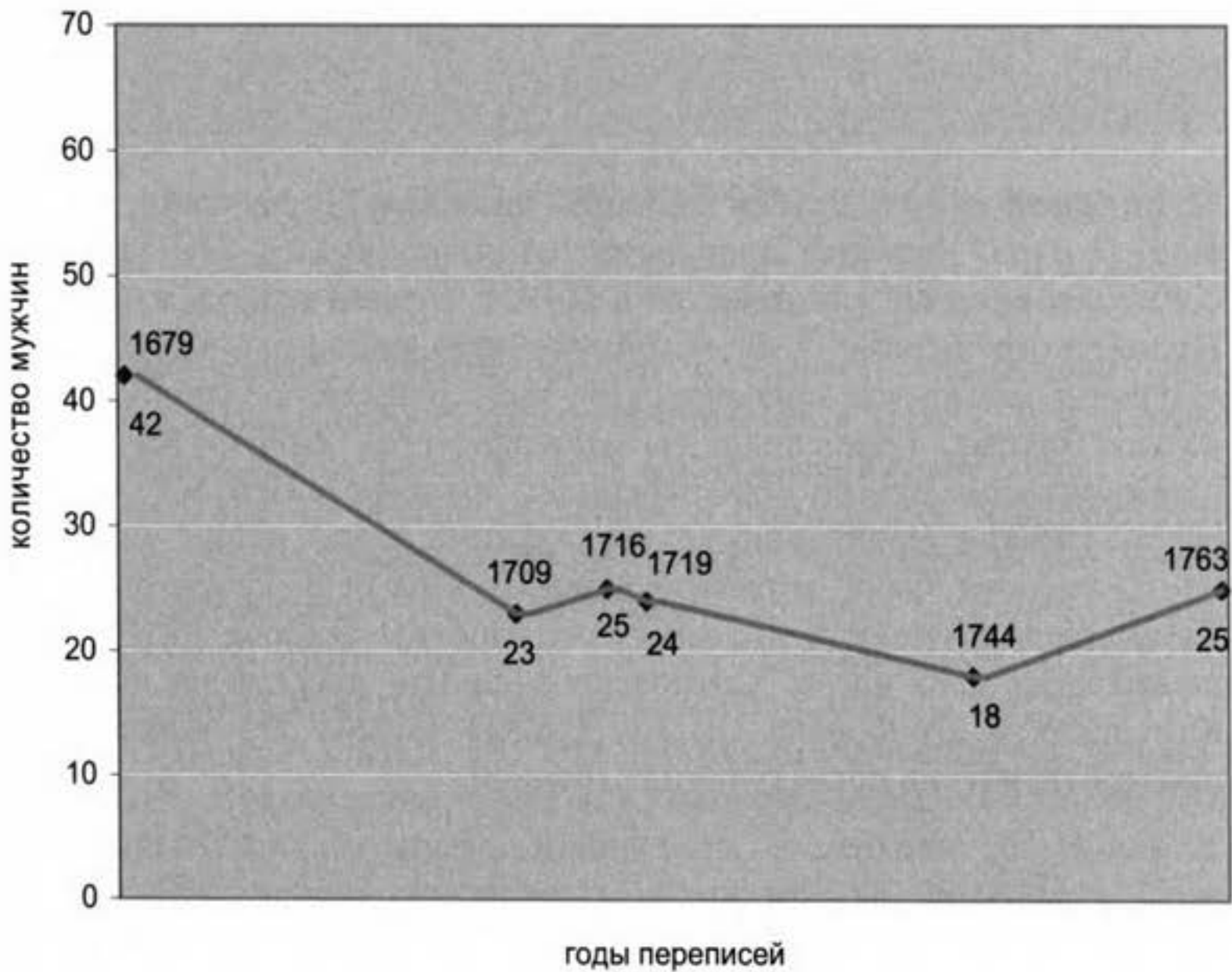
¹⁷⁹ Например: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2. Лл. 12 об. – 18.

¹⁸⁰ СМИКП. №29. Ретивые стрельцы явно нарушали эти указы, поскольку была необходимость в их подтверждении в 1642 и 1651 гг. (СМИКП. №46, 53.)

¹⁸¹ Т.В. Лукьянченко приводит эту информацию со слов В.В. Чарнолуского (Лукьянченко 1971: 28); это мнение приводится также в: ГСКП 1: 97.

«еконские лопари». Записана ли эта группа в П1573–1576 отдельно – неизвестно. Впервые группа упоминается отдельно под названием «Еконский погост» в 1626 г.¹⁸² При этом члены группы выступали владельцами р. Йоканьга. В течение XVII в. члены сиййта неоднократно делали займы у монастыря под аренду реки. Начиная с П1678, коллектив упоминается во всех исследованных нами переписях.¹⁸³ В объединении Терских саами эта группа номинально все время обособляется от других, называемых «понойскими». Тем не менее, в ряде случаев прослеживаются особенные отношения йкангских саами с каменскими (см. ниже).

Диаграмма 15. Динамика численности мужчин Йоканьгского сиййта

¹⁸² СМПКП. №30, 32.

¹⁸³ РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д. 15056. Лл. 84 об.–86 об.; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 67–68; РГАДА. Ф.248. Кн. 78. № 29. Л. 216; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 48–48 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 140 об.–141, 151 об.–152; Там же. Д. 1479. Лл. 124 об.–125, 130–130 об.

Среди групп, относящихся к терским саами, в 1580–81 гг. упоминаются «**Терские Нохкуевские**» саами, которые обладали долей «в Поное, Еконге и четвертой части Арзинских рек» «меж Понойских и Еконских и Нохкуевских лопарей»¹⁸⁴. Арзинские реки (иное название – Нохкуевские реки) – это реки Варзина и Дроздовка, впадающие в залив Нохкуевские губы (кильд. *Арсъёгк*). В П1607–1611 упоминаются «нозерские» саами, которые жили примерно в той же местности.¹⁸⁵ Они обладали только четвертью Арзинских рек, а другими тремя четвертями владели Ловозерский и Норецкий сиййты. Кроме того, в перечень их владений входило Ено озеро. Из этого следует, что они относились к Терским саами. Видимо, мы имеем дело с одной и той же группой, которая не превратилась в податной сиййт – «погост». Происхождение указанных названий, включая на саамском языке, неизвестно. В начале XX в. эта территория принадлежала к Арсьёгк-сиййту, члены которого говорили на кильдинском, а не на йоканьгском диалекте.

Пурнацкий сиййт. Другие варианты названия: Пурначский, Пурнач. Йок. *Пурнач*. Название происходит от гидронима (р. Пурнач). Этот соционим впервые упоминается в 1610. г. в связи с продажей угодий Пулонгского берега.¹⁸⁶ В источнике его члены фигурируют как «Пурнацкого погоста понояне». При этом, в числе продавцов присутствуют братья, пришедшие из «Ландалского» сиййта (см. ниже). Сиййт упоминается во всех переписях, начиная с П1678.¹⁸⁷ Судя по расположению территории, которую занимала эта группа, возможно, их потомками были жители Сосновки (йок. *Сосныэффке-сиййт*). Такая преемственность противоречит гипотезе авторов ГСКП, предполагавших, что члены Сосновского сиййта происходят из групп Каменских и Лумбовских саами. (ГСКП 1: 93). Это можно будет проверить, изучив последующие переписи.

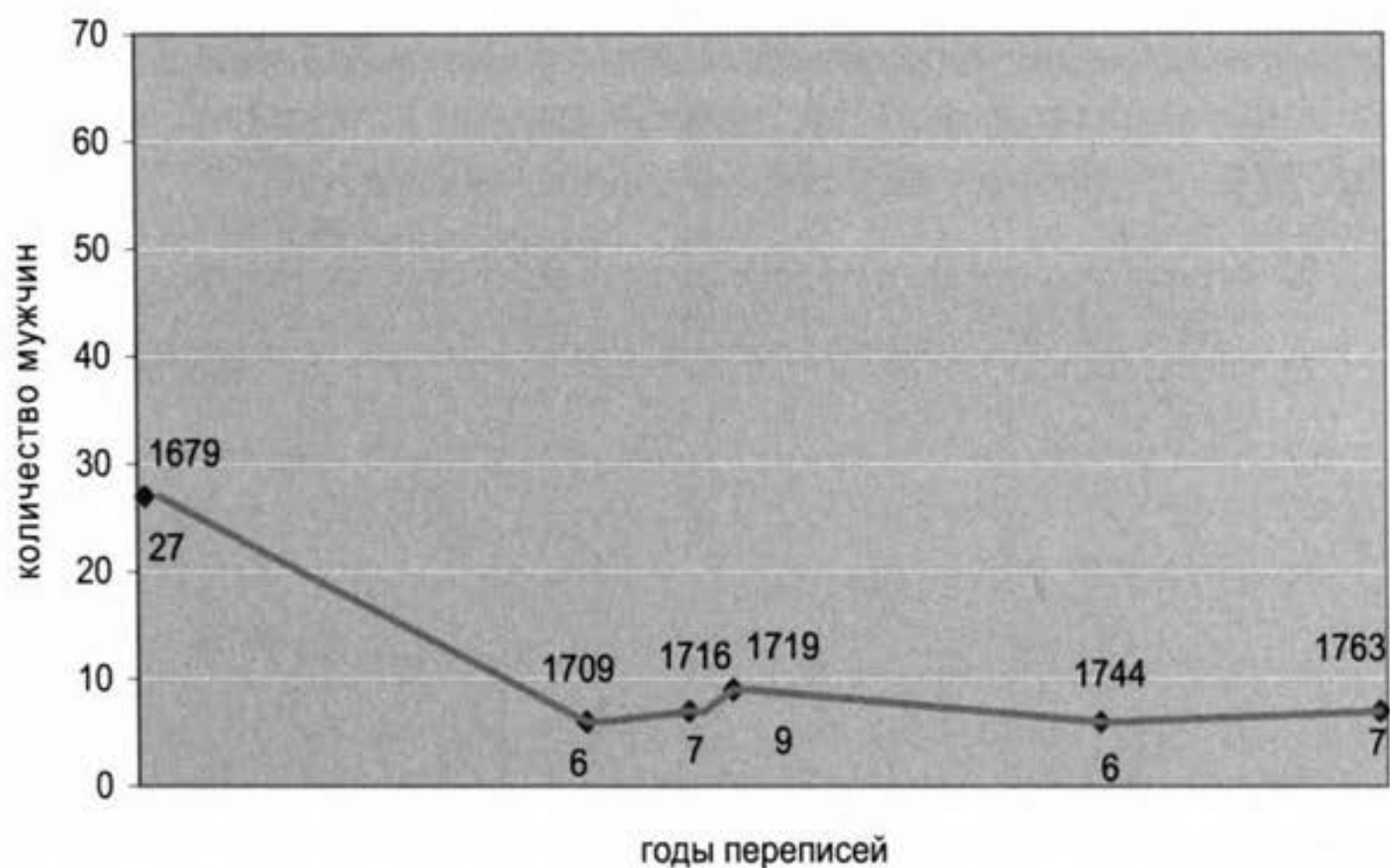
¹⁸⁴ СГКЭ. Т. II. № 140.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 152–152 об.

¹⁸⁶ СГКЭ 2. № 144; СМПКП. № 14.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Лл. 80–81; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 63 об.–64 об.; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Л. 217 об.; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 44–44 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 135, 147; Там же. Д. 1479. Лл. 121, 126.

Диаграмма 16. Динамика численности мужчин Пурнацкого сиййта

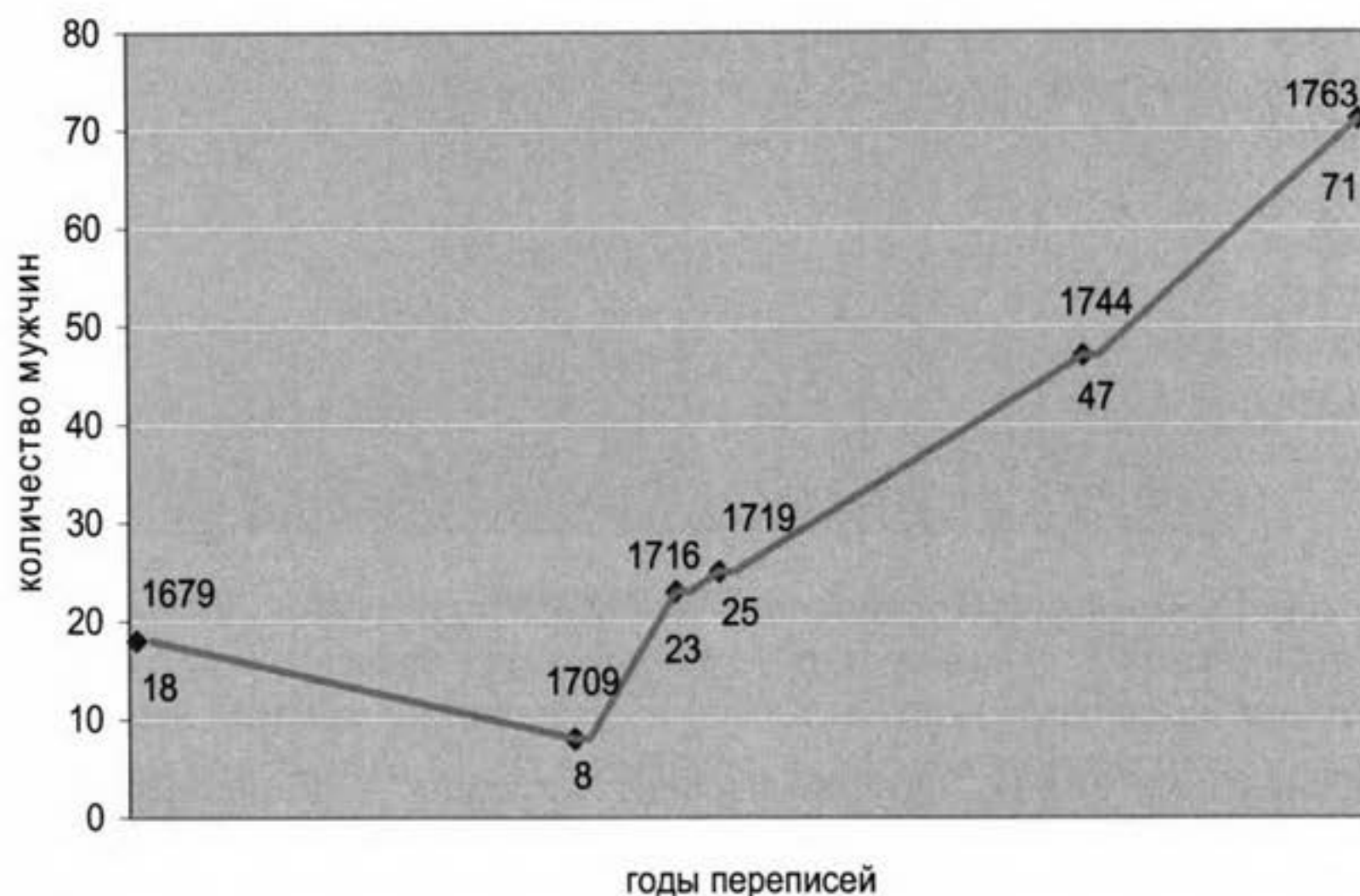
Каменский сиййт. Другой вариант названия — Каменный (йок. *Кинтуш-сиййт*). Впервые сиййт упоминается в П1678. После этого мы встречаем его название во всех исследованных переписях.¹⁸⁸ По документам можно проследить связи и структурное сходство этой группы с Йоканьгским сиййтом.¹⁸⁹ В.В. Чарнолуский во время полевых исследований 1920-х гг. отметил большое отличие культуры представителей этого сиййта от других Терских саами. В ГСКП 1 была высказана гипотеза о возникновении сиййта в конце XVII — начале XVIII вв. (ГСКП 1: 38). Эта датировка опровергается данными П1678. Т.В. Лукьянченко высказала гипотезу, согласно которой этот сиййт произошел от саами, пришедших в верховья р. Поной из Карелии. Эта версия исторически не оправдана, поскольку саами продолжали жить в Карелии на протяжении XVII–XVIII вв. одновременно с Терскими саами. Один из сиййтов Терских саами в XIX–XX в. назывался Куроптевским (йок. *Куэддэмъявре-сиййт*).

¹⁸⁸ РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д. 15056. Лл. 83 об.–84 об.; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Л. 66 об.; РГАДА. Ф.248. Кн. 78. № 29. Л. 217; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 47–47 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 138 об.–140, 149 об.–150; Там же. Д. 1479. Лл. 123–124, 128–129 об.

¹⁸⁹ Например, во время бегства от эпидемии в 1696–1710 гг. каменские саами переселились к йоканьгским, и жили вместе с ними.

Куроптевы – одна из фамилий Каменских саами в XVIII в. Во второй трети XVIII в. сиййт пережил демографический взрыв. Это дало возможность официальному разделению сийита в XIX веке.

Диаграмма 17. Динамика численности мужчин Каменского сийита

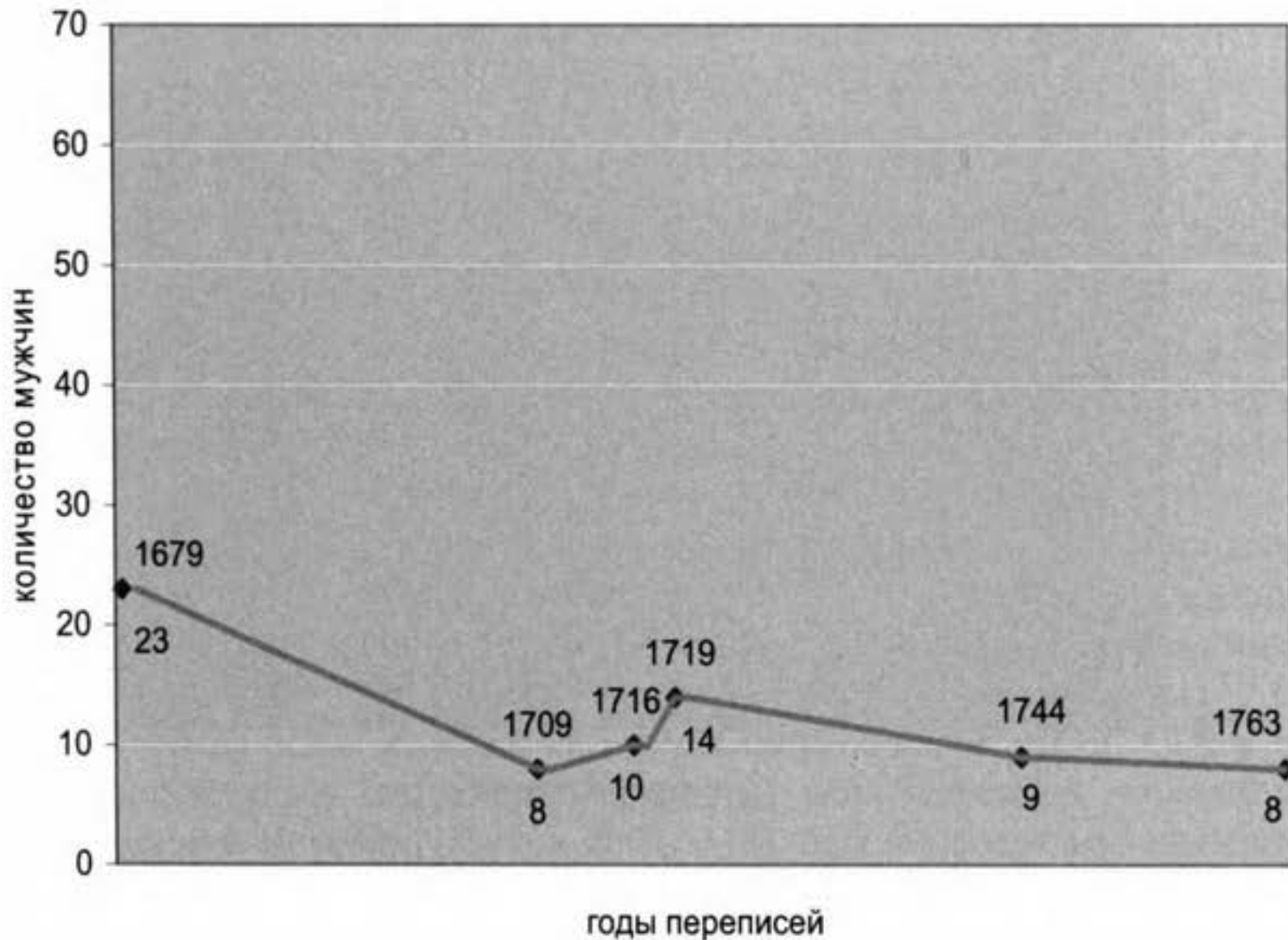

Лундалский сиййт. Другие варианты названия – Лунданский, Ланданский, Ландальский. Первое опосредованное упоминание его встречается в 1610 г. Среди членов Пурнацкого сийита упоминаются братья с прозвищем Лундалец. Таким образом, принадлежность к этой группе к тому времени уже номинировалась, и переселение из нее маркировалось. Впервые как податной коллектив («погост»), сиййт упоминается в П1678. Затем он был отмечен во всех последующих переписях.¹⁹⁰ С начала XIX в. сиййт стал называться Лумбовский (ГСКП 1: 60) (йок. *Лыымбес-сиййт*). Название происходит от гидронима (р. Лумбовка). Является ли первое название искаженным вариантом второго, пока нам неизвестно. Авторы ГСКП 1 высказали

¹⁹⁰ РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д. 15056. Лл. 81–82; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 64 об.–65 об.; РГАДА. Ф.248. Кн. 78. № 29. Л. 216 об.; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 46–46 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 137 об.–138, 149; Там же. Д. 1479. Лл. 122 об., 127 об.

гипотезу о том, что эта группа образовалась в конце XVII – начале XVIII в. в результате отделения от Йоканьгского сиййта. Мы видим, что обособленная группа с таким названием существовала гораздо раньше. Гипотеза о происхождении из Йоканьгского сиййта не подтверждается никакими аргументами, если не считать географического соседства.

Диаграмма 18. Динамика численности мужчин Лундалского сиййта

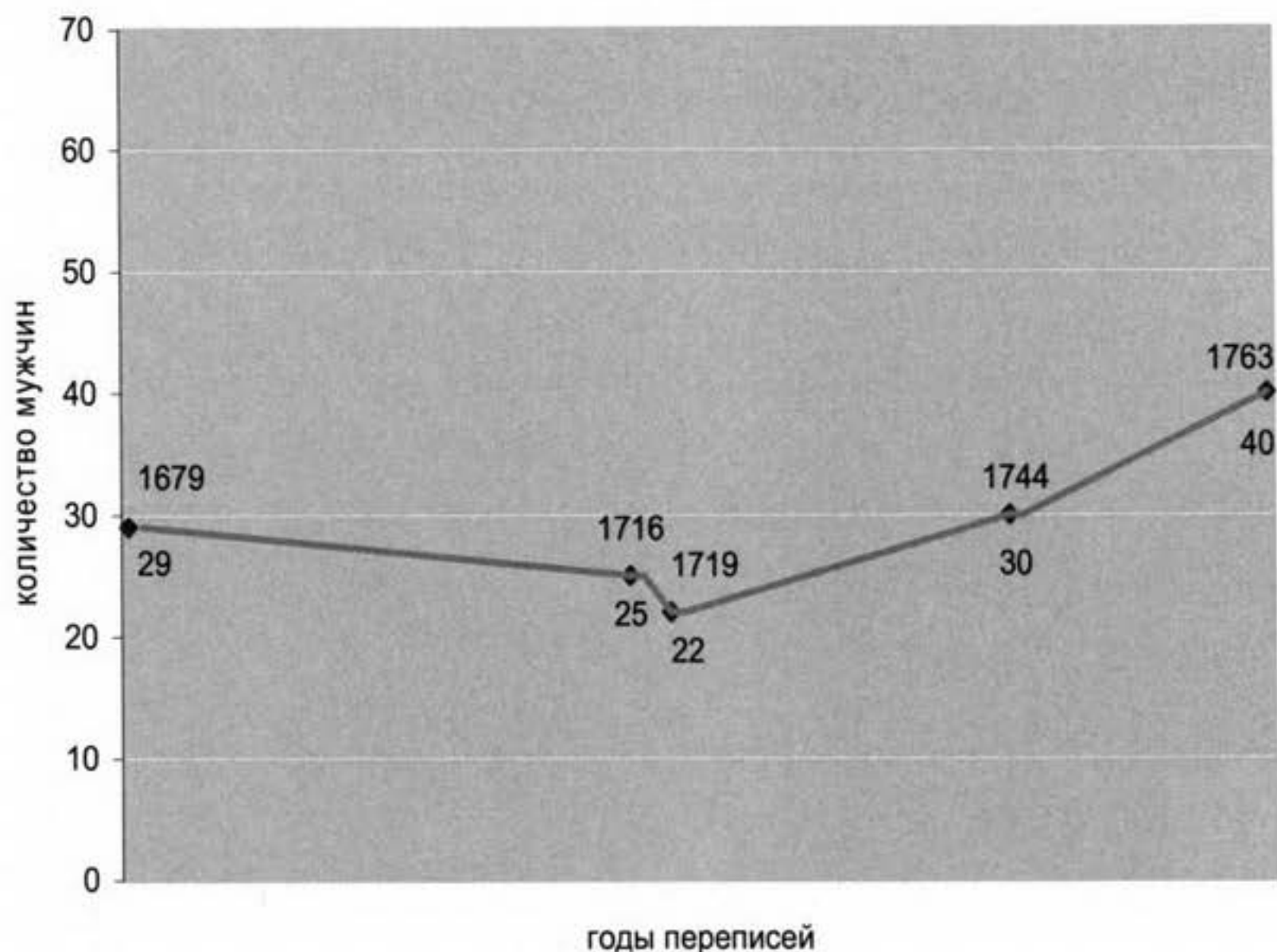

Тулванский сиййт. Название на языке саами неизвестно. Впервые упоминается в П1678. Во время эпидемии 1696–1705 гг. члены этой группы разошлись по разным местам. К 1716 г. они начали опять собираться; начиная с П1716, коллектив вновь упоминается во всех исследованных нами переписях.¹⁹¹ В конце XIX – начале XX вв. этот соционим уже не встречается. Не исключено, что часть его членов

¹⁹¹ РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д. 15056. Лл. 82–83 об.; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 65 об.–66 об.; РГАДА. Ф.248. Кн. 78. № 29. Л. 216 об.; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 45–45 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 135 об.–137, 147 об.; Там же. Д. 1479. Лл. 121 об.–122 об., 126 об.–127.

участвовала в создании Куроптевского сиййта. Дальнейшие судьбы этого коллектива можно будет выяснить, изучив последующие переписи.

Диаграмма 19. Динамика численности мужчин Тулванского сиййта

В Писцовой книге Алая Михалкова 1607–1611 гг. одновременно с уже упоминавшимся выше Понойским погостом, описывается еще один «**Понойский погост**» – русское поселение в устье р. Поной. Другой вариант его названия – *село Поной*. В данной работе мы не будем исследовать это объединение, однако, стоит отметить, что оно упоминается во всех исследованных нами переписях.¹⁹² Поселение возникло в середине XVI в. как церковь с двором священника и, скорее всего, как рыбацкое становище. Таким мы его видим в начале XVII в. в упомянутой переписи. К 1647 г. там насчитывалось уже 6

¹⁹² РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Лл. 156–159 об.; Там же. Д. 15056. Лл. 78–80; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 61–63; Там же. Д. 20. Лл. 165 об.–168 об.; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Лл. 218 – 218 об.; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 19–20 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 133–134 об., 145–146 об.; Там же. Д. 1479. Лл. 117–120.

дворов, а к 1678 – 14 дворов. Среди жителей села упоминаются саами – выходцы из Йоканьского и Пурнацкого сиййтов. Русские жители села заключали браки с саами ближайших групп.¹⁹³ Когда в первой трети XVIII в. встал вопрос о распоряжении реками, жители с. Поной участвовали в его решении вместе с пятью сиййтами Терских саами.¹⁹⁴ Созданное в 1860-е г. сельское общество объединило село с указанными коллективами. Активные контакты между терскими саами и жителями села были зафиксированы и в начале XX в. Это один из примеров равноправного сосуществования различных этнических общностей.

«Лешая лопь»

Таким термином назывались сиййты, расположенные на территории нынешних Карелии и Финляндии. К этим объединениям применялись также обозначения «дикая лопь», «лешелопские погосты». Это название встречается в П1607–1611, П1678, П1709, П1710 и П1716. Кроме того, оно фигурирует в ряде документов XVII в. Термин «Лешие», очевидно, происходит от лесной зоны, в которой они проживали. «Дикие» в русском языке того времени означало «язычники». Эти саами в исследуемое время заселяли северную половину Карелии и Финляндии.¹⁹⁵ К концу XVII в., однако, они были почти полностью вытеснены с обжитых мест, оставшаяся часть – ассимилированы.¹⁹⁶ С точки зрения А.Ю. Жукова, на протяжении большей части XVII в. к Кольскому уезду относились погосты всей северной половины современной Карелии (Жуков 2004: 318). Мы же сосредоточим свое внимание на тех коллективах саами, чьи территории относились к Кольскому уезду на протяжении всего исследуемого нами времени.

В 1620 г. сиййты Пяозерский и Орезерский вместе с другими «лешелопскими» сиййтами добились права самостоятельной выплаты дани Москве.¹⁹⁷ Это продолжалось, по крайней мере, до конца 1620-х гг. Таким образом, можно говорить о том, что эти сиййты имели

¹⁹³ Правда, необходимо отметить, что подавляющее число браков жители с. Поной заключали между собой.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф.248. Д.786. Лл. 222–388; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 10. Т. 44. Д. 32.; Там же. Ф. 5. Оп. 1. д. 557.

¹⁹⁵ СМПКП. №22; АСМ 2: 114; МИК: 325.

¹⁹⁶ ДАИ 11: 275; СМПКП. №22.

¹⁹⁷ СМПКП. №22. Среди написавших это обращение были коллективы различных административных единиц (погосты, деревни, волости), располагавшиеся на территории современных северной Карелии и северо-восточной Финляндии.

определенную, объединяющую их идентичность. В конце XIX – начале XX вв. они уже не фигурируют в переписях. На примере сийита Тикшеозеро можно сделать вывод, что население этих сийитов смешивалось с русским и карельским населением. Исследование более поздних переписей позволяет проследить их дальнейшую судьбу.

Ковдозеро. Название происходит от гидронима. Название на языке саами неизвестно. Сийит упоминается только в П1607–1611 в форме «...да на Ковдо озере в веже...».¹⁹⁸ Позже его территория сливается с волостью Ковда.

Рува. Название происходит от гидронима (оз. Рува). Название на языке саами неизвестно. Сийит упоминается только в П1607–1611 гг.¹⁹⁹ Дальнейшая история его неизвестна. Возможно, что члены этого сийита позднее записывались как члены Пяозерского или Орезерского сийитов.

Пяозерский. Название происходит от гидронима (оз. Пяозеро). На языке саами оно неизвестно. Начиная с П1607–1611, это название упоминается во всех исследованных нами переписях.²⁰⁰ В П1678 зафиксировано создание карельских деревень на территории этого коллектива. М. Полла хорошо демонстрирует, что к 1740-м годам число карелов в этой местности уже значительно превышало численность саами (Polla 1997, 2001, 2003). В результате, во время 2-й ревизии (Р1744) наряду с Пяозерским и Орезерским сийитами уже существовала такая административная единица как Пяозерское присудствие, объединявшая, как минимум, три деревни – Олангу, Усть-Софьянгу и Кундозерскую. Характерно, что при фиксации происхождения женщин некоторые не уточняли название деревни, а писали просто «Пяозерского присудствия».

Судя по всему, население этих новых единиц было смешанным. Среди их членов зафиксированы и саами – выходцы из Пяозерского сийита, и карелы. При этом П1678 и Р1763 отмечают во вновь организованных поселениях смешанные браки саами и карелов, а

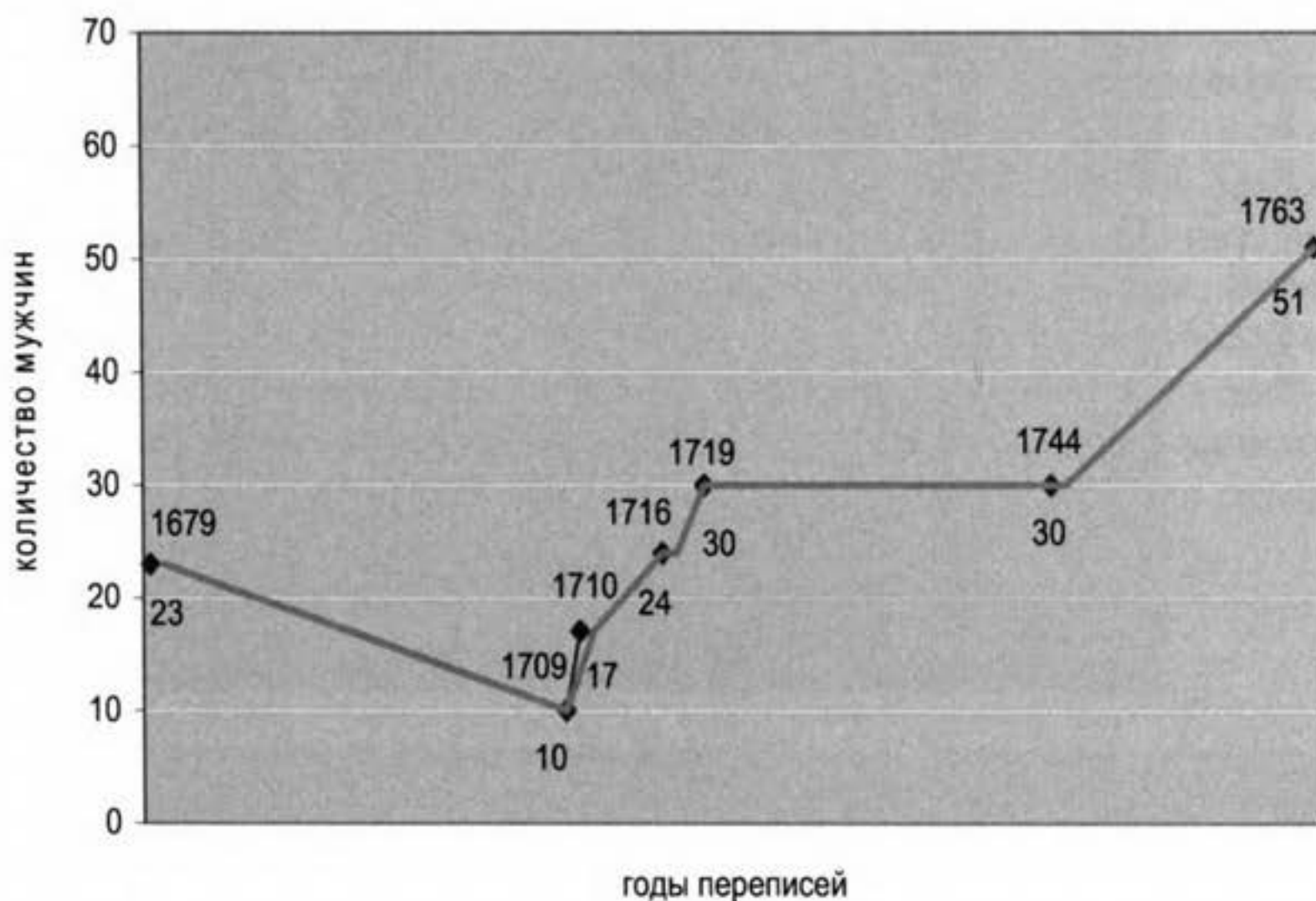
¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Л. 270 об.

¹⁹⁹ Там же. Л. 270.

²⁰⁰ Там же; Там же. Д. 15056. Лл. 153 об.–154 об.; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 58 об.–59 об.; Там же. Д. 20. Лл. 153–155; РГАДА. Ф.248. Кн. 78. № 29. Л. 209 об.; Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 42–42 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 86 об.–89 об.; Там же. Д. 1479. Лл. 59–62 об.

также жителей ближайших волостей, чья этническая принадлежность не уточняется. К XX в. сиййт не сохранился как коллектив саами.

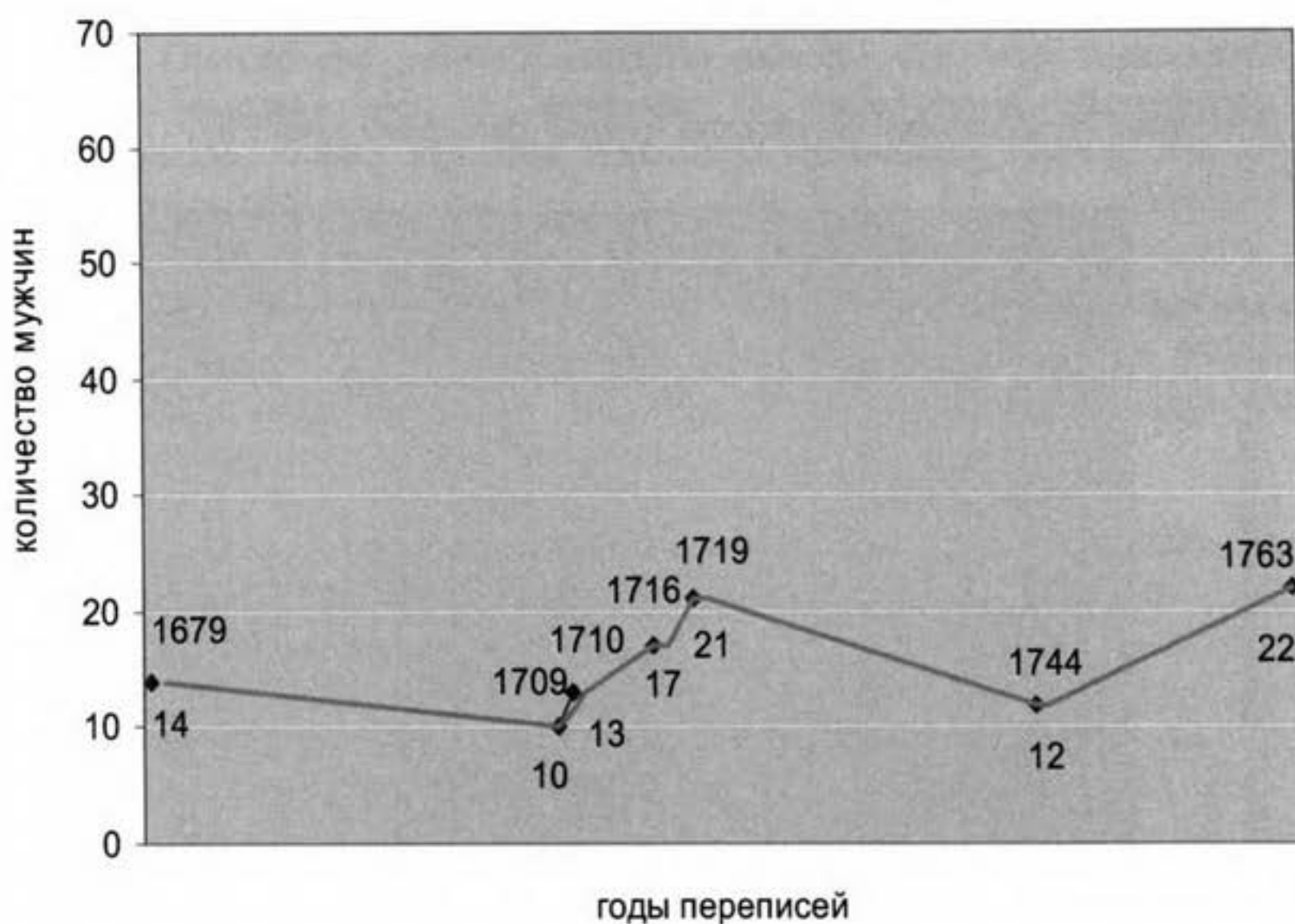
Диаграмма 20. Динамика численности мужчин Пяозерского сиййта

Орезерский. Название происходит от гидронима. Название на языке саами неизвестно. Начиная с Писцовой книги Алая Михалкова 1607–1611 гг., сиййт упоминается во всех исследованных нами переписях.²⁰¹ Название в источниках варьируется: то Орезерский, то озеро *Ворья*. В районе локализации встречаются озера Ориярви и Вуориярви. К XX в. эта группа не сохранилась как обособленный коллектив саами.

²⁰¹ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Л. 270; *Там же*. Д. 15056. Лл. 154 об.–155; Архив СПб Института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Лл. 58–58 об.; *Там же*. Д. 20. Лл. 152–153; РГАДА. Ф. 248. Кн. 78. № 29. Л. 209; *Там же*. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Лл. 43–43 об.; *Там же*. Д. 1478. Лл. 90–91 об.; *Там же*. Д. 1479. Лл. 63–64 об.

Диаграмма 21. Динамика численности мужчин Орезерского сиййта

Тикшеозерский сиййт. Другой вариант названия — деревня *Тикшеозеро*. Название происходит от гидронима. Как он назывался на языке саами, неизвестно. Впервые он упоминается в 1563 г.²⁰² как хозяйство одной семьи саами Ивана Большой Головы на Нюткоозере. Через 11 лет, в П1573–1576, та же семья облагалась оброком за пользование Тикшеозером.²⁰³ В П1607–1611 сиййт не выделяется, а просто упоминается как одно из крестьянских владений Керетской волости.²⁰⁴

В последующих переписях эта группа упоминается как «лопский погост Тикшеозеро» и вместе с волостью Кереть относится к юрисдикции Соловецкого монастыря. Эта социальная единица описывается в П1709, П1710, также в 1–3 ревизиях (1719, 1744 и 1763 гг.).²⁰⁵ В XVII в. жители Тикшеозера неоднократно участвовали в

²⁰² СГКЭ 2: №137. Ст. 446.

²⁰³ СГКЭ 2: №138. Ст. 460.

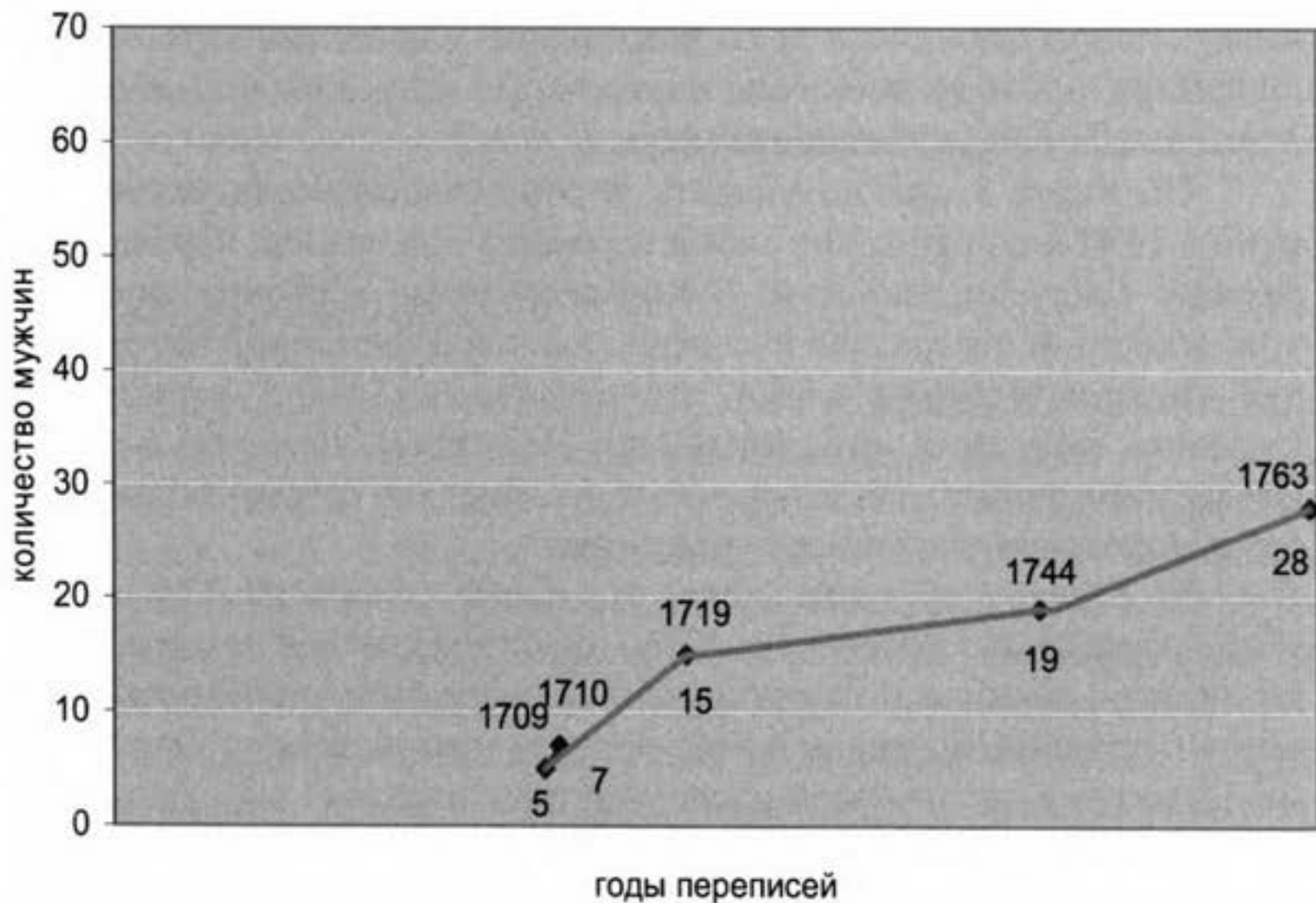
²⁰⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Л. 242.

²⁰⁵ Архив СПб института истории РАН. Кол. 10. Оп. 3. Д. 21. Л. 56 об.; РГАДА. Ф. 350 Оп. 2. Д. 688. Л. 141об.; Там же. Д. 1476. Лл. 17–17 об.; Там же. Д. 1478. Лл. 126–127 об.; Там же. Д. 1479. Лл. 110–114.

челобитных других соловецких вотчин. Просьбы состояли в запрете проезда сборщиков дани через их территорию. Соловецкие крестьяне не платили дань государственным чиновникам и были очень недовольны их появлением у себя, которое сопровождалось продажей вина и изъятием оленей для своих нужд. Просьбы крестьян поддерживались Соловецким монастырем и удовлетворялись Москвой. Но, судя по тому, как часто их писали, указы царских грамот, которые защищали интересы крестьян, регулярно нарушались.

К 1719 г. к населению сийита добавилась большая семья пришлых людей. Этническая принадлежность пришельцев пока не ясна. Их фамилия – Лайгуевы – говорит о том, что они не были русскими. Одна из двух групп саами, живших там, переселилась в Пяозерский сийит. С этого времени Тикшеозеро стал писаться в документах не как «лопский погост», а как деревня, а население записывалось не «лопарями», а «крестьянами». На основе истории этого сийита мы можем увидеть процесс ассимиляции саами Карелии.

Диаграмма 22. Динамика численности мужчин сийита Тикшеозеро

Общая характеристика

Характер сиййтов

Подавляющее большинство названий сиййтов происходило от топонимов. Чаще всего эти соционимы восходят к гидронимам. Это говорит об особом значении водных объектов в культуре саами. С другой стороны, в названиях сиййтов нет связи с именами их мифологическими основателей, общих предков, выдающихся лидеров и иных персонажей, которые позволили бы использовать антропонимы в номинации сиййтов. Это свидетельствует о том, что в восприятии саами Кольского уезда этих коллективов общность отношения к ландшафту играла большую роль, чем общность происхождения.

Динамика численности

Продемонстрированная в этой главе таблица и диаграммы дают представление о демографических процессах в обществе саами. Для простоты разделим рассматриваемый период на три примерно равные части: 1679–1709–1744–1763 и посмотрим модели демографических процессов, проходивших в эти периоды. По представленным таблице и диаграммам были составлены карты.

По Карте 3. можно увидеть, что в течение исследуемого времени в 1690-х гг. ряд групп саами пережили эпидемией, приведшую к резкому спаду численности. В Кольском уезде особенно сильно от этой эпидемии пострадало население южной и восточной частей. Так, для сиййтов Терских саами это фактически стало катастрофой. Ощутимо эпидемия отразилась на Бабенском, Йокостровском и Пяозерском сиййтах. В то же время на западе и северо-западе уезда наблюдался рост численности населения.

На следующем этапе, (Карта 4) в промежутке 1709–1744 гг. картина значительно изменилась. Так, демографическая тенденция северо-запада сменилась значительным сокращением численности населения. Причины, вызвавшие этот процесс пока остаются непонятными. Снижение численности населения продолжалось в Йокангском и Йокостровском сиййтах. Заметный рост численности начался в ряде групп саами, которые перед этим были затронуты эпидемией. К таким коллективам относятся Вороненский, Семиостровский, Каменский, Тулванский, Бабенский, Пяозерский и Тикшеозеро. Отчасти это было связано с возвращением бежавших от эпидемии людей и их потомков. Резкий подъем населения в сиййтах Пяозерском и

Тикшеозерском отчасти были вызваны переселением туда новых людей не из числа саами Кольского уезда.

На завершающем этапе (Карта 5) сокращение численности саами прекратилось во всем уезде. Даже в группах, где наблюдалась стабильность численности населения, возобладали тенденции к росту. Обращает на себя внимание продолжающийся рост численности в сиййтах, пострадавших от эпидемии за полвека до этого. Особенно резкий рост численности наблюдался в Йокостровском сиййте и в сиййтах Лесных саами.

На Карте 6 продемонстрирована численность мужчин в сиййтах в абсолютных показателях. Мы еще вернемся к этой карте позже.

Стабильность

Большинство сиййтов, которые получили в официальных источниках определение «погостов», сохранились на протяжении очень длительного времени. В течение исследуемого времени фактически неизменными оставались ареалы расселения большинства коллективов. Можно говорить о том, что система размещения разных групп саами в целом являлось весьма стабильной. В то же время, группы саами, упоминаемые в наших источниках, но не имеющие номинации «погост», чаще всего носили временный характер, либо административно были отнесены к «погосту».

Руководство сиййтами

В источниках, связанных с выплатой дани, содержится информация о том, кто именно руководил сиййтами. Взятые в массиве источники позволяют оценить динамику смены руководства. Анализ документов показывает, что старосты большинства коллективов сменялись фактически каждый год. Они иногда возвращались на этот пост через несколько лет, но также занимали его ненадолго. Идентификация их показывает, что как правило, это были люди в возрасте около 30 лет, происходившие ориентировочно не из зажиточных членов сиййта, но и не из «нищих». Из этого следует, что староста не являлся реальным лидером коллектива, а фактически выполнял функции временного представителя сообщества перед администрацией.²⁰⁶

²⁰⁶ К примеру, РГАДА. Ф. 667. Оп. 1. Дд. 4–9, 11–15, 17–19, 20–26, 30, 34–36, 42, 43, 46, 49, 50, 52, 55, 57–60, 64–66, 71, 72, 85, 95, 99, 101.

В то же время, серьезные сделки и челобитные составляли и подписывали одни и те же люди. В XVIII в. сбор дани был переложен на самих жителей. Для этого в Колу отправлялись *мирские посыльщики*. Функцию *мирских посыльщиков* тоже выполняли одни и те же лица. Очевидно, они и были настоящими лидерами коллективов.²⁰⁷ В отличие от описанной модели представительства, у терских саами был человек, исполнявший функцию «старосты Понойского погоста», то есть всех терских сиййтов. Он занимал свою должность в течение нескольких лет, что говорит о специфической функциональной значимости этой фигуры.²⁰⁸ Когда же данные сиййты решали серьезные вопросы (больших займов продажи или сдачи в аренду рек) присутствовали представители фактически всех сиййтов.

Объединения сиййтов

Анализ исследованных источников дает нам ряд примеров кооперации и сотрудничества сиййтов, но эти объединения не нашли никакого отражения в административной номенклатуре. Связи, объединявшие группы сиййтов, которые нам позволяют реконструировать источники, были различными по интенсивности и затрагивали не все сиййты.

Источники не обнаруживают каких-либо признаков объединения сиййтов в соответствии с принципами выделения «Кончанской» и «Терской лопи» русской администрацией в источниках конца XVI – начала XVIII вв. Черты единства можно проследить только у сиййтов «Лешей лопи». Понятие «Терская лопь» охватывает более широкий круг сиййтов, чем группа терских саами.

Гипотетическим признаком бывшего единства может служить система совместного управления угодьями. Так может рассматриваться только управление «Варзинскими реками», в которое были вовлечены все сиййты «Терской лопи». Совместное владение этими угодьями не обязательно является признаком «бывшего единства». Система очередности пользования угодьями в равной степени можно считать результатом прекращения как бывшего единства, так и предшествующего конфликта никак не связанных между собой сторон.

²⁰⁷ К примеру, РГАДА. Ф. 521. Оп. 1. Дд. 4, 12. Вопрос о природе этого лидерства выходит за рамки данного исследования.

²⁰⁸ К примеру, роль Василия Осиповича Бородина в 1720–30-е гг. Архив СПб Института истории РАН. Ф.110. Т. 44. Д. 32.

В остальных случаях совместное управление угодьями было налажено между отдельными коллективами или даже между их членами. Это могло быть обусловлено как особой историей взаимоотношений между сийитами, так и обстоятельствами семейной истории и персональных биографий.

В конце XIX – начале XX в. не было установлено никаких фактов, свидетельствовавших о былом существовании объединений, которые были номинированы в источниках как *лопъ*. Потомки членов одних и тех же «лопей» в начале XX в. говорили на разных диалектах. Можно предположить, что это официальное разделение являлось бюрократической консервацией податных округов, определенных маршрутами сборщиков дани в грамоте Василия III 1517 г.

Анализ внутренней динамики сийитов показывает, что они могли, как разделяться (группы Терских саами), так и объединяться (мотовские саами). В составе некоторых коллективов были отдельные особенно устойчивые группы. Можно предположить, что некоторые объединения сийитов также возникли в результате разделения некогда единых коллективов. Однако, настойчивый поиск «бывшего единства» опасен склонностью к изобретению этого единства.

Источники показывают, что некоторые промысловые группы состояли из представителей разных сийитов. Люди могли заниматься промыслами не только в территориальных пределах того ареала, в котором платили налоги.

Из этого вытекает, что общество саами в рассматриваемое время не представляло собой систему иерархически соподчиненных групп. В условиях отсутствия жесткой иерархии объединений и их динамичности, «единство» коллектива и его социальные границы являются зыбкими. Определение части сийитов податными единицами в номинации «погост» повысило статус этих коллективов.

Выводы

1. Размещение групп саами и их ареалы в основном оставались неизменными на протяжении всего рассматриваемого времени. Можно говорить о существовании системы расположения сийитов.
2. Сийит, номинированный как «погост», был весьма устойчивым институтом. Документально подтверждаемая длительность существования некоторых из таких социальных единиц – более 400 лет.

3. Саами не связывали происхождение сиййтов с конкретными людьми. Сиййт являлся объединением людей, связанных с ареалом их обитания.
4. Группы саами не были иерархически соподчинены, однако, как показывает исследование, в течение всего этого периода налоговая политика влияла на усиление роли тех сиййтов, которые выступали в качестве податного коллектива.
5. Реальные объединения саами отличались от тех, которые были номинированы в источниках как *лопъ*.
6. Должность старосты погоста чаще всего являлась лишь формальным представительством коллектива перед официальными органами власти. Для исполнения этих функций в течение года избирались молодые мужчины, не являвшиеся социальными лидерами коллективов.

3 ПАТРИЛИНИЯ

Введение

Напомним, что в большинстве переписей учитываются только мужчины, а описанные в переписях связи – почти исключительно патрилинейные. Идентификация мужчин и их родственных связей – это, фактически, реконструкция одного из подмножеств динамического множества. Объединения, состоящие из людей, связанных родственными узами по мужской линии, никак не называются в источниках. Это подмножество далее мы будем называть патрилиниями.

Модель

Принцип выделения

Критерием выделения каждой такой социальной единицы была выбрана возможность моделирования родственных связей по мужской линии между его членами. Если переписи не позволяли выявить родственные связи между людьми, носившими одинаковые прозвища, то эти люди были рассмотрены нами как члены разных

патрилиний. Так, например, в наших источниках, Галкины представлены 6 патрилиниями,²⁰⁹ Бородины – 5 патрилиниями, Мошниковы – 4 патрилиниями, Фефиловы и Захаровы – по 3 патрилинии.

Анализ родственных связей дает основание утверждать, что одинаковые прозвища, в основе которых лежит имя предка, могут происходить от имен разных людей, живших в разных сийтах и в разное время. К примеру, Захаровы представлены тремя патрилиниями, зафиксированными в трех сийтах. Захаровы Семиостровского и Муномашского сийтов могли происходить от одного и того же Захара, жившего в 1678 г. в Масельгском сийте. Все эти группы саами взаимосвязаны между собой и переселение одного из сыновей Захара – Ивана – в Муномашский сийт зафиксировано в источниках. А вот пязерские Захаровы вряд ли состояли с ними в родстве.

Вполне естественно, что на протяжении почти всего изучаемого периода Бородины встречаются в соседних Нотозерском и Бабенском сийтах. А вот то, что с 1709 г. так же называется одна из патрилиний в Лунданском сийте, который никак не связан с ними, является весьма странным. Конечно, не следует исключать возможности существования различных вариантов породнения и передачи патронима людям, проживавшим на другом конце полуострова и даже говорящим на другом диалекте. Однако, не имея какой бы то ни было, даже косвенной, информации о подобных отношениях, мы не можем рассматривать такую форму родства. Более того, у нас нет бесспорных доказательств родства между носителями одинакового патронима, даже числящимися в соседних сийтах. По этой причине мы считаем и представляем их в нашей модели как членов разных патрилиний.

В тех случаях, когда и носителей одинаковых прозвищ были одинаковые отчества, но не было подтверждения их родства, мы фиксировали их как представителей разных патрилиний. К примеру, Ивановы сыновья Галкины, Федотовы сыновья Бородины, Аверкиевы сыновья Мошниковы. Если источники не содержат упоминания о родстве между людьми, мы рассматриваем этих людей как членов

²⁰⁹ К 1763 г. только две из этих патрилиний сохранили свое прозвище, а две ветви одной из них приняли новые прозвища – Шомбины и Селивановы. Аналогичная ситуация наблюдается и в группе Колданцевых. Только одна ветвь продолжала носить такое прозвище. Другие две ветви стали именоваться Юшковыми и Мелентьевыми, а представители еще одной вообще перестали носить прозвище, о чем можно судить по тому, что оно отсутствует в источниках на протяжении рассматриваемого периода времени.

разных патрилиний. В пользу столь осторожного подхода в данном вопросе говорит ряд примеров. Например, в Р1763 в Масельгском сийите зафиксированны Филиповы сыновья Кобелевы. Четверо из них были родными братьями, а пятый не только не имел с ними никакого патрилинейного родства и, мало того, но был почти ровесником их отца Филлипа. Мы имеем дело с копией материалов ревизии, поэтому, можно предположить, что была допущена ошибка писцом, записавшим Кобелевыми всех Филиповичей этого коллектива.²¹⁰

Невозможно однозначно определить социальную роль прозвищ. Есть примеры прозвищ, происходящих от женского имени, то есть переданных по материнской линии.²¹¹ Тем не менее, для нашей реконструкции, однако, важно то, что эти прозвища закреплялись и передавались именно по мужской линии.

Основанием для определения принадлежности людей к социальным единицам является информация об их патрилинейном родстве. Однако, не все термины точно отражают патрилинейные узы. В этих случаях мы шли за источником и при отнесении человека к определенной патрилинии старались проследить общность судеб его родственников. «Братья» и «племянники», характер родства которых так и не был выявлен, рассматривались нами как представители тех патрилиний, с членами которых соотносилось их родство. «Зятья» и «пасынки» рассматривались как члены других патрилиний. Так, из всех выявленных мужчин 28 человек были зафиксированы пасынками, среди которых только у троих были определены связи с родственниками биологического отца. Из 9 зятьев, упомянутых в переписях, принадлежность к определенной патрилинии была выявлена также только у троих. Остальные «зятья» и «пасынки» были рассмотрены нами как члены самостоятельных патрилиний.

При реконструкции патрилиний иногда возникали сложности, связанные с выявлением родства «одинок» и их принадлежности к какому-либо семейству. К примеру, в одном и том же сийите одновременно параметры нескольких человек подходили для того, чтобы их определили как отцов какого-нибудь молодого человека. Допустим, все потенциальные отцы подходили по возрасту, а их имя совпадало с отчеством «одинок». Ситуация усложняется, если подходящих «одинок» зафиксировано несколько человек. И в том, и в другом случае приходилось отказываться от реконструкции прямой

²¹⁰ Это можно проверить при исследовании более поздних ревизий.

²¹¹ Таковыми, в частности являются: Матрехины, Юлины, Софушкины, Таницыны, Феклицыны.

родственной связи между этими людьми, а значит и от рассмотрения их в качестве членов одной и той же патрилинии.²¹²

Общая статистика

Идентификация родственных связей мужчин позволила реконструировать 313 патрилиний. В таблице 3 показано количество патрилиний в сийтах. 109 патрилиний были зафиксированы только в одной из переписей. Их патрилинейные связи с другими группами установить не удалось. 91 из них упоминаются только в П1678. В значительной степени это объясняется тем, что на рубеже XVII–XVIII вв. большое количество людей умерли от эпидемии или бежали от нее. Эти внешние изменения вызвали изменения внутренние – прекратилось существование многих родственных групп. Причинами увеличения числа групп являются – приход в сийт новых людей, прекращение укрытия от переписей или невозможность выявить родственные связи с другими патрилиниями. 102 патрилинии прослеживаются на протяжении всего рассматриваемого отрезка времени. Таким образом было реконструировано происхождение многих фамилий кольских саами.²¹³

²¹² В ходе исследования была выдвинута рабочая гипотеза. Она заключалась в том, что «одиночка» постоянно проживал вместе с родственниками в одной веже. Мы предприняли попытку идентифицировать родственные связи с помощью анализа состава веж. В ходе проверки этой гипотезы, было проанализировано, с представителями какой патрилинии «одиночка» проживал в одной веже. Оказалось, что в веже в подавляющем большинстве случаев проживали представители разных патрилиний, а состав самих веж был динамичным. Из восьми случаев постоянного совместного проживания «одиночки» с какой-то семьей, только в двух случаях эта семья могла иметь гипотетические патрилинейные связи с этим «одиночкой». Как представляется, лучше такие случаи определять как гипотетические и не основывать на них реконструкции. Таким образом, этот метод не дал положительных результатов.

²¹³ Список фамилий саами, встречающихся в исследованных нами переписях см. в Приложении I.

Таблица 3. Количество патрилиний в сиййтах

Сиййт	Годы переписей						
	1678	1709	1710	1716	1719	1744	1763
Нявдемский	10	7	12	7	8	5	5
Пазрецкий	7	7	7	10	7	7	7
Печенгский	13	16	16	15	11	5	5
Мотовский	14	8	9	8	9	7	6
Сонъяльский	15	13	13	12	11	9	8
Нотозерский	18	15	20	16	17	16	15
Масельгский	8	8	10	9	8	7	6
Йокостровский	11	10	9	9	8	9	9
Бабенский	18	13	13	11	12	13	10
Муномашский/Кильдинский	15	14	14	14	13	6	6
Вороненский	12	10	9	10	8	8	8
Ловозерский	12	11	12	8	8	10	10
Семиостровский	19	8		8	10	9	9
Йоканьгский	18	12		11	10	5	2
Пурнацкий	17	3		3	3	2	2
Лундалский	9	4		4	5	5	5
Тулванский	13			10	8	10	9
Каменский	9	4		7	6	6	6
Пяозерский	9	6	9	11	9	11	11
Орезерский	4	4	4	5	6	6	5
Тикшеозеро		3	3		3	2	2

Миграции

В предыдущей главе была показана стабильность системы сиййтов. Теперь нам предстоит проверить соотношение патрилиний с сиййтами. Для этого рассмотрим миграции мужчин между сиййтами. Нами установлено 102 случая перехода мужчин между сиййтами на протяжении 1645–1763 гг. Из них 83 случая упоминаются в источниках, остальные установлены на основе анализа переписей и реконструкции патрилиний. Только в 6 случаях такие реконструкции можно считать гипотетическими. Часть информации о переселениях, содержащаяся в источниках – косвенная.²¹⁴ Поэтому нельзя точно установить число переселявшихся мужчин. Тем не менее, можно уверенно говорить о том, что эта цифра вряд ли превышает 200

²¹⁴ Например, говорится, что «отец его был родимец [иного] погоста».

человек (т.е. составляет менее 10% всех мужчин, зафиксированных в переписях, независимо от их возраста). Эти люди были представителями 78 патрилиний.²¹⁵

Из всех случаев переходов 24 – повторные переселения тех же людей (или представителей тех же патрилиний). Эти мигранты – представители 19 патрилиний (около 6% всех патрилиний). В том числе среди этих переселений выявлено 10 случаев возвращения в людей в «исходный» сиййт, из которого вышли их предки.²¹⁶ В 14 случаях повторных миграций, совершенных представителями 11 патрилиний, (около 3,5% всех патрилиний) происходили переселения в «третий» сиййт. Таким образом, можно говорить о том, что некоторые семьи по каким-то причинам были склонны к миграциям,²¹⁷ хотя в целом эта практика носила индивидуальный характер.

Мотивы миграции в основном остаются неизвестными для нас. Из очевидных благодаря источникам мотивов можно упомянуть экономические. Люди переселялись в другой сиййт «для прокормления»²¹⁸ или из-за того, что владели угодьями совместно с жителями этого сиййта.²¹⁹ Были и матримониальные причины. Нами выявлен лишь один случай переселения мужчины в сиййт жены, когда о зяте указано, что он родился в другом сиййте. Впрочем, это не служит доказательством того, что он приехал в сиййт именно после

²¹⁵ Эта статистика не учитывает две вежи Каменского сиййта, которые бежали от эпидемии. К 1709 г. на время полностью переселились в Йокангский сиййт, и в П1709 были зарегистрированы там с указанием, что они – именно «Каменского погоста лопари». К 1716 г. все они вернулись.

²¹⁶ Нами рассматривались только миграции между сиййтами и не брались во внимание те, кто уходил на время в русские волости. Такие случаи были связаны с временным уходом части семей Терских саами на южное побережье Кольского полуострова во время эпидемии на рубеже XVII–XVIII вв., а также уходы «нищих» в монастыри «на прокормление».

²¹⁷ К примеру, о Панфиле Владимирове сыне из Масельгского сиййта прямо говорится, что он 7 лет с детьми скрывается от податей и скитается по разным сиййтам. Нам удалось зафиксировать три его переселения. Их последствием явилось возвращение в «исходный» Масельгский сиййт.

²¹⁸ «А родом он, Федотко, Бабенского погоста Кончанские лопи. А пришел жить из Бабенского погоста в Екостровской погост во 183 году для того, что жить не на чем. Згодье чюже было, да взяли». (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Л. 61 об.)

²¹⁹ Например: «А родился он в Нотозерском погосте тое ж Кончанской лопи. А вотчина ево и згодье [здесь] в Бабенском погосте». (Там же. Л. 64). «... пришлое Савка да Федка Яковлевы дети... А родимцы они Воронецкого погоста. А отец Савкин пришел жить в Семиостровской погост з детми семнатцать лет [назад]. А дед ево и отец, Савкин, платили с ними ж, Семиостровскими лопари всякие подати и доходы великого государя в казну с своего згодья вместе». (Там же. Лл. 88–88об.)

свадьбы. Большинство мотивов переселения мужчин остаются неизвестными. В 4 случаях миграций мужчин установлено, что это были переселения детей с матерью, вышедшей второй раз замуж. Поскольку большинство браков заключались между представителями разных сийитов, а патрилинейные связи большинства пасынков не установлены, можно предположить, что число детей, мигрировавших с матерями гораздо больше. Пасынки могли сохранять свое патрилинейное прозвище и, очевидно, права на угодыя биологического отца. Как правило, после достижения совершеннолетия, пасынки отделялись от семьи отчима, очень редко возвращались в «родной» сийит. Несколько случаев переселения детей связаны со смертью их родителей во время эпидемии. Выявлен также случай переселения молодого человека к своему старшему брату в другой сийит, после того как в родном сийите умерли его отец и другие братья.

Значение происхождения человека проявляется в использовании термина *родимец*, встречающегося в П1678 и применявшегося по отношению к части мужчин, ушедших в другие сийиты. Интересно, что к мужчинам, ушедшим из одного сийита в другой, а родившимся в третьем, такой термин не применялся.

После Р1744 случаи миграции взрослых мужчин уже не встречаются. Это свидетельствует о том, что система подушных переписей, введенная Петром I, повлияла на закрепление людей в одном месте. Согласно новой налоговой системе, налогообложение было персональным, а ответственность за его выплату – коллективной. В случае «выбытия» человека из податного коллектива, будь то бегство или смерть, податной коллектив должен был платить за него налоги до следующей ревизии.²²⁰

Кроме того, ряд сийитов коллективно сдавали свои угодыя в аренду. Коллективное распоряжение доходами от этого, разумеется, повышало статус объединения и укрепляло идентичность его членов. Практика коллективной сдачи в аренду угодий, с одной стороны, стимулировала центростремительные тенденции, усиливая стремление принимать участие в потреблении коллективных доходов, а с другой – более четко очерчивало круг тех, кто имел право на это потребление. Это право принципиально отличается от права ловить рыбу или охотиться на определенной территории. Второе, в отличие от первого, может быть предоставлено постороннему человеку в силу родственных или дружеских связей.

²²⁰ Как известно, именно на этой абсурдной ситуации основан сюжет поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души».

Социальное значение

Из проведенного анализа следует, что мужчины, как правило, не переходили из сийита в сийит. Это вовсе не означает, что они занимались промыслами только на «своей» территории, но зимой они, как правило, возвращались в одно и то же поселение. Даже пасынки редко переселялись обратно, в сийит своего биологического отца, хотя могли там заниматься промыслами. Это наводит на мысль о том, что были серьезные причины, которые удерживали большинство мужчин от миграций. Ранее говорилось о высокой значимости ландшафтов и природных объектов в культуре саами. Не исключено, что личная причастность к почитанию объектов, обладавших религиозной значимостью, расположенных на территории была одной из серьезных причин. Система подушной переписи и подушного налога официально окончательно закрепила за мужчинами членство в определенных коллективах и повлияла на усиление значимости сийитов-«погостов».

Устойчивость мужского состава сийитов свидетельствует о том, что после свадьбы молодые обычно поселялись в сийите мужа. Иными словами, поселение в обществе саами имело вирилокальный характер. Мы видели, что количество миграций незначительно. Тот факт, что часть из этих миграций являлась переселениями мальчиков вместе с вдовыми матерями, выходящими замуж в другой сийит, (т.е. не по своей воле) еще больше усиливает показатель стабильности мужского состава сийитов. В конце XIX – начале XX в. исследователи не обнаружили у саами следов существования каких-либо особых родственных объединений, которые регламентировали бы выбор брачных партнеров или осуществляли мобилизацию экономических ресурсов.²²¹ В источниках мы не нашли и свидетельств особой роли патрилиний как социальных институтов.²²² Можно лишь

²²¹ По данным М.С. Куропятник, «эмпирические данные XIX – н. XX в. не позволяют сделать вывод о функционировании каких-либо экзогамных структур». См.: Куропятник 1989: 22. Автор проанализировала информацию различных наблюдателей XIX – начала XX в., которые с одной стороны описывали различную интерпретацию термина *родт*: «У кольских саамов род отождествлялся с семьей, представителями одной фамилии, с широким кругом родственников как по отцовской, так и по материнской линии». С другой же стороны, писали об отсутствии у кольских аборигенов «родового устройства». См.: Куропятник 1997: 392–393.

²²² К примеру, в переписях, проводившихся в Сибири, специально указывались «роды». (См.: Долгих 1974.).

констатировать, что в их рамках осуществлялась поколенная передача прав на уголья в определенном географическом ареале.

В начале XX в. у кольских саами в обиходе был термин *родт*, который обозначал родственников по отцу или родственников по матери, т.е. патрилинии и матрилинии. Считается, что это слово заимствовано из русского языка. Специальные социальные функции его не известны. Исходя из этого, патрилинии можно было бы называть термином *родт*.

Выводы

1. Мужской состав сийитов был весьма стабильным.
2. Из поколения в поколение подавляющее большинство мужчин в основном оставались в одном и том же сийите.
3. Общество саами в целом имело ярко выраженный вирилокальный характер поселения.
4. Социальная значимость патрилиний в рассматриваемое время сводилась к выполнению функций поколенной передачи прав на уголья в определенном ареале.

4 СЕМЕЙНАЯ ЕДИНИЦА

Введение

Переписи, в которых информация организована в писцовую структуру, имеют определенную последовательность описания населения. Административная единица, независимо от принципов формирования, делится на более мелкие подразделения: *дворы* в русских селениях, *вежи* у саами, *чумы* у народов Сибири. Внутри этих подразделений перечисляются группы родственников. Очевидно, что все эти пункты административной номенклатуры описывали совершенно разные элементы социальной структуры разных сообществ. Вряд ли надо бюрократическую логику XVII в. принимать за социально-антропологическое исследование. Тем не менее, эти документы описывали некую социальную реальность. Мы же хотим ее смоделировать. Рассмотрим группы родственников, населявшие вежи.

В литературе бытует мнение что подобные объединения, описываемые в русских источниках, следует именовать семьями (Долгих

1974; Кучинский 1999; Polla, Kuroryatnik 2004). Анализ большого количества материала заставил меня усомниться в корректности использования такого термина по отношению этим единицам описания. В начале нашей книги было сказано, что мы будем базироваться на информации источника и избегать определений. Дадим слово источнику.

Модель

Общая характеристика

Принцип выделения

В переписях саами описаны по *погостам*. В них описание людей дается по *вежам*. В них люди описываются по группам, связанным между собой патрилинейным родством. Эти группы отделялись друг от друга указанием типа «в той же веже».²²³ Мы имеем дело с еще одним типом подмножеств. Эти социальные единицы зафиксированы только в П1573–1576, П1607–1611, П1679, П1709, П1710, П1716 и П1719 гг. Поэтому при их анализе нами используются только данные переписи. Формулой «в той же веже» выделялись в тексте не только группы, но и отдельные люди.²²⁴ Сущность этих групп, их локальную специфику и динамику мы рассмотрим ниже. Для обозначения этого подмножества нашей модели мы считаем более уместным использовать нейтральный термин *семейная единица* (для краткости СЕ).

Статистика

Таблица 4 показывает общее число таких семейных единиц. Во всех имеющихся в нашем распоряжении переписях в сиййтах зафиксировано 1369 СЕ. Поскольку все мужское население, включая детей, описано только в П1679, П1709, П1710, П1716 и П1719, именно эти переписи и были использованы нами для анализа данных под-

²²³ В П1573–1576 и П1607–1611, эти группы отделены друг от друга просто союзом «да». Например: «В веже Ефимко Фадеев сын, да сын его Якушко; да Якушко Ефимов сын; да Никитка Варламов сын, да дети его: Матюшка, да Степанко; да Никитка Елохов». (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Лл. 80 об.–81).

²²⁴ Описание «одинок» см. ниже.

множеств. По ним в общей сложности можно насчитать 1134 семейные единицы. Идентификация зафиксированных в переписях людей, описанная в предыдущей главе, позволяет определить степень стабильности состава этих элементов социальной структуры.

Таблица 4. Количество семейных единиц в сийтах

Сийты	Годы переписей						
	1574	1608	1679	1709	1710	1716	1719
Нявдемский		6	10	10	12	10	13
Пазрецкий		7	6	14	14	17	25
Печенгский		10	11	19	18	18	12
Мотовский		17	11	10	14	10	11
Соньяльский		13	14	22	24	21	20
Нотозерский		18	18	21	23	23	20
Масельгский		10	7	8	12	11	8
Йокостровский		6	11	11	10	10	9
Бабенский		14	18	15	15	13	13
Муномашский/Кильдинский		25	12	12	13	14	13
Вороненский		9	11	10	9	14	11
Ловозерский		12	14	16	20	12	9
Норецкий/Семиостровский	33	29	22	15		11	17
Колдонский		3					
Чуроозеро		2					
Йоканьгский			17	13		12	14
Пурнацкий			15	3		3	3
Лундалский			8	3		4	5
Тулванский			11			11	10
Каменский			9	5		8	10
Терские саами		61	60	24		38	42
Пяозерский		8	8	6	7	11	10
Орезерский		4	4	2	2	6	6
Тикшеозеро				3	3		5
Рува		1					
Ковдоозеро		1					
ИТОГО (по имеющейся информации)	33	256	237	218	196	239	244

Примечания:

1. В П1573-1576 (колонка 1574) и П1607-1611 (колонка 1608) не учитывались недоросли и «нищие». Поэтому, скорее всего, число домохозяйств в те годы в этой таблице несколько меньше реального.
2. Из-за того, что в П1719 (колонка 1719) «скаса» о населении Пазрецкого погоста была написана небрежно, там сложно установить границы домохозяйств, поэтому их в реальности было примерно на 10-15 меньше.
3. В П1573-1576 (колонка 1574) Понойский и Йоканьгский погосты указаны вместе. Позднее, они разделились на пять погостов. Поэтому, для корректного отражения информации, численность ДХ Йоканьгского и Понойского сийитов в таблице сравнивается с суммой сийитов Терских саами и представлена соответствующей строкой.

Характеристика связей между членами семейных единиц

Подавляющее большинство мужчин, входящих в состав семейных единиц, были связаны друг с другом патрилинейным родством, т.е. являлись членами одной патрилинии. В соответствии с административной практикой, принятой в российском делопроизводстве, люди описывались по нисходящему социальному статусу. Первого человека, записанного в семейной единице, мы будем далее условно именовать главой этой единицы (далее – ГСЕ). Описание остальных членов СЕ осуществлялось в зависимости от того, в какой степени родства он состоит с главой).

Если такие группы включавших братьев, обычно их описание начиналось с выражения типа «[имярек] [имяреков] сын, да брат его [имярек]». Иногда описание делалось следующим образом: «[имярек] да [имярек] [имярековы] дети». Попытка проследить специфику употребления разных формул ничего не дала. Второй тип формул встречается не часто и не переносится из одной переписи в другую. Скорее всего, это говорит лишь о разном подходе чиновников, занимавшихся переписями. В нашей модели мы пренебрегли этой разницей в описании и уравнили все СЕ, включавшие нескольких братьев по первому варианту формулы. Иначе говоря, первого брата мы всегда рассматривали как главу СЕ.

В описании родства в переписях преобладали термины первичного родства – *сын, брат, отец*.²²⁵ Термины вторичного родства – *племянник, внук* – употреблялись в том случае, если в СЕ отсутствовал мужчина – носитель промежуточных родственных связей. В основном же, вторичные родственники главы описывались как родственники его первичных родственников. Принцип их фиксации был таким же, как и у ГСЕ.²²⁶ Исключение составляет описание родственников, однозначно связанных матрилинейным родством – «пасынок», «зять», «шурин». Даже в П1710, где были перечислены все женщины, дети жены от предыдущего брака записывались как «пасынки» и «падчерицы» главы, а не как сыновья и дочери жены. Зять писался именно «зятем», а не мужем дочери или сестры. Сама же сестра в этой ситуации записывалась не как сестра, а как жена зятя. Если был жив отец ГСЕ, то холостой брат главы мог быть записан сыном отца главы.²²⁷ Описание нескольких людей с одним статусом (сыновей, братьев, племянников) осуществлялось по принципу убывания возраста.²²⁸

Важным отступлением от родственного принципа формирования семейной единицы является присутствие в их составе людей, не имеющих родственных связей с ГСЕ. Так, в общей сложности в 20 семейных единицах (2,12% от общего их числа) зафиксированы люди, включенные в них не на основе родства, а на основе социального положения – «работники», «подсоседи», «приимыши», «нищие». Последние записывались не только как члены группы, но, порой и как организаторы самостоятельных СЕ. Были случаи, когда «нищими» записывались целые вежи. При определении состава семейных единиц, таких людей мы рассматривали их членами. Под разными терминами, обозначающими статус неполноправности людей, скрываются различные формы и причины неполноправности. Из-за незначительного числа носителей этих статусов, для нашей модели их различия не представляются принципиальными. Носителей различных статусов неполноправности мы будем далее именовать «нищими».

²²⁵ Как уже говорилось, термин «брат» иногда обозначал не первичного, а вторичного родственника – кузена. В данном случае это не имеет принципиального значения.

²²⁶ Например: «[имярек 1], у него брат [имярек 2]. У [имярека 2] сын [имярек 3]»

²²⁷ Конечно, сыновья одного отца могли происходить от его разных браков, но, в данном случае это не принципиально. Можно добавить, что в П1710 мать жены записывалась не матерью жены, а тещей, т.е. с помощью термина вторичного родства. Если мать (или теща) ГСЕ была жива, все незамужние сестры главы (или жены главы) записывались дочерьми матери (или тещи).

²²⁸ Исключением иногда было связано с тем, что главой СЕ был не старший брат.

Семейные единицы, сформированные «нищими», при классификации типов в нашей модели отделены от других аналогичных СЕ.

Анализ состава семейных единиц показывает, что в 58 из них (5,15% от общего числа СЕ, зафиксированных в П1673–1679, П1709, П1710, П1716, П1719) входят представители двух и даже трех патрилиний.

Поскольку большинство переписей описывают только мужчин и их родственные связи, характеристики подмножества нам придется давать, исходя из этих описаний. Информация П1710, в которой зафиксированы и женщины, для симметричности тоже будет представлена так, как будто там значатся только мужчины.

Специфическими социальными единицами, выделяющимися в соответствии с описанным принципом, являются мужчины, не связанные никакими узами родства. П1709 и П1710 показывают, что у подавляющего большинства этих «одиночек» были родственницы, не упоминавшиеся в других переписях. Существование «одиночек» – недорослей на примерах П1710 можно объяснить тем, что мы имеем дело с семейной единицей, которая лишилась взрослого мужчины и на момент переписи состояла, например, из матери, малолетнего сына и иногда из других незамужних родственниц. Из 985 человек, записанных в П1710, абсолютными «одиночками» являются только 17 человек. Из них 9 человек – мужчины, 8 – женщины. И те, и другие делятся на две возрастные категории. Одна – юные и молодые, другая – пожилые. Семейное положение одиноких женщин – «девки» и «вдовы». Семейное положение одиноких мужчин не указано, но можно предположить, что оно определялось аналогичными обстоятельствами. Поэтому при дальнейших расчетах в зависимости от их возраста, они были отнесены, соответственно, к холостякам и вдовцам. Незначительное число мужчин, семейное состояние которых было реконструировано таким образом, позволяет нам избежать искажения общих результатов даже в случае ошибочной реконструкции. Социальный статус почти всех таких женщин обозначен как «нищая».

Рассмотрев специфические черты состава семейных единиц, мы можем сделать вывод, что данное подмножество необходимо рассматривать как социальное, а не только как родственное объединение.

Размеры социальных единиц

Семейные единицы включали в себя до 10 мужчин, в том числе, до 7 взрослых мужчин. В Таблице 5 показано число взрослых мужчин в

СЕ, отображено количество этих подмножеств разных размеров и общее число мужчин, проживавших в них. В итоге дана доля мужчин, состоявших в семейных единицах различных размеров. На основе этой таблицы создана Таблица 6, в которой отражается среднее количество взрослых мужчин в этих социальных единицах в разные годы. Из нее видно, что в рассматриваемый период колебание размеров таких групп внутри сийтов было незначительным. Можно говорить лишь о некоторой разнице между сийтами. На основе той же Таблицы 5 была создана Таблица 7, в которой показано, какая часть взрослых мужчин проживала в СЕ различных размеров. Размеры обозначаются количеством состоявших в них взрослых мужчин. Из таблиц видно, что большинство взрослых мужчин (61,5%), зарегистрированных в переписях, состояли в семейных единицах насчитывавших 1–2 мужчин. Еще 20,22% взрослых мужчин состояло в СЕ, насчитывавших троих взрослых мужчин. В целом, в среднем в этих элементах зарегистрировано 1,75 взрослых мужчин.

Колонки Таблицы 5:

I – количество семейных единиц по числу состоящих в них взрослых мужчин; II – число взрослых мужчин состоящих в семейных единицах разных размеров; III – % взрослых мужчин состоящих в семейных единицах разных размеров от общего числа взрослых мужчин. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 – число взрослых мужчин в семейной единице.

Таблица 5. (Начало)
Количество семейных единиц по числу состоящих в них взрослых мужчин.

Сийиты	Год переписи	I							Всего	II							Всего	III							
		1	2	3	4	5	6	7		1	2	3	4	5	6	7		1	2	3	4	5	6	7	
Нявдемский	1608	1	3	2					6	1	6	6					13	7,69	46,15	46,15					
	1679	6	3		1				10	6	6		4				16	37,50	37,50		25				
	1709	4	3	2	1				10	4	6	6	4				20	20	30	30	20				
	1710	6	4	2					12	6	8	6					20	30	40	30					
	1716	7	3						10	7	6						13	53,85	46,15						
	1719	8	5						13	8	10						18	44,44	55,56						
Пазрецкий	1608	6	1						7	6	2						8	75	25						
	1679	2	2	1				1	6	2	4	3			7		16	12,50	25	18,75				43,75	
	1709	7	1	1	2		1		13	7	2	3	8		6		26	26,92	7,69	11,54	30,77		23,08		
	1710	5	3	2	3		1		14	5	6	6	12		6		35	14,29	17,14	17,14	34,29		17,14		
	1716	10	1	1	2	3			17	10	2	3	8	15			38	26,32	5,26	7,89	21,05	39,47			
	1719	16	3			2			21	16	6			10			32	50	18,75			31,25			
Печенгский	1608	3	4	2	1				10	3	8	6	4				21	14,29	38,10	28,57	19,05				
	1679	5	2	3	1				11	5	4	9	4				22	22,73	18,18	40,91	18,18				
	1709	9	4	3	1	1			18	9	8	9	4	5			35	25,71	22,86	25,71	11,43	14,29			
	1710	9	5	2		1			17	9	10	6		5			30	30	33,33	20		16,67			
	1716	8	2	4		1			15	8	4	12		5			29	27,59	13,79	41,38		17,24			
	1719	8	2	1		1			12	8	4	3		5			20	40	20	15		25			
Мотовский	1608	11	6						17	11	12						23	47,83	52,17						
	1679	6	2			1			9	6	4			5			15	40	26,67			33,33			
	1709	6	1		1	2			10	6	2		4	10			22	27,27	9,09		18,18	45,45			
	1710	9	2	3					14	9	4	9					22	40,91	18,18	40,91					
	1716	3	1	3	1	1			9	3	2	9	4	5			23	13,04	8,70	39,13	17,39	21,74			
	1719	4	3	3		1			11	4	6	9		5			24	16,67	25	37,50		20,83			
Сонъяльский	1608	5	4	2	2				13	5	8	6	8				27	18,52	29,63	22,22	29,63				
	1679	6	3	2	2	1			14	6	6	6	8	5			31	19,35	19,35	19,35	25,81	16,13			
	1709	9	6	6					21	9	12	18					39	23,08	30,77	46,15					
	1710	8	7	6	1				22	8	14	18	4				44	18,18	31,82	40,91	9,09				
	1716	9	6	3	1	1			20	9	12	9	4	5			39	23,08	30,77	23,08	10,26	12,82			
	1719	6	7	3	1	1			18	6	14	9	4	5			38	15,79	36,84	23,68	10,53	13,16			

Таблица 5. (Продолжение)

Сийиты	Год переписи	I							Всего	II							Всего	III						
		1	2	3	4	5	6	7		1	2	3	4	5	6	7		1	2	3	4	5	6	7
Нотозерский	1608	9	5	2	1	1			18	9	10	6	4	5			34	26,47	29,41	17,65	11,76	14,71		
	1679	11	6	1					18	11	12	3					26	42,31	46,15	11,54				
	1709	13	3	3	1				20	13	6	9	4				32	40,63	18,75	28,13	12,50			
	1710	14	3	4	1				22	14	6	12	4				36	38,89	16,67	33,33	11,11			
	1716	15	2	3	1			1	22	15	4	9	4			7	39	38,46	10,26	23,08	10,26			17,95
	1719	7	7	2	1			1	18	7	14	6	4			7	38	18,42	36,84	15,79	10,53			18,42
Масельгский	1608	7	3						10	7	6						13	53,85	46,15					
	1679	2	2	1		1			6	2	4	3		5			14	14,29	28,57	21,43		35,71		
	1709	3	3	1	1				8	3	6	3	4				16	18,75	37,50	18,75		25		
	1710	6	5	1					12	6	10	3					19	31,58	52,63	15,79				
	1716	6	4			1			11	6	8			5			19	31,58	42,11			26,32		
	1719	2	5			1			8	2	10			5			17	11,76	58,82			29,41		
Йокостровский	1608	2	4						6	2	8						10	20	80					
	1679	4	5		1	1			11	4	10		4	5			23	17,39	43,48		17,39	21,74		
	1709	8	1	1	1				11	8	2	3	4				17	47,06	11,76	17,65	23,53			
	1710	6	2	1	1				10	6	4	3	4				17	35,29	23,53	17,65	23,53			
	1716	5	2	3					10	5	4	9					18	27,78	22,22	50				
	1719	2	5	2					9	2	10	6					18	11,11	55,56	33,33				
Бабенский	1608	12	2						14	12	4						16	75	25					
	1679	12	3	2	1				18	12	6	6	4				28	42,86	21,43	21,43	14,29			
	1709	6	7	1	1				15	6	14	3	4				27	22,22	51,85	11,11	14,81			
	1710	6	8		1				15	6	16		4				26	23,08	61,54		15,38			
	1716	4	7	1		1			13	4	14	3		5			26	15,38	53,85	11,54		19,23		
	1719	2	7	1	3				13	2	14	3	12				31	6,45	45,16	9,68	38,71			
Муномашский / Кильдинский	1608	13	8	3	1				25	13	16	9	4				42	30,95	38,10	21,43	9,52			
	1679	5	5	2					12	5	10	6					21	23,81	47,62	28,57				
	1709	8	1	1					10	8	2	3					13	61,54	15,38	23,08				
	1710	7	4	1					12	7	8	3					18	38,89	44,44	16,67				
	1716	9	2	2					13	9	4	6					19	47,37	21,05	31,58				
	1719	8	2	2					12	8	4	6					18	44,44	22,22	33,33				

Таблица 5. (Продолжение)

Сийиты	Год переписи	I							Всего	II							всего	III						
		1	2	3	4	5	6	7		1	2	3	4	5	6	7		1	2	3	4	5	6	7
		1	2	3	4	5	6	7		1	2	3	4	5	6	7		1	2	3	4	5	6	7
Вороненский	1608	4	3	1	1				9	4	6	3	4				17	23,53	35,29	17,65	23,53			
	1679	6	2	2		1			11	6	4	6		5			21	28,57	19,05	28,57	23,81			
	1709	4	2	3					9	4	4	9					17	23,53	23,53	52,94				
	1710	5	2	2					9	5	4	6					15	33,33	26,67	40				
	1716	7	5	2					14	7	10	6					23	30,43	43,48	26,09				
	1719	5	4	2					11	5	8	6					19	26,32	42,11	31,58				
Ловозерский	1608	9	3						12	9	6						15	60	40					
	1679	4	8	2					14	4	16	6					26	15,38	61,54	23,08				
	1709	8	1		2				11	8	2		8				18	44,44	11,11	44,44				
	1710	9	7	2					18	9	14	6					29	31,03	48,28	20,69				
	1716	2	6	1	1	2			12	2	12	3	4	10			31	6,45	38,71	9,68	12,90	32,26		
	1719	2	3		2	2			9	2	6		8	10			26	7,69	23,08	30,77	38,46			
Норецкий / Семиостровский	1574	20	11	2					33	20	22	6					48	41,67	45,83	12,50				
	1608	16	12	1					29	16	24	3					43	37,21	55,81	6,98				
	1679	15	3	2		1			21	15	6	6		5			32	46,88	18,75	18,75	15,63			
	1709	9	2	1					12	9	4	3					16	56,25	25	18,75				
	1716	7	1	2		1			11	7	2	6		5			20	35	10	30	25			
	1719	9	2	3		1			15	9	4	9		5			27	33,33	14,81	33,33	18,52			
Колдонский	1608	2		1					3	2		3					5	40	60					
Чуроозеро	1608	1	1						2	1	2						3	33,33	66,67					
Йоканьгский	1608	14	6						20	14	12						26	53,85	46,15					
	1679	7	7	1	1	1			17	7	14	3	4	5			33	21,21	42,42	9,09	12,12	15,15		
	1709	7		1					8	7		3					10	70		30				
	1716	7	1	2		1			11	7	2	6		5			20	35	10	30	25			
	1719	12		2					14	12		6					18	66,67	33,33					
	1608	10	5	1					16	10	10	3					23	43,48	43,48	13,04				
Пурнацкий	1679	9	5	1					15	9	10	3					22	40,91	45,45	13,64				
	1716	3							3	3							3	100						
	1719	3							3	3							3	100						

Таблица 5. (Окончание)

Сийиты	Год переписи	I							Всего	II							всего	III							
		1	2	3	4	5	6	7		1	2	3	4	5	6	7		1	2	3	4	5	6	7	
Лундалский	1679	4	1	3					8	4	2	9					15	26,67	13,33	60					
	1709	1	2						3	1	4						5	20	80						
	1716	3	1						4	3	2						5	60	40						
	1719	3	2						5	3	4						7	42,86	57,14						
Тулванский	1679	3	5	3					11	3	10	9					22	13,64	45,45	40,91					
	1716	6	5						11	6	10						16	37,50	62,50						
	1719	6	3		1				10	6	6	4					16	37,50	37,50	25					
	1679	5	2	1		1			9	5	4	3	5				17	29,41	23,53	17,65	29,41				
Каменский	1709	3							3	3							3	100							
	1716	4	1	3					8	4	2	9					15	26,67	13,33	60					
	1719	3	1	2	1	1			8	3	2	6	4	5			20	15	10	30	20	25			
	1608	11	10	4					25	11	20	12					43	25,58	46,51	27,91					
Пяозерский	1608	5	2	1					8	5	4	3					12	41,67	33,33	25					
	1679	2	2	2		1	1		8	2	4	6		5	6		23	8,70	17,39	26,09	21,74	26,09			
	1709	4	1	1					6	4	2	3					9	44,44	22,22	33,33					
	1710	4	2			1			7	4	4			5			13	30,77	30,77				38,46		
	1716	3	7	1					11	3	14	3					20	15	70	15					
	1719	4	3	3					10	4	6	9					19	21,05	31,58	47,37					
	1608		1	3					4		2	9					11	18,18	81,82						
Орезерский	1679	1	2		1				4	1	4		4				9	11,11	44,44	44,44					
	1709				2				2				8				8			100					
	1710				1	1			2				4	5			9			44,44	55,56				
	1716	4	2						6	4	4						8	50	50						
	1719	3	1		2				6	3	2		8				13	23,08	15,38	61,54					
	1709	1	1						2	1	2						3	33,33	66,67						
Тикшеозеро	1710	1	1	1					3	1	2	3					6	16,67	33,33	50					
	1719	1	1			1			3	1	2			5			8	12,50	25	20					
	1608		1						1		2						2		100						
Рува	1608		1						1		2						2		100						
Ковдоозеро	1608		1						1		2						2		100						
Итого		717	385	163	52	39	3	3	1362	717	770	489	208	195	18	21	2418	29,65	31,84	20,22	8,60	8,06	0,74	0,87	

Таблица 6. Среднее число взрослых мужчин в домохозяйствах

Погосты	Годы переписей							Всего в среднем
	1574	1608	1679	1709	1710	1716	1719	
Нявдемский		2,17	1,6	2	1,67	1,3	1,38	1,64
Пазрецкий		1,14	2,67	2,17	2,5	2,24	1,52	2,01
Печенгский		2,1	2	1,94	1,76	1,93	1,67	1,89
Мотовский		1,35	1,67	2,2	1,57	2,56	2,18	1,84
Сонъяльский		2,08	2,21	1,86	2	1,95	2,11	2,02
Нотозерский		1,89	1,44	1,6	1,64	1,77	2,11	1,74
Масельгский		1,3	2,33	2	1,58	1,73	2,13	1,78
Йокостровский		1,67	2,09	1,55	1,7	1,8	2	1,81
Бабенский		1,14	1,56	1,8	1,73	2	2,38	1,75
Муномашский/ Кильдинский		1,68	1,75	1,3	1,5	1,46	1,5	1,56
Вороненский		1,89	1,91	1,89	1,67	1,64	1,73	1,78
Ловозерский		1,25	1,86	1,64	1,61	2,58	2,89	1,91
Норецкий/ Семиостровский	1,45	1,48	1,52	1,33		1,82	1,8	1,54
Колдонский		1,67						1,67
Чуроозеро		1,5						1,5
Йоканьгский		1,3	1,94	1,25		1,82	1,29	1,53
Пурнацкий		1,44	1,47			1	1	1,38
Лундалский			1,88	1,67		1,25	1,4	1,6
Тулванский			2			1,45	1,6	1,69
Каменский			1,89	1		1,88	2,5	1,96
Понойский		1,72						1,72
Пяозерский		1,5	2,88	1,5	1,86	1,82	1,9	1,92
Орезерский		2,75	2,25	4	4,5	1,33	2,17	2,42
Тикшеозеро				1,5	2		2,67	2,13
Рува		2						2
Ковдоозеро		2						2
Итого	1,45	1,6	1,85	1,76	1,79	1,84	1,88	1,75

Таблица 7. Долевое распределение всех взрослых мужчин, по семейным единицам различного размера.

Размер домохозяйства обозначается по числу состоявших в них взрослых мужчин. Составлено по материалам переписей за период 1573–1719 гг.

Сийиты	% взрослых мужчин, состоявших в семейных единицах различных размеров						
	1	2	3	4	5	6	7
Нявдемский	32	42	18	8			
Пазрецкий	29,68	14,19	9,68	18,06	16,13	7,74	4,52
Печенгский	26,75	24,2	28,66	7,64	12,74		
Мотовский	26,42	16,98	25,47	7,55	23,58		
Сонъяльский	19,72	30,28	30,28	12,84	6,88		
Нотозерский	33,66	25,37	21,95	9,76	2,44		6,83
Масельгский	26,53	44,9	9,18	4,08	15,31		
Йокостровский	26,21	36,89	20,39	11,65	4,85		
Бабенский	27,27	44,16	9,74	15,58	3,25		
Муномашский/ Кильдинский	38,17	33,59	25,19	3,05			
Вороненский	27,68	32,14	32,14	3,57	4,46		
Ловозерский	23,45	38,62	10,34	13,79	13,79		
Норецкий/ Семиостровский	40,86	33,33	17,74		8,06		
Колданский	40		60				
Чуроозеро	33,33	66,67					
Йоканьгский	43,93	26,17	16,82	3,74	9,35		
Пурнацкий	49,02	39,22	11,76				
Лундалский	34,38	37,50	28,13				
Тулванский	27,78	48,15	16,67	7,41			
Каменский	27,27	14,55	32,73	7,27	18,18		
Понойский	25,58	46,51	27,91				
Терская лопь	37,13	33,33	21,05	3,51	5,85		
Пяозерский	22,92	35,42	25		10,42	6,25	
Орезерский	17,02	21,28		51,06	10,64		
Тикшеозеро	17,65	35,29	17,65		29,41		
Рува		100					
Ковдоозеро		100					
Итого	29,65	31,84	20,22	8,6	8,06	0,74	0,87

Если мы добавим в эти расчеты недорослей, то размеры СЕ, разумеется, увеличатся. В Таблице 8 показана доля всех мужчин числившихся в семейных единицах, а также среднее число мужчин, числившихся в СЕ в разных сийтах. Мы видим, что 43,95% всех упомянутых в переписях мужчин состояли в этих минимальных группах, насчитывавших 2–3 мужчин. Еще 30,52% мужчин состояли в СЕ, в которых всего числилось 4–5 мужчин. Сгруппировав информацию иначе, можно обнаружить, что 75,67% рассматриваемых подмножеств составляли те, в которых насчитывалось 1–3 мужчин. В среднем СЕ насчитывали 2,69 мужчин.

Теперь рассмотрим данные единственной переписи, описавшей все население – П1710. К сожалению, из-за плохой сохранности источника в нашу статистику не попали 6 сийтов. Таблица 9 в первой части демонстрирует количество семейных единиц, распределенных по числу их членов, и число людей, числившихся в этих СЕ. Во второй части таблицы показана доля людей, состоявших в данных подмножествах разных размеров, а также среднее число людей, числившихся в СЕ по переписи. Как видно из нее, размеры одной СЕ могли достигать 18 человек. Почти половина людей, зафиксированных в переписи (49,04%), состояли в семейных единицах, насчитывавших от 4 до 6 человек. В среднем СЕ состояли из 5 человек.

Таблица 8. Доля мужчин, состоявших в семейных единицах разных размеров и среднее число мужчин числившихся в СЕ. Размеры домохозяйств определяются по числу состоявших в нем мужчин. Таблица подготовлена по переписям П1673-1719 гг.

Сийиты	Доля мужчин, состоящих в СЕ разного размера										Среднее число мужчин в ДХ
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Нявдемский	10,94	39,06	14,06	15,63	15,63	4,69					2,33
Пазрецкий	14,29	11,06	11,06	7,37	23,04	16,59	12,9	3,69			2,86
Печенгский	15,34	13,76	20,63	27,51	15,87	3,17	3,7				2,49
Мотовский	8,7	18,63	26,09	7,45	12,42	7,45	8,7	4,97	5,59		2,88
Соньяльский	9,67	21,56	26,77	17,84	1,86	6,69	15,61				2,66
Нотозерский	10,58	22,63	26,28	13,14	14,6			5,84	3,28	3,65	2,61
Масельгский	5,34	22,9	29,77	9,16	22,9	4,58	5,34				2,85
Йокостровский	4,93	25,35	27,46	22,54	10,56	4,23	4,93				2,78
Бабенский	8,37	18,6	16,74	16,74	18,6	11,16	9,77				2,91
Муномашский/Кильдинский	13,61	16,33	53,06	13,61	3,4						2,30
Вороненский	5,7	24,05	17,09	27,85	9,49	11,39	4,43				2,87
Ловозерский	5,31	15,93	14,6	30,09	15,49	5,31	6,19	7,08			3,18
Семиостровский	9,25	16,18	27,75	16,18	14,45	6,94		9,25			2,79
Йоканьгский	19,3	29,82	23,68	14,04	13,16						2,07
Пурнацкий	12,24	44,9	42,86								2,04
Лундалский	3,64	25,45	38,18	14,55	18,18						2,75
Тулванский	14,47	15,79	35,53	21,05	13,16						2,38
Каменский	13,51	27,03	8,11	21,62	13,51	16,22					2,47
Пяозерский	9,62	32,69	23,08	3,85	19,23	11,54					2,48
Орезерский	5,48	10,96	4,11	27,4	20,55	8,22	9,59			13,7	3,65
Тикшеозеро	14,81	29,63	22,22						33,33		2,45
Итого	9,88	20,35	23,6	16,92	13,61	6,39	4,55	3,31	0,8	0,59	2,69

Таблица 9. Размеры семейных единиц по Переписи 1710 г.

Часть 1.

Сийиты	Количество СЕ по числу членов																		Всего	Общее число людей проживавших в СЕ разных размеров																		Всего людей
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	17	18	1	2		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	17	18					
Нявдемский	1	5	2	3	2	2				1							16	1	10	6	12	10	12			10								61				
Пазрецкий	1		3	3		2		1	2		1					1	14	1		9	12	12		8	18			11				18		89				
Печенгский	2	2	4	5	2	2		2	1								20	2	4	12	20	10	12		16	9								85				
Мотовский	3	2	4	5	1	1											16	3	4	12	20	5	6											50				
Соньяльский	2	2	4	1	3	9	1	1						1			24	2	4	12	4	15	54	7	8					14				120				
Нотозерский	3	3	5	4	2	4	2	1				1					25	3	6	15	16	10	24	14	8				13					109				
Масельгский	2	1	1	4	3	1						1					13	2	2	3	16	15	6						13					57				
Йокостровский			2	1	1	5									1		10			6	4	5	30							17				62				
Бабенский	2	3	2	1	4	1	1			1		1					16	2	6	6	4	20	6	7			10		12					73				
Муномашский		3	1	1	5	1	1	1									13		6	3	4	25	6	7	8									59				
Вороненский			1	1	3		3		1								9			3	4	15		21	9									52				
Ловозерский	1	5	3	4	3	4	2										22	1	10	9	16	15	24	14										89				
Пяозерский		2	1	1		1		1			1						7		4	3	4		6	8			11							36				
Орезерский														2			2													28					28			
Тикшеозеро			1	1				1									3			3	4			8											15			
Итого	17	28	34	35	29	33	10	8	4	2	2	1	2	3	1	1	210	17	56	102	140	145	198	70	64	36	20	22	12	26	42	17	18		985			

Часть 2.

Сийиты	Доля людей, состоявших в семейных единицах разных размеров (по числу членов)																		Среднее число членов
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	17	18			
Нявдемский	1,64	16,39	9,84	19,67	16,39	19,67				16,39								3,81	
Пазрецкий	1,12		10,11	13,48		13,48		8,99	20,22		12,36					20,22		6,36	
Печенгский	2,35	4,71	14,12	23,53	11,76	14,12		18,82	10,59									4,25	
Мотовский	6	8	24	40	10	12												3,13	
Соньяльский	1,67	3,33	10	3,33	12,5	45	5,83	6,67					11,67				5		
Нотозерский	2,75	5,50	13,76	14,68	9,17	22,02	12,84	7,34					11,93				4,36		
Масельгский	3,51	3,51	5,26	28,07	26,32	10,53							22,81				4,38		
Йокостровский			9,68	6,45	8,06	48,39									27,42		6,2		
Бабенский	2,74	8,22	8,22	5,48	27,40	8,22	9,59			13,7		16,44					4,56		
Муномашский		10,17	5,08	6,78	42,37	10,17	11,86	13,56									4,54		
Вороненский			5,77	7,69	28,85		40,38		17,31								5,78		
Ловозерский	1,12	11,24	10,11	17,98	16,85	26,97	15,73										4,05		
Пяозерский		11,11	8,33	11,11		16,67		22,22			30,56						5,14		
Орезерский														100			14		
Тикшеозеро			20	26,67				53,33									5		
Итого	1,73	5,69	10	14,21	14,72	20,10	7,11	6,50	3,65	2,0	2,23	1,22	2,64	4	1,73	1,83	5		

Приведенные расчеты отражают демографическую ситуацию с ее колебаниями. Однако, традиция формирования различных хозяйственно-родственных групп подразумевает адаптацию к демографическим и экологическим колебаниям, а также к другим факторам. Прибегнув к разным способам, мы провели статистический анализ семейных единиц. Его результаты показывают устойчивые тенденции к созданию СЕ определенных размеров, характерные для разных сийитов. Для определения этих тенденций рассмотрим Таблицу 5. Анализ ее дает возможность условно выделить три тенденции.

1. Малые семейные единицы, включавшие 1–3 взрослых мужчин. Эта тенденция прослеживается в следующих сийитах: Терские саами, а так же Муномашский/Кильдинский, Нявдемский сийиты и сийиты Тикшеозеро, Рува и Ковдозеро.
2. Средние семейные единицы, включавшие до 4–5 взрослых мужчин. Эта тенденция прослеживается в следующих сийитах: Печенгский, Мотовский, Сонъяльский.
3. Большие семейные единицы, включавшие до 6–7 взрослых мужчин. Эта тенденция прослеживается в Пазрецьком, Нотозерском и Пяозерском сийитах.

В целом можно выделить тенденцию к созданию сравнительно больших СЕ. Она является общей для сийитов западной части Кольского полуострова (за исключением Нявдемского сийита).²²⁹

Реконструкция патрилиний позволяет рассмотреть причины существования больших семейных единиц. Забегая вперед, можно отметить, что в большинстве сийитов существовали СЕ, выделявшиеся своими размерами на фоне всего сийита. Эта ситуация прослеживается даже в том случае, когда величина СЕ была вполне «нормальной» для других сийитов²³⁰ (если говорить о больших семейных единицах не только в абсолютном, но и в относительном смысле). Тенденция к созданию больших СЕ была характерна для

²²⁹ Аналогичная тенденция в XIX – н. XX в. была отмечена М.С. Куропятник, которая пишет, что «средняя численность малой семьи в западных сийитах несколько выше, чем в восточных». (Куропятник 1989:18)

²³⁰ К примеру, для Йоканьгского сийита типичная семейная единица включала в себя 1–3 взрослых мужчин. Однако, одна СЕ постоянно превышала эти размеры. Схожая ситуация была в Нотозерском сийите, где на фоне типичных семейных единиц, которые могли включать в себя до 4 взрослых мужчин, одна СЕ выделялась своими размерами.

одних и тех же патрилиний. Тем не менее, это не мешает говорить об общих тенденциях к созданию семейных единиц определенных размеров, характерных для разных сийитов.

Внутренняя структура

Теперь проанализируем внутреннюю структуру этих подмножеств. Развивая нашу модель, представим членов СЕ элементами подмножеств. Композиция элементов будет предметом классификации типов внутренней структуры. При создании классификации будет учитываться статус членов СЕ, а также число членов СЕ, обладающих сходными статусами. Такое исследование позволит уточнить «облик» СЕ и приблизиться к пониманию этого института общества саами.

Семейный состав

В нашем распоряжении имеется информация, характеризующая статус членов СЕ с двух точек зрения. Один тип информации характеризует *семейное и возрастное положение* мужчины. В П1709 и П1710 эти данные отражены более полно. Согласно этим переписям, все мужчины делятся на четыре категории. К «недорослям» относятся мужчины до 14 лет включительно; к «холостым» – мужчины старше 14 лет, не состоящие в браке; к «женатым» и «вдовым» – мужчины соответствующего семейного положения.²³¹ К сожалению, остальные переписи делят население лишь на разные возрастные категории. Подобная статистика дает представление не столько о структуре общества саами, сколько о задачах переписчиков. По этим переписям твердо можно говорить лишь о соотношении числа недорослей и взрослых. Поэтому, при анализе семейного и возрастного положения мужчин мы будем пользоваться лишь двумя указанными переписями.

На основе этих переписей составлены Таблица 10 и Таблица 11. Общий анализ переписей показывает, что в семейные единицы входили до 4 женатых мужчин (т.е. семейных пар) и до 2 мужчин-вдовцов. Таблица 10 демонстрирует, что общее число женатых и вдовых мужчин, состоящих в одной семейной единице, достигало 5 человек. Из обеих таблиц видно, что 65,38% СЕ включали только одного

²³¹ П1710 описывает все население и родственные связи. Это позволяет проследить семейное положение всех членов сийитов. П1709 специально указывает лишь наличие жен у мужчин. Вдовое положение можно реконструировать лишь в тех случаях, когда у мужчины нет жены, но зафиксированы дети.

женатого или вдового мужчину, то есть в своей основе имели лишь одну нуклеарную семью. В них проживало 55,51% всех женатых и вдовых мужчин. В целом по сиййтам количество таких подмножеств было не менее половины. Доля подобных СЕ выходила за эти рамки лишь в Орезерском и Тикшеозерском сиййтах. В первом коллективе два СЕ были больших размеров. Во втором – ситуация изменилась за год, когда сын главы одного из трех СЕ женился. При таком незначительном числе семейных единиц одно событие резко изменило соотношение.²³² Значительное доминирование СЕ с одним женатым или вдовым мужчиной четко прослеживается в сиййтах Терских саами. Большим числом женатых и вдовых мужчин выделяются семейные единицы северо-запада уезда (за исключением Нявдемского сиййта).

Следующая страница – Легенда таблицы 10:

Обозначения: I – сиййты; II – год переписи; III – всего семейных единиц; IV – количество семейных единиц по численности зафиксированных в них вдовых и женатых мужчин; V – всего семейных единиц с вдовыми и женатыми мужчинами; VI – доля СЕ разной численности в общем числе всех семейных единиц; VII – общее число вдовых и женатых мужчин, зафиксированных в семейных единицах с разным количеством женатых и вдовых мужчин; VIII – всего вдовых и женатых мужчин; IX – доля вдовых и женатых мужчин, зафиксированных в семейных единицах разной величины от общего числа вдовых и женатых мужчин.

²³² Показательно, что семейная единица при этом не разделилась.

Таблица 10. Количество женатых и вдовых мужчин в семейной единице по переписям 1709 и 1710 гг.

Обозначения: I – сийиты; II – год переписи; III – всего семейных единиц; IV – количество семейных единиц по численности зафиксированных в них вдовых и женатых мужчин; V – всего семейных единиц с вдовыми и женатыми мужчинами; VI – доля SE разной численности в общем числе всех семейных единиц; VII – общее число вдовых и женатых мужчин, зафиксированных в семейных единицах с разным количеством женатых и вдовых мужчин; VIII – всего вдовых и женатых мужчин; IX – доля вдовых и женатых мужчин, зафиксированных в семейных единицах разной величины от общего числа вдовых и женатых мужчин.

I	II	III	IV					V	VI					VII					VIII	IX							
			0	1	2	3	4		5	0	1	2	3	4	5	1	2	3		4	5	1	2	3	4	5	
Нявдемский	1709	10	2	6	2			8	20	60	20			6	4				10	60	40						
	1710	12	3	8	1			9	25	66,67	8,33			8	2				10	80	20						
Пазрецкий	1709	14	2	9	2		1	12	14,29	64,29	14,29		7,14	9	4				17	52,94	23,53		23,53				
	1710	14	2	9	2		1	12	14,29	64,29	14,29	7,14		9	4				17	52,94	23,53		23,53				
Печенгский	1709	19	3	11	2	3		16	15,79	57,89	10,53	15,79		11	4	9			24	45,83	16,67	37,5					
	1710	18	3	10	4	1		15	16,67	55,56	22,22	5,56		10	8	3			21	47,62	38,1	14,29					
Мотовский	1709	10		7		1	1	10		70		10	10	7		3	4	5	19	36,84		15,79	21,05	26,32			
	1710	14		11	2	1		14	78,57	14,29	7,14			11	4	3			18	61,11	22,22	16,67					
Соньяльский	1709	22	4	15	2	1		18	18,18	68,18	9,09	4,55		15	4	3			23	68,18	18,18	13,04					
	1710	24	7	13	3	1		17	29,17	54,17	12,5	4,17		13	6	3			22	59,09	27,27	13,64					
Нотозерский	1709	21	2	16	2	1		19	9,52	76,19	9,52	4,76		16	4	3			23	69,57	17,39	13,04					
	1710	23	4	15	3	1		19	17,39	65,22	13,04	4,35		15	6	3			24	62,5	25	12,5					
Масельгский	1709	8	1	4	2	1		7	12,5	50	25	12,5		4	4	3			11	36,36	36,36	27,27					
	1710	12	2	7	2	1		10	16,67	58,33	16,67	8,33		7	4	3			14	50	28,57	21,43					
Йокостровский	1709	11	1	8	1		1	10	9,09	72,73	9,09		9,09	8	2		4		14	57,14	14,29		28,57				
	1710	10	1	7	1		1	9	10	70	10		10	7	2		4		13	53,85	15,38		30,77				
Бабенский	1709	15	2	10	3			13	13,33	66,67	20			10	6				16	62,5	37,50						
	1710	15	1	11	3			14	6,67	73,33	20			11	6				17	64,71	35,29						
Муномашский	1709	13	1	7	5			12	7,69	53,85	38,46			7	10				17	41,18	58,82						
	1710	13	1	9	3			12	7,69	69,23	23,08			9	6				15	60	40						
Вороненский	1709	10	2	6	2			8	20	60	20			6	4				10	60	40						
	1710	9		8	1			9	88,89	11,11				8	2				10	80	20						
Ловозерский	1709	16	3	8	2	2	1	13	18,8	50	12,5	12,5	6,3	8	4	6	4		22	36,36	18,18	27,27	18,18				
	1710	20	2	14	3	1		18	10	70	15	5		14	6	3			23	60,87	26,09	13,04					
Семиостровский	1709	15	1	9	4	1		14	6,67	60	26,67	6,67		9	8	3			20	45	40	15					
	1709	13	3	9	1			10	23,08	69,23	7,69			9	2				11	81,82	18,18						
Пурнацкий	1709	3		3				3		100				3					3	100							
Лундалский	1709	4	1	3				3	25	75				3					3	100							
Каменский	1709	5		5				5		100				5					5	100							
Пяозерский	1709	6		5	1			6	83,33	16,67				5	2				7	71,43	28,57	33,33					
	1710	7		6		1		7	85,71		14,29			6		3			9	66,67		42,86	57,14				
Орезерский	1709	2				1	1	2			50	50					4		7								
	1710	2			1		1	2				50	50						6		33,33		66,67				
Тикшеозеро	1709	3		2	1			3	66,67	33,33				2	2				4	50	50						
	1710	3		1	1	1		3	33,33	33,33	33,33			1	2	3			6	16,67	33,33	50					
ИТОГО:			416	54	272	62	19	8	1	362	12,98	65,38	14,9	4,57	1,92	0,24	272	124	57	32	5	490	55,51	25,31	11,63	6,53	1,02

Из выделенных в Таблице 11 типов рассматриваемых подмножеств видно, что среди них явно преобладают типы, в состав которых входит только один женатый мужчина (то есть одна семейная пара). Социальные единицы данной категории составляют 65,38% от всех СЕ. В целом такая доля СЕ этой категории была характерна для большинства сийитов, с некоторыми колебаниями от среднего показателя в одну или другую сторону, однако были и отличия. Значительное преобладание таких СЕ наблюдается у Терских саами и в Пяозерском сийите. В Орезерском сийите, напротив, такие СЕ полностью отсутствуют. Из этой категории больше всего было семейных единиц, включавших одного женатого мужчину (т.е. одну семейную пару) и недорослей (24,34%). На втором по численности месте – СЕ, состоявшие только из одной семейной пары, не имевшей сыновей (16,87%). Следующими по численности следуют малые группы, состоявшие из одной семейной пары, а также холостых и несовершеннолетних мужчин. В целом они составляли 19,28% от общего числа СЕ.

Следующая страница – Легенда таблицы 11:

1 – сийиты; 2 – год переписи. 3 – общее число семейных единиц в сийите.

4–8 – семейные единицы, состоящие только из недорослей и холостых мужчин: 4 – недоросли, 5 – холостяки, 6 – холостяки и недоросли, 7 – число СЕ этой категории, 8 – процент СЕ этой категории от общего числа.

9–18 – семейные единицы, в состав которых входит только один женатый или вдовый мужчина: 9 – 1 женатый; 10 – 1 вдовец; 11 – 1 женатый и недоросли; 12 – 1 женатый и холостяки; 13 – 1 женатый, холостяки и недоросли; 14 – 1 вдовец и недоросли; 15 – 1 вдовец и холостяки; 16 – 1 вдовец, холостяки и недоросли; 17 – число СЕ этой категории; 18 – процент СЕ этой категории от общего числа.

19–33 – семейные единицы, в состав которых входит больше одного семейного или вдового мужчины: 19 – несколько женатых; 20 – 1 вдовец и 1 женатый; 21 – 1 вдовец и несколько женатых; 22 – 2 вдовца и 1 женатый; 23 – Несколько женатых и недоросли; 24 – 1 вдовец, 1 женатый и недоросли; 25 – 2 вдовца, несколько женатых и недоросли; 26 – несколько женатых и холостяки; 27 – 2 вдовца и холостяки; 28 – несколько женатых, холостяки и недоросли; 29 – 1 вдовец, 1 женатый, холостяки и недоросли; 30 – 1 вдовец, несколько женатых, холостяки и недоросли; 31 – 2 вдовца, 1 женатый, холостяки и недоросли; 32 – число домохозяйств этой категории; 33 – процент СЕ этой категории от общего числа.

Таблица 11. Состав семейных единиц, зафиксированных в переписях 1709 и 1710 гг.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	
Нявдемский	1709	10		1	1	2	20			2	3	1				6	60					1					1					2	20
	1710	12		2	1	3	25	2		2	2	2				8	66,67					1										1	8,33
	1709	13		1	1	2	15,38	1		3		1			3	8	61,54									3					3	23,08	
	1710	14		1	1	2	14,29	3		1		2		1	2	9	64,29									3					3	21,43	
Печенгский	1709	19	1	2		3	15,79	6		1	1	3				11	57,89			1			2	1				1				5	26,32
	1710	18	1	2		3	16,67	6		2		2				10	55,56		2			1	1		1						5	27,78	
Мотовский	1709	10				0	0	1	2	3				1		7	70						1	1					1			3	30
	1710	14				0	0	1	2	6	1			1		11	78,57		1							1						3	21,43
Соньяльский	1709	22	1	3		4	18,18	2		5	5	3				15	68,18						3									3	13,64
	1710	24	2	4	1	7	29,17	2		3	4	4				13	54,17						1				2					4	16,67
Нотозерский	1709	21		2		2	9,52	5		7	2	2				16	76,19												1			3	14,29
	1710	23	1	2	1	4	17,39	5		6	2	2				15	65,22		1									1	1		4	17,39	
Масельгский	1709	8		1		1	12,5			3		1				4	50		1													3	37,5
	1710	12		2		2	16,67	2		3	1	1				7	58,33		2				1								3	25	
Йокостровский	1709	11		1		1	9,09	2		5	1					8	72,73		1													2	18,18
	1710	10		1		1	10	1		5	1					7	70		1													2	20
Бабенский	1709	15		2		2	13,33	3	1	1	3	2				10	66,67												1			3	20
	1710	15		1		1	6,67	4	1	1	2	3				11	73,33		1													3	20
Муномашский	1709	13	1			1	7,69	1		4	1	1				7	53,85		2													5	38,46
	1710	13	1			1	7,69	2		5	2					9	69,23		1													3	23,08
Вороненский	1709	10	1	1		2	20			3	1	2				6	60									1						2	20
	1710	9				0	0	1		4	1	2				8	88,89									1						1	11,11
Ловозерский	1709	16	1	2		3	18,8	1	1	5		1				8	50		1		1										1	5	31,3
	1710	20	2			2	10	4		5	1	2		1	1	14	70		1		1										4	20	
Семноостровский	1709	15		1		1	6,67	5		3			1			9	60									1						5	33,33
	1709	13		2	1	3	23,08	2		2	5					9	69,23								1							1	7,69
Пурнацкий	1709	3				0	0	1		2						3	100															0	0
	1709	4		1		1	25			2	1					3	75															0	0
Лундалский	1709	5				0	0	2		3						5	100															0	0
	1709	6				0	0	2	1	1	1					5	83,33								1							1	16,67
Пяозерский	1710	7				0	0	2		1	1	1	1			6	85,71											1				1	14,29
	1709	2				0	0									0	0															2	100
Орезерский	1710	2				0	0									0	0															2	100
	1709	3				0	0		1	1						2	66,67															1	33,33
Тикшеозеро	1710	3				0	0			1						1	33,33		2													2	66,67
	Итого		415	12	35	7	54	13,01	70	8	101	42	38	2	4	6	271	65,3	11	10	3	1	21	4	1	11	1	17	6	3	1	90	21,69
% от общего числа СЕ		100	2,89	8,43	1,69			16,87	1,93	24,34	10,12	9,16	0,48	0,96	1,45			2,65	2,41	0,72	0,24	5,06	0,96	0,24	2,65	0,24	4,10	1,45	0,72	0,24			

Семейные единицы, включавшие больше одного семейного или вдового мужчины, в большинстве своем состояли из нескольких семейных пар. СЕ этой категории составляли 21,69% от общего числа рассматриваемых здесь подмножеств. При наличии одного вдовца и одного женатого мужчины СЕ, чаще всего, образовывалось из нуклеарной семьи отца мужа и иногда включало других несовершеннолетних или холостых родственников. Как показывает анализ источников, различие в социальном статусе между семейным человеком и вдовцом не влияло на структуру подмножества. Большое количество вдовцов было выявлено лишь в Печенгском, Пазрецьком, Мотовском и Ловозерском сийтах. Тем не менее, большинство семейных единиц этой категории состояло из нескольких семейных пар. В целом СЕ, включавшие несколько семейных пар, составляли 16,14% от всех социальных единиц рассматриваемого типа. Так же, как и СЕ предыдущей категории, подмножества данной категории были характерны для большинства сийтов, но они совершенно отсутствовали у Терских саами и были в целом не характерны для Пяозерского и Нявдемского сийтов. В Орезерском же сийте, наоборот, существовали только такие объединения. Чуть выше среднего уровня количество СЕ этой категории было зафиксировано в Масельском и Муномашском сийтах.

Семейные единицы, включавшие только холостых и несовершеннолетних мужчин, в целом составляли 12,98%. Заметно большей была доля таких единиц в Йоканьгском сийте и в сийтах Северо-Запада уезда – Нявдемском, Пазрецьком, Печенгском и Соньяльском. Исключением среди них был Мотовский сийт. Для сийтов восточной и юго-западной частей уезда такие подмножества были совершенно не характерны.

Семейные роли

Другой тип информации, содержащейся во всех рассматриваемых переписях, позволяет охарактеризовать статус членов рассматриваемых групп через их родственные отношения. Типология этих связей была описана выше. Среди членов СЕ встречаются мужчины, не являющиеся родственниками главы семейных единиц, поэтому для определения этого типа информации более корректно говорить о *семейной роли* членов СЕ. Данные о родстве содержатся во всех переписях, где зафиксированы группы подобного типа. Ограниченность информации источников, которые содержат сведения только о мужчинах и патрилинейных связях, сокращает возможность анализа внутренней структуры СЕ. Тем не менее, мы можем рассмотреть

определенную вариативность состава этих подмножеств. Чтобы интерпретировать принципы формирования и социальную значимость этих подмножеств, мы разделили последние по разновидностям состава, в котором учитывалось различие семейных ролей. Нами был проведен анализ всех семейных единиц, зафиксированных в исследуемых источниках.

Самый простой способ классификации типов структуры семейных единиц позволил нам выявить две основные разновидности этой структуры. В одном варианте глава СЕ не имеет родственников-мужчин. К этой же категории мы отнесли группы, в которых, помимо главы, входит «нищий» или «подсосед», иногда со своими родственниками. Такие элементы составляют 27,34% от общего количества подмножеств. Другая разновидность структуры СЕ предполагает наличие у ГСЕ родственников-мужчин. Такие семейные единицы поделены нами на два типа. К первому относятся те, в которых все мужчины являются родственниками главы по прямой восходящей или нисходящей мужской линии: отец, сын, внук и пасынок. Группы, относящиеся к такой категории, составляют в целом 50,44% от всех СЕ. Ко второму типу относятся те, в которых фигурируют иные родственники главы: брат, зять и племянник. Такие семейные единицы составляют 22,22% всех СЕ.

Поколенность

Для характеристики поколенности СЕ необходимо принять во внимание тот факт, что в некоторых случаях маленькие дети или пожилые люди не заносились в переписи. Кроме того, следует учесть пожилых и незамужних женщин, информация о которых отсутствует в большинстве переписей. При их наличии число поколений в СЕ также увеличивается.²³³ Таким образом, формально количество поколений в СЕ было заниженным. Однако, даже с учетом всех этих фактов, расхождение с данными, полученными при анализе П1710, оказывается незначительным.

Семейные единицы, в которые входили представители одного поколения, составляли 38,62% от количества всех СЕ. Эта статистика не учитывает женщин – дочерей, падчериц, племянниц, матерей и тещ, поэтому доля таких СЕ несколько завышена.

²³³ Как показывают переписи, в которых фиксировались женщины, пожилых женщин было больше, чем мужчин.

Двухпоколенные семейные единицы явно численно доминировали и составляли не менее 53,62% от количества всех СЕ.

Трехпоколенные семейные единицы составляли 7,76% от общего количества СЕ. В некоторых сийтах такие подмножества вообще отсутствовали. Трехпоколенные СЕ были характерны для Печенгского, Мотовского, Соньяльского, Нотозерского, Бабенского, Муномашского/Кильдинского, Вороненского, Ловозерского, Семиостровского, Пяозерского сийтов. В сийтах Терских саами таких СЕ вообще не было выявлено. Из этого можно сделать вывод, что для последних была характерна тенденция к неолокальному поселению.

Представленные выше данные дают основание для вывода о том, что ядром формирования семейной единицы была одна нуклеарная семья. К этой семье могли добавляться дети, несовершеннолетние и неженатые родственники и родственницы, а также вдовы родственницы. Племянники и пасынки, как правило, создавали самостоятельную семейную единицу по достижению совершеннолетия. Сыновья формировали самостоятельную единицу, как правило, после женитьбы. Подавляющее большинство рассматриваемых групп, объединявших несколько нуклеарных семей, не связанных прямым восходящим патрилинейным родством, состояло из семей братьев.

Стабильность

Сравнение таблиц 4, 5 и 12 показывает, что число семейных единиц фактически зависело от общей численности населения сийтов и оставалось достаточно стабильным показателем социальной структуры саами.

Идентификация людей позволяет увидеть историю развития семейных единиц. В Приложении III представлена реконструкция динамики внутреннего состава СЕ. Люди расходились и сходились, создавая новые родственные группы. Состав СЕ мог меняться полностью, частично или вообще не меняться. Вновь сформированные семейные единицы фиксировались в переписи в той же или другой веже, или вообще в другом сийте. Поскольку рассматриваемые группы базировались на патрилинейных связях, их можно рассматривать как форму организации и развития патрилиний.

Как мы уже отмечали, только П1679, П1709, П1710, П1716 и РК1719 содержат сведения обо всем мужском населении и обо всех семейных единицах. Последние четыре переписи проводились в течение всего лишь одного десятилетия, поэтому в них в основном фиксировались одни и те же люди. Тем показательнее динамика их взаимоотношений. Учет информации, содержащейся в П1679,

увеличивает интервал динамики еще на три десятилетия. Разница временных промежутков между переписями (соответственно: 30–1–5–3 лет) дает возможность наметить лишь тенденции развития патрилиний.

Динамику патрилиний, по аналогии с предложенной выше динамикой всего множества, можно разделить на два типа. Внешние (естественно-демографические) изменения состава патрилинии связаны с рождением и смертью родственников²³⁴, внутренние (структурные) – с делением и объединением СЕ.²³⁵ Анализ динамики/стабильности состава семейных единиц позволил нам выделить три основные модели развития патрилиний.

1. Все представители данной патрилинии постоянно состоят в одной и той же семейной единице, а развитие последней происходит путем увеличения. (См. Схема 2.)²³⁶
2. Патрилиния дробится, и ее члены формируют новые семейные единицы, не воссоединяясь вновь. Такое дробление чаще всего приводило к образованию новых групп. (См. Схема 3.)²³⁷
3. Патрилиния существует в форме нескольких семейных единиц, состав которых может перегруппировываться. Члены одной и той же патрилинии в этом случае каждый раз по-новому группируются между собой. (См. Схема 4.)²³⁸

²³⁴ Строго говоря, к этому типу изменений относятся появление и исчезновение людей из переписей. Это может быть связано не только с рождением и смертью, но и со скрытием от переписи или переселением за пределы сиййтов.

²³⁵ Часто бывает сложно провести грань между выходом одного человека из семейной группы или его приходом в нее, и разделением или объединением семейной группы. Поэтому, не смотря на важность этого нюанса, мы будем называть данные явления разделением и объединением семейных групп соответственно.

²³⁶ Номера патрилиний см. в: Приложение III. Схемы 2 №165; III: № 173, 179; IV №110; V № 120, 229, 234; VI № 144, 136, 137; IX № 9; VIII № 37, 34; VII № 95, X № 105, 118, 122; XI № 30; XIV №57; XX № 211; XXI – фактически все патрилинии.

²³⁷ Номера патрилиний см. в: Приложение III. Схемы: I № 157; II № 169; IV № 98, 109; V № 233; VII № 93; XII № 69; XI № 26; XIII № 226; XIV № 45; XIV № 63.

²³⁸ См. Приложение III. Схема XII патрилиния № 71.

Общая символика схем 2–4

 - отдельное домохозяйство - отдельные домохозяйства в одной веже
Номера обозначают отдельных людей и соответствуют их сквозной нумерации в нашей базе данных.

Схема 2. Динамика развития патрилии. Воспроизводство.

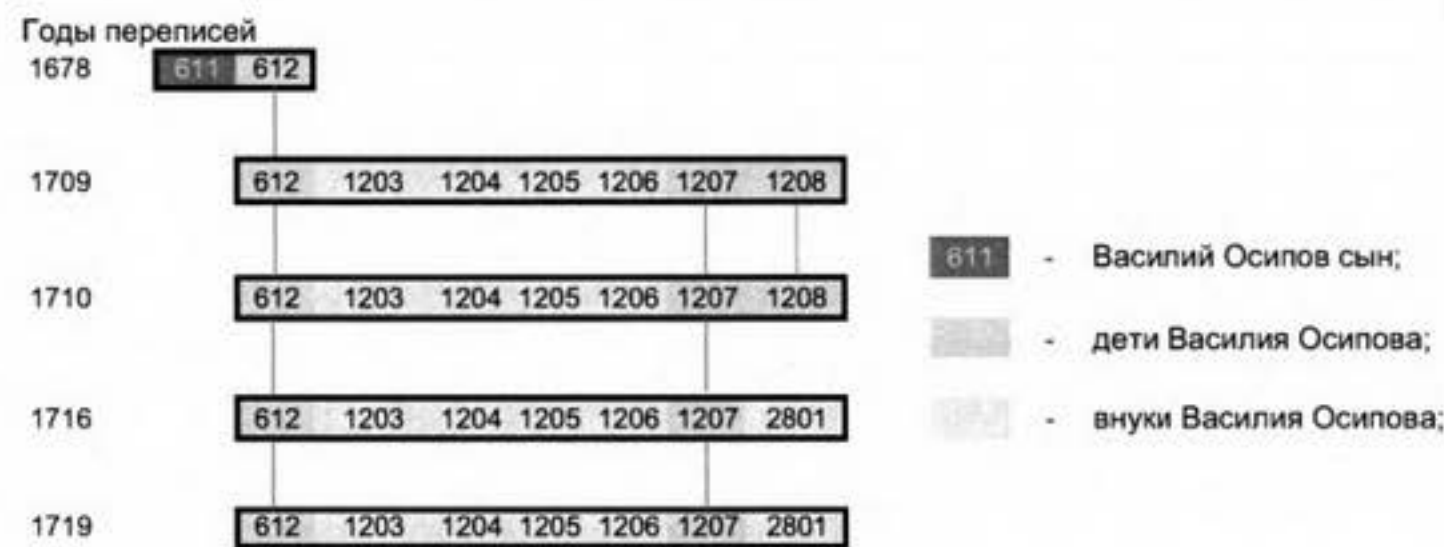

Схема 3. Динамика развития патрилии. Разделение.

Схема 4. Динамика развития патрилии. Перегруппировка.

В чистом виде эти модели встречаются не часто. Обычно наблюдается сочетание разных моделей развития патрилиний. При увеличении численности членов патрилинии в целом доминирует тенденция к разделению. Картина усложняется, когда мы принимаем во внимание степень разделения патрилиний. При разделении члены патрилинии могли формировать новые группы, но оставаться при этом жить в одной веже,²³⁹ либо разделяться вплоть до расселения в разных вежах.²⁴⁰

На процессы разделения могли оказывать влияние несколько дополнительных факторов, остающихся вне поля нашего зрения. Очевидно, что некоторые из сконструированных нами патрилиний ранее были частями одной патрилинии.

Остается неизвестной такое динамичное представление как глубина осознания родства самими людьми, то есть та степень родства, с которой люди уже переставали считать себя настолько близкими родственниками, чтобы создавать общее хозяйство.

Интерпретация результатов анализа

Попытаемся теперь интерпретировать рассматриваемое подмножество – семейную единицу. Мы видели, что часть групп этого типа состояла лишь из одного неженатого мужчины. Для таких СЕ в подавляющем большинстве была характерна стабильность, однако, в целом эти подмножества были динамичными структурами – они разделялись и воссоединялись в течение весьма короткого периода времени. Переписи не приводят никаких специальных терминов для обозначения этих подмножеств. В П1573–1576 и П1607–1611, а также в R1593 г., где перечислялись только взрослые мужчины – плательщики налогов, – очевидно, такое перечисление предполагало наличие статуса владельцев и пользователей угодий. Позже в переписях начали описываться все мужчины, включая «нищих».

Можно уверенно говорить о том, что эти подмножества представляли собой несколько вариантов одной структуры. В основном состав СЕ совпадал с составом нуклеарной семьи. В ряде случаев семейные единицы могли являть собой и расширенную семью, и сына, отделившегося сразу после наступления совершеннолетия, и

²³⁹ Например, номера патрилиний см.: Приложение III. Схемы: I №150, 153, 154; II №168; III №171, V №235.

²⁴⁰ Например, номера следующих патрилиний см.: Приложение III. Схемы: II №112, 169, 170; IV №98, 109; V №227, 233; VII №93, Ло №71, 72; XI №24; XIII №216; XIV №45.

нищего одиночку, и временно отделившуюся часть большой группы родственников. Иначе говоря, это была любая самостоятельная (на момент переписи) минимальная хозяйственная (и социальная) единица. Эта единица не вписывается в плоскую линейную классификацию родства или экономики, однако ее существование является типичным для общества охотников, собирателей и рыболовов, для которого характерны нечеткость границ «семьи» и мобильность последней.²⁴¹

Очевидно, перегруппировка состава семейных единиц была вызвана характерной для общества охотников и рыболовов перегруппировкой пользователей тех или иных общих угодий. Эта практика накладывалась на частичное или условное закрепление прав на те или иные угодья за различными патрилиниями, что добавляло аспект родства в принцип формирования СЕ. Не вызывает сомнения что, сказывались и другие, оставшиеся вне поля зрения переписчиков, отношения.

Разумеется, несовершеннолетние члены семейных единиц находились на иждивении глав, но выделение их в самостоятельную группу почти всегда происходило одновременно с достижением ими совершеннолетия и соответственно переходом в иную статусно-возрастную группу. Сыновья выделялись из отцовских СЕ в основном после женитьбы, а пасынки – после достижения совершеннолетия. Т.е. налицо явное стремление молодых к неолокальному поселению. Для нас неизвестным остается вопрос о матрилинейных связях, дружеских отношениях и прочих факторах, влиявших на формирование СЕ.

Как следует из сказанного выше, для разных сийитов были характерны различные тенденции, определяющие размеры СЕ. Хотя эти тенденции оставались стабильными, в сийитах существовали СЕ, выделявшиеся своей величиной.

Сийиты различались по внутренней структуре подмножеств. Две трети СЕ включали только одного женатого или вдового мужчину, то есть в основе своей структуры имели лишь одну нуклеарную семью. Более четверти СЕ включали лишь одного полноправного, неженатого мужчину.

²⁴¹ Как пишет О.Ю. Артемова, «Отказавшись от привычного «группового ракурса», мы можем куда лучше понять основные принципы социального взаимодействия и общежития охотников и собирателей. «Подвижность», мобильность индивидов и нуклеарных семей, текучесть и изменчивость состава резидентных групп как раз и были залогом коллективизма, взаимной поддержки, сплоченности охотников и собирателей в широких социальных сферах». (Артемова 2004: 217).

Около половины СЕ состояли из родственников исключительно по прямой восходящей и нисходящей линии. Незначительное число СЕ включали членов, не состоявших в патрилинейном родстве с главой – зятя, шурина, нищего. Более половины семейных единиц являлись двухпоколенными и включали, как правило, родителей и несовершеннолетних или неженатых детей.

Выводы

1. В обществе саами преобладала тенденция к неолокальному поселению, которое сочеталось с патрилокальным.
2. Большинство семейных единиц по своему составу совпадали с нуклеарной семьей.
3. Семейные единицы являлись не просто группами ближайших родственников, а минимальными социально-хозяйственными единицами, которые могли быть временными.

5 ВЕЖА

Введение

Термин «вежа» в русском языке обозначал временное жилище.²⁴² В конце XIX – начале XX в. зимнем жилищем саами было строение в основе своей имевшее сруб (*пыррт*). Вежою называлась каркасная постройка, которая могла быть крыта корою или дерном и использовалась как временное осенне-весеннее жилище. На языке саами такая постройка называлась *куэ́т*, *куэ́ть*, *куэ́д*, *куэ́дь*. (Лукьянченко 1966: 5) Авторы XVIII в., И. Георги и Н.Я. Озерецковский (Георги 1776; Озерецковский 1804), давая описание такого жилища, относили его к зимней постройке и называли «шалашом». Таким образом, в

²⁴² «ВЕЖА, вежа ж. стар. намет, шатер, палатка; кочевой шалаш, юрта, кибитка; башня, батура, каланча; это значение осталось в зап. губ. | арх. шалаш, будка, сторожка, балаган, лопарский шалаш, сахарной головою, сложенный остроконечно из жердей и покрытый хворостом, мохом и дерном, чем и отличается от крытых шкурами или берестою чума и юрты; он одевается пластами дерна» (Даль 1 1990)

рассматриваемое нами время, судя по всему, вежа и была основным стационарным жилищем саами. Зимние поселения состояли из нескольких подобных жилищ.

Во всех переписях, информация которых организована по писцовому принципу, использовался еще один термин социальной организации саами – «вежа». Под «вежей» в этих источниках подразумевалась группа жителей погоста, поэтому информация о том или ином человеке в переписях содержала фразу: «в веже...» или «в веже живет (живут)...». Эта формула аналогична формуле «во дворе...» или «в избе...», использовавшейся при описании русских поселений или «в чуме...» для описания народов Сибири. В данном контексте «вежа» для нас – это не просто жилище, а способ группировки людей. Рассмотрим эту группировку, как еще одну разновидность подмножеств.

Модель

Статистическая характеристика

В Таблице 12 приведена динамика количества веж. В ней мы видим общую тенденцию сокращения количества этих социальных единиц. Особенно резкий спад числа веж произошел между 1679 и 1709 годами. Напомним, что большое влияние на соотношение численности населения и количества веж оказывала налоговая политика 1679–1718 гг., рассматривавшая двор/вежу как податную единицу. На сокращение числа веж в ряде погостов повлияла эпидемия, вспыхнувшая в конце XVII в. Тем не менее, как видно из той же таблицы, в некоторых сийтах сокращение числа веж происходило и до налоговой реформы.

Таблица 12. Количество веж в сийтах

Таблица 12. Количество веж в сиййтах

Сиййты	Годы переписей						
	1574	1608	1679	1709	1710	1716	1719
Нявдемский		3	5	4	4	3	3
Пазрецкий		3	5	5	5	5	4
Печенгский		7	5	5	5	4	3
Мотовский		6	4	4	4	4	4
Соньяльский	8	6	7	6	6	6	6
Нотозерский	19	10	9	8	7	6	7
Масельгский		7	6	5	6	5	3
Йокостровский		6	6	5	5	5	4
Бабенский		7	8	5	5	4	3
Муномашский/Кильдинский		15	5	5	5	4	4
Вороненский		6	7	5	5	5	5
Ловозерский		8	8	8	7	5	4
Норецкий/Семиостровский	19	16	12	7		5	5
Колданский		2					
Чуроозеро		1					
Йоканьгский			10	5		5	5
Пурнацкий			9	1		2	1
Лундалский			6	1		3	3
Тулванский			9			5	5
Каменский			8	2		5	5
Терские саами всего		39	42	9		20	19
Пяозерский		5	5	3	3	3	3
Орезерский		4	4	2	2	2	2
Тикшеозеро				2	2		5
Рува		1					
Ковдоозеро		1					

О плотности населения веж можно судить по данным, приведенным в указанной таблице. В колонке 1 приведено среднее количество взрослых мужчин в вежах, а в колонке 2 – среднее количество семейных единиц в вежах. Из таблицы видно, что как число мужчин, так и число СЕ в вежах росло, и рост численности населения, сопро-

вождавшийся сокращением числа веж, приводил к росту плотности населения в вежах. Среднее количество взрослых мужчин в веже за 40 лет такой налоговой политики увеличилось с 2,9 человек до 4,63 человек, т.е. стало больше, чем в полтора раза.

Плотность населения веж в разных сийтах была различной. Эти различия коррелируют с аналогичными различиями размеров семейных единиц. Таблица 13 показывает, что рост числа мужчин в вежах опережал рост числа СЕ. Это говорит о том, что на формирование состава этих двух типов подмножеств влияли различные факторы.

Динамика состава веж

Идентификация людей и реконструкция динамики семейных единиц, позволяет проследить развитие веж как подмножеств. В основу анализа стабильности (преемственности) состава веж в рамках сийта мы положили не столько персональный состав, сколько комбинацию патрилиний и семейных единиц, формировавших вежу. Обратимся еще раз к Приложению III, в котором можно увидеть динамику внутреннего состава веж. В схемах этого приложения отображены все мужчины, зафиксированные в П1679, П1709, П1710, П1716 и Р1719. В соответствии с переписями, они объединены в СЕ и вежи. В соответствии с реконструкцией патрилиний, представители каждой патрилинии в рамках сийта окрашены в свой цвет.

С первого же взгляда видно, что состав веж в большинстве сийтов не был стабильным и постоянно менялся. Сравнение состава веж, зарегистрированных в П1709 и П1710, показывает, что он менялся даже в течение одного года. За тридцатилетний период – с 1679 по 1709 г. – почти нигде не наблюдается полная преемственность веж. Учитывая это, сосредоточим свое внимание на динамике за период 1709 – 1719 гг.

Условно разделим стабильность состава веж в сийтах на четыре типа:

1. Между коллективами веж разных переписей наблюдается преемственность, то есть состав веж остается стабильным.
2. Преемственность между коллективами веж можно признать с оговорками, то есть состав веж можно считать частично стабильным.²⁴³

²⁴³ В частности это связано с тем, почти повсеместно есть отдельные люди или их группы, которые нарушают общую стабильность состава, переселяясь из вежи в

3. В пределах сиййта наблюдается преемственность (полная или с оговорками) коллектива только одной (или нескольких) веж на протяжении любого отрезка исследуемого периода, что позволяет говорить о частичной стабильности отдельных веж сиййта.
4. Никакой преемственности в составе коллектива веж не наблюдается, то есть мы имеем дело с полной внутренней нестабильностью этих подмножеств.

По результатам анализа схем была составлена Таблица 13.

Можно предположить, что в обществе саами существовали иные факторы, влиявшие на формирование устойчивого состава населения веж. Такими могли быть матрилинейное родство, тесные экономические или религиозные связи. В этом случае мы имели бы дело с устойчивыми сочетаниями различных «членов» веж или семейных единиц.

Из этой таблицы видно, что динамика веж различалась в разных сиййтах. Однако, в это время в целом явно преобладало отсутствие преемственности состава веж. Нестабильность состава жителей вежи была значительной – вплоть до того, что иногда он менялся ежегодно. Из Таблицы 14 видно, что патрилинии не формировали состав веж.

сиййта («нищие», «работники» и т.д.). Для упрощения общей схемы мы решили не принимать их во внимание.

Таблица 13. Среднее количество семейных единиц и взрослых мужчин в вежах в 1574 – 1719 гг.

Сийиты	Годы переписей																				
	1574			1608			1679			1709			1710			1716			1719		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Нявдемский				3	2	4,33	5	2	3,2	4	2,5	5	4	3	5	3	3,33	4,33	3	4,33	6
Пазрецкий				3	2,33	2,67	5	1,2	3,4	5	2,8	5,2	5	2,8	7	5	3,4	7,6	4	6,25	8
Печенгский				7	1,43	3	5	2,2	4,4	5	3,8	7	5	3,6	6	4	4,5	7,25	3	4	6,67
Мотовский				6	2,83	3,83	4	2,75	4,25	4	2,5	5,5	4	3,5	5,5	4	2,5	5,75	4	2,75	6
Соньяльский	8		2,63	6	2,17	4,5	7	2	4,43	6	3,67	6,5	6	4	7,33	6	3,5	6,5	6	3,33	6,33
Нотозерский	19		1,47	10	1,8	3,4	9	2	2,89	8	2,63	4	7	3,29	5,14	6	3,83	6,5	7	2,86	5,43
Масельгский				7	1,43	1,86	6	1,17	2,33	5	1,6	3,2	6	2	3,17	5	2,2	3,8	3	2,67	5,67
Йокостровский				6	1	1,67	6	1,83	3,83	5	2,2	3,4	5	2	3,4	5	2	3,6	4	2,25	4,5
Бабенский				7	2	2,29	8	2,25	3,5	5	3	5,4	5	3	5,2	4	3,25	6,5	3	4,33	10,3
Муномашский/Кильдинский				15	1,67	2,8	5	2,4	4,8	5	2,4	2,6	5	2,6	3,6	4	3,5	4,75	4	3,25	4,5
Вороненский				6	1,5	2,83	7	1,57	3	5	2	3,4	5	1,8	3	5	2,8	4,6	5	2,2	3,8
Ловозерский				8	1,5	1,88	8	1,75	3,25	8	2	2,25	7	2,86	4,14	5	2,4	6,2	4	2,25	6,5
Норецкий/Семиостровский	19	1,74	2,53	16	1,81	2,69	12	1,83	2,67	7	2,14	2,29				5	2,2	4	5	3,4	5,4
Колданский				2	1,5	2,5															
Чуроозеро				1	2	3															
Йоканьгский				11	1,82	2,36	10	1,7	3,3	5	2,6	2				5	2,4	4	5	2,8	3,6
Пурнацкий				10	1,6	2,3	9	1,67	2,44	1	3					2	1,5	1,5	1	3	3
Лундалский							6	1,33	2,5	1	3	5				3	1,33	1,67	3	1,67	2,33
Тулванский							9	1,22	2,44							5	2,2	3,2	5	2	3,2
Каменский							8	1,13	2,13	2	2,5	1,5				5	1,6	3	5	2	4
Понойский (остаток)				18	1,39	2,39	23	1,22	1,7	3	2,67	2,67				13	1,77	2,77	13	1,92	3,31
Терская лопь всего				39	1,56	2,36	42	1,43	2,6	9	2,67	2				20	1,9	2,95	19	2,21	3,37
Пяозерский				5	1,6	2,4	5	1,6	4,6	3	2	3	3	2,33	4,33	3	3,67	6,67	3	3,33	6,33
Орезерский				4	1	2,75	4	1	2,75	2	1	4	2	1	4,5	2	3	4	2	3	6,5
Тикшеозеро							2	1,5	1,5	2	1,5	1,5	2	1,5	3				5	1	1,6
Рува				1	1	2															
Ковдоозеро				1	1	2															
Итого	46	1,74	2,11	192	1,65	2,61	203	1,6	2,9	100	2,5	3,62	71	2,76	4,77	119	2,52	4,36	116	2,68	4,63

Значения колонок : 1. Количество веж; 2. Среднее количество домохозяйств в вежах; 3. Среднее количество взрослых мужчин в вежах.

Таблица 14. Число веж, состоящих из членов одной патрилинии.

Сийиты	Годы переписей																																			
	1679						1709						1710						1716						1719						Всего					
	1			2			3			1			2			3			1			2			3			1			2			3		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3						
Нявдемский	5	1	20				4			0			4			3			0			3			0			3			19	1	5,26			
Пазрецкий	5	4	80				5			0			5	1	20	5			0			4			0			4			24	5	20,83			
Печенгский	5	1	20				5			0			5			4			0			3			0			3			22	1	4,55			
Мотовский	4	1	25				4		1	25			4	1	25	4		1	25			4		1	25			4		20	5	25				
Соньяльский	7		0				6		3	50			6	1	16,67	6			0			6		1	16,67			6		31	5	16,13				
Нотозерский	9	2	22,22				8		2	25			7		0	6			0			7		1	14,29			7		37	5	13,51				
Масельгский	6	5	83,33				5		2	40			6	1	16,67	5			0			5			0			3		25	8	32				
Йокостровский	6	1	16,67				5		1	20			5	1	20	5		1	20			4			0			4		25	4	16				
Бабенский	8	1	12,5				5		1	20			5		0	4			0			3			0			3		25	2	8				
Муномашский/ Кильдинский	5		0				5			0			5		0	4			0			4		1	25			4		23	1	4,35				
Вороненский	7	2	28,57				5		1	20			5	2	40	5			0			5		2	40			5		27	7	25,93				
Ловозерский	8	2	25				8		1	12,5			7		0	5			0			4			0			4		32	3	9,38				
Семиостровский	12	4	33,33				7		2	28,57			-	-	-	5		3	60			5		1	20			5		29	10	34,48				
Йоканьгский	10	3	30				5			0			-	-	-	5		2	40			5			0			5		25	5	20				
Пурнацкий	9	3	33,33				1			0			-	-	-	2		1	50			1			0			1		13	4	30,77				
Лундалский	6	5	83				1			0			-	-	-	3		2	66,67			3		1	33,33			3		13	8	61,54				
Тулванский	9	6	66,67				-		-	-			-	-	-	5		1	20			5		2	40			5		19	9	47,37				
Каменский	8	7	87,5				2			0			-	-	-	5		3	60			5		2	40			5		20	12	60				
Пяозерский	5	3	60				3			0			3	1	33,33	3			0			3			0			3		17	4	23,53				
Орезерский	4	4	100				2		2	100			2	2	100	2			0			2			0			2		12	8	66,67				
Тикшеозеро	-	-	-				2		1	50			2	1	50	-		-	-			5		5	100			5		9	7	77,78				
ИТОГО	96	55	57,29	79	17	21,52	71	11	15,49	66	14	21,21	65	17	26,15	377	114	30,24																		

Значения колонок:

1 – общее число веж; 2 – в том числе веж, состоящих из членов одной патрилинии; 3 - % веж состоящих из членов одной патрилинии от общего числ веж. «-» - данные отсутствуют.

Интерпретация результатов анализа

На наш взгляд, на устойчивость состава веж влияли такие факторы, как тип хозяйства, тип поселения и тип отношений собственности в обществе саами. Так, ежегодное перераспределение состава веж было связано с перераспределением или полным отсутствием жестко закрепленных за людьми угодий. Это приводило к разновременному появлению охотников и рыбаков в зимнем поселении.

Основой хозяйства большинства сийитов Терских саами было не рыболовство, а охота. С другой стороны, как отмечалось, в этих сийитах имела место и тенденция к неолокальности. В совокупности это говорит о том, что вежи были небольшими и характеризовались лишь частичной стабильностью.

Закрепление за отдельными семьями угодий и складывание имущественного неравенства создавало условия для появления отдельных стабильных веж на фоне общей нестабильности их состава. Эта картина наблюдается в наиболее крупных сийитах.

Дополнительным элементом частичной стабильности было складывание стабильных групп веж. В этом можно видеть либо проекцию существующего разделения сийита, либо предпосылки к такому разделению. Примером может служить положение в Соньяльском сийите.

В то же время, сезонные кочевки саами северо-запада Кольского уезда были связаны с летним морским промыслом. Не исключено, что стабильность их веж была также обусловлена тем, что раньше эти сийиты-«погосты» делились на несколько более мелких групп, а также тем, что они осуществляли свои сезонные кочевки полным составом сийита.

Налоговая политика русского правительства, проводимая в 1679–1718 гг., приводила к сокращению числа веж в сийитах. Для защиты от налогов русское население шло по пути увеличения размеров семей и домохозяйств, что сдерживало стремление молодых семей к отделению – образованию неолокального поселения. В большинстве сийитов укрупнение вежи шло не по линии увеличения размера семейных единиц, а по линии увеличения их числа в веже, независимо от степени родства разных семейных единиц. Можно с уверенностью говорить о том, что эта политика повлияла на снижение роли вежи как социального института, и, следовательно, на усиление роли податного коллектива в целом.

Выводы

1. Состав вежи не формировался по патрилинейному принципу. В него входили семейные единицы, созданные представителями различных патрилиний.
2. В большинстве сийитов вежа не являлась стабильной социальной единицей.
3. В результате налоговой реформы 1678–79 г. вежа была приравнена к русскому двору и превратилась в объект налогообложения. Это привело к тому, что социальная значимость коллектива вежи снизилась еще больше.

6 ИТОГИ

Рассмотрим черты социальной структуры саами рассматриваемого времени, полученные в результате нашего моделирования. К рассматриваемому времени в обществе саами сложилась устойчивая система сийитов. Она включала в себя одновременно как определенные коллективы, так и ареалы, в свою очередь, включавшие комплекс угодий и духовно значимые объекты. Эта система в общем виде сохранилась до начала XX в. Право на пользование угодьями определялось через родство и транслировалось посредством десцентов.

Члены сийитов могли обладать правом пользования угодьями на территории других сийитов, переходя, и даже переселяясь туда. При этом, большинство мужчин оставались членами своего сийита. После свадьбы молодые входили в состав сийита мужа, но при этом чаще всего создавали собственную семейную единицу. Таким образом, общество саами в целом имело ярко выраженный вирилокальный характер поселения. В сийитах преобладала тенденция к неолокальному поселению в сочетании с патрилокальным.

В данной работе анализируется *сийит*. Русские источники для этого объединения саами употребляли термин «погост». В книге были представлены различные значения этого термина и предложено рассматривать данное явление как с точки зрения государственной значимости (в смысле административной и податной единицы), так и с точки зрения членов этих коллективов (в смысле объединения владельцев комплекса угодий, связанных родственным, культурным, и историческим единством). Сийиты являлись устойчивыми объединениями саами, занимавшими определенные ареалы. Эти объединения определялись наследственными правами на использо-

вание определенной территории и, стало быть, были сопряжены родственными связями. В течение XVI–XVIII вв. окончательно сформировались те объединения саами, которые сохранились до начала XX в. Большинство их прослеживается на протяжении всего исследуемого периода времени. В монографии подробно рассматривается история всех объединений саами и их названий в XVI–XVIII вв.

В русских источниках XVI – начала XVIII в. «лопские погосты» объединялись в «Кончанскую», «Терскую» и «Лешую лопь». По нашим материалам, в данный период такие объединения, упоминаемые в источниках, не имели под собой оснований. С другой стороны, ряд объединений саами включали в себя несколько сийитов-«погостов». Такими объединениями были Соньяльский и Нотозерский сийиты, Йокостровский и Бабенский сийиты, Ловозерский, Вороненский и Норецкий/Семиостровский сийиты, а также сийиты Терских саами. Кроме того, можно наблюдать и обратную ситуацию, при которой один сийит-«погост» – Мотовский сийит – являл собой объединение нескольких сийитов, которые прежде существовали обособленно. Эти явления свидетельствуют о том, что элементы социальной организации саами в рассматриваемое время не были иерархически соподчинены. Такое соподчинение сложилось позже под влиянием государственной системы сбора налогов.

Следующим типом социального института, который был проанализирован нами, являлись *патрилинии*. В большинстве исследованных переписей упоминаются только мужчины и почти всегда дается описание исключительно патрилинейных связей. Идентификация мужчин и их родственных связей фактически становится реконструкцией одного из типов подмножеств динамического множества. Такие подмножества, состоящие из зафиксированных переписями людей, объединенных родственными связями по мужской линии, никак не называются в источниках. Мы называем их *патрилиниями*. В ходе исследования нами было реконструировано 313 патрилиний. Анализ патрилиний показывает, что мужской состав сийитов был весьма стабильным.

За период 1645–1763 гг. миграции затронули не более 10 % зафиксированных переписями мужчин. Это свидетельствует о том, что для общества саами было характерным поселение молодой семьи в сийите мужа. Можно, таким образом, считать, что в целом общество имело вирилокальный характер. Патрилиния могла разделяться, и разные ее ветви, охватывавшие всего 2–3 колена, могли фиксироваться под разными фамилиями. Социальная роль патрилиний в большинстве случаев проявляется только в наследственном

праве пользования угодьями. Иной функции этих объединений нам не удалось выявить по источникам. В начале XX в. подобные объединения родственников, связанных патрилинейным или матрилинейным родством, саами Кольского уезда называли *родт*. В результате реконструкции патрилиний нами были созданы схемы, отражающие генеалогические связи всех саами Кольского уезда за период 1678–1763 гг.

Особое внимание было уделено анализу *семейных единиц*. Во всех переписях, проводившихся русским государством, вплоть до 1-й ревизии включительно, население фиксировалось по населенным пунктам, в них – по дворам, а во дворах – по жителям этих дворов. При описании саами переписи учитывали вежи, а внутри веж описывали людей, как правило, связанных родственными узами. Эти группировки были выделены нами как еще один тип подмножества общества саами. Анализ этих подмножеств проводился на основе информации о родственных связях, семейном положении и семейном статусе людей, состоящих в этих группах.

По переписи 1710 г., описывавшей все население, включая женщин, можно судить о том, что размеры одной семейной единицы могли достигать 18 человек. Почти половина людей, зафиксированных в этой переписи (49,04%), состояла в СЕ, насчитывавших от 4 до 6 человек; в среднем эти группы состояли из 5 человек.

Выявленные тенденции оставались стабильными на протяжении длительного периода времени, при этом в некоторых сийтах существовали одни и те же устойчивые семейные единицы, выделявшиеся своими размерами на общем фоне. Кроме того, сийты различались и по внутренней структуре семейных единиц.

Общий анализ переписей показывает, что в одну семейную единицу саами Кольского уезда входило до 4 женатых мужчин (т.е. семейных пар) и до 2 мужчин-вдовцов. Общее число женатых и вдовцов мужчин, состоявших в одной СЕ, достигало 5 человек. Тем не менее, 65,38% семейных единиц саами включали только одного женатого или вдового мужчину, т.е. в своей основе имели лишь одну нуклеарную семью. В них состояло 55,51% всех женатых и вдовцов мужчин. В целом в сийтах количество таких подмножеств составляло не менее половины.

Наконец, еще одним типом социальных институтов, были *вежи*. Упоминания об этих объединениях также встречаются во всех русских переписях вплоть до 1-й ревизии включительно. Налоговая реформа 1678–79 гг. сделала двор основным объектом налогообложения. С этого момента вежи саами были приравнены к русским дворам. Нами была проанализирована преемственность

состава веж. «Состав веж» подразумевает комбинацию семейных единиц. Проведенный анализ дает основание утверждать, что обществу саами в целом не была свойственна стабильность этих социальных единиц. Иными словами, в рассматриваемый период вежи не являлись значимым социальным институтом для большинства саами Кольского уезда.

Это говорит о том, что в XVI–XVIII вв. семейные единицы саами являлись одновременно естественными элементарными родственными и социальными единицами общества охотников и собирателей, обладавшими высокой социальной мобильностью. Эти черты СЕ и вежи саами рассматриваемого времени не укладываются в классификацию родственных и экономических отношений, описанных исследователями у саами по материалам конца XIX – начала XX вв.

Упомянутая реформа привела к тому, что население России стало реже основывать новые отдельные жилища. Саами реагировали на упомянутую реформу тем, что размеры веж увеличились за счет увеличения числа входящих в них семейных единиц, а не за счет стабилизации состава и роста семей, как это было у русского населения. Это говорит о том, что в исследуемый период времени роль вежи упала еще больше, а это означает возростание роли сийитов-«погостов», т.е. объединений саами, зафиксированных государствами в качестве податных коллективов.

Реконструкция социальной структуры саами XIX – начала XX в. показывает стабильность сийита, единицы общества саами. Члены одного сийита могли изредка переселяться в другой, но в целом это была уже сформировавшаяся модель общины, отдельные части которой представляли собой промысловые группы, находившиеся в иерархическом соподчинении. Анализ материала показал, что в исследуемое нами время складывались определенные условия для укрепления сийита и роста его значимости. Эти процессы и привели к складыванию ситуации, описывавшейся позднее этнографами. Не последнюю роль в этом сыграла налоговая политика государства.

Примененный в исследовании аналитический подход позволил оценить значимость социальных институтов саами и выявить их специфические черты у разных групп саами. Использованное нами моделирование помогло интерпретировать результаты, полученные в ходе анализа.

Создав модель динамического множества, мы опробовали ее на эмпирическом материале и развили, исходя из потребностей, продиктованных материалом. Мы увидели, как развиваются подмножества, а также как трансформируется множество в целом. В

результате анализа эмпирических материалов мы получили новую информацию. Это подтверждает работоспособность выработанных и использованных нами методов исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении суммируем результаты создания модели и попробуем интерпретировать полученные с ее помощью результаты.

Напомним, что в ходе исследования была построена модель социальной структуры общества, находящегося в состоянии трансформации. Для подготовки работы были выделены письменные и картографические источники, касающихся саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв., выявлены все переписи уезда, проводившиеся в течение исследуемого времени, разысканы материалы почти всех этих переписей. Для работы с этими источниками были разработаны методы обработки источников для реконструкции социальной истории.

В качестве исследования локальной истории были определены подходы и приемы для реконструкции социальной структуры через изучение персональной истории. Это дало возможность исследовать генеалогические связи всех мужчин саами Кольского уезда за период с 1678 по 1763 г. и прослежена история происхождения большинства современных фамилий кольских саами. Работа с топонимией источников позволила локализовать ареалы административных единиц, существовавших на Кольском полуострове в XVI–XVIII вв.

Эти исторические исследования позволили разработать содержательную модель, в рамках которой выделены социальные институты саами в XVI–XVIII вв. и проанализирована динамика их трансформаций.

Теперь проверим действенность и эффективность предложенных методов. Эвристичность созданной модели социальной структуры может быть проверена ее способностью отвечать на вопросы внележащие по отношению к исследованному материалу. Для этого рассмотрим результаты моделирования и предложим гипотезы для их интерпретации. При описании модели, была предложена специфическая терминология. Совокупность саами, упоминаемых в рассмотренных источниках, была названа динамическим множеством. Типы объединений в рамках этого сообщества, соответственно, назывались подмножествами.

В источниках исследуемого периода уже упоминаются такие объединения саами как *погост* (*сиййт*) и *вежа*. Почти во всех использованных нами переписях зафиксированы только мужчины, описываются почти исключительно патрилинейные родственные

связи. В результате идентификации мужчин и их родственных связей за период 1678–1763 гг. был реконструирован еще один тип подмножеств – *патрилинии*. В русских источниках 1574–1719 гг. саами перечисляются по группам, большинство из которых являются объединениями родственников. Это позволило нам выделить еще один вид подмножеств, который мы назвали *семейной единицей*. В переписях писцы группировали фиксируемых ими саами по зимним жилищам – вежам.

Мы выявили следующие динамические подмножества нашей модели – институты общества саами исследуемого времени: сиййт, патрилиния, семейная единица, вежа. Типы подмножеств были рассмотрены с точки зрения их стабильности/динамичности относительно друг друга.

Стабильность/динамичность состава рассматриваемых подмножеств – показатель их значимости для всего множества. Поэтому, общие изменения черт, характеризующих эти подмножества, можно рассматривать как трансформации общества. Каждое из четырех подмножеств было рассмотрено отдельно.

Общество саами знало разные варианты объединений, для обозначения которых использовался термин *сиййт*. Эти явления свидетельствуют о том, что элементы социальной организации саами в рассматриваемое время не были иерархически соподчинены. Такое соподчинение сложилось позже под влиянием государственной системы сбора налогов.

Ранние описания коллективов саами в русских источниках, касаются групп разных типов. В них учитываются коллективы больших и небольших сезонных поселений, промысловые группы, а также группы поселений. Их наименования чаще всего происходили от географических объектов. В разных коллективных акциях – продажи или сдачи в аренду угодий, получение кредита – проявлялись как маленькие коллективы, так их крупные объединения.

Зимние поселения были избраны государством как податные единицы. Государственная политика жестко соединила владение объектами налогообложения – угодьями с принадлежностью к податному коллективу.

Важным инструментом воздействия на такие группы была коллективная ответственность налогоплательщиков. Коллективное распоряжение доходами от аренды угодий также повышало значимость принадлежности к такому коллективу и более строго очерчивало членство в нем. Кроме того, расчет размеров части налогов и повинностей опирался на число жилищ. Таким образом,

число жилищ в ареале расселения податного коллектива стало предметом коллективного управления. Любой предмет управления повышает значимость управляющей инстанции.

После того как в 1679 г. основным объектом русской налоговой политики стал *двор*, население страны стало избегать создания новых жилищ. В результате, для русского населения значение большесемейных домохозяйств возросло. В обществе саами значение жилища как социального института наоборот снизилось. Такое изменение сопровождалось увеличением коллективной ответственности всего сиййта, а значит и повышением важности предмета коллективного управления. Это не могло не повлиять на очередное повышение значимости податного коллектива.

С введением подушной переписи и подушного налога в 1719 г. по всей стране люди фактически были прикреплены к податным коллективам. То же самое произошло и с саами. Кроме того, *погост* был уже не просто коллективом, с которого взимались налоги. На этот коллектив теперь было возложено проведение переписей своих членов. Теперь к его обязанностям добавилось и выделение для армии фактически пожизненных рекрутов. Выполнение этих функций в столь малочисленных объединениях означало очень серьезную ответственность. И ответственность эта была двойная: внутренняя – перед коллективом, и внешняя – перед администрацией. Такое резкое расширение полномочий и компетенции податного коллектива повлияло на превращение его не просто в орган контроля над его членами, но и в инстанцию, решающую судьбы людей. Это, разумеется, еще раз резко увеличило значимость *погостов*. Очевидно, что эти процессы сопровождались внутренними трансформациями и становлением системы внутреннего управления коллективом и территорией. Не исключено, что именно в это время возник такой институт как совет старейшин *соббар*, известный по этнографическим материалам начала XX в.

Мы видим, что в результате налоговой и колониальной политики, податной коллектив (*погост*) стал в течение рассматриваемого времени основной формой объединения, мобилизации и идентификации саами Кольского уезда. Общая система ареалов этих коллективов была довольно стабильна и в целом сохранилась вплоть до 1920-х гг. Принадлежность предков к тому или иному погосту и сегодня является важной чертой самосознания кольских саами.

Первоначальная социальная значимость группировок, которые стали «погостами», видимо, была различной. Можно говорить о существовании нескольких объединений таких коллективов. Эти объединения проявляли себя в различных экономических и квази-по-

литических акциях. Официальные объединения *погостов*, называвшиеся *лопъ* не имели под собой реальной социальной или культурной основы. Скорее всего, они были лишь бюрократическим проявлением колониальной политики.

В основе территориальных объединений саами были патрилинейные десцентные группы. Рассмотренные источники не дают информации о большой социальной значимости таких групп в то время. Можно лишь говорить, что таким образом происходила ретрансляция прав на пользование угодьями. Эти виды подмножеств были нами смоделированы на основе реконструкции родственных связей, упоминавшихся в исследованных нами источниках. В рассматриваемое время за этими группами начали закрепляться патронимы, переходившие из поколения в поколение. Именно тогда возникло большинство фамилий, бытующих у современных потомков саами Кольского уезда. Патронимы окружающего русского населения формировались примерно в это же время. Видимо, с этими процессами было связано заимствование из русского языка слова *родт* (рус. *род*), который у саами стал обозначать родственников по одной из линий – по отцовской, либо по материнской. К сожалению, исследованные источники почти не содержат информацию о матрилинейных связях, но они дают четкое представление о вирилокальном характере поселения.

Персональный состав сийитов был весьма стабильным. Члены сийита организовывались в самостоятельные социальные и хозяйственные единицы, которые мы предпочитаем называть семейными единицами (СЕ). Большинство таких групп были семьями, среди которых преобладали простые нуклеарные семьи. Некоторые СЕ состояли из бессемейных людей. Эти объединения иногда являлись временными группировками более широкого объединения родственников.

Состав населения *веж* – жилищ в зимних поселениях – в большинстве сийитов не был стабильным. Каждый год он складывался заново. Однако, по отношению к некоторым сийитам можно говорить о совокупной стабильности состава группы *веж*. Это свидетельствует о том, что внутри сийитов существовали отдельные устойчивые группы. Характер этих групп пока остается неясным.

Поскольку основу семейных единиц составляла нуклеарная семья или группа людей, связанных патрилинейным родством, СЕ могут быть рассмотрены как форма существования патрилинии. Стабильность этих разных подмножеств может быть оценена с учетом их взаимосвязи и взаимного влияния. Такой анализ позволяет нам выделить три модели развития патрилинии:

1. Развитие патрилинии из года в год в пределах одной семейной единицы.
2. Развитие патрилинии через разделение семейных единиц.
3. Развитие патрилинии в виде одновременного существования нескольких семейных единиц, составы которых постоянно перегруппировывались, объединяясь или разъединяясь.

Очевидно, перегруппировка семейных единиц была вызвана характерной для общества охотников и рыболовов перегруппировкой пользователей тех или иных общих угодий. Это накладывалось на частичное или условное закрепление за разными патрилиниями прав на те или иные угодья.

В различных сийтах существовали разные устойчивые тенденции к величине и стабильности семейных единиц и веж. В качестве интерпретации предложим гипотезу о взаимосвязи этих показателей с хозяйственной специализацией.

Так, у Терских саами преобладали стабильные вежи в сочетании с маленькими размерами и самих веж, и семейных единиц. Такая структура говорит о ярко выраженной охотничьей специализации. Однако, в Йоканьгском, и Каменском сийтах появились устойчивые большие семейные единицы.

Для сийтов северо-запада – Нявдемского, Пазрецкого, Печенгского, Мотовского также была характерны высокий уровень стабильности веж, но при этом СЕ были больших размеров. Очевидно, эти саами кочевали в полном составе веж, организуя коллективный промысел. По другим источникам мы можем подтвердить, что они специализировались на морском рыболовстве, которым занимались группами. Кроме того, по археологическим данным известно о существовании у них ловчих ям для охоты на диких оленей.

Соньяльский и Нотозерский сийты имели тенденцию к формированию не очень стабильных веж в сочетании с тенденцией к СЕ большого размера. Такие группировки необходимы для организации коллективного труда. По другим источникам нам известно, что эти сийты специализировались на ловле семги. Есть информация и о наличии там семей, сосредоточивших в своих руках права на большие угодья. Очевидно, что в этих выдающихся семьях мы видим зажиточных хозяев. Не исключено, что эти семьи начали заниматься стадным оленеводством.

Йокостровский, Бабенкий, Пяозерский, Орезерский и Масельгский сийты имели сравнительно нестабильный состав веж

среднего размера. Они специализировались на озерном рыболовстве и лесной охоте.

В Муномашском/Кильдинском, Вороненском и Йоканьгском сиййтах семейные единицы имели малые размеры, а состав их веж не был стабилен. Однако в этих сиййтах выделялись СЕ большего состава. По другим источникам нам известно, что члены этих сиййтов занимались сезонным озерным и морским рыболовством и охотой. Появление больших семейных единиц позволяет предположить, что в этих, в большинстве своем, охотничьих и рыболовецких сиййтах были семьи, которые начали заниматься стадным оленеводством.

Самый нестабильный состав веж отмечается в Ловозерском сиййте. Там перегруппируются не только вежи, но и семейные единицы. Обращает на себя внимание стабильность состава одной вежи, в которой проживают Юлины и Сорвановы. Остальные вежи населены многочисленными ветвями Галкиных. Ситуация позволяет говорить о том, что здесь большую роль играет широкое объединение родственников. А это, в свою очередь, позволяет сделать предположение о том, что именно в этом сиййте начало развиваться стадное оленеводство.

Информация, касающаяся внутренней структуры общества в основана на данных 1678–1719 гг. К сожалению, мы не имеем более поздних источников, которые столь же подробно освещали бы этот вопрос.

Другой немаловажной чертой нашей модели было выявление информации об общих демографических процессах, характеризовавших динамику численности населения.

Эта динамика требует отдельной интерпретации. В 1690-е гг. часть сиййтов серьезно пострадали от эпидемии. Часть же их, наоборот, переживали рост численности. Затем, в большинстве сиййтов ситуация сменилась на противоположную. В сообществах, северо-запада уезда происходил спад, а в сообществах, пострадавших от эпидемии начался подъем. Во второй трети XVIII в. значительное увеличение численности происходило в сиййтах центральной части полуострова (особенно в Каменском и Семиостровском) и в западной и юго-западной части. Во втором случае рост численного состава сиййтов (особенно Бабенский, Пяозерский и Тикшеозеро) стал происходить в связи с появлением в сиййтах новых людей с запада и юга. А вот в резкий подъем численности в центральной части был связан не только с возвращением людей, которые разбежались после эпидемии. Во второй трети XVIII в. во всех сиййтах уезда прекратился демографический спад. При этом подъем продолжался в центральной части Кольского полуострова. То, что происходило в

Каменском и Семиостровском сиййтах фактически явилось демографическим взрывом.

Подобные процессы должны быть обеспечены определенной демографической моделью, предполагающей высокую рождаемость и низкую смертность. Низкая детская смертность должна быть обеспечена известными гарантиями, – лучший рацион, природно-климатические условия, медицинское обслуживание, и т.д. Высокая рождаемость должна быть подкреплена какой-то мотивацией. Более того, изменение демографической модели должно повлиять на социальную структуру. Это происходило на фоне того, что некоторые соседние сиййты (например, Лунданский, Пурнацкий) так и не восстановились после эпидемии. Для таких демографических трансформаций недостаточно только изменения климата или прирост популяции дикого оленя. Остается предположить, что представители этих двух сиййтов перешли к какой-то технологии, которую не освоили соседи. Самой простой гипотезой, которую можно предложить, является переход этих двух сиййтов к стадному оленеводству.

Это – самая востребованная сегодня гипотеза. Однако, можно выдвинуть и другие. Например, улучшение охоты именно у этих сиййтов могло произойти из-за смены маршрута миграции оленя, а мотивом увеличения рождаемости была реакция на сравнительно недавнюю демографическую трагедию. Кроме того, в каждом из этих сиййтов могли быть собственные специфические стимулы демографического взрыва. К сожалению, в этот момент общество уже не описывалось так подробно нашими источниками. При соединении анализа структуры и анализа демографии, мы видим, что в Семиостровском, Каменском и Вороненском сиййтах в конце XVII – первой четверти XVIII вв. начали появляться отдельные стабильные крупные семейные единицы, выделявшиеся размерами на фоне всего состава сиййтов. Во второй трети XVIII в. в этих объединениях происходил резкий рост населения. Тем не менее, соединение результатов анализа структуры общества саами и демографических колебаний, к сожалению, пока не дают однозначных ответов. Возможно, дальнейшее пополнение нашей модели новой информацией и новые аналитические приемы позволят выдвинуть и проверить новые гипотезы.

Мы проанализировали эмпирический материал и на основе полученных результатов создали модель социальной структуры саами Кольского уезда XVI–XVIII вв. Модель позволяет отвечать на вопросы вележащие по отношению к историческим материалам на которых она основана. Предложенная методика оказалась пригодна

для того, чтобы построить гипотетические интерпретации результатов моделирования. Итак, мы видим, что эвристичность созданной модели подтвердилась. Следовательно, можно говорить о том, что поставленная перед исследованием цель достигнута.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Текстовые документы

Опубликованные материалы

АСМ 1 = Акты Соловецкого монастыря. Т. I. М., 1988.

АСМ 2 = Акты Соловецкого монастыря. Т. II. М., 1990.

АИ 2 = Акты Исторические. Т. II. СПб., 1838–1846.

АИ 3 = Акты Исторические. Т. III. СПб., 1838–1846.

АИ 4 = Акты Исторические. Т. IV. СПб., 1838–1846.

Амвросий 1816 = Амвросий. История российской иерархии. Т.V.
Киев, 1816

Грамоты 1949 = Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.

ГСКП 1 = Географический словарь Кольского полуострова. Т. I. М.,
Л., 1939.

ГСКП 2 = Географический словарь Кольского полуострова. Т. II.
Мурманск, 1941.

ДАИ 7 = Дополнение к Актам историческим. Т. VII. СПб., 1873.

ДАИ 8 = Дополнение к Актам историческим. Т. VIII. СПб., 1876.

ДАИ 11 = Дополнение к Актам историческим. Т. XI. СПб., 1889.

Ефименко 1878 = Ефименко А.Я. Юридический быт лопарей,
самоедов и зырян. Приложения I–VIII// Записки Имп. РГО. Т.
VIII. СПб., 1878.

Жуков 2004 = Жуков А.Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация
источников и комментариев). // Антропологический форум. №1.
СПб., 2004.

Карелия 1948 = Карелия в XVII в. Петрозаводск, 1948.

Кучинский 1998 = Кучинский М.Г. Миссия Алексея Симонова. //
Этнографическое обозрение. 1998. №6.

МИК = Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск. 1941.

Попов 1915 = Попов Ан. К истории терских лопарей (две жалованные грамоты 1585 и 1605 гг. о сборе дани). // Вестник Архангельского общества изучения Русского Севера № 8. 1915.

ПСРЛ 1 = Лаврентьевская летопись. // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1926–1928.

ПСРЛ 3 = Новгородская первая летопись младшего извода. // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 1950.

СГКЭ 1 = Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. I. М., 1921.

СГКЭ 2 = Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. II. М., 1929.

СМИКП = Сборник материалов по истории Кольского полуострова. М.–Л., 1930

Ушаков 1997 = Ушаков И.Ф. Хрестоматия по истории Кольского севера. Мурманск. 1997.

Харузин 1890 = Харузин Н.Н. Русские лопари. Приложения I, II. М., 1890

ЧОИДР 1883 = Барсов Е.В. Акты, относящиеся к лопарям и самоедам // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1883. Апрель – июнь. Кн. 2.

ЧОИДР 1887 = Об обращении лопарей в христианство священником Алексеем Симоновым // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887. Кн. 1. Смес.

Щербачев 1897 = Щербачев Ю.Н. Русские акты Копенгагенского архива // Русская историческая библиотека. Т. XVI. СПб., 1897.

Broch, Stang 1961 = Broch O., Stang C.S. Russiske artsykkene for det 17de århundre til Finnmarks og Kola halvøens historie // Avhandl. Utg. Av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo. Hist. – filos. Klasse. Ny serie. Bd. 1. Oslo, 1961.

Lilienskold 2 = Lilienskiolds speculum boreale: annet hefte // Finnmark omkring 1700: bind 2. Nordnorske samlinger. Utgift av Etnografiske museum. IV. Oslo, 1942–1943.

Lilienskold 3 = Lilienskiolds speculum boreale. II // Finnmark omkring 1700: bind 3. Nordnorske samlinger. Utgift av Etnografiske museum. VII. Oslo, 1945.

Mikkola 1941 = Mikkola J.J. Kolttylün arkisto. Helsinki, 1941.

Schnitler 1 = Schnitler P. Grenseeksaminasjonsprotokoller. 1742–1745. Vol. I. Oslo, 1929.

Schnitler 2 = Schnitler P. Grenseeksaminasjonsprotokoller. 1742–1745. Vol. II. Oslo, 1962.

Schnitler 3 = Schnitler P. Grenseeksaminasjonsprotokoller. 1742–1745. Vol. III. Oslo, 1985.

Архивные материалы

(Сохранены архивные названия, орфография и пунктуация.)

Архив СПб Института истории РАН

Фонд 5. Антониево-Сийский монастырь

Опись 1

Дело 557. Опросные речи старцов Антониева-Сийского монастыря Ильи и Николаевского Корельского монастыря Германа об угодьях по р. Варзуге до морского устья и от Оленицы до Пялицы.

Дело 714. Выписка из писцовых и старой сотной книг о крестьянских, монастырских и церковных владениях в Варзугской волости.

Дело 836. Сотная грамота из писцовых книг кн. Василия Звенигородского 7095 г., выданная монастырю на его вотчины в Двинском у. Подлинник и современный список.

Фонд 10. Архангелогородская губернская канцелярия

Опись 3

Дело 20. Переписная книга стольника и воеводы Афанасья Матюшкина в Кольском остроге и уезде дворов и всех чинов людей.

- Дело 21. Переписная книга стольника и воеводы Матюшкина в Кольском остроге и в уезде дворов и всех чинов людей.
- Дело 27. Переписная книга Двинского уезда состоящих в волостях и погостах и в деревнях духовного и светского чина людей и их жен и детей мужеска и женска полу (без конца).
- Дело 52. Книга подлинная Галицкой таможи бурмистра Якова Такашева с товарищи таможенных пошлин Понойских и Мурманских казенных рыбных сборов промышленника Семена Банева.
- Дело 71. Список с книги Кольского острогу таможенного десятинного и пошлинного збору (без конца).
- Дело 126. Росписной список Кольского острога сколько во оном было каких зборов и что в высылке и за тем в доимке денег и провианта.
- Дело 127. Выметка из книг Кольского острога збору таможенных пошлин и за питейную продажу и разных доходов денежной казны.
- Дело 301. Приходная книга Кольского острога при стольнике и воеводе Митюшкине (без конца).
- Дело 333. Переписная книга в Кольском остроге и в уезде оногo церквам и монастырям и в них святым иконам и протчему.
- Дело 360. Восемь списков, присланных Кольского острога от коменданта Матюшкина, о присылке разных зборов денежной казны.
- Дело 362. Приходная книга Кольского острога с посаду и с уезду всяким зборам.
- Дело 522. Книга Кольского острога прихода денежной казны.
- Дело 639. Записная книга зборщиков посланного Кольского полку урядника Ивана Аникина збору ево с Кольского уезда.
- Дело 657. Зборная книга с Кольских лопарей в Санкт-Петербург вместо подвод по числу с каждой души денег (без конца)

Фонд 47. Коллекция двинских актов

Опись 2

- Дело 182. Грамота царя Алексея Михайловича на Двину воеводе Федору Васильевичу Бутурлину и дьяку Ивану Селевицыну о

запрещении монастырям, церквам и беломесцам всяких чинов людям покупать, принимать в заклад или вкладом тяглые и торговые промыслы.

Дело 321. Отписка Кольского острога церкви Воскресения священника Алексея Симонова архиепископу холмогорскому и важскому Афонасию о том, что прихожане церкви Воскресения Христова выбрали в 1687 г. апреля 21 в дьяконы колянина посадского Ивана Петрова и его вместе с выбором послали в Холмогоры в архиерейский дом в Судный приказ к судье иеромонаху Авраамию.

Дело 331. Челобитная Кольского острога церковных приказчиков Савки Иванова, Савки Перфильева земских старост Федотки Максимова сына Турильцова, всех посадских людей, стрелецких пятидесятников Савки Максимова с товарищи и всех "рядовых" стрельцов архиепископу Холмогорскому и Важскому Афонасию о поставлении в священники церкви Воскресения Христова в Кольском остроге, выбранного ими Турчасовца Ивана Антонова сына вместо вдового и больного священника Алексея.

Дело 357. Дело Холмогорского архиерейского дома по челобитной из Кольского острога Борисоглебской церкви священника Симеона о состоянии Печенского монастыря: количестве и составе монахов, их возрасте и поведении, о вкладах, о церковном строении, промыслах и сношениях с иноземцами. Начало и конец утеряны.

Фонд 110. Поуездная коллекция

Опись 1

Дело 126. Кольский Печенский монастырь.

Фонд 115. Коллекция рукописных книг

Опись 1

Дело 20. О приписке Кандалашского монастыря со всеми угодьями к Соловецкому монастырю "по скудости содержания".

Дело 371. Писцовая книга Великого Новгорода 1582 г. Список.

Дело 900. Книга вкладная Кандалакшского Рождества Богородицы монастыря.

Фонд 247. Акты Понойской церкви

Опись 1

- Дело 5. Росписка дьяка Карпа Андреева крестьянам Понойской волости Конону Гоголеву с товарищами в получении в казну Холмогорского архиерейского дома дани и других сборов с Успенской церкви.
- Дело 33. Память игумена Кольского Павла Понойской волости священнику Филиппу Андрианову с разрешением брака между Варзужской волости крестьянином Анкудином Коневых и вдовой Пялицкой полости Марфой Сурядовых.
- Дело 216. "Ордер" Понойского села священника Луки Филипова пяти лопских погостов сотскому Антону Денисову с мирскими людьми об обязательной исповеди всех прихожан.
- Дело 220. Указ Кольской воеводской канцелярии священнику села Поной Луке Филиппову и выборным старостам с мирскими людьми об учинении "повального обыска" о Терских лопарях Алексее Куроптеве и Егоре Друженкове по обвинению их в волшебстве.
- Дело 229. Жалованная грамота Крестному и Воскресенскому монастырям на погост Поной и на рыбные ловли в реке Поное, лахте и Еконге в Кольском уезде. Список.
- Дело 230. Жалованная грамота Крестному и Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырям по прошению патриарха Никона на владение оброчным погостом Поной лахтой и Еконгой с рыбными ловлями и с освобождением их от платежа пошлин, оброка и десятого сбора в государственную казну. Подтверждение Императором Петром II. 19.03.1729 Копия XVIII в.
- Дело 231. Послушная грамота патриарха Никона игумену и братии Печенского монастыря, приписанного по грамоте государя 1658 г. марта 8 к Крестному монастырю. Обломки вислой красновосковой печати.
- Дело 237. Указ Архангелогородской духовной консистории в Кольское духовное правление, запрещающий постройку и восстановление часовен.

Российский государственный архив древних актов

Фонд 53. Сношения России с Данией

Опись 1

Связка 3

19.11.1614–27.02.1619.

Дело 2. Переписка Колского острога воеводы с Варгавским дацкого короля державцом Клаусом Гагелистом о чинимом россиянами и датчанами зборе пошлин с крещеных и некрещеных Лопарей. Тут же и опись лопским погостам.

Связка 4

02.09.1619 – январь 1624.

Дело 3. Дело о приуготовлении к обороне в Приморских городах и острогах Белого моря противу датчан, грозивших войною за Лопарские (Лопландии) земли, в Российском владении находящиеся.

Связка 5

14.01.1621.

Дело 1. Отписка Кольского воеводы о приезде дацкого державца Сефрини для збора в Терской лопи (Лапландии) дани – Тут же по сему делу выписка.

20.01.1633.

Дело 2. Дело о приезде к Колскому острогу от Дацкого варгавского державца данщика Ивана Николаева для збору дани с терских лопарей против мирного договора и воспрещении ему в оном зборе.

Опись 2

Дело 6. 1622, 27.04. Грамота к царю Михаилу Федоровичу от Дацкого короля Христиана IV ответная касательно учреждения границ между Норвегиею и Россиею и посылании туда обоюдных комиссаров.

Дело 7. Грамота к царю Михаилу Федоровичу от Дацкого короля Христиана IV с гонцом Лупандиным присланная, ...он комиссаров своих за рубеж не пошлет, если границы токмо между Норвегиею и Россиею, а не между Варгусом и Малмусом постановлены будут.

Опись 3

Дело 3. Список с договорной между царем Иоанном Васильевичем и королем Фридериком II грамоты, заключенной в Москве в 1578 г....о разводе в Норвегии рубежа по старине...

Дело 43. Договор между Россией и Данией о мире и дружбе.

Фонд 137. Боярские и городовые книги

Опись 1

Дело 1. Лл. 1–10. Росписной воеводской список Кольского острога.

Дело 2. Лл. 11–30. Именные списки посадских людей, пушкарей и стрельцов Кольского острога

Дело 3а. Книга сбора данных и оброчных денег с Архангельска, Холмогор и Двинского уезда.

Дело 4. Сметный список и окладная роспись денежных доходов и расходов Кольского острога и Кольского уезда.

Опись 2

Дело 28. Записные приходные книги Новгородской четверти.

Дело 114. Кольского острога соборного священника Алексея Симонова тетради с отчетом о поездке его по государеву указу по лопским погостам для уничтожения у лопарей язычества и возсоединения их к православной церкви.

Опись 3

Дело 60. Книга сбора оброчных денег с рыбных ловель крестьян Двинского у.

Дело 207. Окладная книга сбора стрелецких денег с крестьянских и бобыльских дворов г. Олонца, Заонежских и Лопских погостов. Начало и конец утрачены.

Дело 270. Оброчная приходная книга Двинского уезда. Без начала и конца.

Фонд 159. Приказные дела новой разборки

Опись 2

Дело 39. Оброчная книга Двины. Отрывок.

Опись 3

- Дело 49. Записная тетрадь дел (Каргополя, Кайгородка, Еренского городка, Кевролы и Мезени, Кольского и Пустозерского острогов) повытья Александра Ивановича Феофанова.
- Дело 52. Оброчная книга Двинского у. Отрывок.
- Дело 58. Оброчная книга Кольского и Пустозерского острога, Кевролы, Мезени и Яренского у. 1673–1696.
- Дело 69. Приходная книга оброчных, полоняничных, ямских, банных, перевозных, мостовых и стрелецких денег с городов, подведомственных Новгородскому приказу.
- Дело 72. Книга сбора оброчных денег с гг. Каргополя, Кевролы, Мезени, Яренска, Кольского и Пустозерского острогов.
- Дело 92. Лл. 6–16. Дело о пьянстве и игре зернью кольских стрельцов.
- Дело 92. Лл. 31–36. Дело о починке Кольского острога.
- Дело 289. Столбец о смене воевод за период 1671 марта – 1677гг. апреля по городам: Кольскому острогу, Кевроли и Мезени, Кайгородку и Пустозерску.
- Дело 333. Грамота кольскому воеводе Алексею Тимофеевичу Нащокину об освобождении лопарей Семиостровского погоста Кольского у. от несения мирских служб в Кольском остроге. Без конца.
- Дело 335. Грамота кольскому воеводе Алексею Тимофеевичу Нащокину о взаимных расчетах в ямской гоньбе крестьян Керетской и Ковдской волостей Кольского у. Без конца.
- Дело 415. Спорное дело строителя Соловецкого монастыря Иринарха с крестьянами Ковдинской вол. Кольского у. о взаимных расчетах в ямской гоньбе.
- Дело 416. Лл. 150–199. Жалованная грамота Печенскому монастырю.
- Дело 416. Лл. 1–149, 200–216. Спорное дело властей Печенского монастыря Кольского у. с лопарями о рыбных ловлях по р. Туломе.
- Дело 446. Лл. 12–17. Отписка кольского воеводы Алексея Нащокина о сборе данных, оброчных, головных денег и мягкой рухляди с Муномашских и Терских лопарей.
- Дело 446. Лл. 23–28. Дело о приеме дел кольским воеводой Алексеем Нащокиным от воеводы Степана Непеицына.

- Дело 446. Лл. 51–58. Дело по челобитной строителя Троице-Печенского монастыря о препятствиях, чинимых им воеводой и посадскими людьми Кольского острога при ловле рыбы в р. Туломе.
- Дело 560. Лл. 134–144. Дело о запрещении кречатым помытчикам гг. Архангельска и Холмогор грабить и притеснять понойских и еконских лопарей и привлечении к ответственности за их притеснения Матвея Грудцина и покрутчиков.
- Дело 560. Лл. 159–164. Дело о сборе с населения Кольского у. Денежных сборов за 1676 г и доимки за прошлые годы.
- Дело 573. Лл. 118–126. Дело о сборе окладных и неокладных налогов с посадских людей, уездных крестьян и монастырей Кольского у.
- Дело 615. Лл. 1–8. Дело о счете в приказе сборщика данных и оброчных денег с Терских лопарей пушкаря Кольского острога Якова Фролова.
- Дело 722. Грамота Кольскому воеводе... о сборе доходов с населения Кольского у. За 1676–1677 гг. Без начала.
- Дело 738. Лл. 22–25. Дело о наказании крестьян Лопских погостов Олонецкого уезда Ивана Иванова с товарищами за неподчинение указу выбранным в том же уезде для сбора таможенных денег Григорию Игумнову с товарищами.
- Дело 740. Лл. 44–59. Спорное дело саами Енозерской и Еконской волостей Кольского у. о владении землей.
- Дело 740. Лл. 113–114. Грамота кольскому воеводе Л.Б.Секирину о взыскании недостающих по окладу положенных денег с терских лопарей с пушкаря Якова Фролова.
- Дело 740. Лл. 124–125. Грамота Кольскому воеводе Л.Б.Секирину о взыскании с таможенных и кабацких голов и целовальников денег, недобранных ими на кружечных дворах уезда.
- Дело 740. Лл. 133–136. Дело о запрещении продажи в Кольском остроге бобров до сбора дани.
- Дело 740. Лл. 146–147. Грамота кольскому воеводе Л.Б.Секирину сборе ясака с лопарей.
- Дело 746. Лл. 28–31. Память в Приказ Новые чети с подтверждением прав Нотозерских и Соньельских лопарей на владение лопскими угодьями в Кольском у. и отказе на владение ими Печенскому монастырю.

- Дело 750. Лл. 1–9. Судное дело крестьян лопского Паданского погоста Олонецкого у. Власа Тарасова с братьями и Богданом Савельевым о владении деревенским участком в Листегубской вол.
- Дело 904. Лл. 74–79. Дело о незаконной продаже старцами Кандалажского Рождественского монастыря хлеба шведским подданным лешелопским лопарям.
- Дело 904. Лл. 81–89. Дело о взыскании задолженности по сбору "напойных" денег за 1639–1640 гг. с кабацкого головы Кольского острога Ивана Малахова и сбора дани и поголовной пошлины с Терских и Семиостровских лопарей Кольского у. за 1640–1642 гг.
- Дело 904. Лл. 125–131. Дело об исправлении сметного списка Кольского у. 1675–1676 гг. Без начала и середины.
- Дело 906. Лл. 155–167. Грамота кольскому воеводе Л.Б.Секирину о сборе десятой и пятнадцатой денги с населения Кольского у.
- Дело 908. Лл. 29–43. Дело о сборе окладных и оброчных денег с посадских людей и крестьян и дани с лопарей Кольского острога и уезда.
- Дело 908. Лл. 154–176. Дело по доносу крестьян Ребольского погоста Корельской вол. Кольского острога Сидора Певшева с товарищами на крестьянина того же погоста Федора Фокина о "неистовых воровских" его речах при отказе платить денежные сборы.
- Дело 910. Лл. 105–113. Дело о сборе ясака с Семиостровских лопарей и присылке его в приказ.
- Дело 1095. Лл. 1–6. Спорное дело Нотозерских и Соньельских лопарей с посадскими людьми Кольского о. о несении подводной повинности.
- Дело 1126. Лл. 1–23. Дело о доправке луковой и поголовной дани с семиостровских и воронежских лопарей Кольского у. Отрывки.
- Дело 1147. Лл. 1–12. Дело о передаче ведения таможенными и питейными сборами в Пустозерском и Кольском острогах из Приказа Большой казны в Новгородский приказ.
- Дело 1289. Лл. 1–37. Отписка кольского воеводы Василия Ивановича Эверлакова о крещении лопарей; сказка священника Алексея Симонова и посадского человека Федора Михайлова об отказе лопарей давать им подводы. Список.

- Дело 1289. Лл. 19–20. Дело по челобитной новокрещеного лопаря Степана Балахонова о выдаче жалования ему и его жене.
- Дело 1459. Отписка кольского воеводы Василия Эверлакова об обращении в православную веру иноверцев и идолопоклонников Кольского у.
- Дело 1460. Отписка кольского воеводы Василия Эверлакова о приеме дел у прежнего воеводы Петра Чирикова. Без конца.
- Дело 1461. Дело о сборе средств с населения Заонежских и Лопских погостов на ремонт обруба и городских стен Олонца.
- Дело 1466. Челобитная строителя Печенского монастыря Кольского у. Чернеца Сергея Кандалова с братиею о скреплении подписью дьяка выписи из писцовых книг на монастырские владения в Кольском остроге и в Лопских погостах.
- Дело 1513. Дело об отправке попа соборной церкви Алексея Симонова и посадского человека Федора Михайлова Сулова из Кольского острога в Лопские погосты для наблюдения за исполнением лопарями христианских обычаев.
- Дело 1581. Приходно-расходный столбец Новгородского приказа. Не полный.
- Дело 1608. Лл. 34–46. Переписка с олонецким воеводой Еремеем Заборовским о сыске беглых крестьян и бобылей Лопских и Заонежских погостов в Новгородском у.
- Дело 1624. Дело о смене кольского воеводы Василия Ивановича Эверлакова Василием Ивановичем Жемайловым
- Дело 1644. Дело о даче в вотчину Воскресенскому Истринскому монастырю рыбных ловель на Терском берегу и по рекам Кольского у.
- Дело 1734. Дело о выдаче подвод из Москвы до Кольского острога: 1) воеводе Василию Эверлакову (лл. 1–2); 2) воеводе Зоту Полозову (лл. 3–7); 3) стрельцу Ивану Антонову (л. 8).
- Дело 1803. Приходно-расходный столбец Новгородского приказа 1681–1682 гг.
- Дело 1804. Приходно-расходный столбец Новгородского приказа 1682–1683 гг.
- Дело 1805. Приходно-расходный столбец Новгородского приказа 1682–1684 гг.

- Дело 1806. Приходно-расходный столбец Новгородского приказа 1682–1693 гг.
- Дело 1816. Грамота кольскому воеводе Зоту Ивановичу Полозову о присылке стрелецких, четвертных и оброчных денег с населения Кольского у.
- Дело 1821. Лл. 26–38. Дело по челобитной строителя Воскресенского монастыря на р. Истре Сергия о подтверждении права монастыря на владение рыбными ловлями на р. Поной
- Дело 1829. Дело по Кольскому острогу и уезду: 1) о взимании казенных сборов с новоприбылых стрельцов; 2) о сборе стрелецких и оброчных денег с русского населения и дани с лопарей.
- Дело 1849. Дело о присылке в приказ Большого дворца сведений о количестве тонь, речек и других угодий, числящихся на Воскресенским Истринским монастырем.
- Дело 1865. Дело о сборе луковой и поголовной дани с лопарей и стрелецких денег с русского населения Кольского у.
- Дело 2042. Дело по челобитной игумена Антониева Сийского монастыря Феодосия о подтверждении жалованной грамоты монастырю 1620–1621 гг.
- Дело 2048. Дело о сборе стрелецких денег с населения Кольского острога.
- Дело 2058. Дело о сборе дани с лопарей Кольского и самоедов Пустозерского уу.
- Дело 2066. Дело о приеме в приказе мягкой рухляди, присланной из Кольского о.
- Дело 2071. Челобитная норенских и семиостровских лопарей Федора Яковлева с товарищами о не привлечении их к несению мирских служб.
- Дело 212. Челобитная норенских и семиостровских лопарей Федора Яковлева с товарищи о разорении их посадскими людьми Кольского о.
- Дело 2185. Приходный столбец Новгородского приказа за 1684–1687 гг.
- Дело 2186. Приходно-расходный столбец Новгородского приказа за 1684–1685 гг.

Дело 2187. Приходно-расходный столбец Новгородского приказа за 1684–1685 гг.

Дело 2286. Дело по челобитной лопарей Лопских погостов Олонецкого у. О разрешении им платить таможенную пошлину в приказной избе г. Олонца.

Дело 2307. Дело о передаче Воскресенскому монастырю веж Лопарей с угодьями и рыбными ловлями в Семиостровском погосте Кольского у.

Дело 2415. Приходной столбец Новгородского приказа 1685/1686 гг.

Дело 2439. Лл. 119–142. Дело по челобитной мирских посыльщиков Лопских погостов Олонецкого у. Ивана Долгова с товарищи о выдаче жителям Лопских погостов жалованной грамоты о сборе налогов и присылке их в г. Великий Новгород.

Дело 2440. Лл. 36–71. Дело по челобитной архимандрита Соловецкого монастыря о запрещении данщикам, посылаемым из Кольского погоста для сбора дани в Лопские погосты заезжать в монастырскую Керецкую в. и брать там подводы и корма.

Дело 2449. Лл. 5–13. Дело по челобитной крестьян Ковской волости Кольского у. Об освобождении их от поставки подвод сборщикам дани с Лопских и Ребольских волостей и об обязанности зборщиков ездить через Керецкую вол.

Дело 2475. Дело о смене кольского воеводы Зота Полозова Иваном Григорьевичем Чертенским. Без конца.

Дело 2499. Выпись из двинских сметных списков 1684–1685 гг. Без начала.

Дело 2715. Лл. 135–139. Дело по челобитной Троицкого Печенского монастыря Кольского острога о злоупотреблении воеводы Ивана Григорьевича Чертенского и о передаче монастырских крестьян в ведение Двинского уезда.

Дело 2953. Приходный столбец Новгородского приказа за сент. 1687 – авг. 1688.

Дело 2954. Выписки в приказе о приходе и расходе стрелецких и оброчных денег.

Дело 3340. Приходно-расходный столбец Новгородского приказа 1688–1692. Сформирован из россыпи.

- Дело 3379. Дело по челобитной игумена Печенского монастыря Иосифа о нарушении посадскими людьми Кольского о. Договора о подставке подвод с угодий лопарей.
- Дело 3380. Отписка кольского воеводы Ивана Одинцова о сборе стрелецких денег на 1688 г.
- Дело 3385. Челобитная архимандрита Воскресенского монастыря Никона, строителя Сергея и монахов о выдаче им охранной грамоты на земли Семиостровского погоста Кольского у.
- Дело 3413. Отписка кольского воеводы о приеме им воеводства у Зота Полозова.
- Дело 3448. Отписка кольского воеводы об уплате десятинных и пошлинных денег с добываемой на морских становищах рыбы.
- Дело 3761. Отписка кольского воеводы Ивана Татаринова о приеме острога от воеводы Ивана Одинцова. Без конца. Ветхая.
- Дело 3819. Дело о разрешении властям Воскресенского монастыря на р. Истре взимать оброчные деньги с холмогорцев и двинян за пользование угодиями вотчинного Семиостровского погоста в Кольском у.
- Дело 4391. Выписи из приходно-расходных книг Новгородского приказа 1690–1691 гг.
- Дело 4413. Память в Приказ Большой казны о сборе таможенных пошлин крестьянами Лопских погостов Олонецкого у.
- Дело 4426. Дело о сборе стрелецких денег и недоимок за прошлые годы с Кольского у.
- Дело 4626. Грамоты кольскому воеводе Борису Петровичу Протопопову и стрелецкому голове Федору Сергеевичу Сверчкову о досрочной смене воеводы в связи с его злоупотреблениями (взятки, неправильные взаимоотношения с иноземцами, лишние денежные сборы)
- Дело 4695. Дело по челобитной кончанских и терских лопарей Кольского у. о разрешении самим уплачивать данные деньги в Кольском остроге.
- Дело 4788. Приходно-расходный столбец Новгородского приказа 1698–1699 гг.
- Дело 4798. Дело о взыскании стрелецких и оброчных денег с находящихся в Кольском у. вотчин Кийского Крестного

монастыря Каргопольского у. и Воскресенского монастыря Московского у. Список. Отрывок.

Дело 4980. Выписи из писцовых книг Кольского острога (сентябрь 1607 – август 1609), Кайгородка (сентябрь 1622 – август 1624) и Яренска (сентябрь 1627 – август 1629).

Фонд 248. Сенат и его учреждения

Опись 3

Т. 78

Дело 29. Переписные книги Кольского и Двинского уездов – территорий по берегам Белого моря и озер Ладожского и Онежского, вотчин Соловецкого, Антониево-Сийского, Архангельского монастырей Архангелогородской губ.

Опись 10

Т. 582

Дело 3. Лл. 26–33. Дело об освобождении из-под ареста в Кольском остроге заподозренных в шпионаже двух "шведов" Масельского погоста Лаврентия Петровича Чейки и Матвея Павлова Рекки и об организации сбора луковой дани с лопарей шведских погостов.

Опись 14

Т. 786

Дело 13. Лл. 222–388. Дело об отдаче в совместное оброчное владение Крестному и Воскресенскому монастырям спорных с терскими, понойскими и еконскими лопарями рыбных ловель на половине р. Поноя, до половины Лахты и оброчных погостов. (включая копии жалованных грамот монастырям и лопарям)

Т. 805

Дело 5. Лл. 410–581. Ведомости камер-коллегии о количестве инородцев и иноверцев.

Т. 806

Дело 30. Лл. 861–964. Дело о выдаче Крестному монастырю жалованной грамоты имп. Елизаветы, подтверждающей предыдущие жалованные грамоты данные на право владения

рыбными ловлями и оброчными погостами по р. Поной, Лахте, Еконге.

Фонд 280. Коллегия экономии

Опись 3

Дело 77. Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Опись.

Дело 627. Троицкого Антониева-Сийского монастыря вотчины.

Фонд 521. Кольская воеводская канцелярия

Опись 1

Дело 4. Квитанции Кольской воеводской канцелярии в приеме денег в 1740 г.

Дело 12. Квитанции Кольской воеводской канцелярии в приеме денег разных сборов в 1741 г.

Фонд 667. Земская изба Нотозерского и Соньельского погостов

Опись 1

Дело 1. Закладная на землю Федоры Ивановой у Филиппа треть земли за 1 рубль.

Дело 2. Отпись данщика Василия Алексеева о получении им государевой дани с лопарей Соньельского погоста за 92 год

Дело 3. Дело тяжebное Сонгельских и Нотозерских лопарей с Печенским монастырем о рыбных ловлях на р. Туломе.

Дело 4. Отпись данного целовальника Григория Юрьева в получении с лопарей Соньяльского погоста луковой дани за 1611 г., данного поминка за 1611 г. и дани датского короля.

Дело 5. Отпись целовальника Сергея Данилова и Никифора Яковлева в приеме с соньяльских лопарей луковой дани и дани датского короля

Дело 6. Отпись целовальника Евдокима Данилова в получении с лопарей Соньяльского погоста луковой и королевской дани за 1615 г.

- Дело 7. Отпись целовальника в получении с лопарей Соньяльского погоста луковой и королевской дани и данного поминка за 7125 г.
- Дело 8. Отпись Кольского целовальника Спиридона Минина в получении с Соньяльских лопарей луковой дани, данного поминка и королевской дани за 7129 г.
- Дело 9. Отпись Кольского целовальника Леонтия Сидорова в получении с Соньяльских лопарей луковой дани, данного поминка и королевской дани за 7130 г.
- Дело 10. Отпись лопарей Бабинского погоста лопарям Соньяльского погоста в получении подможных денег на 7136 г.
- Дело 11. Отпись Кольского целовальника Оверкия Никифорова в получении с Соньяльских лопарей луковой дани, данного поминка и королевской дани за 7137 г.
- Дело 12. Отпись лопарей Бабинского и Екостровского погостов в получении ими у Соньяльских лопарей подможных денег на 7137 г.
- Дело 13. Отпись Кольского целовальника Моисея Кириллова в получении с Соньяльских лопарей луковой и поголовной дани, данного поминка за 7139 г.
- Дело 14. Отпись Кольского целовальника Григория Молчанова в получении с Соньяльских лопарей луковой и поголовной дани, данного поминка за 7140 г.
- Дело 15. Отпись Кольского целовальника Антона Гордеева в получении с Соньяльских лопарей луковой и поголовной дани, данного поминка за 7144 г.
- Дело 16. Отпись данщика Григория Еремеева в получении с Соньяльских лопарей луковой и поголовной дани, поминка, кунки постелей оленьих, местной постели и королевской местной постели за 7147 г.
- Дело 17. Отпись лопарей Екостровского погоста в получении подможенных денег с лопарей Соньяльского погоста на 7148 г.
- Дело 18. Отпись данщика Гаврилы Кирмоева в получении с Соньяльских лопарей луковой и поголовной дани, данного поминка.
- Дело 19. Отпись Кольского стрельца Василия Иванова в получении с лопарей Нотозерского погоста денег для передачи лопарям Масельского погоста за их зимние подводы на 7150 г.

- Дело 20. Отпись данщика в получении с лопарей Соньяльского погоста луковой и поголовной дани, поминок, кунки и постелей оленьих за 7150 г.
- Дело 21. Отпись данщика Семена Сорихина в получении луковой и поголовной дани, поминок, кунки за 7151 г.
- Дело 22. Отпись данщика Рогоева в получении с лопарей Соньяльского погоста луковой и поголовной дани, государевой поминки, кунки и постелей оленьих.
- Дело 23. Отпись данщика Калина Рогуева в приеме с лопарей Соньяльского погоста луковой и поголовной дани, куниц и постелей.
- Дело 24. Память (отпись) Никольского священника в получении церковной руги с лопарей Соньяльского погоста на 161 г.
- Дело 25. Отпись лопарей Масельского погоста в получении за подводы подможных денег с лопарей Нотозерского погоста за 7180 г.
- Дело 26. Отпись лопарей Масельского погоста в получении подможных ямских денег с лопарей Соньяльского погоста.
- Дело 27. Подрядные записи колянина Петра Елимахова Приданникова и лопарей Ивана Андреева Колпака и Григория Фефилова, нанявшихся подать челобитные в Москве на Печенгский монастырь и кольских посадских людей от имени Нотозерского и Соньяльского погостов.
- Дело 28. Полюбовная запись о разделе земли между крестьянами Соньяльского погоста.
- Дело 29. Челобитная лопарей Нотозерского и Соньяльского погостов о невзымании с них прогонных денег кольскими посадскими людьми.
- Дело 30. Отпись лопарям Нотозерского и Соньяльского погостов в получении оброчных денег за 7187 г.
- Дело 31. Заемная кабала лопарей Соньяльского и Нотозерского погостов и кольских стрельцов в займе у подъячего Кольской съезжей избы В.Б.Приданникова.
- Дело 32. Дело о взыскании кольским стрельцом Назаром Ивановым денег по кабале с лопарей Соньяльского погоста.

- Дело 33. Договорная запись колян посадских людей с лопарями Нотозерского и Соньяльского погостов об установлении границ возки летних, осенних и зимних подвод с 189 г.
- Дело 34. Отпись земского старосты Кольского острога в получении денег по мировой записи с лопарей Нотозерского и Соньяльского погостов на 7193 г.
- Дело 35. Отпись земского старосты Кольского острога Дмитрия Погалина в получении денег по мирской записи с лопарей Нотозерского и Соньяльского погостов.
- Дело 36. Отпись крестьян лопарей Бабинского погоста в приеме с лопарей Соньяльского погоста заставных денег за 7194 г.
- Дело 37. Письмо лопарей Соньяльского погоста Василия и Якова Осипова о совместной покупке угодий с братом Иваном.
- Дело 38. Купчая на угодья на Ловнозере, проданные лопарям Соньяльского погоста Дмитрием Тихоновым Василию Осипову.
- Дело 39. Отпись лопаря Екостровского погоста Василия Григорьева в получении у стрельца И.Ф.Новотепова денег на уплату по мирской кабале долга Соньельских лопарей Бабенецким и Екостровским.
- Дело 40. Отпись данщика Антипа Абрамова в получении с лопарей Соньяльского погоста луковой дани и поголовной дани, поминка, кунки и денег за постели и оленьей кожи.
- Дело 41. Отпись целовальника Трофима Пяхкирева в получении денег по записи с Нотозерских и Соньельских лопарей на 1688 г.
- Дело 42. Отпись земских старост Кольского острога Дмитрия Кошечева и Ивана Вензина в принятии денег по записи у старост Нотозерского и Соньельского погостов.
- Дело 43. Отпись лопарей Масельского погоста в получении подможных прогонных денег с лопарей Соньельского погоста.
- Дело 44. Отпись данщика Дмитрия Федорова Попова в получении с лопарей Соньельского погоста денег на мирские расходы кольских посадских людей и заплечных дел мастера.
- Дело 45. Отпись данщика Дмитриия Федорова сына Попова в получении с лопарей Соньельского погоста луковой дани, поминка, кунки и др.

- Дело 46. Отпись земского старосты Кольского острога Григория Кошечева в получении денег с лопарей Нотозерского и Соньельского погостов по мирской записи.
- Дело 47. Отпись данщика Дмитрия Федотова в получении денег у старосты Соньельского погоста Петра Ефремова на мирские расходы.
- Дело 48. Отпись данщика Дмитрия Федоровича Попова старосте Соньельского погоста Петру Ефремову с товарищи в приеме луковой и поголовной дани и других податей.
- Дело 49. Отпись старосты Масельского погоста в получении подможных денег с лопарей Соньельского погоста за 7189 г.
- Дело 50. Отпись лопаря Масельского погоста Петра Гаврилова в получении денег за мирские подводы за 200 г. с лопарей Соньельского погоста.
- Дело 51. Отпись данщика Дмитрия Леонтьева сына Губина в получении денег с лопарей Соньельского погоста на мирские расходы и наем заплечного мастера.
- Дело 52. Отпись земского старосты Кольского острога Василия Васильевича Леонтьева в приеме денег по подрядной записи с Нотозерских и Соньельских лопарей.
- Дело 53. Письмо Нотозерского лопаря Михаила Григорьева Бородина тестю Василию Осипову в получении приданого жены.
- Дело 54. Отпись данщика Михаила Григорьева в получении податей с лопарей Соньельского погоста.
- Дело 55. Отпись старосты Григория Ерзакова в получении со старост Соньельского и Нотозерского погостов подводных денег на 202 г.
- Дело 56. Отпись данщика Василия Тимофеева Подиногоина в получении податей с лопарей Соньельского погоста.
- Дело 57. Отпись земского старосты Кольского острога Савы Ларионова и всех посадских людей в получении с лопарей Нотозерского и Соньельского погоста денег по мировой полюбовной записи на 1695 г.
- Дело 58. Отпись кольского посадского человека Елисея Вязина в приеме по поручению масельских лопарей денег за ямские зимние подводы с лопарей Соньельского погоста.

- Дело 59. Отпись земского старосты Кольского острога Максима Суслова в получении денег по подрядной записи с Нотозерских и Соньельских лопарей на 206 г.
- Дело 60. Отпись земского старосты Кольского острога Дмитрия Москалева в приеме денег на земские расходы с Соньельских лопарей.
- Дело 61. Отпись данщика Семена Кузнецова в получении с лопарей Соньельского погоста податей.
- Дело 62. Отпись бурмистров земских Кольского острога Никиты Шлыкова и Савы Пушкарева в получении оброчных денег за 1700 г. с лопарей Нотозерского и Соньельского погостов за ловлю рыбы в Кривецком пудасе.
- Дело 63. Отпись бурмистров земских Кольского острога Никиты Шлыкова и Савы Пушкарева в получении податей с лопарей Соньельского погоста.
- Дело 64. Отпись Кольского земского старосты Артемия Балотова в получении денег по мировой записи с лопарей Нотозерского и Соньельского погостов.
- Дело 65. Отпись кольского земского старосты Максима Мылова в получении денег с лопарей Соньельского погоста на наем ходоков таможенных и земских дел и на другие расходы.
- Дело 66. Отпись лопарей Масельского погоста в получении денег на зимние подводы с лопарей Соньельского погоста
- Дело 67. Отпись Кольского бурмистра земских дел Саввы Колмакова в получении оброчных денег за 1701 г. с лопарей Нотозерского и Соньельского погостов за ловлю рыбы в Кривецком пудасе.
- Дело 68. Отпись кольского бурмистра земских дел Саввы Колмакова в получении на 1701 г. луковой и поголовной дани и других податей с лопарей Соньельского погоста.
- Дело 69. Отпись выборных целовальников Григория Ерзакова с товарищем в получении денег с Позрецких и Соньельских лопарей на корабельное дело.
- Дело 70. Отпись посыльщика кольского воеводы Г.Н.Козлова Дмитрия Попова в получении с лопарей Соньельского погоста подымных, седельных денег.

- Дело 71. Отпись кольского мирского старосты Федора Панфилова Сулова в приеме с Нотозерского и Соньельского погостов по мировой записи подводных денег за 1701 г.
- Дело 72. Отпись лопаря Екостровского погоста Ивана Десятинникова в получении денег с лопарей Соньельского погоста по уговорной записи за зимние расходы.
- Дело 73. Отпись кольского бурмистра земских дел Михаила Молвистого в получении луковой и поголовной дани и других податей с лопарей Соньельского погоста.
- Дело 74. Отпись кольского бурмистра земских дел Молвистого с товарищем в получении за кольских посадских людей по мировой записи с лопарей Нотозерского и Соньельского погостов за зимние подводы на 1702 г.
- Дело 75. Отписи посыльщика Дмитрия Никитина в получении с лопарей Соньяльского погоста подымных денег.
- Дело 76. Отпись кольских бурмистров земских дел Никиты Кошечева и Фотей Голодных в получении луковой и поголовной дани и других податей с лопарей Соньельского погоста.
- Дело 77. Договорная запись лопарей Екостровского и Бабинского погостов о возке зимних подвод за лопарей Соньельского погоста.
- Дело 78. Отпись лопарей Екостровского и Бабинского погостов в получении денег по порядной записи за зимние подводы с лопарей Соньельского погоста на 1702 г.
- Дело 79. Отпись кольского земского старосты Михаила Иконникова Меньшего и всех посадских людей в приеме с лопарей Нотозерского и Соньельского погостов по мировой записи подрядных денег за зимние подводы на 1703 г.
- Дело 80. Отпись кольских бурмистров земских дел Алексея Кошечева и Фотей Голодного в получении на 1703 г. луковой и поголовной дани и других податей с лопарей Нотозерского и Соньельского погостов.
- Дело 81. Отпись кольских бурмистров земских дел Григория Миронова и Максима Сулова в получении на 1704 г. луковой и поголовной дани и других податей с лопарей Соньельского погоста.

- Дело 82. Отпись целовальника кольской земской избы Фотея Харитонова в получении с лопарей Соньельского погоста для уплаты по договору лопарям Екостровского погоста.
- Дело 83. Росписка кольской земской избы в получении почтарских денег с лопарей Соньельского погоста для уплаты по договору лопарям Екостровского погоста
- Дело 84. Отпись кольского бурмистра земских дел Григория Миронова в получении на 1704 г. луковой и поголовной дани и других податей с лопарей Нотозерского и Соньельского погостов.
- Дело 85. Отпись лопарей Павла Архипова Екостровского погоста и Осипа Сергеева Бабенского погоста в приеме денег с лопарей Соньельского погоста на почтарскую гоньбу и наем почтарей.
- Дело 86. Отпись кольских бурмистров земских дел Семена Сорихина с товарищем в получении на 1705 г. луковой и поголовной дани и других податей с лопарей Соньельского погоста.
- Дело 87. Отпись двинского земского пристава в получении денег с лопарей Соньельского погоста на содержание вновь набранных солдат за 1706 г.
- Дело 88. Отпись кольской приказной избы в приеме с лопарей Нотозерского и Соньельского погостов оброчных денег за рыбне ловли по переписным книгам и по накладной росписи на 1704–1706 гг.
- Дело 89. Отпись сборщика Матвея Мощникова в приеме в военный приказ с лопарей Соньяльского погоста денег на содержание драгунских полков на 1706 г.
- Дело 90. Отпись кольских бурмистров земских дел Саввы Колмакова с товарищем в получении на 1707 г. луковой и поголовной дани и других податей с лопарей Соньельского погоста.
- Дело 91. Отпись кольской приказной избы в приеме денег от лопарей Соньельского погоста по переписным книгам для отсылки в Москву в военный приказ за 1707 г.
- Дело 92. Отпись кольской приказной избы в приеме денег от лопарей Соньельского погоста на выдачу жалованья ратным людям шведской службы.
- Дело 93. Отпись кольской приказной избы в приеме денег от лопарей Соньельского погоста на жалованье рекрутам за 1706–1709 гг.

- Дело 94. Отпись подъячего Кольской приказной избы Петра Шестакова в приеме денег с лопарей Пазрецкого погоста на жалованье ратным людям драгунских полков на 1709 г по переписным книгам 1678 г.
- Дело 95. Отпись лопарей Екостровского и Бабинского погостов в получении денег с лопарей Соньельского погоста по договорной записи за летние и зимние подводы на 1708–1710 гг.
- Дело 96. Отпись кольской приказной избы Василия Зайкова в приеме денег от лопарей Пазрецкого погоста на работных людей для Санкт-Петербурга и на другие расходы
- Дело 97. Отписи кольской приказной избы и земских бурмистров в получении с лопарей Соньельского погоста луковой и поголовной дани и других сборов.
- Дело 98. Отписи кольского бурмистра Савы Фуфаева, земского старосты Федора Суслова и целовальников в получении с лопарей Соньельского и Нотозерского погостов луковой дани, подводных денег и других сборов.
- Дело 99. Отпись Семена Сорихина в получении подводных денег с Нотозерских лопарей в уплату по записи Массельским лопарям за 1714 г.
- Дело 100. Отписи кольской приказной избы и земских бурмистров в получении с лопарей Соньельского погоста луковой и поголовной дани и других сборов.
- Дело 101. Отпись лопаря Массельского погоста Ивана Фомина в получении денег с лопарей Нотозерского погоста за летние и зимние подводы по прежнему договору
- Дело 102. Отписи кольских бурмистров земских дел Семена Русана с товарищем в получении с Пазрецких лопарей денег в земские расходы по переписным книгам с 1710 г.
- Дело 103. Отпись бурмистра земских дел Ульяна Русинова в получении с лопарей Пазрецкого погоста денег на земские расходы на 1721 г.
- Дело 104. Росписка мирского посыльщика Кандаджской волости Демида Судавкова в приеме денег в рекрутский отпуск у Соньельских лопарей.
- Дело 105. Отпись Прокопия Поликарпова в получении денег за резьбу с лопарей Соньельского погоста.

Фонд 843. Приказная изба Кольского острога

Опись 1

Дело 1. Закладная на землю Федосьи Ивановны Понтоевой, заложенной Филиппу Унгаки.

Дело 2. Дело тяжёбное о рыбных ловлях и лесных угодьях на реке Туломе между Соньельскими и Нотозерскими лопарями, Печенгским монастырем и кольскими посадскими людьми.

Дело 3. Грамота Новгородского приказа воеводе Кольского острога Борису Григорьевичу Благову о невзымании податей с Терских, Кончанских и Мотовских лопарей в течение пяти лет.

Дело 4. Челобитная Нотозерских и Соньельских лопарей о невзымании с них прогонных денег кольскими посадскими людьми.

Фонд 1196. Антониев-Сийский монастырь

Опись 1

Дело 106. Выписки из переписных книг Двинского у. За 1688 г. о вотчинах, крестьянах и служителях Сийского монастыря. Копии

Дело 111. Жаловная грамота Михаила Федоровича Сийскому монастырю на землю в Двинском и Важском у. Список с копии

Дело 858. Дело о самовольной вырубке монастырского леса около оз. Лопского подрядчиком Самыловым с товарищами (отрывок).

Дело 2089. Переписка Сийского монастыря с Архангельским губернским правлением о высылке последнему грамоты о посылке на Новую Землю священника, выданной монастырю патриархом Иосифом в 1672 г (копия грамоты прилагается).

Дело 2837. Опись часовни и ее имущества, находящихся в Гавриловском становище Кольского у.

Опись 2

Дело 18. №72 Выписки из писцовых книг писца М. Вельяминова.

Дело 80. №217 Выписка из писцовых книг 1623–1624 гг. и из писцовых книг 1689 г. об оброчных владениях Сийского монастыря в Двинском уезде, на Зимней стороне.

Дело 82. №224. Выписка из писцовой книги 1623 г. писца Вельяминова об угодьях Сийского монастыря на Зимней стороне.

Дело 483. №1737. Договорное письмо крестьянина вотчины Сийского монастыря Золотицкой слободки Ивана Федорова Тарабарина с своим сыном Димитрием ... на оброчное владение рыбными ловлями, земельными и пр. угодьями монастыря в Варзугской волости.

Дело 1018. №3111. Караульная запись о найме лопарей Воронежского погоста Иосифа Пялкина и Ивана Корелькова карбасным мурманского промысла Сийского монастыря Михаилом Такишевым караульщиками промысловых судов и построек на Мурманском берегу.

Дело 1023. №3121. Караульная запись лопарей Воронежского погоста Мелентия Селиванова с товарищами работнику мурманского промысла Сийского монастыря Илии Колесникову о найме их караульщиками промысловых судов, построек и пр. имущества на рыбных промыслахна Мурманском берегу.

Дело 1033. №3150. Запись снастей, веревок, бочек и др. предметов на рыбных промыслах Сийского монастыря в Шельпинском становище Мурманского берега.

Опись 3

Дело 8. Книга приходно-расходная оброчных денег.

Дело 12. Книга приходно-расходная монастырским казенным деньгам, память зимней стороне приказчика старца Ефрема.

Дело 14. Список с переписной книги стольника Афанасия Фонвизина.

Опись 5

Дело 1. Список с жалованной грамоты ц. Ивана Васильевича на владение Сийским монастырем лесами, озерами и рыбными тонями.

Дело 8. Копия с писцовой книги Сийского монастыря.

Дело 9. Списки жалованных грамот царей и памяти монастырю на владение пахотными землями, санными покосами и рыбными промыслами.

Опись 7

Дело 15. Связка 1. Запись старца Сийского монастыря об отдаче в оброчное пользование на 6 лет рыбных промыслов на р. Пулонге и Лиходейке.

Фонд 1209. Поместный приказ

Опись 1

Дело 11. Писцовая книга Двинского уезда, писца М.А. Вельяминова, (ч.1).

Дело 123. Писцовая книга погостов Бежецкой пятины (Тверской половины) Новгородского у. писца Игнатия Харламова.

Дело 208. Дозорная книга Кольского острога, Кольского уезда и лопских погостов, писца А.И. Михалкова.

Дело 366. Переписная книга Пустозерского острога, Ижемской и Усть-Целемской слобод, переписи воеводы Г.Я. Тухачевского.

Дело 710. Писцовая книга казенных, оброчных сенных покосов Шелонской, Вотской и Обонежской пятин Новгородского уезда, писцов Гр. Волынского и В. Тараканова с товарищами.

Дело 713. Писцовая книга Паозерского погоста Шелонской пятины Новгородского уезда, писца Л. Аксакова.

Дело 716. 1582 Писцовая книга погостов Деревской пятины Новгородского уезда, писца Д. Замыцкого.

Дело 719. Писцовая книга погостов Вотской пятины Писцов Самсона Дмитриева и Елизарья Старого.

Дело 787. Писцовая и межевая книга Паозерского погоста и подгородных земель Шелонской пятины Новгородского у., писца И.А. Белосельского

Дело 900. Дозорная книга Кольского острога, Кольского уезда и лопских погостов, писца А.И. Михалкова, 1608–1609, 1611.

Дело 971. Писцовая книга дворцовых погостов Обонежской пятины (Заонежской половины) Новгородского у., дозорщика В.И. Завалишина.

Дело 980. Переписные книга Заонежских погостов переписи И.П. Писемского и Л.Г. Сумина.

Дело 8549. Писцовая книга дворцовых земель ("государевым дворцовым и поместным селам и погостем") Шелонской

Пятины Порховского околородья в погостах – Карачюницком, Болчинском, Ясенском, Михайловском, Ляцком, Пажеревицком, Жедрицком, Смоленском, Бельском писца В. Звенигородского.

Дело 15056. Лл. 1–75. Переписная книга Кольского острога и Кольского уезда переписи воеводы Льва Борисовича Секирина 1678–79 гг.

Дело 15056. Лл. 76 об.96 Переписная книга крестьян и лопарей во владениях патриарха в Кольском уезде переписи стрелецкого сотника Богдана Ощерина по наказной памяти Л.Б.Секирина 1678–79.

Дело 15056. Лл. 97–156. Переписная книга Корельских Ребальских волостей Кольского уезда переписи стрелецкого головы Кольского острога Ивана Власовича Старикова по наказной памяти Л.Б.Секирина 1678–79.

Фонд 1434. Кандалакшский монастырь

Опись 1

Дело 15. Письмо старца Кольской службы Серапиона приказчику Холмогорской службы Иоасафу об уплате иска и переговорах с Печенгским монастырем о любовном решении дела о совместном владении лесом и рыбными промыслами.

*Фонд 1455. Государственные и частные акты поместно
вотчинных архивов*

Опись 5

Дело 774. №1. Караульная роспись данная лопарями Семиостровского погоста Кольского у. приказчику Николо-Корельского монастыря Алексею Дмитриеву Орлову в приеме нового стана в Шубине становище. Копия.

Дело 1591. Отпись о приеме данщиками денег с погоста Сонгелы Кольского уезда

Дело 1592. Память об уплате посохи лопарями Сонгельского погоста Кольского у. Отрывок.

Дело 1593. Отписи целовальников земской избы Кольского острога, Кольской воеводской канцелярии и старост в приеме дани с лопарей Сонгельского погоста Кольского у. Отрывок.

- Дело 1594. Запись Киприана о разделе с Лопарями Кольского острога рыбных ловель по р. Туломе. Без начала.
- Дело 1595. Купчая лопарки Сонгельского погоста Кольского у. Февронки Тимофеевой с детьми лопарю Тимофею Яковлеву на землю.
- Дело 1597. Челобитная братьев Василия Большого и Ивана Осиповых о разрешении ездить им из Нотозерского в Сонгельский погост для промыслов на угожья их деда Дениса в Кольском у.
- Дело 1599. Грамота воеводе Кольского острога по делу Печенгского монастыря и лопарей Кольского острога о разделе спорных рыбных ловель. Без начала.
- Дело 1600. Заемная запись лопарей Масельского погоста Михаила Юрьева с товарищами на деньги, взятые в качестве подмоги у лопарей Сонгельского погоста Кольского у.
- Дело 1602. Челобитная лопарей Кольского уезда о невзыскании с них лишних луковых и поголовных денег. Без начала.
- Дело 1603. Купчая кольского стрельца Дениса Андреева лопину Сонгельского погоста Василию Осипову на угожья у р. Колонги на Вондозере Кольского у.
- Дело 1604. Память Кольской земской избы старостам Нотозерского и Сонгельского погостов о сборе луковой и поголовной дани и поминков с лопарей.
- Дело 1607. Духовное завещание крещеной лопарки Нотозерского погоста жены Никиты Осипова Прасковьи Денисовой дочери.
- Дело 1608. Дело об обложении ругой церкви в Понойской волости. Отрывок.
- Дело 1609. Отписи и расписка земской избы Кольского острога, Кольской воеводской канцелярии и старост в получении луковых и поголовных денег, ямских, прогонных и рекрутских, на жалование ратным людям с лопарей Сонгельского погоста Кольского у.
- Дело 1612. Квитанции Кольской воеводской канцелярии в получении подушных денег с Пазрецкого и Нотозерского погостов Кольского у. Архангелогородской губ.
- Дело 1613. Указ Кольской воеводской канцелярии старостам Сонгельского погоста Кольского у. о запрещении солдатам застав бесплатно выдавать хлеб и разъездных оленей.

- Дело 1614. Квитанции Архангелогородской губернской канцелярии в приеме рекрут с Сонгельского погоста.
- Дело 1615. Договор мещанина г. Архангельска Василия Кукина с мирским посыльщиком Сонгельского погоста Кольской округи лопарем Григорием Власовым на доставку почты.
- Дело 1616. Квитанции Кольского уездного казначейства в получении подушных денег с населения Сонгельского погоста Кольской округи. Оч. Ветхое.
- Дело 1617. Объявление Кольского окружного начальника государственных имуществ лопарям Сонгельского погоста о запрещении переделывать землю по числу ревизских душ в Нотозерском и Сонгельском погостах. Красновосковая печать.
- Дело 1620. Отписи Олонецкой приказной избы в приеме денег (данных, оброчных, стрелецких и на даточных людей) с Панозерского погоста Олонецкого у.
- Дело 1621. Отписи и расписки Софийского архиерейского дома, церковно-служителей, посадских людей, солдат о приеме денег: казенных и венечных пошлин, полоняничных, десятинных денег и др. с Панозерского погоста.
- Дело 1622. Память бурмистра г. Олонца Никиты Спешнева старостам Лопских погостов о сборе печатных пошлин.
- Дело 1636. Окладное письмо на сбор с крестьян Панозерского погоста сухарных, крупяных, сенных, овсяных и денег с зеленого лука.

Kansallisarkisto (Государственный архив Финляндии)

Rulla RP-44

- №1. 18.04.1601 г. Грамота Бориса Годунова Кольскому воеводе об удовлетворении челобитной саами Нотозерского и Соньяльского погостов. Копия.
- №2. 26.01.1603 г. Отпись о получении дани с саами Соньяльского погоста.
- №3. 22.05.1606 г. Грамота царя Василия Ивановича Шуйского Кольскому воеводе об удовлетворении челобитной Нотозерского и Соняльского погостов о сохранении прежних размеров дани. Копия.

- №4. 21.05. 1658 г. Купчая Нотозерского погоста лопки Полагеи Федосеевой дочери, кольскому стрельцу Григорью да Василью Ефимовым детем ее угодья по Туломе реке красные рыбы семги ловли.
- №5. 15.01.1661 г. Вкладная память Нотозерского погоста лопина Ивана Василева сына Катеринина. Начало утрачено
- №6. 25.07.1662 г. Полюбовная запись Нотозерского и Соняльского погостов о совместных рыбных угодьях на Туломе.
- №7. 18.12.1664 г. Челобитная лопарей Соняльского погоста с просьбой платить им дань кожами, а не деньгами.
- №8. 12.01.1671 г. Договор между Соньелским и Масельским погостами о найме на выполнение ямской повинности.
- №9. 14.06.1678 г. Спорное дело об угодьях между Нотозерским и Соняльским погостами с одной стороны, и Печенскими старцами и Кольскими посадским людьми – с другой.
- №10. Не ранее 1689 г. Царская грамота в ответ на челобитье Нотозерского и Соняльского погостов с указом не возить вино в эти погосты. Начало утрачено.
- №11. 1683 г. Документы об уплате дани и задолженностей.
- №12. 16.02.1688 г. Спор Соняльских саами со сборщиками дани по поводу размеров данных поминок.
- №13. 1697 г. Спор о Писцовых книгах Василия Агалина между Печенгским монастырем и Кольским посадом с одной стороны и Кандалашским монастырем и Кандалашской волостью – с другой.
- №14. Отпись о сборе дани с Соньелского погоста за 1701 г.
- №15. Отпись о сборе дани с Соньелского погоста за 1703 г.
- №16. 17.01.1712 г. Отпись о сборе недоимок с Соньелского погоста.
- №17. 30.07.1775 г. Расписка Архангелогородского гарнизона второго батальона каптенармуса Петра Гарьюсова и солдата Ивана Попова в получении двух документов из земского архива Нотозерского и Соньельского погостов.

Картографические материалы

Современная картография

- Мурманская область. Набор карт. ГУГК. 1:100000. М., 1988.
- Республика Карелия. Набор карт. ГУГК. 1:100000. М., 1989.
- Finland. Atlas. 1:200000. 2007.
- Norge–Norway. Kartblad 2333 I. Vaggatem. 1:50000. 2001.
- Norge–Norway. Kartblad 2333 II. Krokfjellet. 1:50000. 2002.
- Norge–Norway. Kartblad 2334 I. Bugøyfjord. 1:50000. 2000.
- Norge–Norway. Kartblad 2334 II. Neiden. 1:50000. 2000.
- Norge–Norway. Kartblad 2434 III. Høybuktmoen. 1:50000. 2000.
- Norge–Norway. Kartblad 2334 IV. Guorrunjunis. 1:50000. 2004.
- Norge–Norway. Kartblad 2335 II. Nesseby. 1:50000. 2000.
- Norge–Norway. Kartblad 2335 III. Varangerbotn. 1:50000. 2000.
- Norge–Norway. Kartblad 2433 I. Svanvik. 1:50000. 2001.
- Norge–Norway. Kartblad 2433 IV. Skogfoss. 1:50000. 2000.
- Norge–Norway. Kartblad 2434 I. Bøkfjorden. 1:50000. 2002.
- Norge–Norway. Kartblad 2434 II. Kirkenes. 1:50000. 2000.
- Norge–Norway. Kartblad 2434 IV. Bugøynes. 1:50000. 2002.
- Norge–Norway. Kartblad 2534 III. Jakobselva. 1:50000. 2002.
- Norge–Norway. Kartblad 2534 IV. Grense Jakobselv. 1:50000. 2002.

Историческая картография

Hoem 1985 = Hoem A.I. Norge På Gamle Kart. Oslo. 1985.

- Kart 13. Sebastian Münster. Scholandia XIII Nova Tabula. 1540.
- Kart 15. Utsnit av Simon v. Salingen kart over det nordligste Europa. 1601.
- Kart 18. Adrian Veen. Nativus Sueciae Adiacentiumque Regnorum Typus. 1613
- Kart 47. Joan Blaeu. Finmarhia.// Atlas Maior. 1662.

Kart 23. Guillaume Sanson. Royaume de Norwege Subdivisé en ses principaux Governemets. Paris. 1668.

Kart 24. Frederick de Wit. Norvegia Regnum divisum in suas Dioeceses Nidrosiensem, Bergensen, Opsloensem, et Stavangriensem et Præfecturam Bahusiæ. 1690.

Johansen 1923 = Johansen A.O. Finmarkens politiske historie. Kristiania, 1923.

Kart 1. Utsnit av Simon v. Salingen kart over det nordligste Europa. 1601

Kart 4. Utsnit av major Peter Schnitlers geografiske kart over Vardøhus amt til forstaelse av 5te examinationsprotokol. 1744–1745.

www.biarmia.narod.ru/index.html

Septentrionalium Terrarum descriptio. 1595.

<http://biarmia.narod.ru/img/1595.jpg>

Atlas Minor, Svecia et Norwegia etc. 1607.

<http://biarmia.narod.ru/img/1607.jpg>

Novus Atlas, Svecia, Norvegia, et Dania, Nova tabula. Johannes

Janssonius, Amsterdam. 1645. <http://biarmia.narod.ru/img/1645.jpg>

Frederik den Femtes Atlas. 1723.

http://biarmia.narod.ru/img/1723_2.jpg

Российская Лапландия. Императорская Академия Наук, СПб. 1745

Генеральная карта Российской Империи. Treskot, Johann. СПб. 1776.

<http://biarmia.narod.ru/img/1776.jpg>

Новая карта Российской Империи, разделенная на наместничества.

СПб. 1786. <http://biarmia.narod.ru/img/1786.jpg>

Карта Архангельского Наместничества. СПб. 1792.

Маркс 1890 = Географический атлас Российской империи. Издание Маркса. М. 1890.

ГСКП 2 = Географический словарь Кольского полуострова. Т. II. Мурманск 1941. Карты.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Акоф 1966 = Акоф Р. Общая теория систем и исследование систем как противоположные концепции науки о системах. // Общая теория систем. М., 1966.
- Алымов 1924 = Алымов В.К. Вымирают ли лопари. // Вестник Карело-Мурманского края. Петрозаводск, 1924. №1.
- Алымов 1926 = Алымов В.К. Лопари Кольского полуострова. Мурманск, 1926.
- Алымов 1930 = Алымов В.К. Лопари. М., 1930.
- Альтернативные пути цивилизации. Сб. М., 2000.
- Амвросий 1812 = Амвросий. История российской иерархии. Т. V. Киев, 1816.
- Андреев 1920 = Андреев А.И. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. // Русский исторический журнал. Кн. 6. Пг., 1920.
- Андреев 1922 = Андреев А.И. Колонизация Севера в XVI–XVII вв. // Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Пг. 1922.
- Андреев 1930 = Андреев А.И. Исторические материалы о Кольском полуострове, монастырских архивов // Сборник материалов по истории Кольского полуострова. М–Л., 1930.
- Андреев 1930a = Андреев А.И. Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Ленинграде // Сборник материалов по истории Кольского полуострова. М–Л., 1930.
- Андрияшев 1913 = Андрияшев А.М. Материалы для исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина. Ч. 1. Списки селений. М. 1913.
- Андрияшев 1914 = Андрияшев А.М. Материалы для исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина. Ч. 2 Карты погостов. М. 1914.
- Аникеев И.А. Историческая информатика в России. Ставрополь, 1999.

- Анохин 1962 = Анохин Г.И. Изменения в духовной культуре саамов СССР. // Скандинавский сборник. Т. V. Таллин, 1962.
- Анохин 1962a = Анохин Г.И. Социалистические преобразования в материальной культуре саамов (по материалам колхоза «Тундра»). // Институт Этнографии. Краткие сообщения. Вып. 36. 1962.
- Анохин 1963 = Анохин Г.И. Современная семья у саамов Кольского полуострова // Скандинавский сборник. Т. VII. Таллин, 1963.
- Анохин 1967 = Анохин Г.И. Последние номады Западной Европы. // Природа. 1967. №1.
- Арсентьев, Егунова 1996a = Арсентьев Н.М., Егунова А.И. Ревизские сказки: новые возможности исторического исследования. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.
- Арсентьев, Першин, Стешин, Щербаков 1996 = Арсентьев Н.М., Першин С.В., Стешин А.В., Щербаков В.В. Система сбора и обработки материалов ревизских сказок. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.
- Арсентьев, Першин, Щербаков 1997 = Арсентьев Н.М., Першин С.В., Щербаков В.В. Новые горизонты в исследовании ревизских сказок. // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. М., 1997.
- Артемова 1987 = Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987.
- Артемова 2004 = Артемова О.Ю. Охотники/собиратели и теория первобытности. М., 2004.
- Архаичное 1991 = Архаичное общество: узловые проблемы социологии развития. Сб. Ч. 1. М., 1991.
- Бабенко 1998 = Бабенко В.Н. Развитие научной информации в области исторических наук. М. 1998.
- Баргер, Лукман 1995 = Баргер П., Лукман Г. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Белова, Лазарев 1997 = Белова Е.Б., Лазарев В.В. От гипертекста к гиперархиву. // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. М., 1997.

- Берталанфи 1969 = Берталанфи Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М., 1969. С. 23–82.
- Бескровный, Водарский, Кабузан 1972 = Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 – 158). // Переписи населения России. Вып.1. М., 1972.
- Бессмертный 1972 = Бессмертный Ю.Л. Некоторые вопросы применения математических методов в исследованиях советских историков. // Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972.
- Бородкин 1986 = Бородкин Л.И. Многомерный анализ в исторических исследованиях. М., 1986.
- Бородкин 1997. = Бородкин Л.И. И.Д. Ковальченко и отечественная школа квантитативной истории. // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997.
- Бородкин 1998 = Бородкин Л.И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма. // Новая и новейшая история. 1998. №5.
- Бородкин 2005 = Бородкин Л.И. Историческая информатика в точке бифуркации: движение к Historical Information Science.// Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. Барнаул, 2005.
- Бородкин 2007 = Бородкин Л.И. Синергетика и история: моделирование исторических процессов. // История и математика. Анализ и моделирование социально-исторических процессов. М., 2007.
- Бородкин, Гарскова 1993 = Бородкин Л.И., Гарскова И.М. Программное обеспечение FUZZYCLASS в историко-типологическом исследовании. // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. St-Katharinen, 1993.
- Бородкин, Гарскова 1996 = Бородкин Л.И., Гарскова И.М. (ред.) Историческая информатика. М., 1996.
- Бородкин, Гарскова 1999 = Бородкин Л.И., Гарскова И.М. (ред.) Компьютеризированный статистический анализ для историков. М., 1999.

- Бородкин, Гарскова, Измestьева 1984 = Бородкин Л.И., Гарскова И.М., Измestьева Т.Ф. Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984.
- Бродель 2000 = Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. М., 2000.
- Брук, Иваньков, Кабузан 1983 = Брук С.И., Иваньков П.А., Кабузан В.М. Источники по этнической статистике России XVIII – начала XX в. (1718 – 1917). // Проблемы исторической географии России. Вып. V. Источниковедение исторической географии. М., 1983.
- Бубрих 1947 = Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Валлерстайн 1998 = Валлерстайн И. Миров-системный анализ.// Время мира. Вып. 1. Новосибирск 1998.
- Валлерстайн 2001 = Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Вальдман 1961 = Вальдман Кольский полуостров на картах XVI в. // Известия ВГО. Т. 94. Вып. 2. Л., 1961.
- Вальдман 1973 = Вальдман К.Н. Об изображении белого моря на картах XV – XVII вв. // История географических названий и открытий на Севере Европы. Л., 1973.
- Вальдман 1984 = Вальдман К.Н. Изображение Кольского полуострова на карте Северных земель Европы Симона Ван Салингена (1601). // География России XV–XVIII вв. (по данным иностранцев). Л., 1984.
- Веселовский 1915 = Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1915–1916.
- Веселовский 1940 = Веселовский А.И. Историческая поэтика. Л., 1940.
- Веселовский 1945 = Веселовский С.Б. Топонимика на службе у истории. // Исторические записки. Т. 17. М., 1945.
- Винограй 1993 = Винограй Э.Г. Основы общей теории систем. Новосибирск, 1993.
- Витов 1956 = Витов М.В. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины). // Проблемы источниковедения . Т. V. М., 1956.

- Витов 1962 = Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- Витов, Власова 1974 = Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XV–XVIII вв. М., 1974.
- Владимиров 2005 = Владимир В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005.
- Водарский 1970 = Водарский Я.Е. Вологодский уезд в XVII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
- Возгрин 1986 = Возгрин В.И. Источники по русско-скандинавским отношениям XV – XVIII вв. // Рукописные источники по истории Западной Европы в Архиве ЛОИИ АН СССР. Л., 1986.
- Возгрин, Шаскольский, Шрадер 1998 = Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб., 1998.
- Воскобойников 1970 = Воскобойников Н.П. К истории поселений Яренского уезда в конце XVI – начале XVII вв. (по материалам писцовых и перисных книг). // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
- Галкович 1974 = Галкович Б.К. К вопросу о применении картографического метода в исторических исследованиях. // История СССР. 1974. №3.
- Галкович 1983 = Галкович Б.Г. Историческая картография: предмет, метод и возможности. // Проблемы исторической географии России. Вып III. Вопросы исторической картографии и картографического источниковедения. Материалы 2-й всесоюзной конференции по исторической географии России. М., 1983.
- Гарскова 1994 = Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М., 1994.
- Гарскова 1997 = Гарскова И.М. Базы данных и квантитативная история // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997.
- Гарскова 2007 = Гарскова И.М. Историческая информатика и квантитативная история: преемственность и взаимодействие. // История и математика. Анализ и моделирование социально-исторических процессов. М., 2007.

- ГСКП = Географический словарь Кольского полуострова. Т. I. М–Л., 1939. Т. II. Мурманск, 1941.
- Георги 1776 = Георги И.И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Т. 1. СПб., 1776.
- Глинский, Грязнов, Дынин, Никитин 1965 = Гинский Б.А., Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научного исследования (гносеологический анализ). М., 1965. Гольденберг 1973 = Гольденберг Л.А. О предмете и методе исторической картографии // V Всесоюзная конференция по математической картографии. Тбилиси, 1973.
- Гохман, Лукьянченко 1979 = Гохман И.И., Лукьянченко Т.В. О предшественниках русских на Соловецких островах. // Советская этнография. 1979. №4.
- Гурина 1982 = Гурина Н.Н. Время, врезанное в камень. Мурманск, 1982.
- Гурина 1997 = Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
- Даль 1990 = Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. М., 1990.
- Данилевский, Кабанов, Медушевская, Румянцева 2004 = Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2004.
- Данилов-Данильян, Рывкин 1982 = Данилов-Данильян В.И., Рывкин А.А. Моделирование: системно-методологический аспект // Системные исследования. 1982. М., 1982. С.182–209.
- Джаксон 1979 = Джаксон Т.Н. Бьярмия, Древняя Русь и «страна неизвестная». // Скандинавский сборник. Т. 24. Таллин, 1979.
- Джаксон 2001 = Джаксон Т.Н. AUSTRI GÖRÐUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.
- Джаксон 2007 = Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. "Русская река": Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.
- Дмитриева, Святец 1997 = Дмитриева В.А., Святец Ю.А., Технология баз данных в исторических исследованиях: творчество без расчета на будущее? // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. М., 1997.

- Долгих 1960 = Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
- Долгих 1974 = Долгих Б.О. К вопросу о соотношении большой и малой семьи у народов Севера в прошлом // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. Долгих 1982 = Долгих Б.О. К истории родо-племенного состава кетов // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Вып. 3. М., 1982.
- Дорн 1993 = Доорн П. Географическое положение, модели взаимодействия и реконструкция исторических поселений и коммуникаций (на примере Этолии, исторической области Центральной Греции. // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. St-Katharinen, 1993.
- Дорн 1997 = Доорн П. Еще раз о методологии. Старое и прекрасное: «мыльная опера» о непонимании между историками и моделями. // Новая и новейшая история. 1997. №3.
- Дьякова, Чепелкин 1995 = Дьякова Н.А., Чепелкин М.А. Границы России в XVII–XX вв. М., 1995.
- Ефименко 1878 = Ефименко А.Я. Юридический быт лопарей, самоедов и зырян // Записки Имп. Русского географического общества. Т. VIII. СПб., 1878.
- Ефименко 1910 = Ефименко Т. К вопросу о русской сотне княжеского периода. // Журнал министерства народного просвещения. 1910. июль.
- Жекулин В.С. Историческая картография: предмет и методы. М., 1982.
- Жуков 2004 = Жуков А.Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментариев). // Антропологический форум. №1. СПб., 2004.
- Замятин 2004 = Замятин Д.Н. Моделирование историко-географических образов. // Историческая география: теория и практика. СПб., 2004.
- Земляков 1940 = Земляков Б.Ф. Арктический палеолит на севере СССР. // Советская этнография. 1940. №5.
- Золотарев 1927 = Золотарёв Д.А. Лопарская экспедиция. Л., 1927.

- Золотарев 1928 = Золотарёв Д.А. Кольские лопари. // Труды Лопарской экспедиции Русского географического общества. Л., 1928.
- Иванов 1992 = Иванов В.И. Крестьянская семья на Севере России в XVII в. (на материалах Керетской волости Кольского уезда). // Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России. Сыктывкар, 1992.
- Иванов-Дятлов 1928 = Иванов-Дятлов Ф.Г. Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января – 11 мая 1927 г.). Л., 1928.
- Иваньков 1983 = Иваньков П.А. К вопросу о систематизации объектов изображаемых на исторических картах. // Проблемы исторической географии России. Вып III. Вопросы исторической картографии и картографического источниковедения. Материалы 2-й всесоюзной конференции по исторической географии России. М., 1983.
- Интерпретация 1986 = Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. Сб. Новосибирск, 1986.
- Историческая 2004 = Историческая география: теория и практика. СПб., 2004.
- Исторический 1997 = Исторический источник: человек и пространство. Тезисы докладов и сообщений научной конференции, Москва, 3–5 февраля 1997 г. М., 1997.
- История 1986 = История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
- История 1988 = История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988.
- История 1993 = История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. М., 1993.
- История 1995 = История. Статистика. Информатика. Барнаул, 1995.
- История 1998 = История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998.
- История 2001 = История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001.
- История 2007a = История и математика. Анализ и моделирование социально-исторических процессов. М., 2007.

- История 2007b = История и математика. Макроисторическая динамика общества и государства. М., 2007.
- Кабо 1986 = Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986.
- Кабузан 1963 = Кабузан В.М. В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизий). М., 1963.
- Кабузан 1990 = Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990.
- Казаков 1949 = Казаков А.И. О географических названиях Ловозерской тундры // Ученые записки ЛГУ. Серия географических наук. Вып. 6. № 124. Л., 1949.
- Казаков 1952 = Казаков А.И. Особенности и распределение саамских географических названий в Мурманской области // Известия ВГО. Т. 84. Вып. 4. М., 1952.
- Капра 2003 = Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М., 2003
- Караваева 1950 = Караваева З.Ф. Некоторые вопросы создания исторических карт. М. 1950.
- Карпелан 1979 = Карпелан К. Финские саамы в железном веке // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
- Карпелан 1982 = Карпелан К. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982.
- Карташев 1995 = Карташев В.А. Система систем: очерки теории и методологии. М., 1995.
- Кахк, Ковальченко 1974 = Кахк Ю.Ю., Ковальченко И.Д. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях. // История СССР. 1974. №5.
- Каштанов 1988 = Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988.
- Каштанов 1990 = Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1990.
- Керт 1973 = Керт Г.М. Кольские саамы. // Вопросы истории. 1973. №8.
- Керт 1967 = Керт Г.М. Образцы саамской речи. Л., 1967.
- Керт 1982 = Керт Г.М. Проблемы топонимики Кольского полуострова // Ономастика Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1982.
- Керт. Г.М. Саамский язык. Л., 1971.

- Кирпичников 1984 = Кирпичников А.Н. Приладожская лопь. // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
- Киселев, Киселева 1979 = Киселев А.А., Киселева Т.А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск, 1979.
- Ключевский 1904 = Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1904.
- Ковальченко 1979 = Ковальченко И.Д. О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. 1979. №8.
- Ковальченко 1979а = Ковальченко И.Д. Исторические источники в свете учения об информации (к постановке вопроса). // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах. М., 1979.
- Ковальченко 1984 = Ковальченко И.Д. Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984.
- Ковальченко 1987 = Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
- Ковальченко, Бородкин 1987 = Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987.
- Ковальченко, Тишков 1983 = Ковальченко И.Д., Тишков В.А. (ред.) Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983.
- Козинцева 1970 = Козинцева В.И. Источники по истории русско-скандинавских отношений в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР// Институт истории. Ленинградское отделение. Труды. Вып. 11. Л., 1970.
- Количественные 1981 = Количественные методы в гуманитарных науках. М. 1981.
- Количественные 1988 = Количественные методы в зарубежной исторической науке. М., 1988.
- Кольский 1930 = Кольский сборник: Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Л., 1930.
- Комплексные 1984 = Комплексные методы в изучении исторических процессов. М., 1984.

- Комплексные 1991 = Комплексные методы в исторических исследованиях. М., 1991.
- Компьютер 1994 = Компьютер и историческое знание. Барнаул, 1994.
- Компьютер 2000 = Компьютер и историческая демография. Барнаул, 2000.
- Копанев 1951 = Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М., Л., 1951.
- Копанев 1970 = Копанев А.И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
- Коротаев, Малков, Халтурина 2004 = Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории: Компактные макромоделли эволюции мир-системы. М., 2004.
- Коротаев, Малков, Халтурина 2007 = Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. М., 2007.
- Коротаев, Оболонков 1990 = Коротаев А.В. Оболонков А.В. Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей. // Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока. М., 1990.
- Корусенко, Кулешова 1989 = Корусенко С.Н., Кулешова Н.В. Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. Новосибирск, 1989.
- Корусенко, Томилов 1993 = Корусенко С.Н., Томилов Н.А. Генеалогия курдакско-саргатских татар и материалы переписей населения XVIII–XIX вв. (Опыт совмещения).// Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993.
- Косвен 1963 = Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
- Крадин 1994 = Крадин Н.Н. Кочевые общества в контексте социальной эволюции. // Этнографическое обозрение. 1994. №1.
- Критский 1978 = Критский И.П. Русская историческая картография (XVIII – начало XX в.) // ВИД. Вып. X. Л., 1978.
- Крупник 1989 = Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989.

- Куббель 1988 = Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
- Куропятник 1989 = Куропятник М.С. Формы социальной организации саамов Кольского полуострова в к. XIX – н. XX в. Дис. на соиск. уч. степ. к.и.н. Л., 1989.
- Куропятник 1994 = Куропятник М.С. Эндогамные ареалы кольских саамов // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб., 1994.
- Куропятник 1995 = Куропятник М.С. Система терминов родства кольских саамов // Алгебра родства. Вып. 1. СПб., 1995.
- Куропятник 1997 = Куропятник М.С. Социальная структура саамов: к проблеме билатерального счета родства. // Социология и социальная антропология. СПб., 1997.
- Кучинский 1995 = Кучинский М.Г. Восточные саамы по русским актовым материалам XV–XVII вв. Дипломная работа. Приложение 1. Исторический факультет МГПИ. М., 1995.
- Кучинский 1998 = Кучинский М.Г. К вопросу о локализации Терской стороны и страны Турья // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998.
- Кучинский 1998а = Кучинский М.Г. Миссия Алексея Симонова // Этнографическое обозрение. 1998. №6.
- Кучинский 1999 = Кучинский М.Г. Характеристика семьи у саамов Кольского уезда в конце XVI – начале XVII в. // Народы Российского Севера и Сибири. Сибирский этнографический сборник. Выпуск 9. М., 1999.
- Кучинский 1999а = Кучинский М.Г. Угодья как предмет собственности саамов Кольского уезда в XVI–XVII вв. // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М., 1999.
- Ламартиньер 1911 = Ламартиньер П.М. Путешествие в северные страны в 1658 г. М., 1911.
- Лаппо-Данилевский 1923 = Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923.
- Леверман 1993 = Леверман В. Данные и знания в исторических базах данных. // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. St-Katharinen, 1993.

- Левич 1996 = Левич А. П. Время как изменчивость естественных систем: способы количественного описания изменений и порождение изменений субстанциональными потоками. // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Ч.1. Междисциплинарные исследования. М., 1996.
- Ливингстоун, Бартли 1998 = Ливингстоун М., Бартли К. Историографические проблемы, ГИС решения. Изучая пространственные связи средневековых данных. // История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998.
- Линкола 1982 = Линкола М., Образование различных этноэкологических групп саамов// Финно-угорский сборник. Л., 1982.
- Литвак Б.Г. 1979 Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX вв. М., 1979.
- Литке 1928 =. Литке Ф.П. Четырехкратное путешествие адмирала. СПб., 1828.
- Лукьянченко 1966 = Лукьянченко Т.В. Жилище саамов (лопарей) Кольского полуострова к. XIX – н. XX вв.// СЭ, 1966. № 6.
- Лукьянченко 1971 = Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX – начала XX века. М., 1971
- Лукьянченко 1979 = Лукьянченко Т.В. Расселение Кольских саамов в XVI – XVII вв.// К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979.
- Лукьянченко 1980 = Лукьянченко Т.В. Этногенез саамов. // Этногенез народов Севера. М. 1980.
- Лукьянченко 1990 = Лукьянченко Т.В. Вопросы этногенеза и этнической истории саамов // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990.
- Лукьянченко 1990а = Лукьянченко Т.В. Саамы (лопари). // Семейный быт народов СССР. М., 1990.
- Лукьянченко 1991 = Лукьянченко Т.В. Семья саамов Кольского полуострова. // Коми институт языка и литературы. Труды. Вып. 49. Сыктывкар. 1991.

- Лукьянченко 1994 = Лукьянченко Т.В. Саамы. // Народы Сибири и Севера России в XIX в. (Этнографическая характеристика). М. 1994.
- Луман 1993 = Луман Н. Изменение парадигмы в системной теории. // Современная зарубежная социология (70–80-е годы). М. 1993.
- Львов В.Н. Русская Лапландия и русские лопари. Географический и этнографический очерк. М., 1903.
- Любавский 2000 = Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000.
- Максимов С.В. Белое море и его побережье. СПб., 1858.
- Массовые 1979 = Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979.
- Массовые 1979а = Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М. 1979.
- Массовые 1981 = Массовые источники по истории советского рабочего класса периода развитого социализма. М., 1981.
- Математические 1977 = Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.
- Математические 1981 = Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981.
- Математические 1985 = Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.
- Математические 1989а = Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1989.
- Математические 1989b = Математические методы изучения массовых источников. М., 1989.
- Медушевская 1997 = Медушевская О.М. Исторический источник: человек и пространство. // Исторический источник: человек и пространство. Тезисы докладов и сообщений научной конференции, Москва, 3–5 февраля 1997 г. М., 1997.
- Мердок 2003 = Мердок Дж. Социальная структура. М., 2003.
- Меркурьев 1997 = Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1997.

- Методологические 1997 = Методологические проблемы исторической информатики и квантитативной истории (материалы дискуссии). // Новая и новейшая история. 1997. №3.
- Милов 1978 = Милов Л.В. Методологические проблемы источниковедения писцовых книг. // История СССР. 1978. №2.
- Минкин 1979 = Минкин А.А. Топонимы Мурмана. Петрозаводск, 1979.
- Муравьев 1997 = Муравьев В.А. Пространство, время, история человека и общества: историческая география в системе исторических наук. // Исторический источник: человек и пространство. Тезисы докладов и сообщений научной конференции, Москва, 3–5 февраля 1997 г. М., 1997.
- Мюллер 1947 = Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947.
- Напольских 1990 = Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: Данные мифологической реконструкции. Ижевск, 1990.
- Народы 2005 = Народы Западной Сибири. М., 2005.
- Неволин 1853 = Неволин К.А. О пятинах и погостах. // Записки Императорского Русского географического общества. Т. VIII. СПб., 1853.
- Некрасов 1972 = Некрасов Г.А. Архивы СССР и их значение для исследования русско-скандинавских отношений и истории Скандинавских стран// Скандинавский сборник. Т. 17. Таллин, 1972.
- Общественный 1970 = Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970.
- Овсянников 1989 = Овсянников О.В. Север Кольского полуострова – контактная зона XVI в. // Исторические связи Русского Севера и Норвегии. Архангельск. 1989.
- Овчарова 2007 = Овчарова Е.Э. К вопросу об истории математического моделирования в социальных науках. // История и математика. Анализ и моделирование социально-исторических процессов. М., 2007.
- Огородников 1869 = Огородников Е.К. Мурманский и Терский берега по Книге большого чертежа. СПб., 1869.
- Озерецковский 1804 = Озерецковский Н. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804.

- Ольдерогге 1983 = Ольдерогге Д.А. Эпигамия. М., 1983.
- Очерки 2001 = Очерки Исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.
- Перевертень 1997 = Перевертень В.А. Модели организации информации в организационных системах для просопографических исследований. // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. М., 1997.
- Першиц 1955 = Першиц А.И. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевников скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 11
- Пивнева 1999 = Пивнева Е.А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М., 1999.
- Пименов 1989 = Пименов В.В. Компонентный анализ удмуртского этноса. М., 1989.
- Пиотух 1993 = Пиотух Н.В. Пространственно-хозяйственная типология (проблема выбора метода классификации). // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Т. I. Минск, 1993.
- Пиотух 1996 = Пиотух Н.В. О возможностях компьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII в. и материалами генерального межевания второй половины XVIII в. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.
- Пиотух 2004 = Пиотух Н.В. Картографический метод в исторических исследованиях. // Историческая география: теория и практика. СПб., 2004.
- Платонов 1923 = Платонов С.Ф. Начало русских поселений на Мурмане // Производительные силы района Мурманской железной дороги. Петрозаводск, 1923.
- Платонова 1984 = Платонова Н.И. Погосты и волости Северо-Западных земель Великого Новгорода (к проблеме формирования административной структуры) // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984.
- Подвысоцкий 1885 = Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.
- Подгаецкий 1997 = Подгаецкий В.В. Число и мысли или утопия? // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. М., 1997.

- Подгаецкий 2000 = Подгаецкий В.В. О категории «массовости» и «самодостаточности» в источниковедении (автодидактические размышления). // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000.
- Подгаецкий 2001 = Подгаецкий В.В. «Историческая информатика» как источниковедение XX и/или XXI века? Pro et Contra (ad Nominem). // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М. 2001.
- Подольская 1988 = Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
- Помишин 1990 = Помишин С.Б. Происхождение оленеводства и domestикация северного оленя. М., 1990.
- Постников 1969 = Постников А.В. Исторические карты и их классификация // Геодезия и картография. 1969. №8.
- Пресняков 1909 = Пресняков А.Е. Княжеское право в Древней Руси. СПб., 1909.
- Проблемы 1983a = Проблемы исторической географии России. Вып III. Вопросы исторической картографии и картографического источниковедения. Материалы 2-й всесоюзной конференции по исторической географии России. М., 1983.
- Проблемы 1983b = Проблемы исторической географии России. Вып. V. Источниковедение исторической географии. М., 1983.
- Проблемы 2007 = Проблемы исторической географии и демографии России. Вып. 1. М., 2007.
- Происхождение 1991 = Происхождение саамов. М., 1991.
- Пронштейн 1976 = Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976.
- Пятовский 1958 = Пятовский В.П. Некоторые вопросы исторического прошлого Кольского полуострова // Ученые записки Мурманского Государственного Педагогического института. Т. II. Мурманск, 1958.
- Ранние 1993 = Ранние формы социальной стратификации. Сб. М., 1993.
- Ранние 2000 = Ранние формы социальной организации. Сб. СПб., 2000.

- Рейнке 1850 = Гидрографическое описание северного берега России адмирала Рейнке. СПб., 1850.
- Рэдклиф-Браун 2001 = Рэдклиф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001.
- Селин 2003 = Селин А.А. Историческая география Новгородской земли в. XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003.
- Семенов 1976 = Семенов Ю.И. Первобытная коммуна и соседская община // Становление классов и государства. М. 1976.
- Сенкевич-Гудкова 1958 = Сенкевич-Гудкова В.В. Саами Кольского полуострова. // Карело-финский педагогический институт. Ученые записки. Т. 4. Петрозаводск, 1958.
- Сенкевич-Гудкова 1967 = Сенкевич-Гудкова В.В. Структурно-словообразовательные элементы в топонимике Кольского полуострова // Ученые записки Карельского Пединститута. Т. 17. Петрозаводск, 1967.
- Сенкевич-Гудкова 1964 = Сенкевич-Гудкова В.В. Фольклорные мотивы в саамской топонимике Кольского полуострова // Ученые записки Карельского Пединститута. Т. 16. Петрозаводск, 1964.
- Сергий 1905 = Сергий (Тихомиров) Карты Водской пятины и ее погостов. СПб., 1905.
- Симченко 1976 = Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленя Северной Евразии. М., 1976.
- Симченко 1980 = Симченко Ю.Б. Этногенез народов Севера. М., 1980.
- Соколова 1961 = Соколова З.П. О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области // СЭ. 1961. №3.
- Соколова 1970 = Соколова З.П. Современные этнические процессы у обских угров. // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970.
- Соколова 1975 = Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров. // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.

- Соколова 1978 = Соколова З.П. Выделение этнических ареалов (на материалах хантов и манси). // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Сб. Л., 1978.
- Соколова 1983 = Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983.
- Соколовский 1996 = Соколовский С.В. Меннониты Алтая. М., 1996.
- Соловьев 1851 = Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1. М., 1851.
- Социально 1985 = Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства. (XVII–XIX вв.). Сыктывкар, 1985.
- Талер 1993 = Таллер М. Что такое "источнико-ориентированная обработка данных". // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. St-Katharinen, 1993.
- Тиандер 1906 = Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.
- Тиандер 1912 = Тиандер К.Ф. Датско-русские исследования. Вып. 1–3. СПб., 1912–1915.
- Тихонов 1996 = Тихонов В.И. Проблемы категоризации при контент-анализе. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.
- Томилов 1993 = Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск., 1993.
- Тюркские 2006 = Тюркские народы Сибири. М., 2006.
- Тюхтин 1978 = Тюхтин В.С. О подходах к построению общей теории систем. // Системный анализ и научное знание. М., 1978.
- Тяжельникова, Леверман 1995 = Тяжельникова В., Леверман В. Источнико-ориентированная обработка данных. М., 1995.
- Тяжельникова, Юшин 2000 = Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. «Массовые источники» и массовые данные. // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000.
- Уемов 1971 = Уёмов А.И. Логические основы метода моделирования. М., 1971.
- Уемов 1978 = Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.

- Уемов 1988 = Уёмов А.И. Теоретические основания и прикладное значение системного подхода. // Проблемы методологии и современная наука. Кишинев, 1988
- Уваров 1994 = Уваров П.Ю. Университетская Франция 1539–1559 гг.//Одиссей, 1994. М., 1994.
- Ульянов 1930 = Ульянов Н.И. Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Московском древлехранилище// Сборник материалов по истории Кольского полуострова. Л., 1930.
- Урманцев 1978 = Урманцев Ю. А. Начала общей теории систем // Системный анализ и научное знание. М., 1978. Т. 39.
- Ушаков 1967 = Ушаков И.Ф. Кольский острог. Мурманск, 1967.
- Ушаков, Дашинский 1988 = Ушаков И.Ф., Дашинский П.Н. Церковь Успения в Варзуге. Мурманск, 1988.
- Ушаков 1997a = Ушаков И.Ф. Кольская земля // Избранные произведения. Т. 1. Мурманск, 1997.
- Ушаков 1997b = Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время. // Избранные произведения. Т. 2. Мурманск, 1997.
- Ушаков 1998 = Ушаков И.Ф. Кольская старина. // Избранные произведения. Т. 3. Мурманск, 1998.
- Ушаков, Дашинский 1982 = Ушаков И.Ф. Дашинский П.Н. Ловозеро. Мурманск, 1982.
- Ушаков, Дашинский 1988 = Ушаков И.Ф., Дашинский П.Н. Церковь Успения в Варзуге, Мурманск, 1988.
- Федоров 2004 = Федоров П.В. Историческое регионоведение в поисках другой истории России (на материалах Кольского полуострова). Мурманск, 2004.
- Философско-методологические 1983 = Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983.
- Функ 1993 = Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993
- Функ 2000 = Функ Д.А. Численность и расселение челканцев в XIX в. //Челканцы в исследованиях и материалах XX века. М., 2000.
- Харузин 1890 = Харузин Н.Н. Русские лопари. М., 1890.

- Харлашов 1990 = Харлашов Б.Н. К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле. // Советская археология. 1990. №1.
- Хвостова 1975 = Хвостова К.В. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях. // Вопросы истории. 1975. №11
- Чарнолуский 1930 = Чарнолуский В.В. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей. // Кольский сборник. Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Вып. 23. Л., 1930.
- Чарнолуский 1930а = Чарнолуский В.В. Материалы по быту лопарей. Л., 1930.
- Чарнолуский 1965 = Чарнолуский В.В. В краю летучего камня. М., 1965.
- Чарнолуский 1966 = Чарнолуский В.В. О культе Мяндаша. // Скандинавский сборник. Вып. 11. Таллин, 1966.
- Чарнолуский 1967 = Чарнолуский В.В. Легенда об олене-человеке. М., 1965.
- Чернов 1989 = Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика. // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1988. М., 1989.
- Чернов 1989а = Чернов С.З. Комплексное исследование русского средневекового ландшафта: (Экология культурной среды) // История и культура средневекового города. М., 1989.
- Чернов 1994 = Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – начале XVI в.: административно-территориальное устройство и структура землевладения. // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994.
- Черняков 1931 = Черняков З.Е. Кольские лопари. Л., 1931.
- Черняков 1979 = Черняков З.Е. Иоганн Шеффер и его «Лапландия». // Советская этнография. 1979. №4.
- Шаргородский 1994 = Шаргородский Л.Т. Современные этнические процессы у селькупов. М., 1994.
- Шаскольский 1945 = Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией. // ИЗ. Т. 14. М., 1945.
- Шаскольский 1952 = Шаскольский И.П. О первоначальном названии Кольского полуострова // Записки ВГО. 1952. №2

- Шаскольский 1978 = Шаскольский И.П. Историческая география // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. I. Л., 1978.
- Швецова 1982 = Швецова Л.Г. Топонимия Кольского уезда в грамотах XVI – XVIII вв. // Ономастика Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1982.
- Шестаков 1863 = Шестаков П. Просвятители лопарей: Феодорит и Трифон // Журнал министерства народного просвещения. Т. 139. 1863.
- Шнирельман 1980 = Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980.
- Штернберг 1933 = Штернберг Л.Я. Род и племя у народов Северо-восточной Азии. Л., 1933.
- Штофф 1963 = Штофф В.А. О роли моделей в познании. Л., 1963.
- Штофф 1966 = Штофф В.А. Моделирование и философия. М.–Л., 1966.
- Штофф 1978 = Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. М., 1978.
- Шумкин 1984 = Шумкин В.Я. Роль экологической среды в заселении Крайнего Север-запада Европы. // Комплексные методы в изучении истории. М., 1984.
- Шумкин 1986 = Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова. // Советская археология. 1986. №2.
- Шумкин 1988 = Шумкин В.Я. К вопросу о формировании хозяйственно-культурного типа у древнего населения Кольского полуострова. // КСИА. 1988.
- Шумкин 1990 = Шумкин В.Я. Саамы, лопь, лопари и финно-угорская проблематика // Исследования по древней истории и этногенезу финноязычных народов. Ижевск, 1990.
- Шумкин 1991 = Шумкин В.Я. Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов. М., 1991.
- Шумкин 2006 = Шумкин В.Я. Древности саамов Российской Лапландии. // In situ. СПб., 2006.
- Юрганов, Данилевский 1998 = Юрганов А.Л., Данилевский И.Н. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. 1997. М., 1998.
- Яцунский 1955 = Яцунский В.К. Историческая география. М., 1955.

- Яцунский 1964 = Яцунский В.К. О применении статистического метода в исторической науке. // Исследования по отечественному источниковедению. Труды ЛОИИ. Вып. 7. М.–Л., 1964.
- Black 1997 = Black J. Maps and History. Construction Images of the past. London. 1997.
- Barth 1966 = Barth F. Models of Social Organization. Royal Anthropological Institute Occasional Paper no. 23. L., 1966.
- Bennett 1976 = Bennett J.W. The Ecological Transition: Cultural Anthropology and Human Adaptation. (Pergamon Frontiers of Anthropology Series. New York–Toronto etc. 1976).
- Bjørklund 1985 = Bjørklund I. Fjordfolket i Kvænangen. Fra samisk samfunn til norsk utkant. 1550–1980. Tromsø–Oslo–Bergen–Stavanger. 1985.
- Boonstra, Breure, Doorn 2004 = Boonstra O., Breure L., Doorn P. Past, Present and Future of Historical Information Science. Amsterdam, 2004.
- Bourdieu 1977 = Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. // Jack Goody. Cambridge Studies in Social Anthropology. V. 16. Cambridge, 1977.
- Gjessing 1954 = Gjessing G. The Changing Lapps // The School of Economics Monographs in Social Anthropology, no. 13. L., 1954.
- Hansen 1985 = Hansen L.I. Handel og levekår i det samiske jakt- og fangst-samfunnet // Heimen. bd. XXII. 1985. №3.
- Hansen 1986 = Hansen L.I. Modeller uten metodologi? Perspektiver på rekonstruksjon av samisk fortid. Unpublished MS, Tromsø, 1986.
- Hansen 1990 = Hansen L. I. Handel i Nord. Samiske samfunnsendringer ca. 1550 – ca. 1700 (Dr. philos. dissertation. University of Tromsø) Tromsø, 1990.
- Hansen 1990a = Hansen L.I. Samisk fanstamfunn og norsk høvdingøkonomi. Oslo. 1990
- Hansen 1996 = Hansen L.I. The Saami Hunting Society in Transition: Approaches, Concepts and Context // Historia Fenno-Ugrica. Vol. I:1. Oulu, 1996.
- Hansen 2005 = Hansen L.I. The Overlapping Taxation Areas of the North and Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early

- Modern Times. // Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders. Moscow. 2005
- Hansen 2006 = Hansen L.I. Sámi Fisheries in the Pre-modern Era: Household Sustenance and Market Relations. // Acta Borealia. Vol. 23. #. 1. 2006
- Hansen 2007 = Hansen L.I. Categorization and classification of native population by state authorities – the case of the Sámi in Nordland country, Norway during the 17th and 18th centuries. // Studies in Northern European Histories. Vol. 5. Cross-Cultural Communication and Ethnic Identities. Proceeding II from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future at Petrozavodsk State University, Petrozavodsk 2006. Luleå, 2007.
- Hatt 1919 = Hatt G. Notes on reindeer nomadism // Memoires of the American Anthropological Association. 1919. № 6 (2).
- Helm J. The Nature of Dogrib Socioterritorial Bands // Man the Hunter. R. Lee and I. DeVore, eds. Chicago. 1968.
- Ingold T. Hunters, Pastoralists and Ranchers. Reindeer Economies and their Transformations // Cambridge Studies in Social Anthropology. Cambridge, 1980.
- Johnsen 1923 = Johansen A.O. Finmarkens politiske historie // Videnskapselskapets Skrifter II. Hist. Filos. Klasse. No. 31. Kristiania, 1923.
- Jutikkala 1956 = Jutikkala E. The Great Finnish Famine in 1696–97. // Scandinavian Economic History Review (3) 1956.
- Mariot 1980 = Mariot Ch. Les Lapons et ses sociétés. Paris, 1980.
- Mead 1981 = Mead W.R. An Historical Geography of Scandinavia. London. 1981.
- Minde 1992 = Minde H. Samenes historie som etterkrigshistorisk forskningsfelt. LOS-senter notat. 1992.
- Mook R., Aubert V. Flyttemønsteret og lokalsamfunnets struktur. En undersøkelse i Karasjok // Tidsskrift for samfunnsforskning. 1970. №1.
- Mulk 1996 = Mulk I.M. The Role of the sami in Fur Trading during the Late Aron Age and Nordic Medieval Period in Light of the Sámi Sacrificial Sites in Lapland, Northern Sweden. // Acta Borealia. 1996. #1

- Nielssen 1986 = Nielssen A. R. Economic Adaptation among the Coast Sami Population in Finnmark c. 1700 // ACTA BOREALIA – A Norwegian Journal of Circumpolar Societies. Vol. 3. 1986. №1.
- Niemi 1983 = Niemi E. Vadsøs historie // bd. 1. Fra øyvær til kjøpstad (inntil., 1833), Utgiver Vadsø kommune. Vadsø, 1983.
- Nickul = Nickul K. The Skolt Lapp Community Suenjelsijd during the Year 1938. Stockholm
- Odner 1992 = Odner K. The Varanger Saami. Habitation and Economy. AD. 1200–1900. Oslo, 1992.
- Olsen 1984 = Olsen B. Stabilitet og endring. Produksjon og samfunn Varanger 800 f.Kr. – 1700 e. Kr. (Dissertation for the degree of Magister Artium. University of Tromsø.) Tromsø, 1984.
- Olsen 1987 = Olsen B. Stability and Change in Saami Band Structure in Varanger Area of Arctic Norway, AD 1300–1700 // Norwegian Archaeological Reveiw. Vol. 20. № 2. 1987.
- Olsen 1988 = Olsen B. Interaction between Hunter-Gatherers and Farmers: Ethnographical and Archeological Perspectives // Archeologia Polski. XXXIII(2). 1988.
- Paine, R. Coast Lapp Society I. A study of neighbourhood in Revsbotn Fjord. Tromsø, 1957.
- Paine 2 1965 = Paine, R. Coast Lapp Society II. A study of economid development and social values. Tromsø–Oslo–Bergen, 1965.
- Pehrson 1957 = Pehrson, R. The Bilateral Network of Social Relations in Könkämä Lapp District. Indiana University Publications, Slavic and East European Series 5. 1957.
- Pelto 1962 = Pelto P.J. Individualism in Skolt Lapp Society. // Kansatieteellinen Arkisto,. 16. Suomen Muinaismaistoyhdistys. Helsinki, 1962.
- Polla 1997 = Polla M. Changes in the ethnic composition of the population of Viena Karelia in the 17th–19th centuries. // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Vol. 87. Helsinki, 1997.
- Polla 2001 = Polla M. Vienan-Karjalainen perhelaitos 1600–1900. Helsinki, 2001.
- Polla 2003 = Polla M. Peasant and hunter households in Oulanka, northern Russia, in 1710–1910. // The History of the Family: An International Quarterly. #8. London, 2003.

- Polla 2004 = Polla M. Characteristics of the family system in a nineteenth-century northern-Russian peasant community. // *Continuity and Change*. Vol. 19. Cambridge, 2004.
- Polla, Kuropyatnik 2004 = Polla M., Kuropyatnik M.S. Household arrangements among the Saami of Akkala, Northern Russia, in the 19th century. // *Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia*. Joensuu, 2004.
- Porsanger 2007 = Porsanger J. Bassejoga čáhci: gáldut nuortasámiid oskkoldaga birra álgoálbmotmetodologijaid olis. Kautokeino, Davvi Girji 2007.
- Quigstad 1927 = Quigstad J. Lappiske eventyr og sagn. Vol. I–IV. Institute of Comparative Cultural Research. Oslo, 1927–1929.
- Rydving 1993 = Rydving K. The end of drum-time: Religious change among the Lule Saami. 1670 –1740. Uppsala, 1993.
- Sergejeva 2000 = Sergejeva J. The Eastern Sami: A Short Account of their history and identity. // *Acta Borealia*. 2000. №2.
- Storli 1986 = Storli I. A review of archaeological research on Sami prehistory. // *Acta Borealia*. 1986. #1.
- Tanner 1929 = Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. I. Skolt-lapparna // *Fennia* 49. No. 4. Helsingfors, 1929.
- Thaller 1992 = Thaller M. On the Conception, Training and Employment of Historical Data and Knowledge Daemons. // *Eden or Babylon? On Future Software for Highly Structured Historical Sources*. St. Katharinen, 1992.
- Thuen T. Acculturation and ethnic survival? Some problems in the study of so-called "Norwegianized" Sami communities // *Acta Borealia*. 1985. № 1–2.
- Whitaker 1955 = Whitaker I. Social Relation in a nomadic Lappish community.// *Samiske samlinger*. II. 1955.
- Whitaker 1978 = Whitaker I. Some Changes in Lainiovuoma Sámi Reindeer Management // *Ethnos*. 1978. № 3–4.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

HRA – Helsinki Riksarkive.

R1593 – датский список подданных сийитов 1593 г.

АИ – Акты исторические

Архив СПб Института истории РАН – Архив С–Петербургского института истории РАН

баб. – бабинский диалект языка саами

ВИД – «Вспомогательные исторические дисциплины»

Г1516 – Грамота Василия Ивановича III 1516–1517 гг.

ГАМО – Государственный архив Мурманской области

ГСЕ – глава семейной единицы

ГСКП – Географический словарь Кольского полуострова

ДАИ – Дополнения к актам историческим.

дат. – датский язык

ЗИРГО – Записки императорского Русского Географического общества

йок. – йоканьгский диалект языка саами

кильд. – кильдинский диалект языка саами

КЭИ – Комплекс элементов информации

П1573–1576 – Писцовые книги письма и дозору Василия Агалина 1573/1574 и 1575/1576 гг.

П1607–1611 – Книги письма и дозору Алая Михалкова составленные в течение 1607/1608, 1608/1609 и 1610/1611 гг.

П1646 – Черные переписные книги Кольского уезда переписки головы стрелецкого Леонтия Озарева да Кольския съезжие избы подьячего Василья Звягина 1646/47 гг.

П1678 – Переписные книги Льва Борисовича Секирина, составленные 1678/79 гг.

П1709 – Переписные книги Кольского уезда, составленные зимой 1709–1710 гг.

П1710 – Переписная книга Кольского уезда, составленная зимой 1710–1711 гг.

П1716 – Книги переписные около Мурманского и Белого морей составлены зимой 1715–1716 г. («Ландратская перепись»)

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

Р1719 – Книги 1-й ревизии Кольского уезда 1719 г.

Р1744 – Книги 2-й ревизии Кольского уезда 1744 г. («Книги ревизии 1747 г.»)

Р1763 – Книги 3-й ревизии Кольского уезда 1763 г

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Роспись – Роспись лопским погостам 1625/26 гг.

рус. – русский язык

Сб. – сборник

СГКЭ – Сборник грамот Коллегии Экономии.

СЕ – семейная единица.

скольт. – скольт-диалект языка саами

СМИКП – Сборник материалов по истории Кольского полуострова. Л., 1930.

ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ЭО – «Этнографическое обозрение»

фин. – финский язык

SUMMARY

The Kola uezd Sámi in 16th – 18th centuries: Model of the social structure

The target of this research is to reconstruct the social structure of the Kola uezd Sámi in 16th – 18th centuries. This research in its base contains the systems approach and is interdisciplinary. The specified target is ethnological and it determines the circle of questions that the source give answers to. The sources, on the other hand, are historical and often contain mass material. Thus, the methods of working with the sources are closer to the quantitative methods of social history and historical demography. In order to correctly understand the “answers of the sources” and in order to process them, we have also used methods of the source criticism and historical anthropology. The work with the spatial reflection of the model was based on the methods of historical geography. The “source answers” that were obtained as the result have been interpreted using ethnological and sociological methods as was needed. The general method of the whole research was modeling.

The first chapter entitled “The Sources” contains information about the sources used and the methods of their processing. It examined the state of the source base, analyzed the typology of the sources and their informational content. Different censuses were used as the main sources. Thus the chapter describes in detail all the census of the Kola uezd in the pertaining period.

The second chapter entitled “The Methods and Procedures” offers methods of building a model on the basis of empiric material extracted from the sources available: a complicated, open dynamic system and its social structure as the subsystem. The building material for the model was information, which was processed using mathematical logic. The set lies in the base of any system description. Thus it was suggested to regard the Kola uezd Sámi society as a *dynamic set* that possesses inside structure. As a matter of fact this inside structure constitutes the social Sámi groups of this study. The types of these institutes have been examined as the subset. A base containing 6627 records containing personal information has been created in order to process the information.

As the main method of modeling the censuses were used as the average crossection of the society. The creation of these links between the “crossections” (the censuses information) is, in fact, the modeling of the

dynamic. The content of this procedure consists of uniting the information from different sources into a model. It implies identification of the information about objects/phenomenon contained in different volumes. This specific procedure is the technological backbone of the whole research. We offered identification techniques for three types of objects/phenomenon: people, geographical objects and groups. As a result of this work, out of 4502 records of male fixed in *siidas* that were recorded in the censuses in the period from 1678 to 1763, 2133 male fixed in *siidas* were traced. The placenames that were mentioned in our sources were identified with geographical objects and depicted on the map using GIS. As a result of the conducted procedure of graphical identification 327 objects have been presented. In the book practically all groups of Sámi in the 16th – 17th cc. that were mentioned in the sources have been identified. Since these groups in the sources were connected to certain geographical objects, it was possible to map their areas.

In the chapters described a cognitive model has been developed. The third chapter, entitled “The Social Structure” was devoted to filling this model with empiric material and thus creating a substantial model. This chapter examines the main researched elements of the Sámi society: *siida*, *patriline*, *family unit* and *vezha*. The examined elements were presented in dynamic form and in view of the regional specifics. On the basis of these materials the dynamic of the population numbers of the Kola uezd Sámi in the researched period has been researched. This allowed to make a range of conclusions about the social processes.

The allocation of the Sámi groups and their areas have mostly remained unchanged throughout the time period in question. It leads to the conclusion about the existence of a system of allocation of the *siida*. *Siida*, nominated as the “*pogost*”, was a very stable institute. The documented length of the existence of some these social units are more than 400 years. In the time period in question Sámi did not tie the origin of the *siida* with certain people. *Siida* was a unity of people connected with the area of their habitat. During this whole period the taxation policy influenced the strengthening of the role of those *siida* who acted as the group subject to taxation.

The male population of the *siida* was quite stable. From generation to generation most of the men mostly remained in the same *siida*. The social importance of the *patriline* at the time in question was expressed in the performance of land inheritance functions in certain areas. In the Sámi society the dominating tendency was for the newlyweds to settle in the *siida* of the husband, but separately from the parents. Most of the family units, in their composition, were similar to the nuclear family. Family units

were not just groups of close relatives, but a minimal social-economic elements, that could be temporary.

Personal composition of the *vezha*, dwelling site did not form according to the patrilineal principal. It included family units created by representatives of different *patrilines*. In most *siida vezha* was not a stable social element. As a result of the tax reform of 1678/79 *vezha* was set equal to the Russian *dvor* (house with household) and became subject to taxation. This led to further decrease of importance of the *vezha* collective body.

Thus we see that the model of the social structure was created, and the goal set before the research was reached. Such factors as stability of the *vezha* composition and the size of the family unit together can be interpreted as indirect evidence of economic specialization. This analytical method in combination with the dynamics research of the population size made it possible to make hypothesis about social transformations of the Sámi society during the time in question. The construction of such hypothesis is evident of that our model can answer the questions outside of the basic empiric material. It points to the multipurpose quality of the methods used.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I Устойчивые патронимы саами Кольского уезда, упоминаемые в документах XVII–XVIII вв.

Ниже перечислены прозвища, упоминавшиеся до третьего поколения от первого носителя, т.е. превращавшиеся в партонимы – фамилии. В списке указаны различные варианты написания патронимов. Некоторые из них принадлежат не родственным патрилиниям. Этот список показывает, что большинство современных фамилий Кольских саами и скольтов возникли именно в исследуемое время. Условные обозначения: «/» – варианты написания; «–» – переименование патрилинии; «в т.ч.» – переименование некоторых ветвей патрилинии; «см.» – отсылка к первичному патрониму.

Агеевы – Иевлевы
Алексеевы
Бабины
Бархатовы
Барышевы
Башмаковы
Бородины (в т.ч. Дорофеевы)
Бушуевы
Васильевы
Вдовины
Вербангины
Водицыны
Волковы
Галкины (в т.ч. Шомбины и
Селивановы)
Даниловы/Даниловых
Десятильник
Дорофеевы (см. Бородины)
Друженковы – Тюрженские
Жеребцовы
Зайковы
Захаровых/Захаровы

Златухины
Зубовы
Иккиевы
Калачевы
Кеткины
Кобелевы
Козьмины/Козьминых –
Мохнаткины
Койвины/Койбины
Колданцевы (в т.ч. Юшковы и
Мелентьевы)
Иевлевы (см. Агеевы)
Конковы
Кораблевы
Куимовы
Куйвиевы
Култепины – Пелкины
Лавлуевы
Лайгуевы
Летовы
Мастиновых
Матрохины/Матрёхины

Миткуевы
Мохнаткины (см. Козьмины)
Мошниковы
Мелентьевы (см. Колданцевы)
Мустопардины
Никулины/Никулиных
Оллуевых
Осиповы - Печешники
Павловы
Паршуковы
Пелкины (см. Култепины)
Печешники (см. Осиповы)
Полашкины
Посаткины
Потеряхины
Пуза
Пургуевы
Пьяных (см. Сверловы)
Раккуевы
Ресканцевы
Роговы
Рудышкины/Родушкины
Сваловы
Сверловы – Пьяного/Пьяных
Селивановы (см. Галкины)
Семейкины
Середины
Скраловы
Собакины
Созоновы
Сорвановы
Сотниковы
Софушкины
Старуновские
Стакановы
Тагановы
Таницыны
Титовы
Тихоновы
Тоины
Толчасовы
Трясковы

Туркиевы
Тюрженские (см. Друженковы)
Тычкины
Улиткины
Ургутовы
Феклицыны
Фефилофы/Фефиловых
Харлампиевы/Харловы
Чаппуровы
Челнуевы
Черных/Черного/Черные
Шареевы - Щеголихины
Шаршины
Шингины
Шомбины (см. Галкины)
Шуркаловы
Щеголихины (см. Шареевы)
Щекины
Юлины
Юнгины
Юшковы (см. Колданцевы)

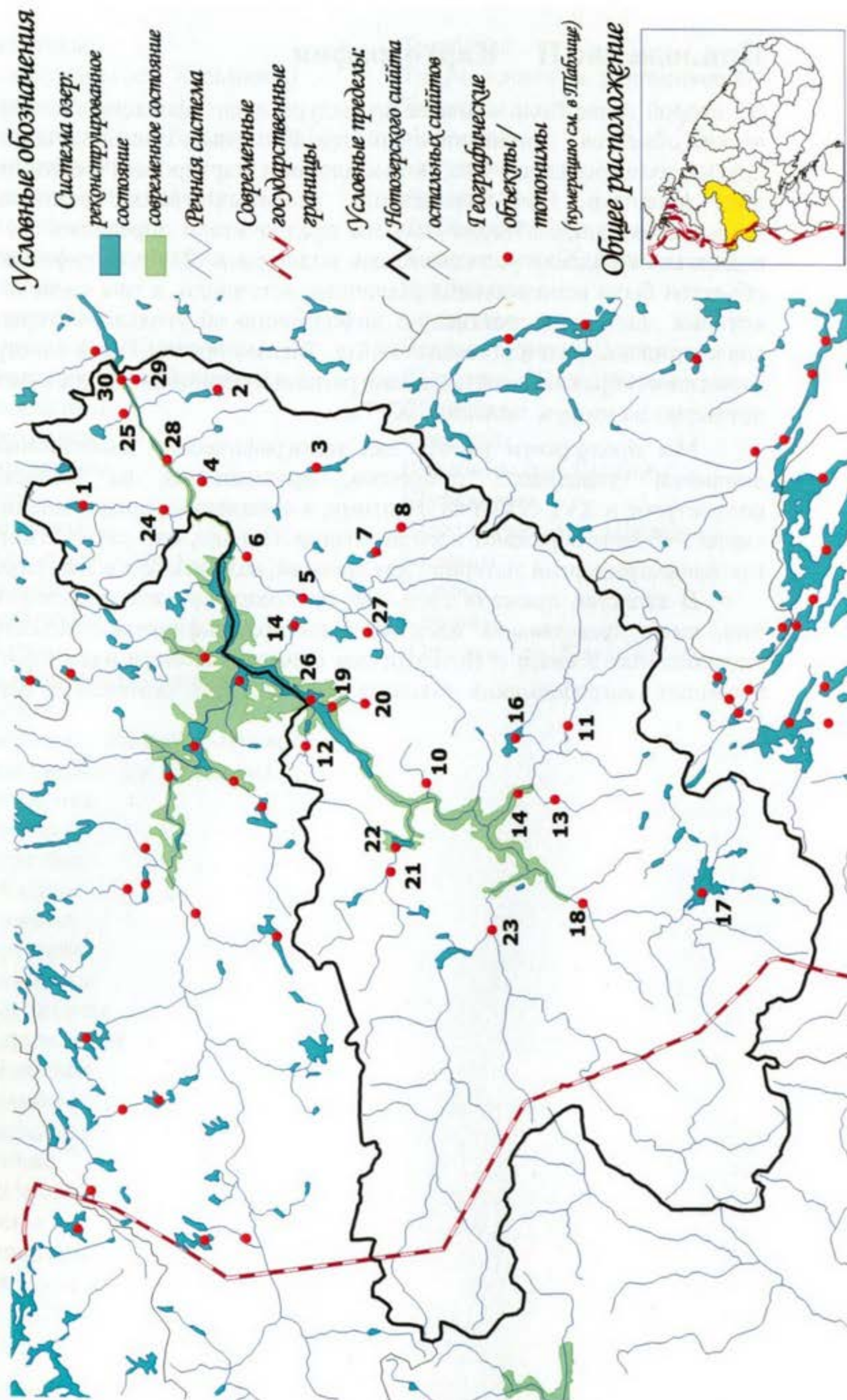
Приложение II Картография

Во второй главе была описана процедура идентификации географических объектов / топонимов и сийитов. Поскольку описание одних и других взаимосвязаны, это позволило нам картировать результаты этих процедур. При определении условных границ различных административных объединений мы предпочитали определять их по водоразделам между упоминаемыми водоемами. Для идентификации объектов были использованы различные источники, в том числе и те, которые дают ретроспективную информацию об угодьях, которыми владели члены того или иного сийита. Таким образом, были топографически отображены все административные единицы по состоянию примерно на вторую половину XVI в.

Мы продолжаем работу над топографическим изображением динамики социальных процессов, проходивших на Кольском полуострове в XVI–XVIII вв. Поэтому, к сожалению, представленные карты 3–5 не отображают всей динамики. Однако, они служат скорее как иллюстративный материал для явлений, изложенных в 3-й главе.

В качестве примера того, как проходил процесс идентификации, ниже представлена идентификация географических объектов, упоминаемых в связи с Нотозерским сийитом. Номера идентифицированных географических объектов соответствуют номерам на карте 1.

Карта 1. Нотозерский сиййт

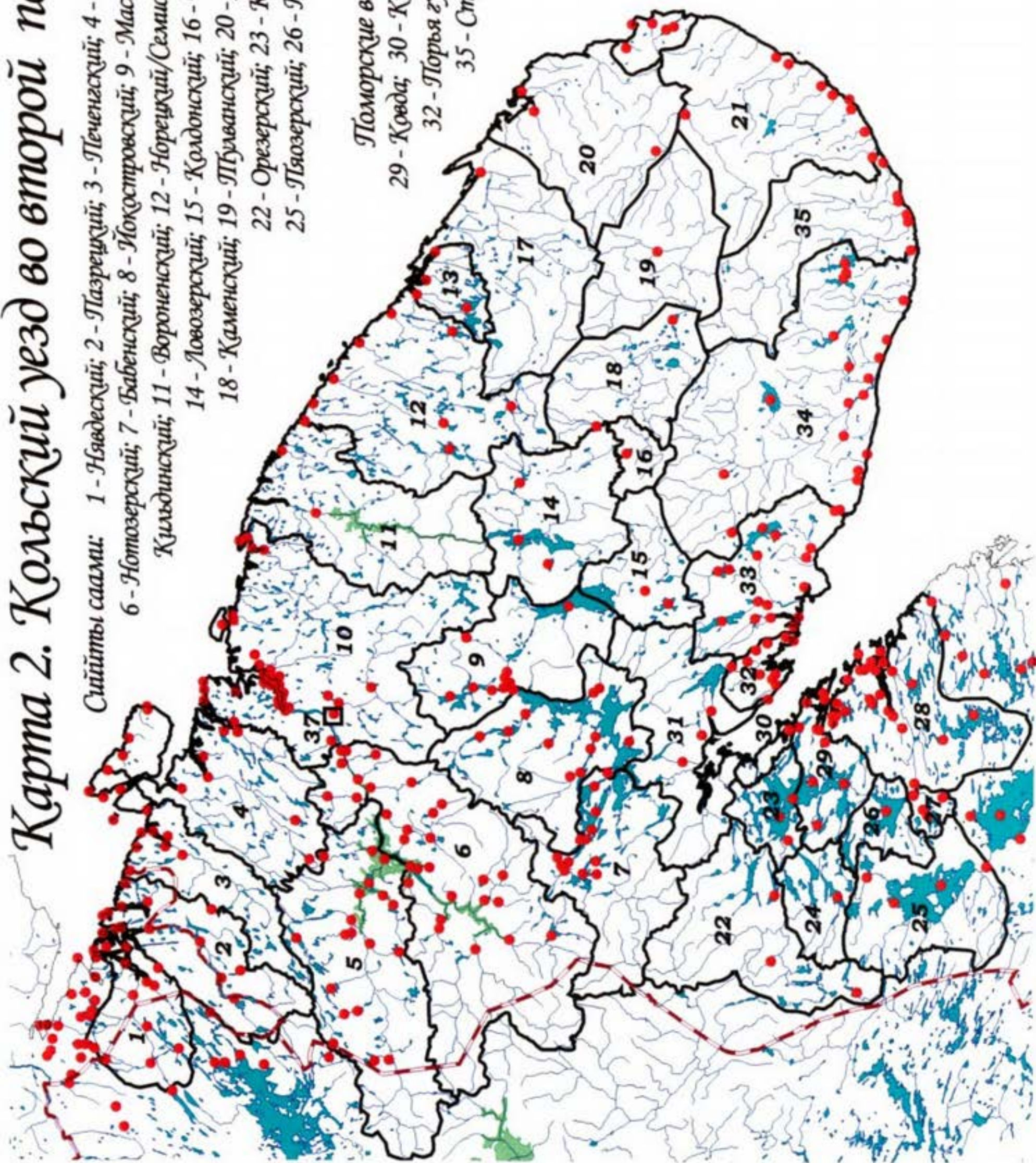

Карта 2. Кольский уезд во второй половине XVI в.

Сийиты саами: 1 - Нявдеский; 2 - Пазрецкий; 3 - Печенгский; 4 - Мотовский; 5 - Соньяльский; 6 - Нотозерский; 7 - Бабенский; 8 - Йокстровский; 9 - Масельский; 10 - Муномашский/Кульдинский; 11 - Вороненский; 12 - Норецкий/Семистровский; 13 - Нохкуевский; 14 - Ловозерский; 15 - Колдонский; 16 - Чуроозеро; 17 - Йоканьгский; 18 - Каменский; 19 - Пхуванский; 20 - Лундалский; 21 - Пурнацкий; 22 - Орезерский; 23 - Ковдозерский; 24 - Рува озеро; 25 - Пяозерский; 26 - Пикшеозеро; 27 - Елетьозеро.

Поморские волости и села: 28 - Кереть; 29 - Ковда; 30 - Княжая губа; 31 - Кандалакша; 32 - Порья губа; 33 - Умба; 34 - Варзуга; 35 - Стрельна; 36 - Поной; 37 - Кола.

Озера:
 реконструированное состояние
 современное состояние
 Реки
 Условные пределы ареалов
 Современные государственные границы
 Идентифицированные географические объекты | топонимы

Карта 3. Административная система на Кольском полуострове в XVI - н. XVII вв.

Сиййты саамы: 1 - Нявдемский; 2 - Пазрецкий; 3 - Печенгский; 4 - Мотовский; 5 - Соньямский; 6 - Нотозерский; 7 - Бабенский; 8 - Йокостровский; 9 - Масельский; 10 - Мунолашский/Кильдинский; 11 - Вороненский; 12 - Норецкий/Семностровский; 13 - Нохуевский; 14 - Ловозерский; 15 - Колдонский; 16 - Чуроозеро; 17 - Йоканьгский; 18 - Каменский; 19 - Пхуланский; 20 - Лунданский; 21 - Турнацкий; 22 - Орезерский; 23 - Ковдозерский; 24 - Рува озеро; 25 - Пяозерский; 26 - Пхикшеозеро; 27 - Елетьозеро;

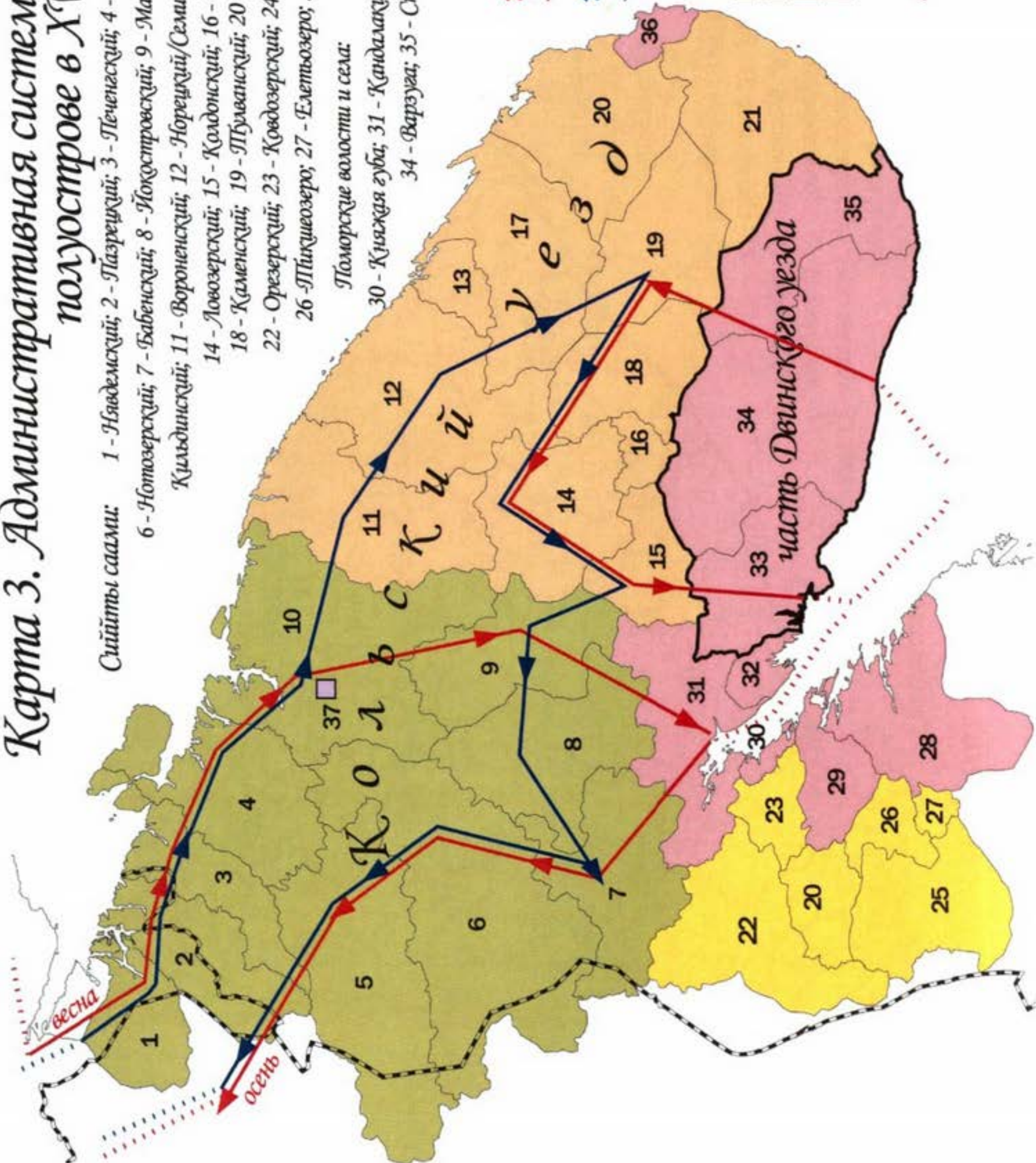
Поморские волости и села: 28 - Кереть; 29 - Ковда; 30 - Княжая губа; 31 - Кандамакша; 32 - Порья губа; 33 - Умба; 34 - Варзуга; 35 - Стрельна; 36 - Поной; 37 - Кола.

Маршруты сборщиков дани:

- русских по наказной памяти 1517 г.
- датских по Register 1593 г.

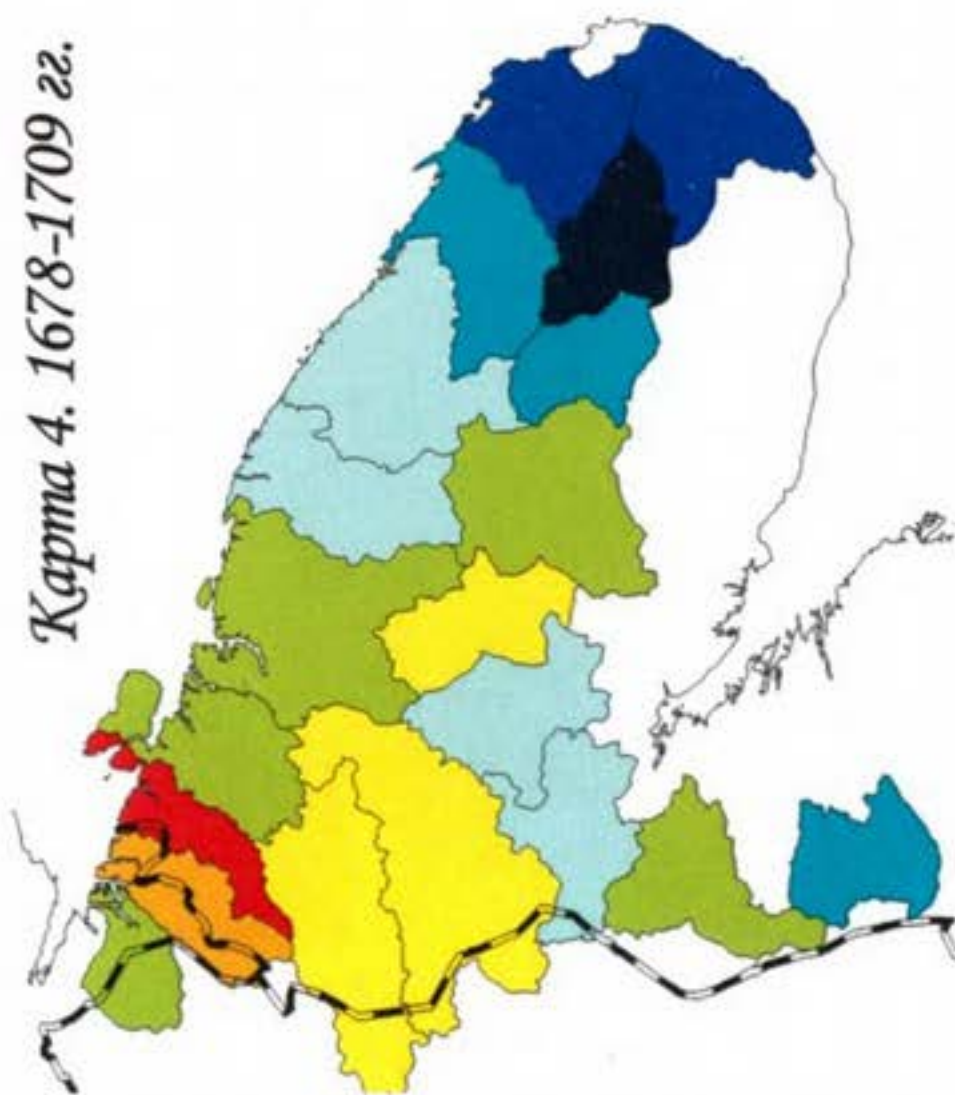
Официальное деление податных коллективов:

- Кончанская лопь
- Перская лопь
- Лешая лопь
- Поморские волост
- Современные государственны границы

Динамика численности саами по переписям 1678–1763 гг.

Карта 4. 1678–1709 гг.

Карта 5. 1709–1744 гг.

Увеличение численности

более чем на 90%

на 60–90%

на 45–60%

на 15–45%

на 15–45%

на 45–60%

на 60–90%

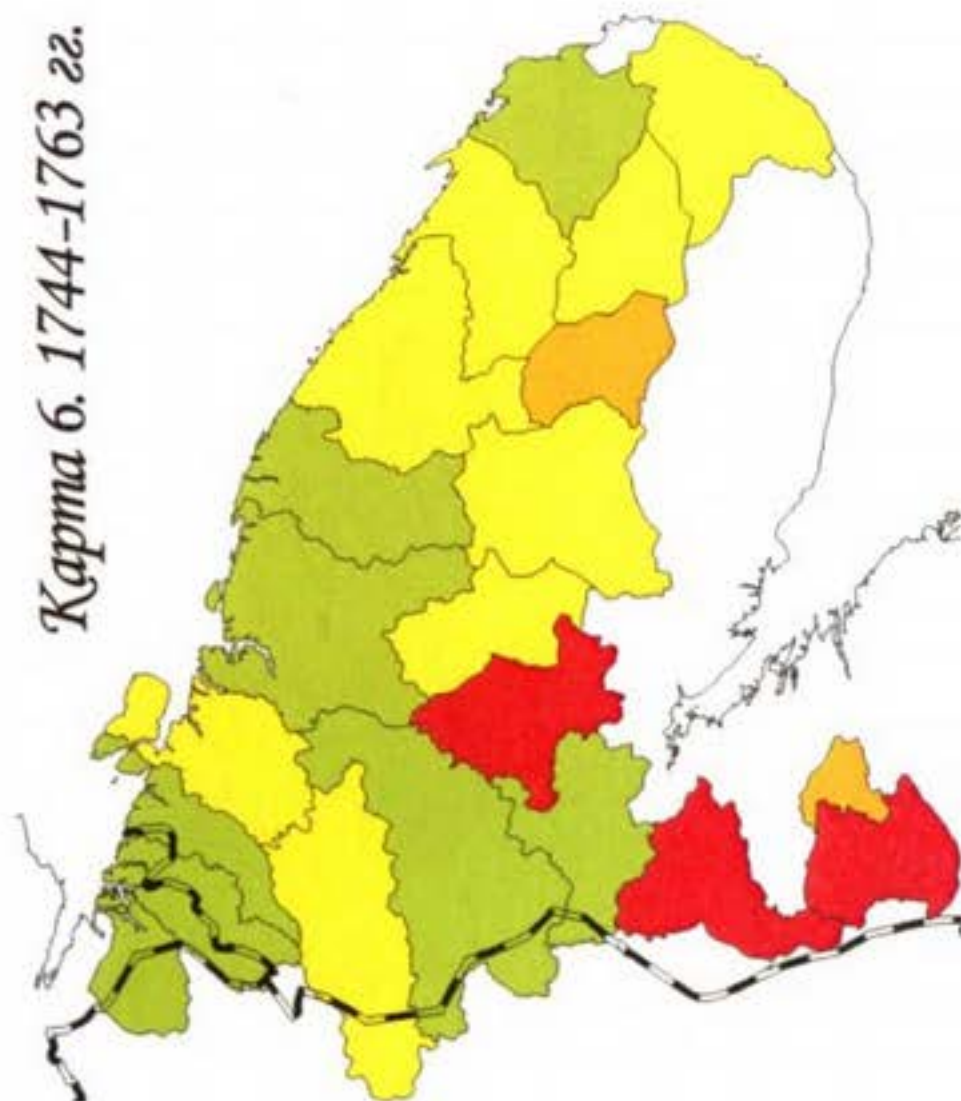
более чем на 90%

Стабильная численность

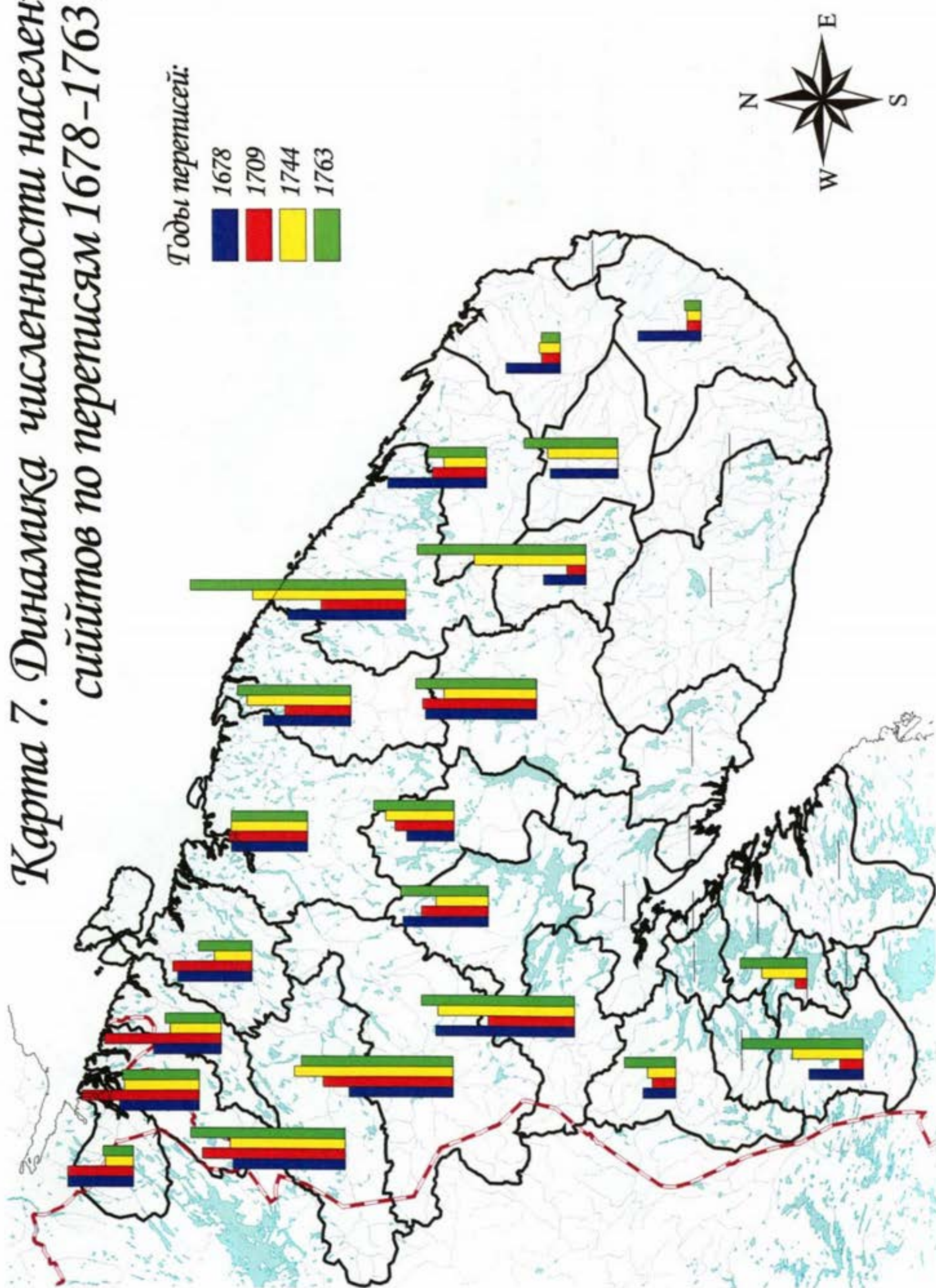
колебания численности
от -15 до +15%

современные
государственные
границы

Карта 6. 1744–1763 гг.

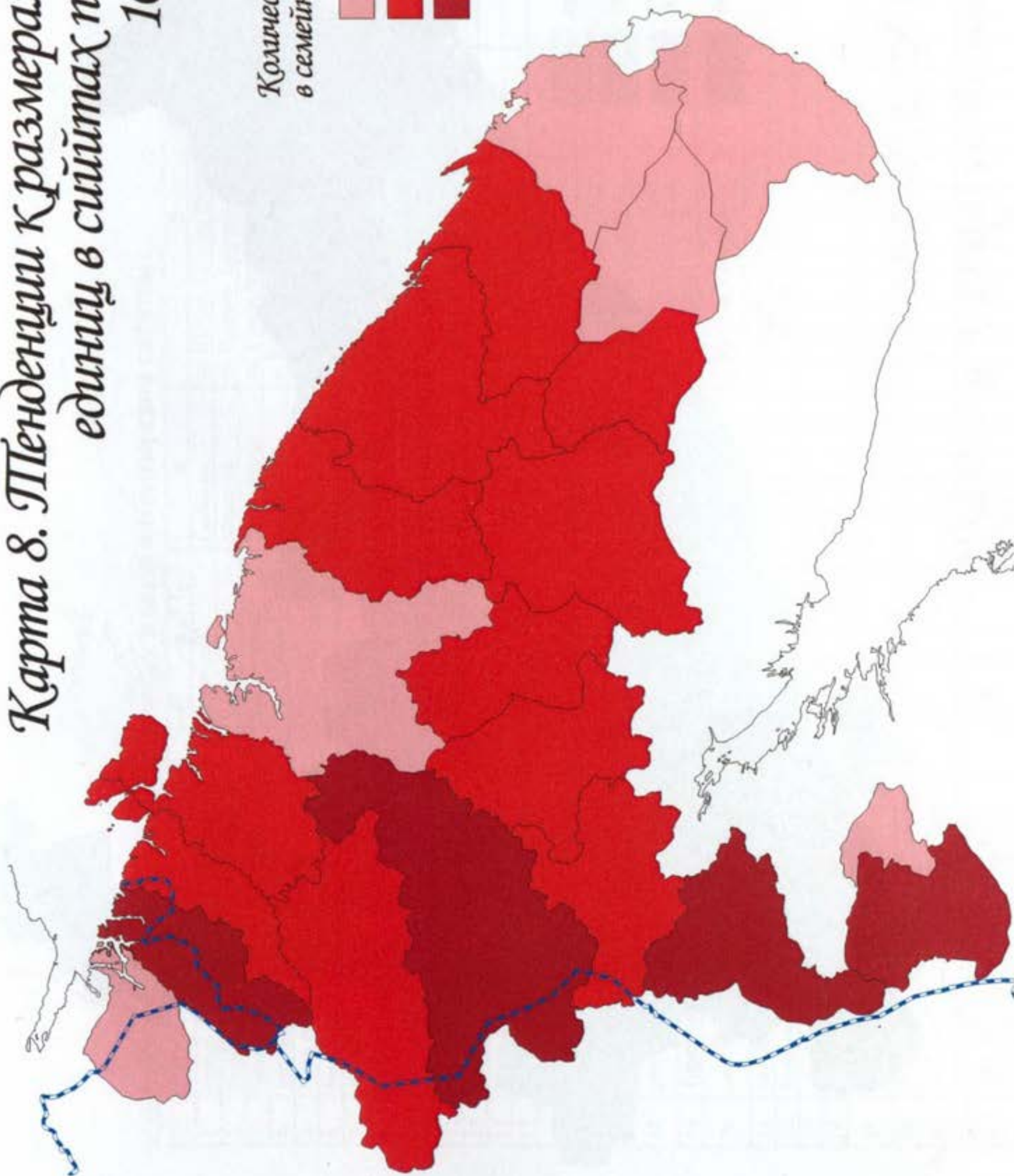
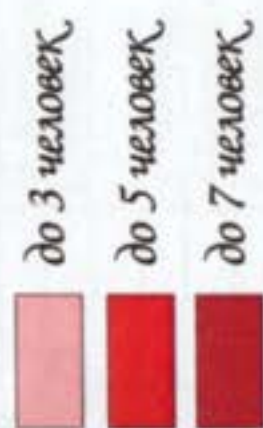

Карта 7. Динамика численности населения сёл по переписям 1678–1763 гг.

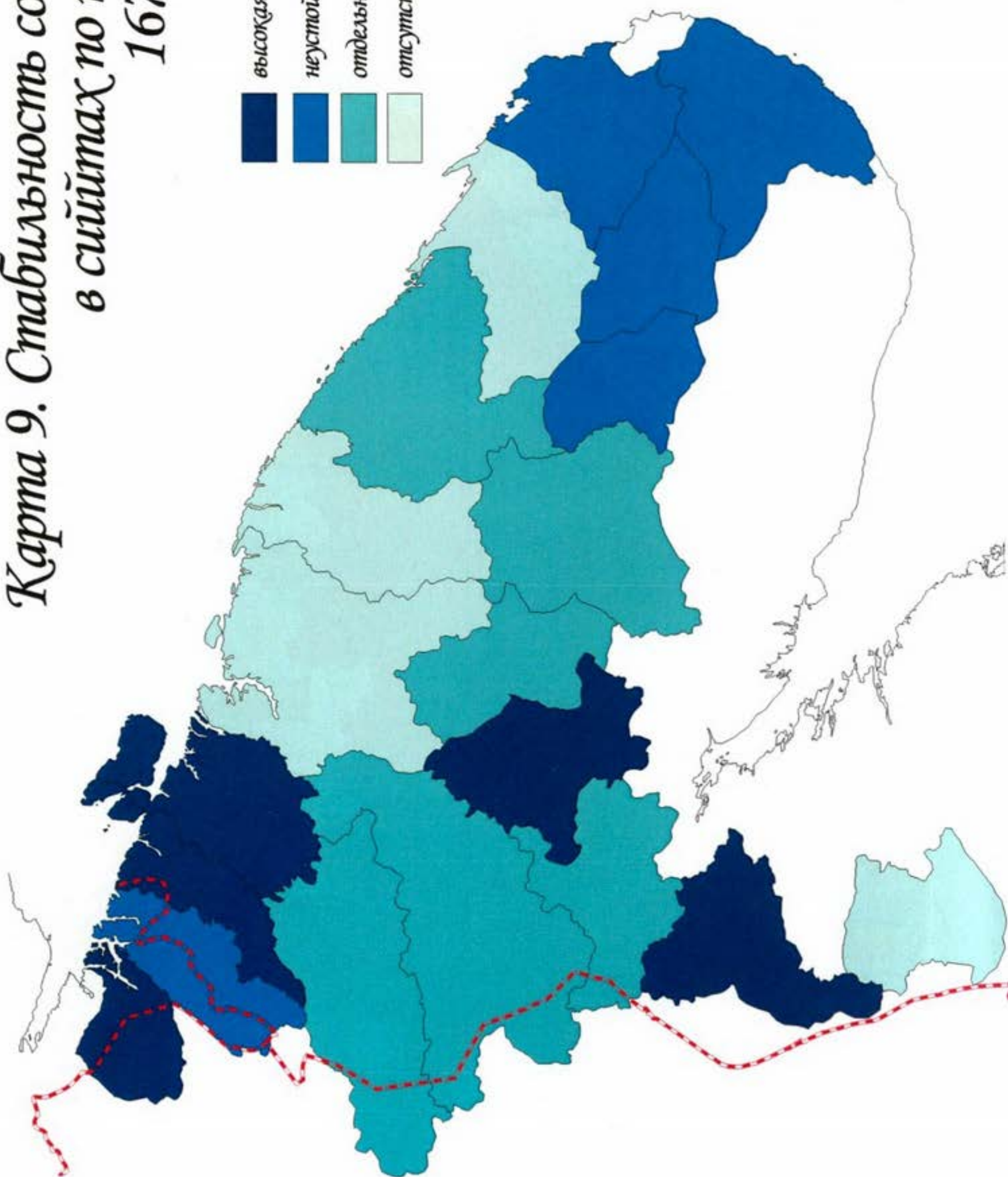
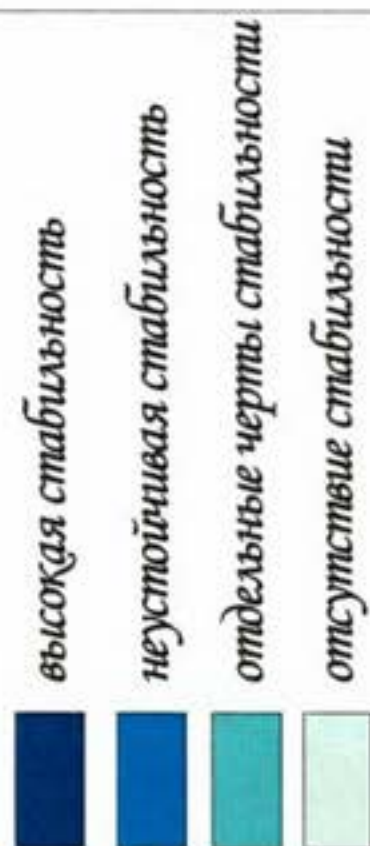

Карта 8. Пленденный к размерам семейных
единиц в сийтах по переписям
1607–1719 гг.

Количество взрослых мужчин
в семейных единицах

Карта 9. Стабильность состава веж в сийтах по переписям 1678-1719 гг.

Идентификация топонимов, упоминаемых в связи с Нотозерским сиййтом

	1	2	3	4	5	6	7
1.	Совно оз.	Совно оз.	Совно оз.	Совно оз.	оз. Шовна, Шовно, Шовн, Совнъявр		оз. Шовна, Шовнаявр
2.	Нерсо оз.	Несер ⁸ оз.	Керсо оз.	Мерсо оз.	оз. Вырмер, Вырмыс		оз. Вырмес
3.	Челмонко оз.	Челмонко ⁹ оз.	Чесмонно оз.	Челмонко оз.	оз. Улита, Чалможъявр, Чальмъеурь		оз. Улита
4.	реч. Улита	реч. Улита	реч. Улита	реч. Улита	р. Улита	р. Улита	р. Улита
5.	Печь оз.	Печь оз.	Печь оз.	Печь оз.	Печо оз.	Печо оз.	Печо оз.
6.	реч. Печь	р. Печь	р. Печь	реч. Печь	р. Печа	р. Печа	р. Печа
7.	Колмо оз.	Колмо оз.	Космо оз.	Колмо оз.	Оз. Колнъявр, Куальнъявр, Кольна		оз. Колнозеро
8.	Колмо ручеек	Колмов руч. ¹⁰	Космо руч.	Колмо ручеек	р. Кольнайок, Колнышйок		р. Колныш
9.	-	Касы оз. ¹⁰	-	-			
10.	реч. Рундав	р. Ренвас	реч. Рундав	реч. Рундав	р. Ровас, Равас	р. Ровс	р. Россйоки
11.	реч. Писта	реч. Писта	реч. Писта	реч. Писта	р. Березовая, Березовый ручей ¹¹		р. Березовая ¹¹
12.	реч. Водонга	р. Тодонга	р. Водонга	р. Дидоньга	р. Тойявр, Тойвявр, Дуивиявр ¹²		р. Тобвельйоки
13.	Мела оз.	Мела оз.	Мела оз.	Мела оз.	оз. Мелльярв		оз. Мялозеро
14.	Пара оз.	Пира оз.	Пара оз.	Пара оз.	оз. Пуръявр		оз. Пурозоро
15.	реч. Вуя с ручейки	р. Вуя	р. Вуя с ручейки	р. Вулье и с ручейки	р. Вува		р. Вува
16.	Сидя оз.	Суда оз.	Суда оз.	Суда оз.	оз. Суръявр	оз. Соид	оз. Суръярви ¹³
17.	Гирвас озеро	оз. Гирвас	Гирвас оз.	Чирвас оз.	оз. Гирвас	оз. Гирвас	оз. Гирвас
18.	реч. Гирвас и с ручейки	р. Гирвас и с ручейки	р. Гирвас и с ручейки	Речка Чирвас с ручейки	р. Гирвас	р. Гирвас	р. Гирвас
19.	Товади оз.	Товдо оз.	Товадь оз.	Товади оз.	Губа Туадаш	Туадаш губа	Туадаш губа
20.	реч. Товда и с ручейки	реч. Товда и с ручейки	р. Товадь и с ручейки	реч. Товда и с ручейки	р. Туадаш, Туотайоки	р. Новая	р. Новая
21.	реч. Кочмога	реч. Качкома	реч. Кочмога	р. Кочмага	р. Кацким	р. Кацким	р. Кацким
22.	Качкомо озеро	Качкама оз.	Кочкомо оз.	Колком оз.	оз. Кацкимъявр	оз. Качкелим	оз. Кацким
23.	реч. Рявья	реч. Рявья	реч. Рявья	реч. Рявья	р. Явра, Ярва		р. Явр
24.	реч. Шовна	-	-	-	р. Шовна, Совнъяок		р. Шовна
25.	реч. Пакина	-	-	-	р. Пак, Пакхйок, Пахта-река, Пека-река		р. Пак
26.	Ното оз.	Ното оз.	Ното оз.	Ното оз.	оз. Ното	оз. Ното	Верхнегуломское вдхр.
27.	р. Конья ¹⁴	р. Конья	р. Конья	р. Конья	р. Конья	р. Конна	р. Конья
28.	р. Тулома	р. Тулома	р. Тулома	р. Тулома	р. Тулома	р. Тулома	р. Тулома
29.	Кярч руч.	Кярч руч.	Кярч руч.	Кярч руч.	р. Керсийок, Керча	р. Керча	р. Керча
30.	Кальпуха	Кальпуха	Кальс. Буки	Калепуха	Калепуха, Калипуха, порог		

Условные обозначения:

Номера колонок – источники, использованные для идентификации информации:

1. Дело о споре вокруг владений 1697 г., цитата переписи 1573–1576 гг. и по ссылкам на сделки HRA. Rulla PR-44. N13. Рр.7–20
2. Писцовая книга Алая Михалкова 1607–1611 г. Список пторой половины XVII в. РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Д. 208. Лл. 170об. – 171об.
3. Грамота 1696 г., ссылка на Перепись 1573–1576 гг. Ефименко А.Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. Приложение III. Выписка из жалованной грамоты // ЗИРГО. Т. VIII. СПб. 1878 г. С. 66.
4. Грамота 1709 г., ссылка на Перепись 1573–1576 гг. СМПКП. С. 153.
5. Географический словарь Кольского полуострова. Т. 1, 2. М.-Л., Мурманск, 1939–1941.
6. Атлас Российской империи. Изд. Маркса. СПб. 1890.
7. Карты Мурманской области 1: 200000. ГУГК. М. 1989.

Комментарии к идентификации:

⁸ Может читаться также и как «Нерсе озеро».

⁹ У Н.Н. Харузина написан вариант «Челмонское озеро».

¹⁰ Скорее всего, это оз. Кацким (ниже – №22), который в этом источнике почему-то написан не в той же очереди, как в остальных. Однако, решили, оставить это оставить как гипотезу.

¹¹ Слово *писст* (*пясст*) согласно Географическому словарю имеет коннотацию «береза».

¹² Топоним не удалось идентифицировать. Наиболее близким может быть упоминаемый в Географическом словаре Кольского полуострова Тойявр, Тойвявр, Дуивиявр – сток в южной части оз. Нотозеро. Этой реке на современной карте соответствует Тобвельйоки. Этот топоним идентифицирован условно.

¹³ Река, которая вытекает из озер Суръярви, носит название Суадыш.

¹⁴ Нотозерский сийт «стоит на Конье реке».

Приложение III Внутренняя динамика сиййтов

В приложении отображены все мужчины, зафиксированные в ПКЛБС, П1709, П1710, П1716 и Р1719. В соответствии с переписями они объединены в сиййты, семейные единицы и вежи. В соответствии с реконструкцией патрилиний, представители каждой патрилинии в рамках сиййта окрашены в свой цвет. По возможности, указаны миграции мужчин в сиййт и из него.

Общая легенда схем

В схемах используются сквозные нумерации мужчин и патрилиний, использованные в рабочей базе данных. Для схематической наглядности, в схеме не сохранена зафиксированная в переписях последовательность людей в рамках семейных единиц, семейных единиц в рамках веж, и веж в рамках сиййтов. Мужчины, зафиксированные в переписях, обозначены номерами, присвоенными им в рабочей базе данных. В тех случаях, когда патрилиния имела специфический патроним (прозвище), он указывается вместе с номером патрилинии в легенде схем. Это применяется даже в случае утраты прозвища или появления его во время, выходящее за временные рамки схем. В случае, изменения прозвища указывается оба патронима, которые носили представители патрилинии. Члены каждой семейной единицы, даже состоящие из представителей разных патрилиний, объединены рамкой – □. Каждая отдельно расположенная СЕ или группа СЕ обозначает вежу. Нумерация веж и цвет патрилиний сгруппированы в пределах сиййта. Гипотетическая преемственность между разными патрилиниями указана в комментариях к схемам, где это возможно. Нумерация веж обозначается слева от вежи. Стрелки между номерами, обозначают персональную или родственную преемственность между разными семейными единицами. Стрелки, связывающие людей и названия сиййтов, обозначают миграцию данных мужчин или семейных единиц.

СХЕМА I
НЯВДЕМСКИЙ СИЙИТ

Годы переписей:
1678

1709

1710

1716

1719

Патрилии:
101 (Рудышкины); 151; 154; 157; 3223;
149; 152; 155; 158;
150; 153; 156 (Шареевы-Щеголихины); 1154;

Примечания:
Как 391, так и 396 могли быть отцами для патрилий № 153 и 154.
416 и 417 могли быть сыновьями 414. Если это так, то мы видим, что состав веж 6,7,10,11,14, 17 формировался из членов одной патрилии.

СХЕМА II
ПАЗРЕЦКИЙ СИЙИТ

Годы переписей:
1678

1709

1710

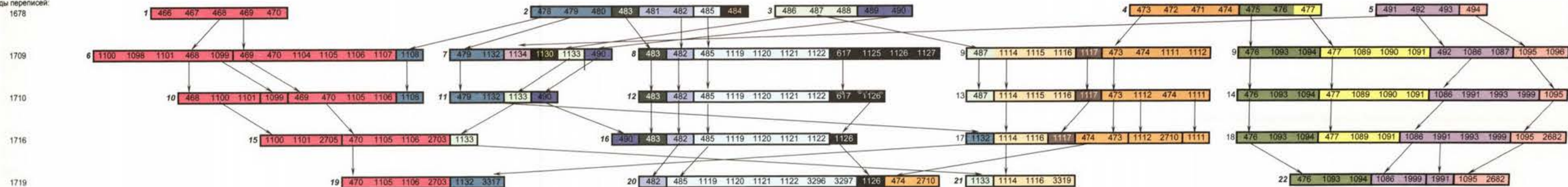
1716

1719

Патрилии:
112 (Харлампиевы/Харловы); 167; 170; 2665;
165; 168; 235; 2666;
166 (Летовы); 169; 236;

СХЕМА III ПЕЧЕНГСКИЙ СИЙИТ

Годы переписей:
1678

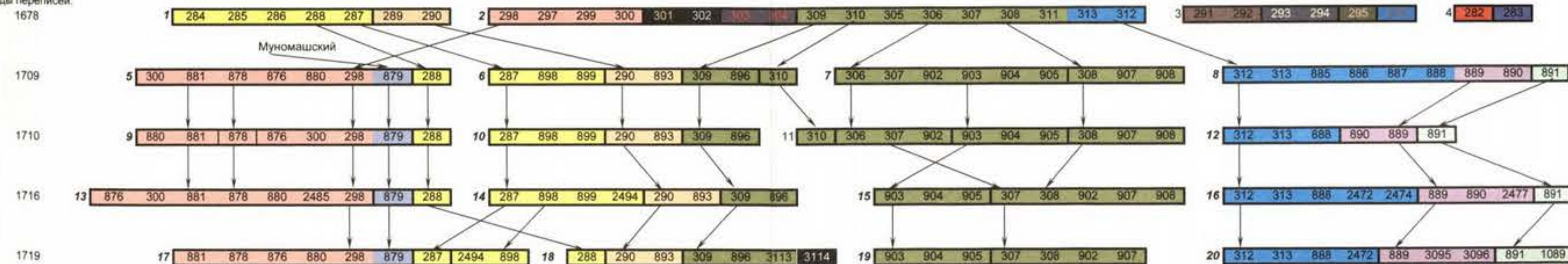
Патрилинии:

1 - 171;	1 - 174;	1 - 177;	1 - 180;	1 - 183;	1 - 231;
1 - 172(Караблевы);	1 - 175;	1 - 178;	1 - 181 (Караблевы);	1 - 184;	1130 - 1130.
1 - 173;	1 - 176;	1 - 179;	1117 - 182 (Караблев);	1 - 185;	

Комментарии.
Возможно, патрилии № 181 и 182 являются частями патрилии 172. Если это так, то можно считать вежи 9, 13 и 17 по преимуществу основаны на одной патрилии. Интересно, что в 1709 г. 1114-1116 зафиксированы как пасынки 487.

СХЕМА IV МОТОВСКИЙ СИЙИТ

Годы переписей:
1678

Патрилинии:

1 - 96;	1 - 99;	1 - 102;	1 - 105 (Чалпуров);	1 - 108;	1 - 111;
1 - 97 (Лавлуевы);	1 - 100;	1 - 103;	1 - 106;	1 - 109 (Семейкины)	1 - 174;
1 - 98;	1 - 101 (Рудышкины);	1 - 104;	1 - 107;	1 - 110;	

СХЕМА V СОНЬЯЛЬСКИЙ СИЙИТ

Годы переписей:
1678

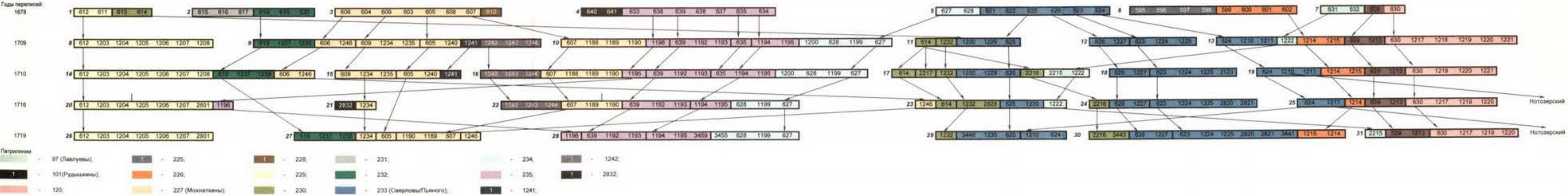

СХЕМА VI НОТОЗЕРСКИЙ СИЙИТ

Годы переписей:
1678

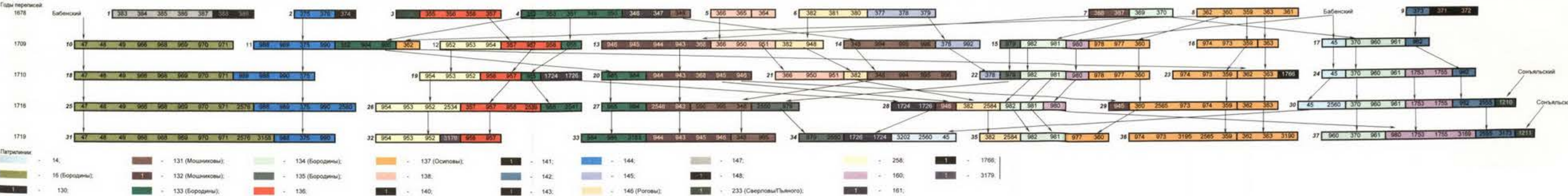
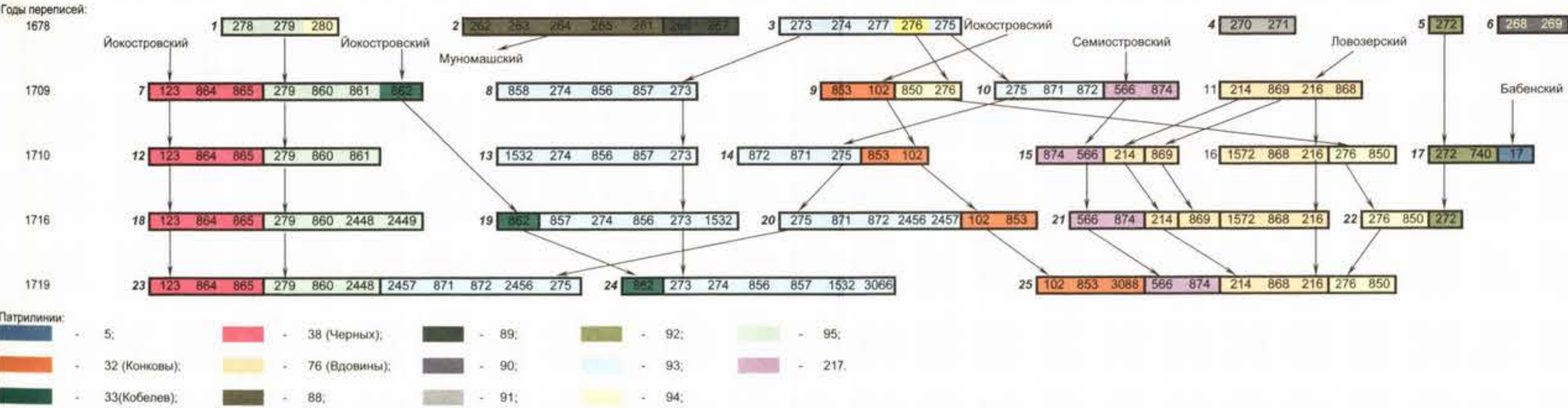

СХЕМА VII МАСЕЛЬГСКИЙ СИЙТ

Примечание.
276 - сын 280, однако он живет как племянник 279, а не с отцом, который сначала живет в семье жены как зять. Поэтому возможно, что патрилинии № 93 и 94 относятся к одной патрилинии.

СХЕМА VIII ЙОКОСТРОВСКИЙ СИЙТ

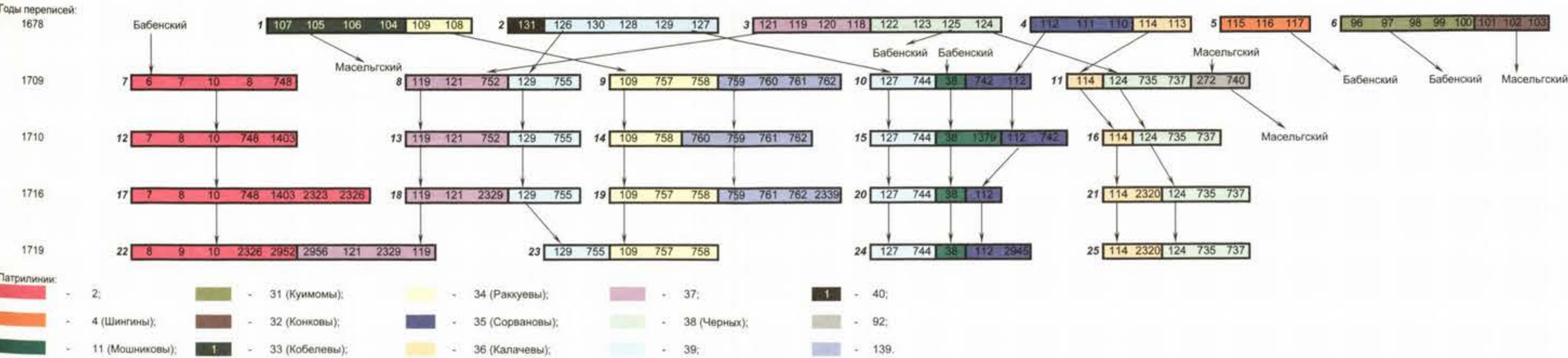

СХЕМА IX БАБЕНСКИЙ СИЙТ

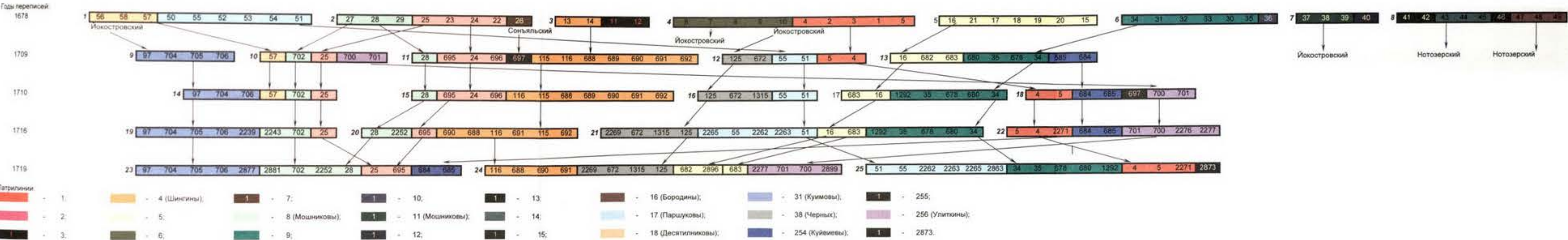
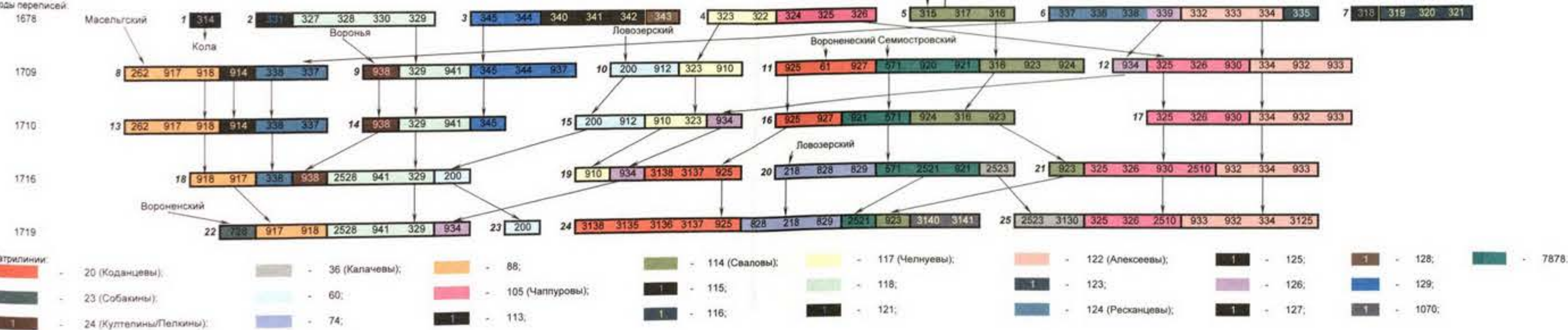

СХЕМА X МУНОМАШСКИЙ / КИЛЬДИНСКИЙ СИЙТ

Примечание: Кузьма Пашкарев (314) живет не в сийте (вежа 1), а в Коле. Кузьма Михайлов сын (315) с двумя сыновьями выходцы из Вороненского сийта просто "живут в погосте", а не вежой. Поэтому общее число веж - 7 отличается от статистического - 5.

СХЕМА XI
ВОРОНЕНСКИЙ СИЙТ

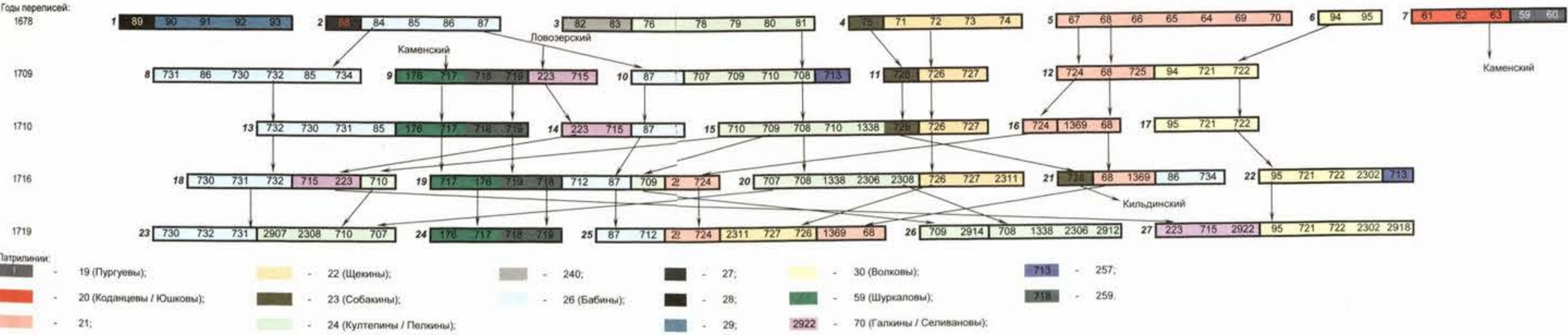

СХЕМА XII
ЛОВОЗЕРСКИЙ СИЙТ

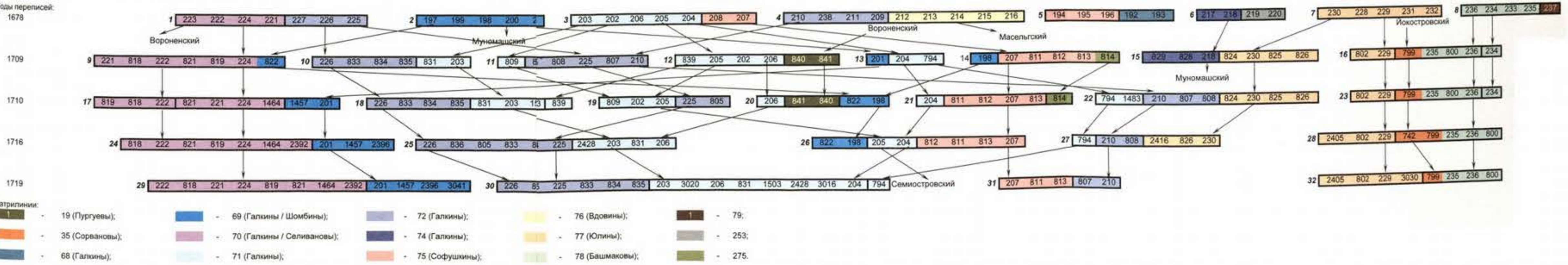
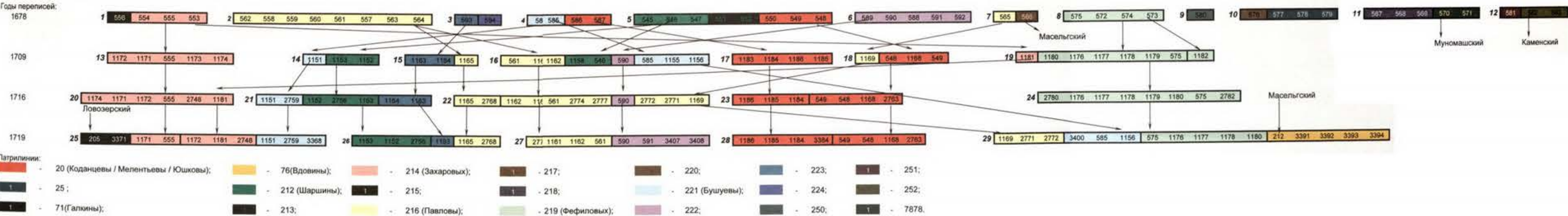

СХЕМА XIII СЕМИОСТРОВСКИЙ СИЙТ

Комментарии.
Патрилиния №20 (Коданцевы) разделилась. Потомки Мелентия Иванова сына (548) стали именоваться Мелентьевыми, а потомки его младше-брата Юрия (586) - Юшковыми.
Разные ветви патрилии №216 в 1719 г. пишутся Павловыми

СХЕМА XIV ЙОКАНЫГСКИЙ СИЙТ

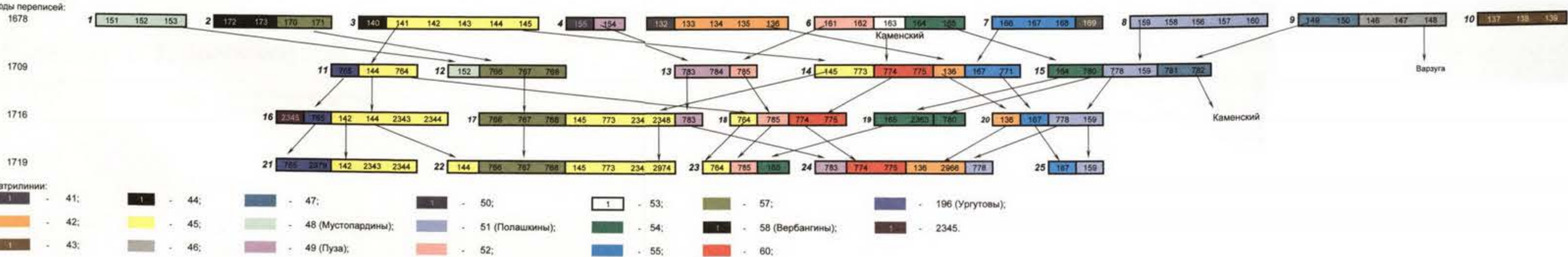

СХЕМА XV

Годы переписей:
1678

1709

1716

1719

Патрилинии:

- 73;
- 186;
- 1

 - 187;
- 188;
- 189;
- 190;
- 191;
- 192 (Старуновские);
- 1

 - 193 (Иккиевы);
- 194;
- 195;
- 196 (Ургутовы);
- 197;
- 198;
- 199 (Таницыны);
- 200;
- 201 (Златухины);
- 244 (Феклицыны);

ПУРНАЦКИЙ СИЙТ

СХЕМА XVI

Годы переписей:
1678

1709

1716

1719

Патрилинии:

- 80;
- 81;
- 82;
- 84 (Трясковы);
- 8484 (Трясковы);
- 85 (Сотниковы);
- 86;
- 87;
- 201 (Златухины);
- 213;
- 222.

ЛУНДАЛСКИЙ СИЙТ

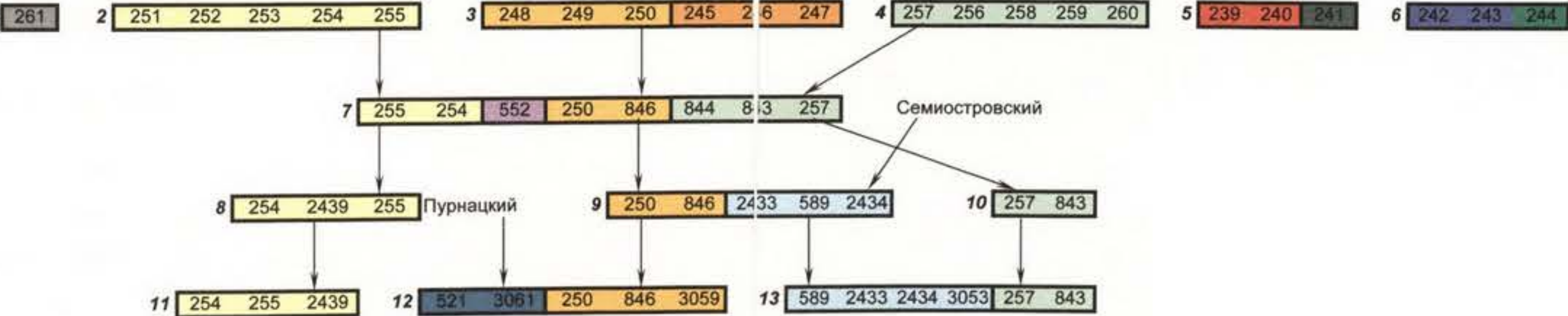

СХЕМА XVII ТУЛВАНСКИЙ СИЙТ

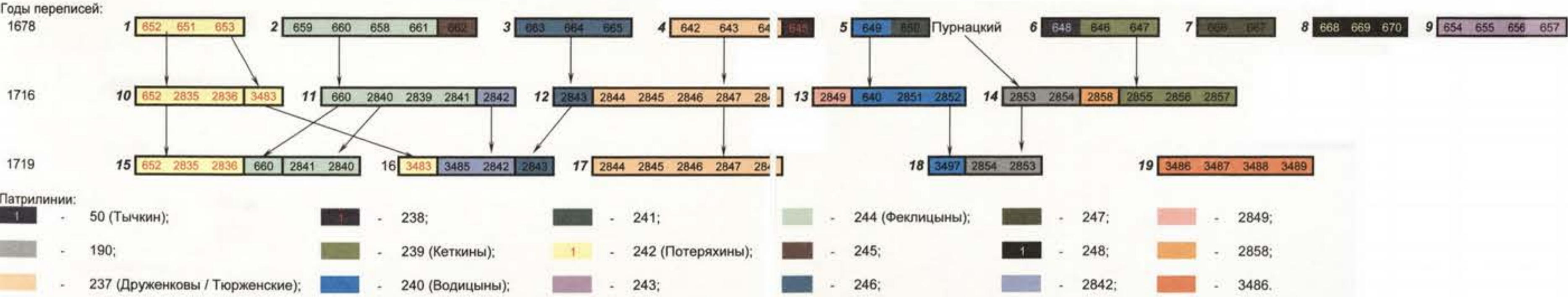

СХЕМА XVIII КАМЕНСКИЙ СИЙТ

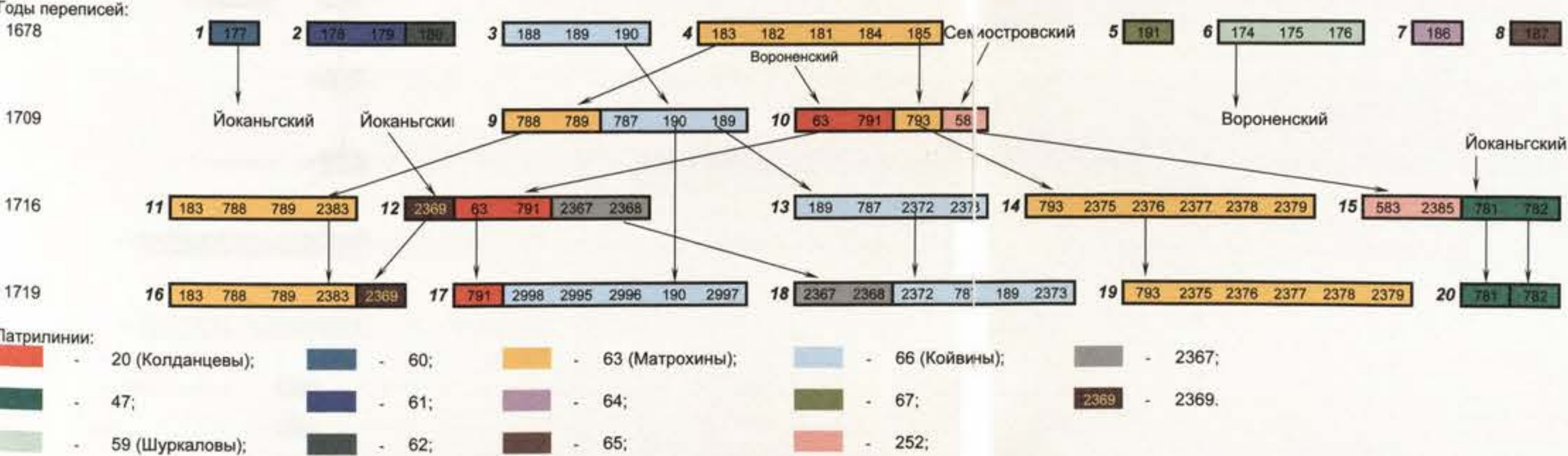

СХЕМА XIX СИЙТ ТИКШЕОЗЕРО

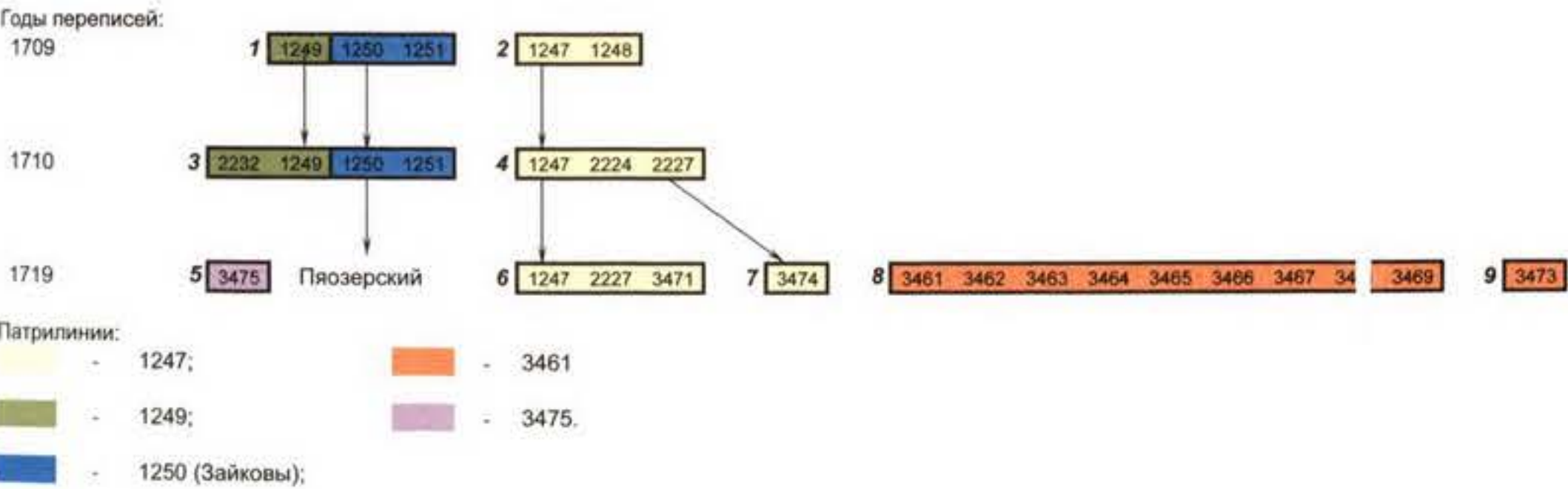

СХЕМА XX ПЯОЗЕРСКИЙ СИЙТ

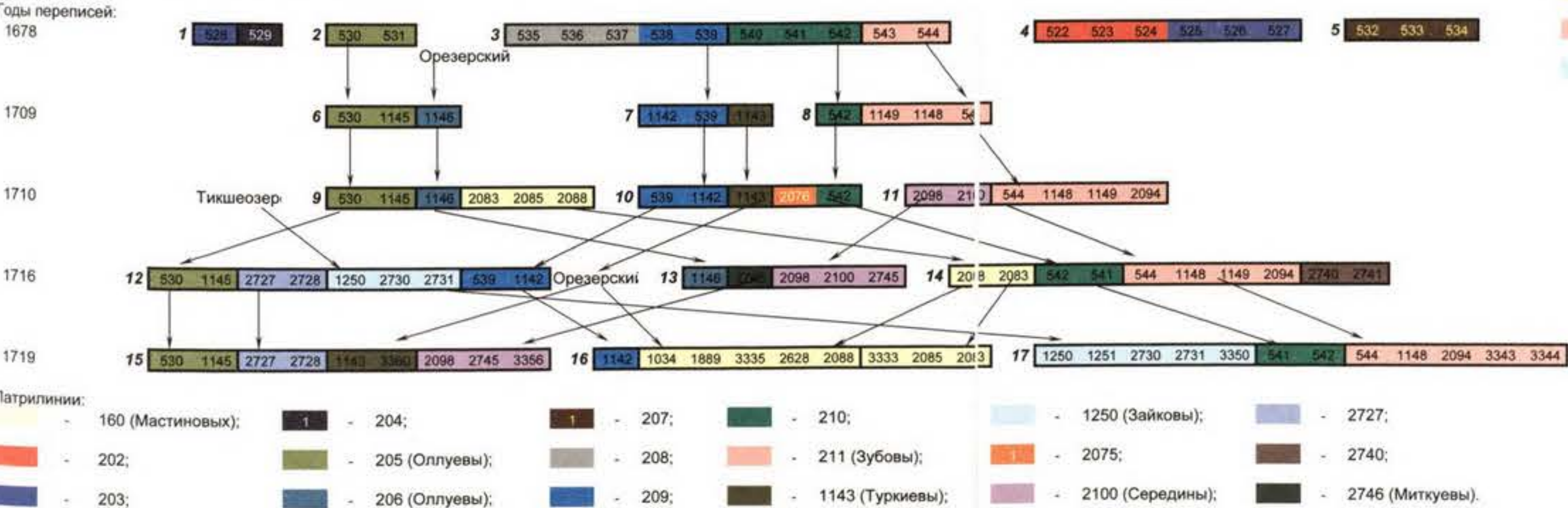
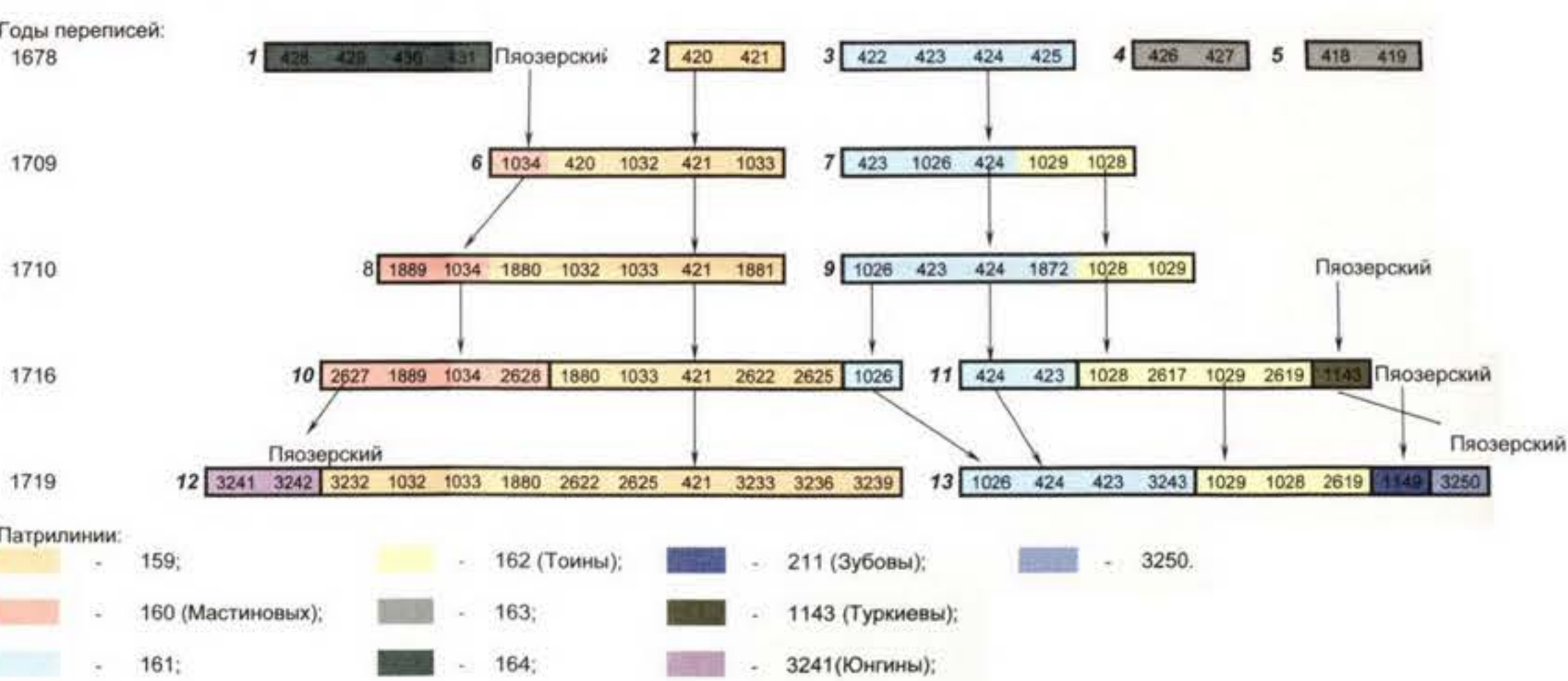

СХЕМА XXI ОРЕЗЕРСКИЙ СИЙТ

Стабильность состава веж

Комментарии о развитии состава сиййтов, приведенных в схемах I–XXI

Нявдемский сиййт

Очень высокая стабильность фактически на протяжении всех 40 лет.

Пазрецкий сиййт

С 1709 на 1710 – наблюдается перегруппировка. С 1710 г. устойчивая стабильность. Нестабильность вносят лишь представители патрилии №170.

Печенгский сиййт

В целом стабильный состав веж. Исключение – вежа 7 и 10, которая после 1710 г. распадается.

Мотовский сиййт

С 1709 г. высокая стабильность. Исключение – переход 310 из одной вежи в другую, а также «рокировка» разных представителей патрилии № 98.

Сонъяльский сиййт

Нестабильность веж. С 1709 г. можно говорить, о двух стабильных группах веж: I) 8–10, 14–16, 20–22, 26–28. Во всех вежах представители патрилии № 227 (Мохнаткины). II) 11–13, 17–19, 23–25, 29–31. Во всех вежах представители патрилии №233 (Сверловы/Пьяного). Исключение – 1242 в 1716 г. зафиксирован в веже 23.

Нотозерский сиййт

Общая нестабильность веж. С 1710 г. стабильность вежи 18, 25, 31. Почти стабильность веж 17, 24, 30, 37 и 12, 19, 26, 32. Вежа 16, 23, 29, 36 формируется почти только из представителей патрилии №137 (Осиповы), состав которых меняется и формирует СЕ по разному. Во всех остальных вежах присутствуют представители разных патрилий Бородиных.

Бабенский сиййт

Общая нестабильность. Стабильность наблюдается лишь между 1710 и 1716 г. Между 1709 и 1716 гг. стабильная вежа 11, 15, 20. Общая тенденция на объединение веж.

Йокостровский сиййт

Высокая стабильность веж на протяжении 1709–1719 гг. Все пять веж стабильны. В к 1719 г. Происходит из трех веж формируются две.

Масельгский сиййт

Общая нестабильность. Частичная стабильность наблюдается лишь у веж 7, 12, 18, 23 и 8, 13, 19, 24.

Муномашский / Кильдинский сиййт

В 1709–1710 высокая стабильность. Остальное время – полная нестабильность.

Ловозерский сиййт

Общая нестабильность. Полностью стабильной является только вежа 16, 23, 28, 32. Это – единственная вежа, в которой нет Галкиных. Во всех остальных вежах присутствуют представители разных патрилиний Галкиных. Частично стабильной является вежа 9, 17, 24, 29.

Вороненский сиййт

Полная нестабильность.

Семиостровский сиййт

Общая нестабильность. Относительная стабильность в вежах 1, 13, 19, 24; 7, 17, 22; 18, 23, 28. Каждая из них основана на представителях одной патрилинии.

Йоканьгский сиййт

Полная нестабильность.

Каменский сиййт

Стабильность веж условная, поскольку тенденция к неолокальности. В основе веж патрилинии Матрохиных и Койвиных.

Лундалский сиййт

Стабильность веж условная, поскольку наблюдается явная тенденция к неолокальности. В 1710 г. все в одной вежи. В общем стабильная вежа 2, 8, 11 – представители одной патрилинии №85 (Сотниковы).

Тулванский сиййт

Стабильность веж условная, поскольку наблюдается явная тенденция к неолокальности.

Пурнацкий сиййт

Общая стабильность из-за маленького количества веж (колебание 1-2 вежи).

Пяозерский сиййт

В целом стабильности не наблюдается.

Орезерский сиййт

Фактически полная стабильность в двух вежах. Исключение составляет 1026, который в 1716 г. зарегистрирован не в веже отца, а в соседней.

Сиййт Тикшеозеро

Полная стабильность. Это связано с незначительной численностью населения и появлением большой группы пришлых людей.

В результате этого анализа была составлена следующая таблица (Таблица 15). На основании этой таблицы была составлена Карта 9.

Таблица 15. Стабильность состава веж.

Сиййты	1	2	3	4
Нявдемский	+			
Пазрецкий		+		
Печенгский	+			
Мотовский	+			
Соньяльский			+	
Нотозерский			+	
Йокостровский	+			
Бабенский			+	+
Масельгский			+	
Муномашский/Кильдинский	+			+
Ловозерский			+	
Вороненский				+
Семиостровский			+	
Йоканьгский				+
Каменский		+		
Лундалский		+		
Тулванский		+		
Пурнацкий		+		
Пяозерский				+
Орезерский	+			
Тикшеозеро	+			

Значения колонок

1 – полная стабильность веж; 2 – частичная стабильность веж; 3 – частичная стабильность отдельных веж; 4 – полная нестабильность веж.

Приложение IV Генеалогии

В России давно начали организовывать подробные описания подданных и их занятий. Для этих целей специальные чиновники посылались во все концы страны и опрашивали местное население. Эти действия не обошло стороной и Кольский уезд.

Значительная часть информации в переписях, разумеется, посвящена аборигенам края – саами. Как бы не раздражали людей переписи, несшие с собой фискальный контроль, сегодня это – один из важнейших источников по истории конкретных людей, их семей, их быта и нравов. Наиболее реально это сделать для самой стабильной части населения – саами. В результате сопоставления и анализа переписей можно вывести генеалогические схемы населения. Конечно, нехватка информации о женщинах не позволяет во всей полноте воссоздать межличностные взаимосвязи. Тем не менее, анализ переписей позволяет нам узнать многое из семейной истории кольских аборигенов.

Ниже представлены несколько примеров реконструкции генеалогических схем. В них мы можем увидеть отражения простой жизни людей, являющихся предками ныне живущих саами.

Специфика переписей того времени не позволяет абсолютно точно датировать даты жизни людей. Схожесть формулировки (например: «между 1719 и 1744») означает, что о дате события мы можем сказать лишь то, что произошло между этими двумя переписями. Последняя перепись, которую нам удалось проработать является ревизия 1763 г. Поэтому дата кончины, тех людей, которые упомянуты в ней в живых значатся «после 1763». Синим цветом обозначены люди, чье присутствие в двух разных схемах играет важную роль в истории обеих семей. В переписях встречается информация о происхождении некоторых женщинах. Эти сведения были включены в схемы и представлены словами «(из ... погоста)».

Комментарии

Кобелевы

Основателем фамилии можно считать Филиппа Лукича. Его отец – Лука Игнатьевич жил с женой в семье тестя Герасима Савельевича и его сыновей в Йокостровском погосте. Это положение было зафиксировано в 1678 г. В 1690-е гг. по поселениям саами Кольского полуострова и Финляндии прокатилась эпидемия, унесшая много жизней. От нее сильно пострадал и Йокостровский погост. Вся семья

Герасима Савельевича умерла. Остался только годовалый внук – Филипп. Некоторых выживших детей взяли к себе саами Масельгского (Пулозерского) погоста. Филипп все детство жил в одной семье как «приимыш» и «работник». Затем, примерно в 30 лет он женился на Марине Максимовне Башмаковой (Голыт) из Ловозерского погоста. Она родила ему четверых сыновей. Именно они и стали называться Кобелевыми начиная с 1673 г.

Башмаковы

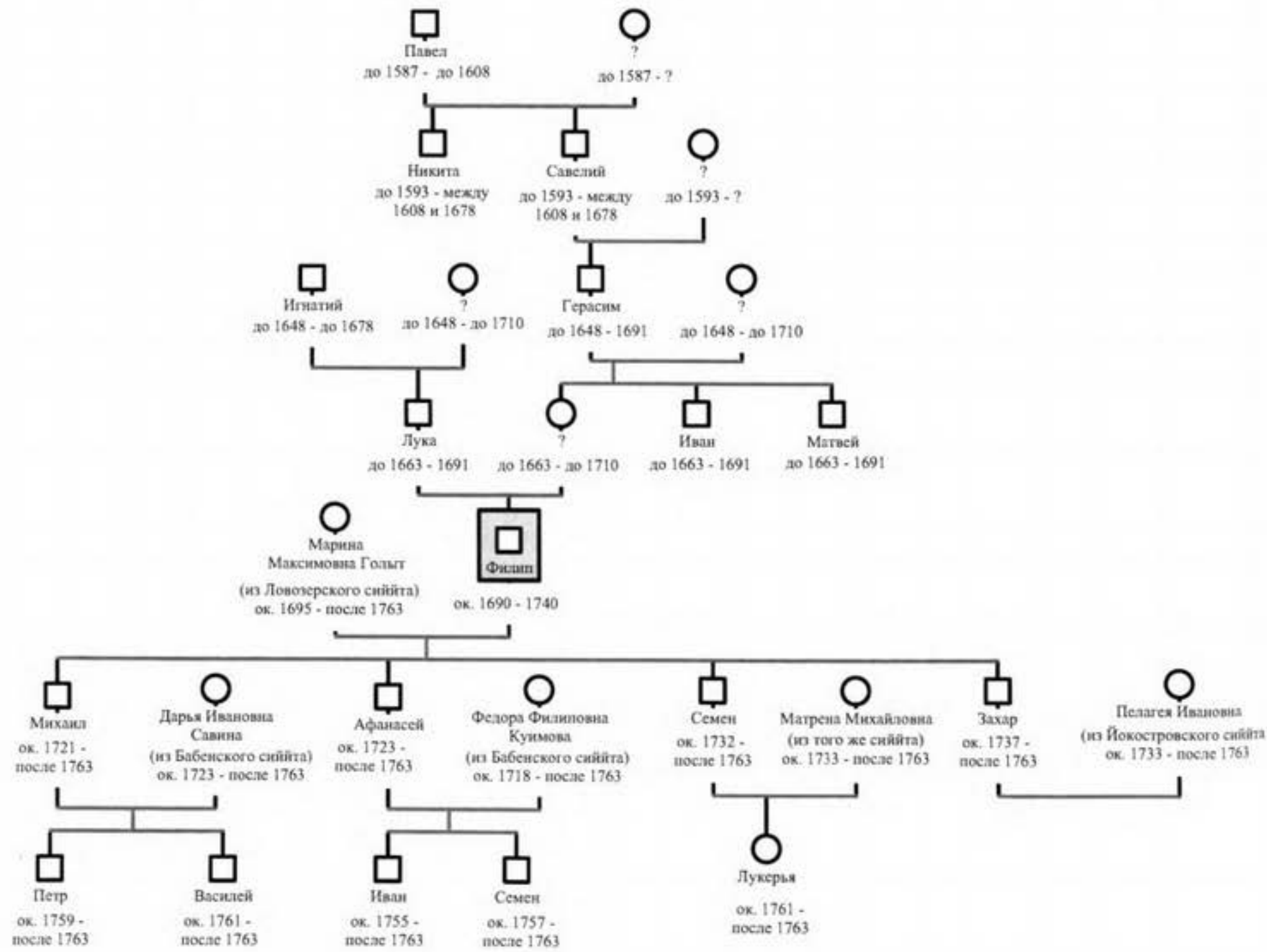
Первым, кто был записан Башмаковым являлся Созон Ефимович. Его отец – Ефим Тимофеевич упоминается в переписи 1607–1611 гг. как член того же, Ловозерского погоста. Его внучка Марина Максимовна вышла замуж в Масельгский (Пулозерский) погост за Филиппа Лукича, и их дети стали первыми Кобелевыми. Другой его внук Василий Максимович женился на Федосье Яковлевне – вдове Федора Васильевича Сорванова и усыновил ее детей от первого брака – Семена и Ивана Сорвановых из Йокостровского погоста. После смерти Василия Максимовича она снова вышла замуж, и в 1763 г. уже в очень преклонном возрасте значится вдовой Фомы Осиповича Черных в Йокостровском погосте. Сам Фома Осипович родился и провел, по меньшей мере, полжизни в Бабенском погосте.

Сорвановы

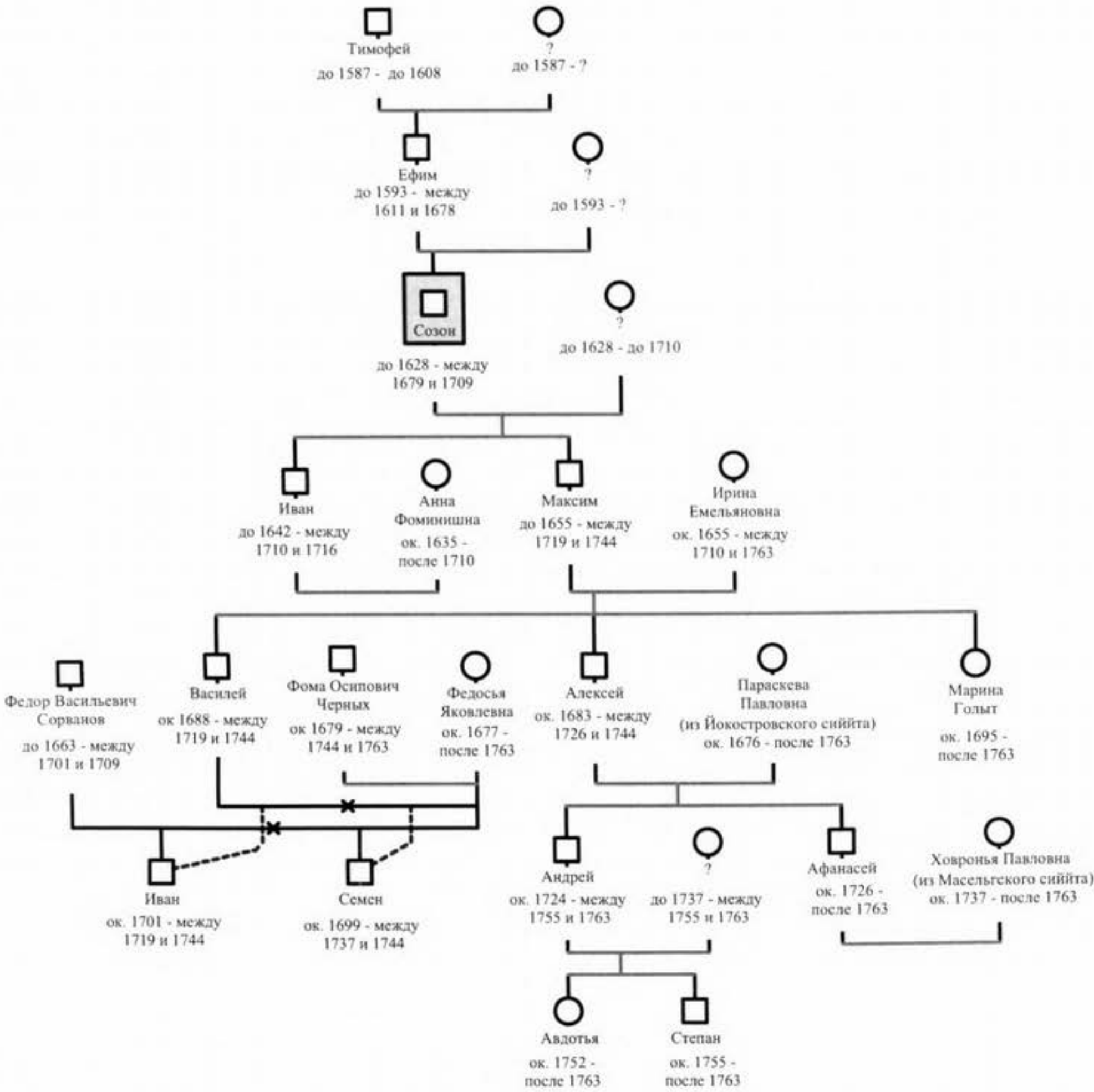
Основателем фамилии является Василий Григорьевич, по прозвищу Сорван, проживавший он в Йокостровском погосте. От этого прозвища все его потомки и стали так называться. После смерти его сына Федора (между 1701 и 1709 гг.), вдовая невестка Федосья Яковлевна снова вышла замуж в Ловозерский погост и взяла с собой младшего сына Ивана, которого усыновил ее новый муж – Василий Максимович. Старший их сын Семен первое время оставался в родном погосте и жил у дяди Ивана Васильевича. Затем, между 1710 и 1716 он также переселяется в Ловозерский погост и становится пасынком нового мужа матери. При этом братья сохранили свои фамилии и продолжали писаться Сорвановыми. Иван умер бездетным, а Семен оставил после себя двоих сыновей, которые положили начало ловозерским Сорвановым. Другой сын Василия Григорьевича Сорвана – женился на Федосье Матвеевне. Она родила ему трех дочерей и умерла. Вторая его жена дала ему трех сыновей и пережила его. Представители этой линии фамилии продолжали жить в Йокостровском погосте.

Кобелевы

Башмаковы

Максим Геннадьевич Кучинский родился в 1972 году. В 1995 году окончил исторический факультет Московского государственного педагогического университета. Тема диплома: «Восточные саами по русским актовым материалам к. XV–н. XVIII вв.». В 2007 году защитил диссертацию кандидата исторических наук в Институте этнологии и антропологии РАН на тему «Социальная организация саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв. Источники и методы реконструкции». В работе М.Г. Кучинского переплетаются научные интересы и общественная деятельность. В качестве эксперта он сотрудничает с НПО коренных народов и экологическими НПО. М.Г. Кучинский опубликовал ряд статей, посвященных как истории саами, так и современным проблемам саами и других коренных народов России, а также некоторым теоретическим вопросам социальной антропологии.

Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках

Модель социальной структуры

Данная монография является расширенным изложением кандидатской диссертации, защищенной в 2007 году. Основная тема книги — реконструкция социальной структуры саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках. Для решения поставленной задачи автором был использован системный анализ.

Многие архивные материалы, касающиеся саами Кольского уезда, впервые вводятся в научный оборот. Автор предлагает оригинальную методику анализа собранного материала, основанную на междисциплинарном подходе и применении современных информационных технологий.

Специфика подхода М.Г. Кучинского состоит и в том, что в основе исследования лежит история конкретных людей. В результате, эта книга рассказывает не только об абстрактных социальных структурах, но и о прямых предках современных саами.

Hábmen | Design: **natdesign**
Dingon | To order: **www.samiskhs.no**

ISSN 0332-7779
ISBN 978-82-7367-017-5